Федеральная целевая программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 годы»

Н.Н. Крадин

Империя Хунну

Издание 2-е, переработанное и дополненное

Москва • «Логос» • 2001

Крадин Н.Н.

K78 Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Логос, 2001.-312с.

ISBN 5-94010-124-0

Книга представляет собой значительно переработанное издание монографии 1996 г, посвященной первой кочевой империи в истории Центральной Азии Империи Хунну (209 г до н. э. -48 г н. э.) Как и почему хунну (азиатские гунны) создали могущественную державу, приводившую в ужас соседние народы⁹ что толкало их на завоевания и походы⁹ в чем особенности их общественного устройства⁹ почему Хуннская держава так же стремительно распалась, как и возникла⁹ - все эти вопросы рассматриваются в монографии Видное место отведено изложению общетеоретических проблем истории кочевого мира и происхождения архаической государственности, специфике историко-антропологического прочтения летописных источников, методике компьютерного анализа археологического материала, методам экологических, экономических, демографических и социальных реконструкций в археологии

Книга предназначена для историков, археологов и этнологов-антропологов. Благодаря ясному языку и увлекательному стилю изложения она привлечет внимание широких кругов читателей, а также всех, интересующихся историей древних цивилизаций

ББК 63 3(5)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки»

ISBN 5-94010-124-0

© Центр «Интеграция», 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию	5
Введение	
Глава 1. Образование Хуннской державы	30
Ранние хунну	30
Предпосылки образования кочевой империи	32
Модэ и легенда о его воцарении	47
Становление империальной организации	55
Глава 2. Экономическая организация	65
Кочевое скотоводство	65
Численность номадов	71
Оседлое население	79
Иволгинское городище: палеоэкономическая модель	86
Глава 3. Хунну и Великая стена	
Кочевники и оседлый мир	95
Пограничная стратегия Хунну	104
Набеги, «подарки» и торговля: 200–133	
Пограничные доктрины Китая	
Великое противостояние: 129–58	
Хуханье-шаньюй и его наследие: BC 56-9 AD	125
Кризис Хань и возобновление набегов: 9–48	
Выводы	131
Глава 4. Общественная пирамида	138
Шаньюй	138
Высшая аристократия	143
Племенные вожди и старейшины	
Служилая знать	
Вожди зависимых племен	
Простые кочевники	
Зависимые категории скотоводов	
Иноэтничное население и рабы	
<u>.</u>	

Археологические данные о социальной структуре	171
Выводы	179
Глава 5. Структура власти	182
Пути к власти: шелк и война	182
Баланс власти: имперский порядок и племена	192
Глава 6. Политическая система	201
Держава Модэ	201
От империи к конфедерации	216
Север и Юг	224
Выводы	232
Заключение	234
Источники и литература	255
Summary	

Светлой памяти моих деда и бабушки жителей Бурятии, Березовских Петра Спиридоновича и Улиты Филиппьевны посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Хунну (сюнну, азиатские гунны) — кочевой скотоводческий народ, обитавший в степях Центральной Азии в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. На рубеже III—II вв. до н.э. они создали первую центральноазиатскую кочевую империю, которая объединила многие этносы Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Хунну сформировали оригинальное культурное пространство, в пределах которого сложился особый образ жизни, послуживший идеалом для многих соседних народов и оказавший весомое влияние на их культуру и историю. Многие ученые прослеживают преемственность между Хуннской державой и более поздними степными империями и не без оснований находят многочисленные аналогии в хозяйстве, социально-политическом устройстве и культуре хунну, тюрков и монголов.

В течение 250 лет продолжалось драматическое противостояние между хунну и южным соседом — Ханьским Китаем. Несмотря на то, что ханьцев было в несколько десятков раз больше, чем номадов, хунну удалось остановить циньскую и ханьскую агрессии на север и заставить китайцев выплачивать под видом «подарков» крупные платежи шелком, изделиями ремесла и продуктами оседлого сельского хозяйства.

В конце I в. н.э. хуннская эра в Центральной Азии закончилась, но с этого времени начался новый этап их истории: гуннская инвазия в Европу и их опустошительные завоевания в Старом Свете. И хотя вопрос о прямой связи азиатских хунну (сюнну) и

европейских гуннов до настоящего времени остается дискуссионным, едва ли кто из сторонников различных точек зрения сомневается в том, что именно азиатские номады дали первотолчок Великому переселению народов. Все это определяет важность гуннской (хуннской) проблематики для мировой науки.

Первый вариант книги был написан к хуннскому археологическому конгрессу 1996 г. в Улан-Удэ, там же был практически раскуплен весь ее небольшой тираж. Тем не менее необходимость в подобной работе существует. Именно это обстоятельство побудило меня взяться за переработку первоначального текста. В результате книга была основательно расширена и переделана, в тексте были исправлены некоторые фактические ошибки первого издания.

Основной целью монографии является исследование общественного строя хунну в сравнительно-историческом аспекте. В ней делается попытка рассмотреть Хуннскую державу как кочевую империю. Были поставлены следующие задачи: (1) рассмотреть предпосылки возникновения Хуннской империи и реальный «базис» ее столь длительного существования; (2) разобрать хунно-китайские отношения и оценить место хуннского общества в региональной макроэкономической системе; (3) дать анализ социальной структуры хунну; (4) проанализировать характер отношений власти в хуннском обществе; (5) дать характеристику административно-политической системы Хуннской империи и выявить ее динамику; (6) выявить причины кризисов и гибели империи Хунну; (7) определить особенности общественного строя Хуннской державы в сравнительно-историческом аспекте.

Такая постановка проблемы потребовала рассмотреть историю хуннского общества через призму более общих закономерностей социальной эволюции кочевников-скотоводов евразийских степей. Вследствие этого в монографии много внимания уделено теоретическим вопросам.

В работе использованы две категории источников, освещающие различные стороны истории хунну: письменные и археологические. Поскольку хунну не имели своей письменности, главным источником хуннской истории являются китайские исторические **хроники.** В ряде их имеются специальные разделы, посвященные хунну: знаменитое сочинение Сыма Цяня «Ши цзи» («Исторические записки»): цзюань (глава) ПО, а также произведения историков Бань Гу «Хань шу» («История династии Хань») цзюань 94а, 946 и Фань Е «Хоу Хань шу» («История Поздней династии Хань») цзюань 79. Это основные и, к сожалению, практически единственные

источники для реконструкции структуры общества и власти в хуннском обществе.

В работе использованы как оригинальные тексты, цитируемые по сборнику *«Лидай гэцзу чжуаньцзи хуйбянь** (Собрание сведений о народах различных исторических эпох) [Лидай 1958; см. также: Сюнну 1961], в котором данные источники собраны вместе, так и в переводах различных отечественных и зарубежных ориенталистов, привлекаемых для сравнения и интерпретации текста [Бичу-рин 1950a (1851); Wylie 1874; 1875; Панов 1916; de Groot 1921; Кюнер 1961; Watson 1961; Материалы 1968; 1973; 1989]. Поскольку в синологии отсутствует универсальная система ссылок на источники, подобно той, которая распространена в антиковедении, для удобства чтения параллельно, по мере возможности, я буду ссылаться на соответствующие русскоязычные переводы древнекитайских источников.

Кроме перечисленных выше разделов китайских хроник, в других главах данных сочинений также имеется определенная информация по истории хунну. В частности, В.С. Таскин и Р.В. Вяткин существенно дополнили перечень источников переводами фрагментов из «Ши цзи» и «Хань шу». В.С. Таскин перевел фрагменты из 81, 93, 99, 109, 111, 112 цзюаней «Ши цзи» и из 52, 54, 70, 96а цзюаней «Хань шу», содержащих новую важную информацию об истории хунну в имперское и постимперское время [Материалы 1968: 63–116; 1973: 100–134; Материалы 1984]. Часть этой информации была переведена на английский язык Б. Уотсоном [Watson 1969; 1974]. Р.В. Вяткин в процессе работы над «Ши цзи» перевел 10, 19 и 30 цзюани, дополнительно раскрывающие характер хунно-ханьских отношений [Сыма Цянь 1972; 1975; 1984; 1986; 1987; 1992].

Наличие выше цитированных переводов, снабженных подробными глубокими комментариями, дает возможность приступить к более тщательному анализу и интерпретации тех или иных тем, затронутых китайскими летописцами в своих текстах. Вне всякого сомнения, «хуннская проблема» для китайских хронистов была наиболее актуальна.

Поскольку практически все нарративные источники по социальной истории хуннского общества уже введены в научный оборот, имеющаяся в них прямая или явная информация давно известна специалистам по истории Центральной Азии. Однако развитие исторического знания может происходить не только посредством введения в научный оборот новых источников, но и

путем использования более совершенных методик, увеличивающих информативную отдачу уже известных письменных памятников. По этой причине прогресс в изучении хуннского общества возможен посредством выявления в уже известных источниках скрытой структурной информации. Можно наметить основные принципы, которые применялись в ходе работы над интерпретацией текстов.

(1) Необходимо учитывать методологическую направленность китайских текстов и преобладание в описании соседей стереотипных характеристик. Совершенно очевидно, что для древнекитайских хронистов значение истории было более важным, чем для современных исследователей. Помимо попытки описать (любое описание субъективно) и оценить (социальный заказ существовал всегда) исторические события, китайские авторы особенное внимание всегда уделяли дидактическому компоненту своих сочинений. Это превращало одно из обычных составляющих исторического повествования (назидательный уклон) в самоцель. Тем самым «история становилась надежным инструментом для воспевания всего достойного подражания и осуждения всего недостойного» [Васильев 1995: 7].

Соответственно интерпретация определенных событий, а также описание соседних с китайцами народов производились под определенным утлом зрения.

Китай представлялся ханьцам «Срединным государством», центром мироздания, окруженным со всех сторон варварскими народами [Кроль 1973: 13–27; Kroll 1996: 77]. Недобродетельные кочевники, не обладающие добродетельными качествами благородного человека (цзюньцзы), это силы Тьмы — инь. В китайской астрологической системе им даже была отведена планета Меркурий (чэнь-син), которая ассоциировалась с севером, зимой, с военными действиями [Сыма Цянь 1975: 284 прим. 132]. Номады обладают «сердцем диких птиц и зверей», — предупреждал императора У-ди один из крупных чиновников государства Хань Аньго [Материалы 1968: 73]. Поэтому не удивительно, что в описаниях древнекитайских хронистов хунну предстают неотесанными и жадными варварами, имеющими «лицо человека и сердце дикого зверя». «У племени сюньюй нет почитания старших, у них дикое сердце» [Сыма Цянь 1992: 277].

С точки зрения летописца, номады как бы воплощают в себе комплекс всех возможных и невозможных человеческих пороков: они не имеют оседлости и домов, письменности и системы летоисчисления

(а значит и истории!), земледелия и ремесла. Они едят сырое мясо и с пренебрежением относятся к старикам, не заплетают волосы по китайскому обычаю и запахивают халаты на противоположную сторону. Наконец, они женятся даже на своих собственных матерях (!) и вдовах братьев. Ну как можно относиться с уважением к такому народу?!

Интересно, что такая характеристика древних номадов мало чем отличается от описания народов кочевников более позднего времени. Характеризуя последних, китайские историки не скупятся на отрицательные эпитеты: не имеют постоянного места жительства, злы, глупы, склонны к насилию и грабежам, алчны, хитры, беспринципны, лживы и пр. [Хафизова 1995: 55–57]. У тюрок, например, «мало честности и стыда; не знают ни приличия, ни справедливости, подобно древним хуннам» [Бичурин 1950a: 229].

Из перечисленных выше стереотипных оценок вырисовывается типичный образ северного «варвара», который, однако, далеко не соответствует реальной действительности. Можно привести, возможно, ставший уже хрестоматийным пример из истории хунну: китайские хронисты постоянно подчеркивают, что номады «не имеют оседлости», тогда как при внимательном чтении тех же самых источников выясняется, что в Хуннской империи существовали и укрепленные валами населенные пункты, и категории лиц, занимавшихся земледелием и ремеслом [Давыдова, Шилов 1953; Рижский 1959: 131; Давыдова 1965; 1978; 1985: 68; 1995: 43; Коновалов 1976: 210; Кызласов 1984: 21–23; Данилов 1996; и др.]. Наличие поселений и городищ у хунну, земледельческого и ремесленного укладов подтверждаются данными археологических исследований.

Отчасти такая направленность древнекитайских текстов может быть объяснима милитаристским характером внешней политики кочевых обществ. Но китайская ксенофобия распространялась не только на кочевников. Китайцы отрицательно отзывались и о земледельческих народах Средней Азии, и о русских, и о англичанах. Чаще всего подчеркивалось коварство и двуличность иноземцев [Хафизова 1995: 60].

Данный вывод справедлив не только в отношении китайских летописей. Конфуцианский призыв видеть в номадах «диких зверей» очень похож на совет Аристотеля Александру Македонскому: подходить к эллинам как к родным и близким людям, тогда как в варварах видеть лишь животных [Крюков и др. 1983: 347–348]. Поэтому столь же осторожно следует относиться к оценкам античных

авторов. Аммиан Марцеллин [XXXI, 2, 10], например, характеризует европейских гуннов как банду разбойников, не имеющих крепкой государственной власти: «Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы с кибитками, в которых проводят жизнь».

Между тем, внимательное чтение тех же источников и современные исследования показывают, что гуннское общество представляло собой империю, разделенную на три «улуса». Гунны имели мощную, хорошо вооруженную армию, умели брать приступом города, их правители вели дипломатические отношения с соседними странами, разработали хитроумную политику чередования набегов и вымогания даров, подобную внешнеполитической стратегии их далеких азиатских предков. Ставка гуннов представляла собой настоящий город [Вернадский 1996: 154–163; Maenchen-Helfen 1973: 190-199, 270-274].

Еще один характерный пример китайского видения культуры номадов: постоянное подчеркивание того, что хунну «плохо относятся к отцам» [Лидай 1958: 30; Кюнер 1961: 312; Материалы 1968: 45; Сыма Цянь 1992: 272]. По всей видимости, здесь присутствует едва ли не в чистом виде конфуцианское видение вопроса: поскольку номады — это недобродетельные варвары, то, следовательно, и к старшим они должны относиться не так, как добропорядочные конфуцианцы. В то же время любому исследователю, хотя бы поверхностно знакомому с этнографией скотоводческих народов, хорошо известно, какое значение в жизни кочевников имеет почитание старших родственников.

Правда, есть не меньший соблазн видеть в этой фразе не только (и не столько) конфуцианскую позицию китайских хронистов, но и специфическое отношение к собственной жизни воина-степняка, для которого смерть в бою считалась более почетной, чем спокойная старость в окружении детей и внуков.

«Как мирный образ жизни приятен людям спокойным и тихим, – писал об аланах Аммиан Марцеллин, – так им доставляют удовольствие опасности и войны. У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков или трусов» [XXXI, 2, 22].

Данная воинственная идеология всадничества нашла отражение даже в более позднее время, например, в нартском эпосе [Цюме-зиль 1990: 199–204; ср. рассказ Чжунхана Юэ: Лидай 1958: 30; Кюнер 1961: 312; Материалы 1968: 46]. Но это совсем не значит,

что сыновья плохо относились к родителям. Скорее наоборот, в силу преобладания клановой патронимической организации старшие родственники пользовались почетом, уважением и определенными привилегиями.

- (2) В ряде случаев необходима внутренняя критика источников. Так, например, все китайские хронисты отмечают, что все хунны питаются только мясом домашних животных [Лидай 1958: 3; Материалы 1968:34]. Между тем хорошо известно, что основная пища кочевников молочные продукты животноводства. Основная часть номадов питалась мясом только по праздникам, осенью при забое скота, при гибели животных, а также в случае посещения их кочевий гостями. Всякий приезд издалека любого чужака, тем более китайца, воспринимался как неординарное событие. Обычай гостеприимства строго предписывал накормить чужеземца мясом баранины. Не удивительно, что у китайцев сложилось представление, что кочевники употребляют в пищу исключительно мясо своих животных.
- (3) Для китайских хронистов характерно определенное искажение описываемых событий. Любое посольство, прибывшее в Китай, трактуется в источниках как принятие вассалитета от империи, в летописях явно преувеличивается облагораживающее влияние китайской цивилизации на грубых, неотесанных варваров, их желание заимствовать конфуцианские ценности. Любые подарки (а ведь речь идет об архаических обществах, в которых доминировали ценности не рыночной, но «престижной» экономики) интерпретировались китайскими хронистами как дань. Более того, иногда они намеренно стирали грань между данью и иными формами политико-экономических отношений. В их интерпретации «данью»предстают и торговые поставки номадов на китайские рынки, пошлины за переход границы и т.д. [Yang 1968: 31–34; Хафизова 1995:140].

Это относится и к описаниям военных столкновений с номадами, в которых с большой неохотой приводятся потери ханьских армий и в то же время несколько преувеличиваются любые победы. Правда, не исключено, что цифрам военных достижений ханьцев можно верить, так как за соответствующие «приписки» военачальники могли быть сурово наказаны [Сыма Цянь 1984: 658–659].

(4) Социальная структура хунну отражена в китайских терминах. Так, например, к правителям уделов Хуннской державы использован китайский термин вон («князь»). В.А. Панов считает, что это дело рук Сыма Цяня, который ввел понятие князь, поясняя

тем самым, что речь вдет о правителе во многом самостоятельного удела. Свою аргументацию Панов основывает на аналогии с древнетюркской титулатурой. В *«Тан шу»* [Бичурин 1950а: 273] упоминается, что знаменитый Кюльтегин имел титул «восточного чжуки-князя» (эта традиция, видимо, досталась от хуннов), хотя на тюркском (об этом имеется соответствующая запись в рунах) данный титул назывался *туг* («знамённый», от тюрк, *туг* — «знамя»). Приставка *ван* была добавлена китайцами для большей солидности [Панов 1918: 32-34].

Помимо этого, китайские термины использовались для описания хуннских «функционеров» более низкого ранга. Так, под 59 г. до н.э. в «Хань шу упоминается должность чэнсяна. В.С. Таскин указывает, что в китайской бюрократической терминологии данный термин обозначает главного помощника императора [Материалы 1973: 140 прим. 37]. В то же самое время очевидно, что у хунну не было ни императора, ни аналогичного номенклатурного чина. По всей видимости, при описании политической жизни номадов так же следует относиться и к использованию таких специальных должностей, как «правитель дел» (по Н.Я. Бичурину [1950a: 76]) или «старший делопроизводитель ставки» (по В.С. Таскину [Материалы 1973: 21]), в оригинале чанши — «старший историк» [Лидай 1958: 191], а также «чиновник» (по Н.Я. Бичурину — «церемониймейстер» [1950a: 68], отвечающий за прием иностранных послов [Лидай 1958: 46–47; Материалы 1968: 56].

Данное явление не уникально. Средневековые европейские путешественники (Марко Поло, Плано Карпини, Рубрук и др.) описывали монгольское общество в привычных для них понятиях: «император», «бароны», «рыцари», «чиновники». Нечто подобное можно встретить в описаниях европейцами архаических народов Америки, Африки и Океании. Свидетельства европейцев пестрят такими терминами, как «короли», «феодалы», «сеньоры» и т.д., тогда как исследования этнографов-антропологов нашего времени убедительно показали, что социальное устройство данных народов к европейскому феодализму не имеет никакого отношения. По этой причине необходимо критически воспринимать специальную терминологию, обозначающую те или иные категории лиц в хунн-ском обществе. Можно только согласиться с мнением Г.Е. Маркова, отметившего, что нередко используемые авторами древних и средневековых хроник знакомые термины при перенесении их на описание кочевой среды только вводили исследователей последующих поколений в заблуждение [1976: 44].

С данной точки зрения, например, не столь принципиально, в каких терминах переводить названия титулов хуннской элиты (да чэнь) из знаменитого описания политической системы хунну из 110 цзюаня «Ши Цзт, как «старейшин» [Бичурин 1950а: 49], как «сановников» [Таскин 1984: 33], как «начальников» [Материалы 1968: 40] или просто как «лидеров» (leaders) [Watson 1961: 163]. Более существенным представляется выявление функций и статуса данных лиц в исследуемом обществе.

(5) В текст китайских летописей оказались включенными сюжеты эпоса, записанные китайскими летописцами со слов их информантов. Это предполагает необходимость соответствующей критической переоценки данной информации. Судя по всему, для Сыма Цяня не было характерно критическо-рациональное отношение к собственным источникам информации, то, что в нынешней исторической науке принято называть источниковедческой критикой.

«В отборе фактов он без колебаний следовал уже сложившейся традиции, суть которой сводилась не столько к стремлению точно рассказать, как все было, сколько к тому, чтобы дать понять читателю, как все должно было быть» [Васильев 1995: 37].

По этой причине все включенные в китайские династийные сочинения о народах Центральной Азии генеалогические сюжеты (легенды о происхождении тюрок и уйгуров, легенды о чудесном происхождении правителя (Таньшихуай, Абаоцзи, Чингисхан) и т.д.) необходимо воспринимать как произведения эпоса, но не как исторические тексты. Данная проблема, судя по всему, имеет более широкий контекст. Во всяком случае, можно привести немалое количество древних европейских источников, в которые были включены элементы эпической традиции кочевников. Такие вставки отмечены, например, у Прокопия Кесарийского [1993:188, 503 прим. 42] в «Войне с вандалами» (кн. I, IV, 29–35).

При исследовании этих сюжетов необходимо иметь в виду следующие обстоятельства.

- 1. Данные произведения не являются собственно историческими источниками. Они не могут использоваться для восстановления картины исторических событий [Пропп 1976 и др.].
  - 2. Для их изучения необходимо пользоваться специальными методами фольклористики.
- 3. Эти произведения необходимо рассматривать как важный источник по этногенезу и истории культуры и идеологии.

Вторую группу составляют археологические источники. Основные памятники хуннской эпохи находятся на территории Монголии, а

также в Северном Китае и на территории Российской Федерации. Первые раскопки хуннских памятников были произведены в 1896 г. троицкосавским врачом и краеведом Ю.Д. Талько-Грынцевичем. За хронологический промежуток в сто с небольшим лет исследования археологических памятников хунну велись многими археологами СССР и России (П.К. Козлов, С.А. Теплоухов, Г.П. Сосновский, СВ. Киселев, А.П. Окладников, А.В. Давыдова, П.Б. Коновалов, С.С. Миняев, СВ. Данилов и др.), Монголии (Ц. Доржсурэн, Х. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджав, Д. Цэвэндорж и др.), Китая (Го Сусинь, Сюн Суньжуй, Тянь Гуанцзинь, У Энь и мн. др.), Японии (Эгами Намио, Като Симпей) и ряда других стран.

Наибольшая информация получена в результате исследования погребальных памятников. К настоящему времени раскопано около 700 хуннских могил из более чем 3500 известных в настоящее время [Коновалов 1976:21–22 табл. 1–2; Цэвэндорж 1985: 53; 1996:13–14; Миняев 1998]. Поселения и городища хунну изучены гораздо хуже погребальных памятников. В настоящее время на территории Монголии и Бурятии обнаружено около 20 хуннских стационарных населенных пунктов [Киселев 1957; Пэрлээ 1957; Давыдова 1978; Науаshi 1984; и др.]. На территории Монголии масштабные исследования поселений не велись. Гораздо лучше обстоит дело с изучением оседлых памятников хуннской культуры на территории Бурятии. Здесь целенаправленно начиная с послевоенного времени раскапывалось Иволгинское городище, расположенное в окрестностях г. Улан-Удэ [Давыдова 1985; 1995]. Кроме того, исследовались хуннские поселения [Давыдова 1974; 19756; 19786; 1980; Давыдова, Миняев 1973; 1974; 1975; 1976], начаты целенаправленные раскопки на городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия [Данилов, Жаворонкова 1995; Данилов 1998].

Данные археологии использовались в монографии при анализе экономики и социальной структуры хуннского общества. Однако более подробно вопросы реконструкции социально-экономического устройства хунну на основе археологических источников будут рассмотрены в ряде совместных публикаций с С.В. Даниловым и П.Б. Коноваловым, в частности, в нашей книге «Социальная структура хунну Забайкалья», которая в настоящее время готовится к публикации.

БЛАГОДАРНОСТИ. В монографию включены результаты исследований, которые были выполнены при поддержке ряда научных фондов: РГНФ (93-06-10313), фонда Сороса (Z 16000/542 и

Н2В741), РФФИ (97-06-96759 и 99-06-99512). Первое издание было осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках упомянутого выше проекта. Переиздание данной работы стало возможным благодаря издательской программе ФЦП «Интеграция» (проект M422-06).

Все использованные переводы с восточных языков выполнены к.и.н. А.Л. Ивлиевым (Владивосток) и к.и.н. Г.П. Белоглазовым (Владивосток). За это и за подробные комментарии к текстам приношу им искреннюю благодарность. Тем не менее, только благодаря искренней любезности д.и.н. Ю.Л. Кроля (Санкт-Петербург) мне удалось избежать некоторых досадных ошибок.

Я признателен за все высказанные пожелания и замечания, теплую поддержку, а также за возможность неоднократно лично или заочно обсуждать рассмотренные в данной книге проблемы или некоторые более общие вопросы кочевниковедения и теории доиндустриальных обществ своим коллегам: д.и.н., проф. Л.Б. Алаеву (Москва), СВ. Алкину (Новосибирск), д.и.н. Ж.В. Андреевой (Владивосток), д.и.н. Г.Е. Афанасьеву (Москва), проф. Т. Барфидду (Бостон), к.и.н. Ю.Н. Бойко (Винница), д.и.н., проф. АА. Бокщанину (Москва), к.и.н. В.И. Болдину (Владивосток), к.и.н. Д.М. Бондаренко (Москва), д.ф.н., проф. А.М. Буровскому (Красноярск), к.и.н., доц. А.В. Варенову (Новосибирск), д.и.н., проф. Л.С. Васильеву (Москва), к.и.н. В.М. Викторину (Астрахань), к.и.н. Ю.Е. Вострецову (Владивосток), проф. | Э. Геллнеру|, к.и.н. Е.И. Гельман (Владивосток), к.и.н. Л.Б. Гмыря (Махачкала), д.и.н. В.В. Грайворонскому (Москва), к.ф.н. Л.Е. Гриневу (Волгоград), д.и.н., проф. |Л.Н. Гумилеву|, к.и.н. СВ. Данилову (Улан-Удэ), к.и.н. Б.Б. Дашибалову (Улан-Удэ), академику Ан.П. Деревянко (Новосибирск), д.и.н., проф. Ал.П. Деревянко (Владивосток), к.и.н. А.В. Загорулько (Москва), д.и.н. Б.Р. Зориктуеву (Улан-<u>Удэ), д.г.н.</u> И.В. Иванову (Пущино), д.и.н., д.ф.н., проф. [В.П. Илюшечкину], проф. Р. Карнейро (Нью-Йорк), д.и.н., проф. Ю.В. Качановскому (Хабаровск), проф. Х. Классену (Лейден), к.и.н., проф. С.Г. Кляшторному (Санкт-Петербург), к.и.н., доц. С.А. Комиссарову (Новосибирск), д.и.н. П.Б. Коновалову (Улан-Удэ), к.и.н. В.А. Кореняко (Москва), д.и.н., проф. А.В. Коротаеву (Москва), д.и.н., проф. Н.В. Кочешкову (Владивосток), проф. Л. Крэдеру, д.ф.н. Э.С. Кульпину (Москва), д.и.н., проф. Е.И. Кычанову (Санкт-Петербург), д.и.н., проф. ВЛ. Ларину (Владивосток), д.и.н., проф. Э.С. Львовой (Москва), к.и.н., доц. В.А. Лынше (Уссурийск), д.и.н., проф. Г.Е. Маркову (Москва),

д.и.н., проф. Н.Э. Масанову (Алматы), д.и.н., проф. М.С. Мейеру (Москва), Ю.Г. Никитину (Владивосток), д.ф.н., к.и.н. проф. Ю.В. Павленко (Киев), д.и.н., проф. А.И. Першицу (Москва), к.и.н., доц. Г.Г. Пикову (Новосибирск), к.и.н., доц. А.В. Попову (Санкт-Петербург), д.и.н., проф. В.А. Попову (Санкт-Петербург), к.и.н. А.М. Решетову (Санкт-Петербург), д.и.н., проф. Д.Г. Савинову (Санкт-Петербург), к.и.н., проф. Б.С. Сапунову (Благовещенск), д.и.н., проф. Т.Д. Скрынниковой (Улан-Удэ), д.и.н., проф. И.В. Следзевскому (Москва), д.арх., проф. В.Н. Ткачеву (Москва), к.и.н. В.В. Трепавлову (Москва), к.и.н. А.И. Фурсову (Москва), д.и.н., проф. В.А. Шнирельману (Москва), д-ру Д. Шорковитцу (Берлин).

Особая признательность моим первым учителям – доц. П.Е. Шмыгуну, д.и.н., проф. Г.И. Медведеву и нашей alma mater – Иркутскому государственному университету, моему научному руководителю по кандидатской диссертации д.и.н., проф. Э.В. Шав-кунову (Владивосток), а также, в главной мере, д.и.н., проф., академику Британской Академии А.М. Хазанову (Мэдисон, США), оказавшему громадное влияние на формирование моих научных взглядов, за теплое, дружеское отношение к моим исследованиям.

Если кого-либо я не упомянул, то сделал это не намеренно и заранее приношу свои извинения. Наконец, ни один из моих научных результатов был бы невозможен без постоянной поддержки моей жены Татьяны и моих родителей – мамы, Л.П. Крадиной, и отца, к. арх., проф., заслуженного архитектора России, Н.П. Крадина, пример которого является для меня образцом преданного служения науке.

ВВЕДЕНИЕ

«Ни семьи и ни дома нет больше... Беда – Это гуннская вторглась орда».

(*Шицзин* II, 1, 7)

История изучения хунну насчитывает почти 250 лет. За этот хронологический промежуток хуннология прошла три этапа развития. **Первый этап** следует отсчитывать с 1756 г., когда была опубликована первая специальная книга по истории кочевников Внутренней Азии, начиная с эпохи хунну. Ее автором был профессор Сорбонны и хранитель древностей в Лувре Ж. Депонь [De-guignes 1756–1758]. Квинтэссенция исследований истории хунну по письменным источникам от XVIII в. до середины 1920-х гг. дана Г.Е. Грумм-Гржимайло [1926] и К.А. Иностранцевым [1926]. Сводный характер по политической истории хунну на основе нарративных материалов для своего времени имели работы В. Мак-Говерна [МсGovern 1939], Р. Груссе [Grousset 1939], Л.Н. Гумилева [1960]. На рубеже 1970–1980-х гг. успехи монгольской и советской исторической хуннологии были обобщены в монографии Г. Сухбаатара [1980]. На сегодняшний день зарубежная китайская, японская и европейская литература по хуннологии сжато, но достаточно полно систематизирована в «Кембриджской истории ранней Внутренней Азии» [Yu 1990].

Поскольку китайские хроники были написаны древними авторами под определенным углом зрения, целый ряд проблем получил своеобразное толкование. Выводы летописей существенно дополняют и корректируют археологические источники. Начало второго этапа относится к концу XEX в. и его следует связывать с личностью ЮД. Талько-Грынцевича. Именно он положил начало изучению археологических памятников культуры хунну [1899; 1902; 1928; 1999]. Однако широкий международный резонанс хуннская археология получила только после исследований экспедиции П.К. Козлова в Ноин-Уле. Экспедицией были исследованы так

называемые «княжеские» погребения, давшие уникальные материалы. Эти материалы в свое время вызвали сенсацию в научных кругах, демонстрировались на крупных международных научных выставках, неоднократно публиковались [Козлов 1925; Теплоухов 1925; Umehara 1960; Руденко 1962; и мн. др.].

В последующие годы изучение хуннских археологических памятников вели Г.Ф. Дебец, А.Д. Симуков [см.: Доржсурэн 1961], Г.П. Сосновский [1934; 1935; 1940; 1946].

Третий этап следует отсчитывать с 1947 г., когда под руководством А.П. Окладникова [1951; 1952; и др.] начались исследования второй Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и БМКНИИКЭ. Именно с этого времени начинается широкомасштабное изучение археологических памятников хунну исследователями многих стран, в первую очередь исследователями из СССР и Монголии (А.П. Окладников, В.П. Шилов, А.В. Давыдова, Х. Пэр-лээ, Ц. Доржсурэн, И. Эрдели, П.Б. Коновалов, В.В. Волков, Ю.С. Гришин, В.В. Свинин, Н. Сэр-Оджав, Э.В. Шавкунов, Д. На-ваан, Д. Цэвэндорж, С.С. Миняев, СВ. Данилов, АД. Цыбиктаров и др.). В результате крупномасштабных археологических исследований были достигнуты впечатляющие результаты, позволившие существенно дополнить сведения письменных источников данными об оригинальной культуре древних номадов Монголии, неизвестных ранее сторонах экономики хуннского общества (земледелие и ремесло), военном деле, хронологии и пространственном распространении археологических памятников культуры хунну, этнических, торговых и других связях хунну с соседними народами [Едаті 1948; Доржсурэн 1961; Руденко 1962; Давыдова 1965; 1985; 1995; 1996; Коновалов 1976; Миняев 1982; и мн. др.].

История этих изысканий подробно описывается в книгах Ц. Доржсурэна [1961], СИ. Руденко [1962] и П.Б. Коновалова [1976]. Состояние проблемы на конец 1980-х гг. дается в небольшом, но достаточно полном очерке В.А. Могильникова, написанным для 20-томной «Археологии СССР» [Могильников 1992]. Наличие перечисленных выше работ освобождает от необходимости уделять данной теме большее внимание.

В историографии хунну особо следует выделить проблему общественного строя Хуннской державы. Интерес исследователей к данной теме не случаен. Во-первых, по истории хунну имеется значительное число письменных источников (подчас больше, чем даже по средневековым номадам), из которых можно почерпнуть очень важную информацию о социальном устройстве кочевников-

скотоводов. Во-вторых, хунну являются едва ли единственным древним кочевым народом Азии (подобно скифам в Европе), о котором сохранилось достаточно много источников. Это позволяет в некоторой степени использовать выводы по социальной истории хунну для реконструкции общественного строя других азиатских номадов древности. В-третьих, внимание к данной проблеме в немалой степени может быть объяснено той ролью, которую сыграли гунны в эпоху Великого переселения народов, а также, в этой связи, с возникшим вниманием к мифической азиатской прародине гуннов. В-четвертых, Хуннская держава была первым крупным объединением кочевников Азии. Каковы причины ее возникновения? Основные принципы хуннской административно-политической системы (десятичная иерархия, централизованная власть, троично-дуальное деление) прослеживаются в той или иной степени в последующих кочевых империях Евразии. Было ли это сходство генетическим или типологическим? Все эти вопросы требуют пристального изучения.

Поскольку в историографии нет специальных работ, посвященных проблеме общественного строя хунну, на этом вопросе следует остановиться более подробно. Для работ кочевниковедов-ориенталистов XVIII в. – первых десятилетий XX в. характерно отсутствие интереса к изучению социальной истории хуннского общества. Кроме вопросов политической истории номадов авторов этих работ интересовали, как правило, этническая принадлежность хунну и проблема их соотношения с европейскими гуннами. Даже в тех исследованиях, в которых констатировалось наличие или отсутствие в хуннском обществе государственности, не было глубокого анализа этого вопроса [Deguignes 1756–1758; Saint-Martin 1849; Paiker 1895; Панов 1918; Грумм-Гржимайло 1926; Иностранцев 1926; Grousset 1939; McGowem 1939; и мн. др.].

Интерес к данной проблематике пробудился позднее, причем особенно активно он разрабатывался в марксистской литературе. Поэтому совсем не случайно, что именно в советской науке началось широкое изучение общественного строя кочевников-скотоводов, вылившееся в так называемую дискуссию о «кочевом феодализме» [Першиц 1971: 3 ел.; 1976: 280–288; Федоров-Давыдов 1973:13-18; Хазанов 1975:32-35; Коган 1981; Халиль 1983; Gellner 1988: 92-114; Попов А.В. 1986; Крадин 1987; 1992: 12-43; Марков 1989; 1998; Писаревский 1989; Васютин 1998; и др.], и в том числе хунну. Как писал В.С. Таскин,

«советская историческая наука, наоборот, видит главную задачу в выяснении внутреннего строя кочевого общества сюнну,

стремится понять происходившие в нем процессы общественного развития» [1968: 22].

Перенесение акцента с описательности на попытки построения объяснительных концепций давало несомненные перспективы в изучении номадизма. Однако трагедия заключалась в том, что марксизм и марксисты преследовали отнюдь не академические интересы. Они активно стремились реализовать свои абстрактные схемы на практике. Чем это обернулось для многих сотен тысяч и даже миллионов кочевников, убедительно повествует, в частности, книга казахского исследователя Ж.Б. Абылхожина [1991]. Советскому правительству за несколько десятилетий удалось то, что на протяжении двух с лишним тысячелетий было не под силу Китаю: номадизм на территории СССР оказался под угрозой почти полного исчезновения.

Дискуссия о социальном строе хунну всегда несла отпечаток общетеоретических дискуссий своего времени. В 1930-е гг. в советской литературе утвердилась так называемая *пятичленка* — энгельсовско-сталинская схема пяти формаций. На первом всесоюзном съезде колхозников-ударников (13 февраля 1933 г.) Сталин обмолвился о «революции рабов». Почти сразу была высказана точка зрения, что хунну в своем развитии обязательно должны были проходить через рабовладельческую стадию. В наиболее прямолинейной форме этот тезис был изложен С.П. Толстовым. Рабы, по его мнению, использовались главным образом в выпасе скота и в домашнем хозяйстве. Хунну были отнесены им к классическим рабовладельческим обществам кочевников-скотоводов [1934].

Однако несоответствия позиции СП. Толстова были подмечены его оппонентами [там же: 254–257, 320–378], что вынудило автора несколько модернизировать свое понимание рабовладельческой стадии у кочевников. Он признал, что большинство рабов не использовались в скотоводстве. Это были китайские пленники, которые, обрабатывая землю или занимаясь ремеслом, находились на положении, аналогичном статусу *и/ютов*, и обязывались платить кочевникам хунну дань [1934: 385; 1935; 1848:263 ел.]. В этом состояла грабительская сущность «военно-рабовладельческой демократии» у кочевников. Таким образом, СП. Толстов, совершенно справедливо указав на внешнеэксплуататорскую природу Хуннской державы, неправомерно отождествил данничество с рабством.

Тем не менее тезис о классовой рабовладельческой сущности хуннского общества был поддержан китайскими исследователями [Ма Чаншоу 1954; 1962; 1962a: 5; 12; и др.]. Это вполне объяснимо. Теоретическое влияние советского ортодоксального марксизма на

союзников по коммунистическому лагерю было почти безгранично. Авторитет «старшего брата» сохранился надолго. Даже после крушения сталинизма ортодоксальные идеи продолжали господствовать среди большинства ученых стран мира социализма. Не случайно в той же китайской историографии тенденция видеть в хуннском обществе рабовладельческое государство сохранилась чуть ли не до наших дней [см., например: Ма Жэньнань 1983; Тянь Гуанцзинь 1983]. Однако большинство ученых марксистской ориентации не поддержали прямолинейный тезис о рабовладельческом характере хуннского общества. Они предпочитали писать о рабовладельческом укладе, определенном влиянии рабовладельческого Китая и т.д., но не более.

Другой исследователь, специально занимавшийся изучением общественного устройства Хуннской державы, А.Н. Бернштам также рассматривал хуннское общество с позиций пятичленной схемы, в качестве соседей рабовладельческого Китая. Но в отличие от СП. Толстова он предложил отнести общество хунну к стадии «высшей ступени варварства». По его мнению, у хунну уже существовали классы, но еще не сформировалось государство [1935a: 229]. В более поздней работе А.Н. Бернштам практически повторил эту точку зрения, добавив, что у хунну существовало сильное внутреннее расслоение, прослойка рабов из завоеванных земледельцев и ремесленников, но отсутствовала государственная организация [1951: 53-55, 129-132].

А.Н. Бернштам был типичным стадиалистом, стоявшим на марристских позициях. Он положительно относился к общей для 1934 г. идее советских историков о «революциях рабов» как движителе прогресса в древности и придерживался мнения, что кочевники внесли важный вклад в разрушение рабовладельческой формации в Китае в качестве союзников угнетенных рабов. Аналогичным образом он оценивал роль гуннского нашествия на Римскую империю [1951: 17, 162–163]. Но в 1950 г. марризм пал, и социологизаторские упрощения А.Н. Бернштама остались без методологического прикрытия. Его книга «Очерк истории гуннов» была подвергнута резкой критике [Кызласов, Мерперт 1952; Рафиков 1952; Удальцова 1952; Обсуждение 1953].

¹ В том, что автор связывал существование классов с отсутствием государства у хунну, нет противоречия. Это была широко распространенная в 1930-е гг. точка зрения, согласно которой сначала появляются классы, а затем они изобретают государство.

В отличие от А.Н. Бернштама СВ. Киселев охарактеризовал хуннское общество как раннюю форму государственности. Внутренняя дифференциация была еще не очень велика, и знати приходилось считаться с мнением соплеменников. Поэтому основу этой государственности составляли грабительские войны, обогащавшие в основном шаньюев и старейшин [1951: 487–488].

Поскольку пятичленка быстро дискредитировала себя в отношении номадизма, ей на смену была взята на вооружение более изощренная стадиалистская теория – теория кочевого феодализма. История кочевых обществ в рамках этой схемы была представлена как непрерывный поступательный процесс технологического и экономического роста, постепенной замены первобытнообщинного строя ранними, а затем и развитыми формами «кочевого» феодализма. Так называемые *ранние* кочевники (примерно до середины I тыс. н.э.) рассматривались в рамках очень популярной в 1950–1960-е гг. концепции «военной демократии». Самое большее – предполагался раннеклассовый или раннефеодальный характер древних номадов (с определенным весом рабовладельческого уклада). Создание же настоящей государственности и классового («кочевого феодального», «патриархально-феодального» и пр.) общества относилось в данной схеме к поздним кочевникам, к эпохе средневековья. В наиболее последовательном виде эта «официальная» теория была сформулирована в коллективном издании отечественных и монгольских исследователей «Истории МНР», выдержавшей несколько изданий в 1967–1983 гг., а также в ее монгольском аналоге. Во всех этих книгах хуннское общество отнесено к переходному от первобытнообщинного строя к классовому в форме «военной демократии» [БНМАУ-ын туух 1966: 79–95; История МНР 1983: 97-103].

Данная концепция нашла также свое отражение в ряде других обобщающих коллективных изданий, отдельных монографиях и статьях. По мнению О.В. Кудрявцева, Г.Н. Румянцева, Г.П. Со-сновского, В.П. Шилова, так называемая Хуннская держава представляла собой лишь «племенной союз» [Румянцев 1954: 31; Кудрявцев 1956; Сосновский, Шилов 1956: 412–419]. В рамках этого же подхода Л.П. Лашук писал о зарождении у хунну из «военнодемократических» отношений «военно-иерархической» системы [1967: 115], М.Х. Маннай-Оол – о «племенном союзе» хунну с элементами раннеклассовых отношений [1986: 39–42], К.А. Акишев – о переходном характере хуннского общества от племенной к раннеклассовой стадии [1977: 285], Л.Л. Викторова – о ранне-

классовом обществе у хунну [1980: 121], Л.Р. Кызласов – о сложившейся государственности с сочетанием рабства, зачатков крепостничества и данничества [1984: 23; 1993: 35–41].

Мнение о раннеклассовом строе хуннского общества с зачатками феодализма, но с большими пережитками первобытнообщинных отношений высказывалось и в зарубежной марксистской литературе [см., например: Harmatta 1952; 1958].

Наиболее развитым предстает хуннское общество в интерпретации Г.П. Сосновского в раде его неопубликованных рукописей, написанных еще до Великой Отечественной войны. Он подробно разбирает особенности общественных отношений в хуннском обществе [см.: Архив ИИМК, ф. 42, д. 220: 101–170]. По мнению автора, «первая кочевая империя в Центральной Азии обладала всеми признаками государства, указанными Энгельсом» [там же: 170].

«Основным классовым противоречием гуннского общества было противоречие между кочевой знатью — классом номинальных верховных собственников — и непосредственными производителями — скотоводами, платившими подать. Картина феодального скотоводства, так же как и картина феодального землевладения, одинаково отображает ту стадию, когда эксплуататор — феодал уже отделился от непосредственных производителей... и выполняет лишь "высшие функции надзора, охраны и руководства"» [Архив ИИМК, ф. 42, д. 220: 144 об.— 145; д. 223: 115].

В целом все это позволяет говорить о существовании у хунну «военно-феодальной» государственности, причем Г.П. Сосновский склонился к «саунной» (по С.П. Толстову) трактовке «кочевого феодализма» [Архив ИИМК, ф. 42, д. 220: 141, 143а, 170; д. 223: 132, 135—136, 146]. Понятно, что такое категоричное мнение, резко противоречащее общепринятой точке зрения (получалось, что у хунну феодализм появился еще тогда, когда в более развитом Китае существовал рабовладельческий способ производства), осталось неизвестным широкому кругу специалистов.

Промежуточная позиция была сформулирована в работах М.И. Рижского, который охарактеризовал хуннское общество как «объединение племен государственного типа» [1959; 1964; 1968].

Двухформационное членение на *ранних* и *поздних* кочевников приобрело популярность также среди монгольских ученых. Но и среди них не было единства в определении уровня развития хунну. В книге Ц. Доржсурэна «Северные хунну» делается вывод о зарождении у хунну государственности в период правления шаньюя Модэ. При этом автор отмечает значительную роль рабовладения в хуннском

обществе, которое, однако, имело патриархальный характер [1961]. По мнению Н. Сэр-Оджава, первоначально хуннское общество было «военно-демократическим», но он также полагает, что при Модэ у хунну возникла дофеодальная государственность с пережитками родовых отношений и патриархального рабства [1971]. Напротив, Н. Ишжамц относил Хуннскую державу к раннеклассовым государственным образованиям, проводя параллели с варварскими королевствами Западной Европы [1972]. Г. Сухбаатар, посвятивший рад работ и, в том числе, монографию истории хунну, охарактеризовал хуннское общество как раннефеодальное, правда, с определенными пережитками родоплеменного строя [1973; 1975а; 1980].

В период «оттепели» и после нее стали появляться нефеодальные интерпретации социальной истории номадизма. В начале 1960-х гг. в советской науке вышли сразу две монографии, специально посвященные истории хунну. Оба автора не относились к сторонникам теории «кочевого» феодализма. Л.Н. Гумилев отнес хуннское общество к высшей ступени первобытнообщинной формации, однако возражал против характеристики его как «племенного союза». По его мнению, это было единое племя, состоявшее из 24 родов. Родовые старейшины были лишь «первыми среди равных» и опирались на мнение народа. При Модэ союз 24-х родов превратился в «родовую державу» [1960: 71-84, 212-215]. После распада державы на северных и южных хунну на севере из удальцов сформировалось «военнодемократическое» общество, на юге сконцентрировались сторонники традиционного родового выглядело общества. интерпретации С.И. Руденко хуннское общество стратифицированным. Он отмечал наличие у хунну частной собственности, рабства (в ограниченных размерах), племенной верхушки, сложной системы управления. В целом СИ. Руденко относил хунну к эпохе «военной демократии» [1962: 66–70].

Дальнейшая дискуссия о социальном строе хунну связана с работами В.С. Таскина, А.В. Давыдовой и А.М. Хазанова, которые в первой половине 1970-х гг. практически независимо друг от друга пришли к идее *о раннегосударственном* характере хуннского общества. Большим вкладом в изучение социальной истории хунну следует считать работы В.С. Таскина. Основываясь на новом, собственном комментированном переводе основных китайских летописных источников по хуннской истории, В.С. Таскин сделал ряд важных выводов относительно экономики хунну, административно-политической

В более поздней интерпретации – пассионарии [Гумилев 1993: 176-179].

структуры империи, системы верховной власти и престолонаследия, отношений собственности на скот и пастбища. Рассматривая социально-политическую организацию хуннского общества, В.С. Таскин пришел к выводу о ее значительном сходстве с политическим строем монголов эпохи Чингисхана. Все это, по мнению автора, свидетельствует о существовании у хунну, как и у более поздних номадов Центральной Азии (жужаней, киданей, монголов и пр.) феодальной государственности [1968: 33–38; 1973: 4–17; 1984: 32-37].

В небольшой, но емкой статье, специально посвященной общественному строю хунну, А.В. Давыдова пришла к следующим выводам: (1) это была достаточно развитая система управления, связанная с военными и административными функциями; (2) рабство имело лишь «патриархальный» характер, но присутствовали частная собственность, высокая материальная дифференциация; (3) основу накопления прибавочного продукта составляли военная добыча, дань и торговый обмен. Все это позволяет, по ее мнению, говорить о государственности, но «примитивного» типа, с многочисленными пережитками родового строя [1975]. Эта позиция автора сохранилась и в более поздних исследованиях [Давыдова 1985: 88].

Изучая социальную историю скифов, А.М. Хазанов отметил принципиальное сходство скифской и хуннской ранней государственности. Он выделил следующие характерные черты раннего государства у номадов: (1) многоуровневая социальная организация, в которой низшие звенья были основаны на узах кровного родства, а высшие — на военно-административных связях и фиктивном генеалогическом родстве; (2) многоступенчатая социальная структура с резко отличающимися полюсами; (3) незначительная роль рабства и других внутренних форм эксплуатации; (4) большое развитие внешнеэксплуататорских отношений, данничества; (5) принципиальная однотипность государственных образований скифов, хунну, монголов и других евразийских номадов [1975]. А.М. Хазанов также выделил две модели раннегосударственных образований кочевников Евразии. К первой из них, основывавшейся на завоевании и даннической эксплуатации кочевниками земледельцев, были отнесены Хуннская держава, Первое и Второе Скифские царства [1975:217,257–263; Khazanov 1984/1994: 231-233, 254-255].

Проблемы социального строя хунну затрагивались также в ряде работ, посвященных более общим проблемам истории номадизма. Некоторое внимание хунну уделил автор концепции дофеодального

(предклассового) состояния кочевников Г.Е. Марков [1976: 45–47]. Он подчеркнул схожесть общественной организации хунну и более поздних номадов, наличие во всех кочевых обществах многоукладной социально-экономической структуры, дифференциации. Однако в силу того, что основу любого номадного общества составляли простые номады, там отсутствовала развитая внутренняя эксплуатация, их следует считать предклассовыми. Предклассовое общество у кочевников сосуществовало в двух формах: общинно-кочевой и военно-кочевой. Последняя, очевидно, была характерна для хунну [он же 1989: 66–70].

Придерживаясь в целом мнения о раннегосударственном характере хуннского и других крупных кочевых обществ, В.В. Трепавлов, напротив, полемизирует с мнением исследователей, которые отрицают наличие преемственности в истории скотоводов Центральной Азии. Он попытался проследить идею преемственности *«государственной традиции**, которая передавалась от хунну к более поздним кочевым империям. К числу главных черт номадной государственности он отнес: (1) сакральную легитимизацию верховной власти, (2) систему распределения и делегирования власти (крылья, соправительство, порядок наследования); (3) наличие специфических органов управления ставками и кочевьями (так называемые «магистраты») [1989; 1993].

Специфическое мнение о ранней государственности у хунну было высказано А.И. Мартыновым. Он считает, что номады Южной Сибири и Центральной Азии (динлины, юэчжи, хунну) в своем развитии преодолевали барьер «варварства» и создавали оригинальную «степную *цивилизации»*. Понятие «цивилизация» используется автором для обозначения стадии определенного уровня развития. Ее археологическими критериями являются «пышные» монументальные погребения кочевой элиты с «колоссальными» затратами, что свидетельствует о значительной социальной стратификации в обществе, концентрации единоличной власти, высокой культуре данных народов [Мартынов, Алексеев 1986; Мартынов 1986; 1988; 1989; 1989а; 1996; 2000; и др.].

Совершенно иной предстает Хуннская держава в интерпретации СА. Плетневой. По ее мнению, хунну классически укладываются в степной путь становления феодализма «от кочевий к городам». Это было сложившееся государство с развитой полуземледельческой экономикой, регулярной армией, жесткими законами, тюрьмами, иерархической системой государственных наследственных чиновников, письменностью и единой религиозной системой [1982: 85–87].

В последующие годы к проблеме социального строя хунну обращался еще ряд авторов. Вывод о догосударственной природе хуннского общества был поддержан С.С. Миняевым. В своих работах, посвященных хуннскому ремеслу, он показал высокий уровень цветной металлургии у хунну [1982]. В ряде иных работ о ранних этапах этногенеза хуннского общества он определил уровень его развития как «племенной союз» [Миняев 1985; 1986; 1990; Міпіаеч 1989]. С.Г. Кляшторный рассматривал данный вопрос на фоне сопоставления хуннского общества с другими древними и раннесредневековыми политическими объединениями Центральной Азии. Придя в конечном счете к выводам, схожим с точками зрения В.С. Таскина, А.В. Давыдовой и А.М. Хазанова, автор признал правомерность определения Хуннской державы как архаического государства и высказал мнение, что в ближайшем будущем едва ли возможны значительные уточнения в характеристике общественного строя хунну [1986; Кляшторный, Султанов 1992:60–64]. Как бы подтверждением последней мысли явилось то, что, по существу, эти же заключения были повторены в нескольких небольших сжатых очерках хуннской истории, написанных отечественными исследователями для ряда обобщающих коллективных изданий [Кляшторный 1983; Зотов 1986; Краснов 1987; Могильников 1992].

Последней работой, посвященной данной теме, стала монография Е.И. Кычанова [1997], в которой рассматриваются процессы становления и эволюции форм «кочевой государственности» у номадов Евразии, начиная от скифов и хунну до маньчжуров. Данная работа обобщает более ранние идеи автора о «ранней государственности» у народов Центральной Азии [1968; 1973/1995; 1986; 1990; 1992; и др.]. Большое внимание в книге уделено описанию хуннского общества [Кычанов 1997: 6–38, 248 ел.]. В целом, автор приходит к выводу, что становление государства у хунну (как и у других номадов) было результатом внутреннего развития. Предпосылкой политогенеза у номадов стала имущественная дифференциация и формирование в обществе скотоводов классового неравенства и эксплуатации.

В современной зарубежной науке продолжается активная традиция изучения политической истории хунну, их отношений с земледельческим миром, место хунну в этнической истории номадов Внутренней Азии, их соотношение с европейскими гуннами. Из множества работ заслуживает упоминания обобщающая монография О. Мэнчен-Хэлфена, посвященная европейским гуннам. Автор отмечает государственноподобный характер политической системы державы Аттилы (видя в ней известное подобие политии

азиатских хунну), которая существовала только для набегов и вымогания дани и субсидий от Римской империи [Maenchen-Helfen 1973: 190–199, 270–274]. Поскольку объединение гуннов держалось главным образом благодаря личным способностям ее основателя, то после его смерти оно распалось.

В некоторой степени история хунну была затронута в работах О. Латтимора. В своей главной монографии, посвященной культурной экологии и адаптации кочевников около китайской границы, которая не потеряла актуальности до сих пор, О. Латтимор затронул проблемы эволюции номадизма в более ранние периоды. На примере хунну он описал цикл истории пасторального государства. На первом этапе держава состоит только из кочевников. Затем она расширяется до смешанного скотоводческо-земледельческого общества с разными функциями и возможностями данных групп. На третьей стадии осевшие на юге гарнизоны номадного происхождения получают львиную долю добычи, поступающей из Китая, что приводит к конфликтам. В результате (четвертая фаза) происходит распад составного государства, и часть общества возвращается к номадизму [Lattimore 1940: 519–526].

В то же время западными учеными были выполнены важные исследования, посвященные собственно хунну: особенностям экономики, социальной и политической организации [Egami 1948; Pritsak 1954; Mori 1971; 1973; Barfield 1981; Yamada 1982; Hayashi 1984; etc.]. В этих и других работах также присутствует широкий спектр взглядов на характер развития хуннского общества. Л. Квантен, например, рассматривает Хуннскую державу как конфедерацию племен с гетерогенной политической структурой. Он выделяет следующие уровни иерархии: юрта (семья), клан, племя, конфедерация. Конфедерация держалась, по его мнению, на военной силе и харизматической природе высшей власти. Так как Хуннская держава была основана на чисто политических принципах, она была обречена на падение [Kwanten 1979: 8–26].

По мнению японского исследователя Нобуо Ямады, хуннское общество представляло собой могущественное племя с сильными этническими внутренними связями. Оно состояло как минимум из пяти-шести крупных кланов. Вся кооперация иноэтничных племен вокруг племени шаньюя имела исключительно военный характер. Вне военных действий шаньюй не имел никакой власти над другими племенами. Он был не более чем племенным вождем. В целом хуннское общество имело некоторые государственноподобные черты, но в совокупности представляло догосударственное племенное

образование [Yamada 1982]. Другие исследователи отмечают «промежуточный» характер хуннского общества, полагая, что при Модэ Хуннская военно-политическая конфедерация племенных групп все-таки трансформировалась в империю [Wen-Yen Tsao: 45]. Наконец, третья группа исследователей, специально занимавшаяся изучением вопросов общественного и политического устройства хунну, рассматривает хуннское общество как государство с определенной административной системой, явственно напоминающей феодальную иерархическую лестницу [Mori 1950, 1950a; 1971; 1973; Pritsak 1954; и др.], подчеркивает важнейшую роль внешнего фактора в образовании и последующем существовании Хуннской империи [Едаті 1948].

Особенно важную роль для реконструкции социального строя хунну, с моей точки зрения, сыграли работы Т. Барфилда [Barfield 1981; 1989 = 1992: 32-84]. Он показал, что государственность не является институтом, внутренне необходимым для номадов. Вслед за О. Латгимором и А.М. Хазановым Т. Барфилд развивает идею, что она возникает как способ адаптации кочевников К соседним земледельческим цивилизациям. Номадная государственность была организована, по его мнению, в форме «имперских конфедераций», которые имели автократический и «государственноподобный» вид снаружи, но оставались консультативными и племенными изнутри. Такая специфика номадного государства обусловила характер отношений власти в Хуннской империи. Могущество шаньюя и его семьи сильно ограничивалось вождями племен, входивших в конфедерацию. Однако будучи единственным посредником между Китаем и Степью, правитель хунну имел возможность контролировать перераспределение получаемой из Китая добычи и тем самым усиливал свою собственную власть. Это позволяло поддерживать жизнедеятельность всей политической системы, которая не могла существовать на основе экстенсивной скотоводческой экономики.

Таким образом, к настоящему времени проблема специфики общественного строя Хуннской империи рассматривалась в большом числе различных исследований. В то же время анализ всех публикаций показывает, что большинство высказанных точек зрения может быть объединено в две группы. Одни исследователи полагают, что хуннское общество не достигало порога государственности. По мнению других, Хуннская держава преодолела этот барьер. Однако определение характера развития хуннского общества (рабовладельческая стадия, раннее государство, феодализм) по-прежнему остается дискуссионным.

Глава 1. ОБРАЗОВАНИЕ ХУННСКОЙ ДЕРЖАВЫ Ранние хунну

К сожалению, вплоть до настоящего времени остается дискуссионным вопрос об истоках хуннского этноса и времени складывания надплеменной политической организации. Традиционная нарративная историография уводит корни истории хунну во ІІ тыс. до н.э. [Бичурин 1950 (1851); de Groot 1921; Гумилев 1960; Таскин 1968; 1973; Викторова 1980; и др.]. Однако начиная с 80-х гг. XX в. ряд исследователей подверг сомнению достоверность летописных текстов, относящихся к доханьской истории хунну [см. например: Сюн Цунъжуй 1983; Миняев 1985; 1990а; 1998: 79-83; Боровкова 1990].

Нет единства и в вопросе предков хунну. Одни исследователи видели истоки хуннской археологической культуры в населении, оставившем так называемые «плиточные могилы» на территории Монголии и Забайкалья [Сосновский 1940; Гумилев 1960: 46; Сэр-Оджав 1971: 13—16]. По мнению других авторов, истоки хуннской археологической культуры находятся в так называемых культурах «ордосских бронз», складывающихся примерно с XIII в. до н.э. [У Энь 1981; 1983; 1990; Комиссаров 1983; 1989; Тянь Гуанцзинь 1983; Миняев 1985а; 1986; 1990; 1990а; Варенов 1995; 1996; Коновалов 1996; и др.].

Современные археологические данные не подтверждают точку зрения относительно этнической близости хуннской культуры с «плиточниками». Датировка памятников культуры плиточных могил на основании типологического, статистического и радиоуглеродного методов показывает хронологические границы существований культуры в пределах с XIII до VI в. до н.э., что свидетельствует о хронологическом разрыве в несколько сотен лет между поздними памятниками культуры плиточных могил и хуннскими памятниками [Цы-биктаров 1989; 1998]. По-прежнему не решен вопрос о соотносимости хуннских памятников со «скифо-сибирскими». Действительно, многие

из так называемых черт «звериного» скифского стиля (олени с подогнутыми ногами, грифоны) попадают в культуру «ордосских бронз» с запада, однако многие черты погребального обряда и предметы искусства (ажурные поясные пряжки, пряжки, изображающие свернувшегося тигра) имеют местную специфику. Большинство авторов не без оснований полагают, что территория первоначального распространения «протохуннской» культуры (культур) включала северную часть провинции Шаньси, Ордос и степи к северу от Инь-шаня [Тянь Гуанцзинь 1983; У Энь 1983; 1990; Комиссаров 1989, Ковалев 1992; 1999; Варенов 1995; 1996; Коновалов 1996; и др.].

Изучая изображения различных предметов вооружения на так называемых «оленных камнях» — стилизованных каменных скульптурах, — А.В. Варенов предположил, что если рассматривать различные категории оружия (кинжалы, топоры, ножи) не по отдельности, а в совокупности, то можно наметить устойчивые группировки находок в пределах ограниченной территории. Результаты анализа подтвердили первоначальное предположение. На территории китайских провинций Шэньси, Шаньси, Хэбэй и частично Ляонин удалось вычленить пять таких локальных групп. Вполне вероятно, что это отражает существование во II — начале I тыс. до н.э. «варварских» объединений. К сожалению, в настоящее время имеющихся археологических данных еще недостаточно. Поэтому, по мнению А.В. Варенова, пока не представляется возможным отождествить эти группы с северными «варварскими» народами, известными по надписям на знаменитых гадательных костях [1996: 3-6].

По всей видимости, в период V–III вв. до н.э. складывается «ядро» хуннской политии, на основе которой впоследствии произошло образование кочевой империи. На это указывает ряд обстоятельств.

- (1) Возникновение такого крупного политического образования, как Хуннская держава, предполагает существование определенной этнополитической базы, на основе которой в течение некоторого времени складывались предпосылки для последующей политической интеграции в имперскую конфедерацию.
- (2) Хуннская политая, в период, предшествовавший воцарению Модэ, при правлении Тоуманя и даже, видимо, ранее, в серединеШ в. до н.э. [Сыма Цянь 1996:258,260] предстает как сложившаяся централизованная политическая система с существующей социальной стратификацией, разработанной иерархической системой управления (Модэ, например, получил должность темника), сложившимися

институтами высшей власти (титул *шаньюй*, принципы наследования и другие факты, изложенные, в частности, в 110-м цзюане «*Ши цзи** в фрагменте о молодом Модэ).

- (3) Косвенным образом последний тезис подтверждают исследования китайских археологов хуннских (или хунноподобных) памятников во Внутренней Монголии в период «борющихся царств». Уже в эту эпоху в хуннском обществе существовали значительные социальные различия, прослеживаемые в погребальном обряде. Погребения кочевой аристократии и вождей содержали многочисленные украшения из золота и бронзы (только в могильнике Алучжайдэн (аймак Ханцзинь) было 218 предметов общим весом более 4 кг), встречаются предметы, специально сделанные для вождей (пластина с надписью титула *«шао фу»*, украшения для церемониальной шапки, которые носили хуннские вожди, и др.)[Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь 1980; 1980а].
- (4) Согласно китайским летописцам хунну начали набеги еще в эпоху Чжоу и Цинь [Лидай 1958: 229; Материалы 1973: 39].Периодически они усиливались, временами ослабевали [Лидай1958: 17; Бичурин 1950а: 48; Материалы 1968: 39]. Еще в серединеШ в. до н.э. хунну представляли большую угрозу для южных соседей и успешно грабили приграничные районы китайскихцарств. Однако в 81-м цзюане *Ши Цзи» сообщается, что Ли Муразбил хунну и уничтожил более 100 000 хуннских всадников[Сыма Цянь 1996: 258, 260]. Скорее всего, достижения китайского полководца сильно преувеличены, но, возможно, косвенно это свидетельствует о силе хуннского объединения в указанную эпоху. Можно согласиться с выводом Л.Н. Гумилева, что после этого власть в степи перешла к дунху [1960: 53].

Следовательно, сложная политическая система сложилась у хунну еще до возникновения державы Модэ на рубеже III–II вв. до н.э. Что же тогда послужило причиной к консолидации степных племен в единую кочевую империю?

Предпосылки образования кочевой империи

Политическая интеграция и последующее возникновение ранней государственности зависят от многих внутренних и внешних факторов, к числу которых наиболее часто относят благоприятные

¹ Е.И. Кычанов сообщает, что до III в. до н.э. хуннские вожди именовались в китайских источниках термином цзюньчжан («государь-старейшина») [1977: 6].

экологические условия, производящее (как правило) хозяйство, плотность народонаселения, развитую технологию, ирригацию, войны, завоевания и внешнее давление, культурное влияние, внешнюю торговлю, кастовую эндогамию и др. [Service 1975; Claessen, Skalnik 1978; 1981; Хазанов 1979; Haas 1982; Васильев 1983; Gailey, Patterson 1988; Павленко 1989; Коротаев 1991; 1997; Claessen 2000; и др.].

Данные факторы были выделены главным образом на основе изучения процессов политогенеза у оседло-земледельческих народов. Их роль в социальной эволюции кочевых обществ отличалась определенной спецификой. Так, активность кочевников нередко связывают с глобальными климатическими изменениями (усыха-ние по А. Тойнби [1991] и Г. Грумм-Гржимайло [1926], увлажнение по Л.Н. Гумилеву [1993: 237–340 и др.]). Однако современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи с временами упадка/расцвета кочевых империй [Динесман и др. 1989: 204–254; Иванов, Васильев 1995: табл. 24, 25].

По уровню технологического развития номады сильно отставали от своих оседлых соседей, но именно такие «орудия труда» скотоводческого хозяйства, как лошадь и верблюд, обусловили мобильность и некоторое военное преобладание кочевников над земледельцами в Евразии и Северной Африке в доиндустриальную эпоху [Jettmar 1966; Khazanov 1990]. Кроме этого, в военной технологии древние и средневековые кочевники совсем не уступали, а часто даже превосходили своих оседлых соседей.

Не совсем ясна роль демографического фактора в политогенезе номадов, поскольку рост поголовья скота происходил быстрее увеличения народонаселения, приводя при этом к стравливанию травостоя и к кризису экосистемы и общества. С другой стороны, численность кочевников была намного ниже численности земледельцев и горожан (например, население империи Юань составляло около 60 млн человек, тогда как монголов было всего около 1,5– 2 млн человек Щалай 1983: 55–57; Кульпин 1990: прил. III]). Для номадов более характерна такая плотность населения, которая у земледельцев чаще встречается в доиерархических типах общества и в вождествах разной степени сложности [Коротаев 1991: табл. VII, XI]. Но в то же самое время номады могли выделить в армию более 3/4 взрослых мужчин [Семенюк 1958: 66], что увеличивало их военную силу и возможность подчинения своих оседлых соседей. Количество подобных несоответствий и парадоксов без труда можно увеличить.

В целом специфика процессов политической интеграции у кочевников-скотоводов была обусловлена особенностями экологии аридных зон Евразии. Кочевое скотоводство отличается значительной нестабильностью, сильно зависит от природно-климатических колебаний. В этом нет особой разницы между древними, средневековыми и более поздними номадами [Хазанов 1975: 149–150; Крадин 1992: 52–53]. Не были в данном случае исключением и хунну. Суровые природные условия их существования наводили ужас и тоску на китайских военачальников, путешественников и дипломатов [Лидай 1958: 29, 32, 229, 255, 264; Бичурин 1950а: 55, 60, 94, 108; Материалы 1968: 44, 48; 1973: 40, 59, 67], а источники образно рисуют картину бедствий, регулярно приносимых климатическими неурядицами. Так, например, под 46 г. н.э. сообщается:

«В землях сюнну несколько лет была засуха и саранча; земля на несколько тысяч ли лежала голая, деревья и травы посохли, народ и скот голодали и болели, от чего умерли и пала большая часть (народа и скота)» [Лидай 1958: 678; Бичурин 1950а: 117; Материалы 1973: 70].

В целом летописи позволяют подсчитать (для тех лет, где есть соответствующие данные), что у хунну природные катаклизмы случались примерно раз в десять лет [Лидай 1958:48, 191–192,207, 219-221, 255, 678-679, 692; Бичурин 1950а: 71, 76-77, 82-83, 91-93, 107, 117, 119, 123, 127; Материалы 1968: 59; 1973: 22-23, 28–29, 36–37, 39, 59, 70, 72, 77, 81, 149]. К сожалению, этот вывод нельзя корректно сопоставить с другими данными, поскольку в моем распоряжении имеются лишь две относительно представительные выборки: по казахам [Слудский 1953; Шахматов 1955] и оленеводам Северной Евразии [Крупник 1989:128–140], у которых повторяемость массовых падежей скота вследствие джутов и иных причин составляла примерно один раз в 10–12 лет. Однако, кроме вышецитированных исследователей, о цикличном характере скотоводческой экономики писали и другие авторы [см., например: Косарев 1991: 47; Масанов 1995а: 100; Ситнянский 1988: 130–131]. Есть мнение, что с джутом связан двенадцатиричный годичный цикл [Шахматов 1955], а год Зайца является годом джута [Масанов 1995а: 100; Ситнянский 1998: 131]. Не исключено, что данная периодичность связана с 11-летним циклом колебания солнечной активности [Эйгенсон 1957; Чистяков 1996; и др.].

В таком случае можно вывести обобщенную тенденцию, согласно которой у кочевников примерно каждые 10–12 лет из-за холодов,

снежных бурь, засух и т.д. случался массовый падеж скота. Как правило, гибло до половины от поголовья всего стада. На восстановление требовалось примерно 10–13 лет. Поэтому можно предположить, что численность скота после заполнения экологической зоны теоретически должна была циклически колебаться вокруг определенной отметки. Она то увеличивалась в результате благоприятных условий, то сокращалась вследствие неблагоприятных факторов. Ни о каком постепенном увеличении прибавочного продукта и последовательном росте «производительных сил» у кочевников не могло быть и речи.

Увеличение производства при кочевом скотоводстве больше определяется условиями природными обитания, нежели количеством вложенной естественными человеческой энергии. Кочевое скотоводство представляет собой природный процесс, который специфически контролируется человеческой деятельностью, но основа этого процесса детерминирована экологическими и биологическими факторами. По этой причине экономика кочевых обществ может развиваться только за счет расширения используемых пастбищных ресурсов. А поскольку такие ресурсы небезграничны, то все пригодные для скотоводства земли были в течение определенного времени освоены. Сложился динамический баланс между размерами пастбищ, количеством стад и численностью номадов и их семей, кочевавших на данной территории. Сами кочевники эмпирически хорошо осознавали данную зависимость. «Без травы нет скота, без скота нет пищи», – гласит монгольская пословица [цит. по: Khazanov 1984/1994: 71].

С другой стороны, слабое развитие технологии также является барьером на пути стадиальной эволюции кочевых обществ, так как в развитии общества всегда существуют пределы, которые невозможно преодолеть без введения технологических инноваций. Орудия труда в оседло-земледельческих обществах прошли длительную эволюцию от палки-копалки и мотыги до сложной машинной техники и персональных компьютеров, тогда как у кочевниковскотоводов скудный набор орудий труда практически не изменился со времен древности вплоть до наших дней [Фурсов 1976: 39–40]. То же самое можно сказать и в отношении различных пород животных, которые скорее являлись следствием биологической адаптации к конкретным экологическим условиям, чем зависели от селекции скотоводов [Нестеров 1990: 38; Крадин 1992: 50-51; Тайшин, Лхасаранов 1997: 19-20].

Для кочевых обществ была характерна недифференцированность экономической специализации. Разумеется, у скотоводческих народов

можно наблюдать некоторое разделение на мужской (война, выпас скота) и женский (домашнее хозяйство) труд, хотя факты свидетельствуют, что когда мужчины были заняты грабежами и войной, скот пасли подростки или женщины. Известно также, что у номадов присутствовали некоторые формы освобождения от участия в физическом труде лиц, занятых управленческой деятельностью и выполнением идеологических функций. Однако специфика скотоводства предполагала в основном труд внутри локальных домохозяйств или минимальных общин, при эпизодической необходимости кооперации коллективных усилий (облавные охоты, водопой скота).

Развитие ремесел у номадов сильно уступало ремесленному производству у земледельческо-городских народов, что обусловлено, в первую очередь, подвижным образом жизни. Об этом, в частности, свидетельствуют сравнительно-исторические исследования до-индустриальных обществ Востока [Алаев 1982: 27]. Во многих скотоводческих обществах ремесло так и не выделилось в специализированную экономическую подсистему. Каждый номад самостоятельно изготовлял несложную утварь. К сожалению, в источниках нет таких данных относительно хунну, однако известно, что у ближайших соседей хунну – ухуаней

«взрослые умеют делать луки, стрелы, седла, уздечки, ковать оружие из металла и железа, могут вышивать по коже, делать узорчатые вышивки, ткать шерстяные ткани» [Материалы 1984: 327].

Как известно, монголы в период империи наиболее квалифицированную часть ремесленников захватывали в завоеванных странах и сгоняли со всего мира в свои степные города, но внутри собственного кочевого общества ремесло находилось в неотделенном состоянии от скотоводческого труда. Покорители Евразии сами изготавливали каркасы для юрт, мастерили уздечки, путы, седла, ведра, другую бытовую утварь, предметы охотничьего и военного снаряжения (стрелы и луки, ножи, щиты и копья и др.) [Цалай 1983: 97]. Ситуация не изменилась и через несколько столетий. В конце ХГХ в. Н.М. Пржевальский писал:

«Промышленность у них самая ничтожная и ограничивается только выделкой некоторых предметов, необходимых в домашнем быту, как то: кож, войлоков, седел, узд, луков; изредка приготовляют огнива и ножи» [1875: 40].

Точно такую же картину увидел в 1918 г. И.М. Майский. По его словам, каждая юрта являлась самостоятельной мастерской, но

ремесленная специализация не выкристаллизовалась в сколько-нибудь значительные формы.

«Кое-где в стране... имелись столяры, плотники, кузнецы, ювелиры, сапожники и т.д. Однако ремесленное производство было настолько слабым, что о его народнохозяйственном значении говорить трудно. Чрезвычайно характерно, что монгольский ремесленник обычно бывал мастером на все руки: он и плотник, и кузнец, и башмачник... Сами монголы занимаются примитивной переработкой продуктов животноводства — катают кошмы, выделывают овчины, мерлушки, сыромять, ремни, прядут нитки, — но это производство обслуживает лишь их собственные потребности и носит вполне кустарный характер: здесь почти каждая юрта является мастерской; ремесленная специализация еще не успела выкристаллизоваться в сколько-нибудь законченные формы» [1921: 190, 220].

Подобных примеров можно привести еще очень, очень много.

По этой причине можно полагать, что, скорее всего, аналогичным образом дело обстояло и у хунну. В то же время это не означает, что в хуннском обществе ремесло отсутствовало вообще. Исследования, в частности С.С. Миняева [1982], показывают, что хуннское общество обладало развитой местной цветной металлургией, корни которой уходят в «позднескифское» время. Миняеву удалось выявить несколько самостоятельных центров бронзоли-тейного производства (Иволга, Джида, Чикой и др.). В то же время он признает, что масштабы развитости хуннской цветной металлургии (отсутствие кварталов ремесленников и пр.) уступали оседло-земледельческим цивилизациям. Кто же конкретно занимался металлургией – сами хунну, пленники или мигранты из Китая, бродячие ремесленники или же оседлое население Забайкалья – пока на этот вопрос сколько-нибудь точного ответа нет. Можно только предполагать, основываясь на изучении материалов Ивол-гинского могильника, что это не были кочевники хунну.

Подобные выводы можно сделать в отношении хуннского гончарства. Исследователями хорошо изучена эта самая массовая категория археологического материала [Доржсурэн 1961; Коновалов 1976:193— 198; Давыдова 1985: 38—43; Кубарев, Журавлева 1986; Дьякова, Коновалов 1988; Худяков 1989:135—140; и др.]. В хуннской керамике възделяются два «пласта»: более ранний генетически восходит к аборигенным культурам; второй, более поздний, связан с ханьским гончарством [Дьякова 1993: 275—276; Филиппова, Амоголонов 2000].

Таким образом, скотоводческая экономика эволюционировала в границах простого воспроизводства, ограниченного емкостью экологический зоны. При этом перед номадами всегда существовала

реальная опасность экологического стресса. Для разрешения этих проблем номадам приходилось включать социальные механизмы регулирования (например, ограничение рождаемости) и/или привлекать дополнительные источники существования.

Это могли быть иные формы хозяйства: охота, рыболовство и земледелие. Охоту номады любили, и часто она была для них тренировкой военных навыков. Но земледелие и рыболовство предполагали оседлость, а на оседлость номадов могли вынудить только исключительные обстоятельства. Они относились к оседлости с презрением. Чаще кочевники предпочитали развивать земледельческую экономику внутри своего общества путем включения в его состав мигрантов или пленников из соседних оседлых государств. Такие поселки зафиксированы у многих номадов Евразии и в аридных зонах Африки. Были подобные населенные пункты и у хунну (см. следующую главу).

В целом, если руководствоваться вышеперечисленным набором факторов политогенеза, то можно сделать вывод, что главные внутренние предпосылки складывания государственности (экология, демографический оптимум, рост прибавочного продукта, развитие ремесла) у кочевников отсутствовали. Какие же причины толкали тогда кочевников на разрушительные походы, на массовые переселения и на создание могущественных степных империй? Отвечая на эти вопросы, необходимо учитывать следующие важные факторы.

- (1) Этноисторические исследования современных пастушеских народов Передней Азии и Африки показывают, что экстенсивная номадная экономика, низкая плотность населения, не предполагают необходимости отсутствие оседлости развития сколько-нибудь легитимизированной иерархии. Следовательно, МОЖНО согласиться с мнениями тех исследователей, которые полагают, что потребность в государственности не была внутренне необходимой для кочевников [Lattimore 1940; Bacon 1958; Марков 1976; Buruham1979; Irons 1979; Khazanov 1984/1994; Fletcher 1986; Barfield 1992; Крадин 1992; 1994а; Голден 1993; Масанов 1995а; и др.].
- (2) Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С точки зрения мир-системного подхода, кочевники всегда занимали место «полупериферии», которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, «мир-империи»). В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой «полупериферии» была прямо пропорциональна размерам «ядра». Кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торговать с оазисами или нападать

на них, объединялись в племенные конфедерации или вождества; номады восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали «квазиимперские» государствоподобные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала «кочевая империя» [Grousset 1939; Lattimore 1940; Baifield 1981; 1992; Khazanov 1984/1994; Фурсов 1988; 1995; Крадин 1992; 1994а; Годден 1993; и др.].

- Имперская и «квазиимперская» организации у номадов Евразии развивались только в эпоху «осевого времени» [Ясперс1991] с середины I тыс. до н.э., когда создавались могущественные земледельческие империи (Цинь в Китае, Маурьев в Индии, эллинистические государства в Малой Азии, Римская империя наЗападе), и в тех регионах, где, во-первых, существовали достаточно большие пространства, благоприятные для занятия кочевым скотоводством (Причерноморье, поволжские степи, Халха-Монголияи т.д.), и, во-вторых, номады были вынуждены иметь длительные активные контакты высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китай, гунны и Римская империя, арабы, хазары, турки и Византия и пр.).
- (4) Прослеживается синхронность процессов роста и упадка земледельческих «миримперий» степной «полупериферии». Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Аналогичным образом Степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах небольшого промежутка времени один за другим. Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать, и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге [Barfield 1992].
- (5) Кроме этих генеральных закономерностей важную роль играли другие факторы (экология, климат, политическая ситуация, личные качества политических лидеров и даже везение), которые определяли ход исторического развития в каждом конкретном случае. Однако один из этой группы факторов следует выделить особо. Поскольку военные победы кочевых империй зависели, во-первых, от дисциплинированности военных подразделений и, во-вторых, лояльности подданных, которые были отделены как друг от друга, так и от «ставки» правителя большими расстояниями, это предполагало необходимость твердой централизованной системы

власти в кочевом обществе. Поэтому в истории евразийских степей можно проследить реальную корреляцию между военной политической мощью различных кочевых империй и талантливостью степных лидеров, возглавлявших эти образования (Атей у скифов, Аттила у гуннов, Таныиихуай у сяньбийцев, Темучжин у монголов и др.) [Радлов 1893: 73–75; Lattimore 1940: 513; Pritsak 1952: 51; Sinor 1970: 99; Lingner 1982: 705; и др.].

История Хуннской державы является ярким примером, иллюстрирующим данную концепцию. В течение многих столетий древние китайцы и северные «варвары» соседствовали друг с другом. Периоды мирных торговых связей сменялись войнами между ними, набегами степняков и наоборот. Однако на протяжении многих веков кочевники не нуждались в империальной власти. Для этого не было никакой необходимости. Почему же хунну создали на рубеже III—II вв. до н.э. свою степную империю?

Главная причина образования первой в истории Центральной Азии кочевой империи находилась за пределами степного мира. К середине I тыс. до н.э. на Среднекитайской равнине сложились реальные предпосылки для формирования единого древнекитайского этноса. К этому времени жители практически всех древнекитайских царств осознали себя единым народом (хуася), который отличен по языку и культуре от окружающих «варваров». Чуть позже национальное единство было подкреплено политическим объединением. Лидерство в этих процессах принадлежало царству Цинь. В 228 г. до н.э. было разгромлено царство Чжао, в 225 г. пало царство Вэй, через два года — Чу, еще через год — Янь. В 221 г. до н.э. было покорено царство Ци и, наконец, были завершены кровопролитные междоусобные войны V–III вв. (период «Воюющих царств») и впервые в истории Поднебесной было создано централизованное общекитайское государство — империя Цинь.

Появление мощного соседа на Среднекитайской равнине грозило хунну и другим номадам серьезными проблемами. Раньше, в период «воюющих царств», китайцы главным образом были заняты внутренними проблемами, а кочевники могли время от времени совершать успешные набеги на юг либо торговать с земледельцами, чтобы получать необходимую скотоводам ремесленно-земледельческую продукцию. Теперь же номадам противостояло единое мощное экспансионистское государство. Это государство имело прочную централизованную экономическую базу, обладало многочисленной вымуштрованной армией с опытными военачальниками и вело активную внешнюю завоевательную политику. Таким образом, баланс

сил между «севером» и «югом», между номадами и Поднебесной изменился явно не в пользу кочевников. С этого времени начинается принципиально новый этап во взаимоотношениях между Китаем и Степью.

Хунну быстро почувствовали последствия объединения Китая. Уже в 215 г. до н.э. по приказу правителя Цинь военачальник Мэн Тянь возглавил громадную армию численностью, по разным китайским источникам, от 100 до 500 тыс. человек [Лидай 1958: 15; Материалы 1968: 37, 127 прим. 75; Parker 1892/1893: 6–7; Сыма Цянь 1984: 75; Great Wall 1986: 101] и отвоевал у кочевников Ордос, славившийся своими тучными пастбищами.

Китайские источники сохранили выразительную характеристику данных земель, изложенную, правда, в докладе более позднего времени, который представил один из придворных ханьскому императору Юань-ди:

«С востока на запад более 1000 ли тянутся горы Иньшань, покрытые роскошной травой и густым лесом, изобилующим птицей и зверем. Именно среди этих гор шаньюй Маодунь нашел себе прибежище, здесь он изготовлял луки и стрелы, отсюда совершал набеги, и это был его заповедник для разведения диких птиц и зверей» [Лидай 1958: 229; Бичурин 1950а: 93–94; Материалы 1973: 39-^0].

После побед Мэн Тяня кочевники не могли поить своих коней в Хуанхэ и были вынуждены отступить в степь. Жители пограничных территорий утверждали, что потеря Ордоса явилась для номадов тяжелым моральным ударом: «После того, как сюнну потеряли горы Иньшань, они всегда плачут, когда проходят мимо них» [Лидай 1958: 229; Бичурин 1950а: 94; Материалы 1973: 40]. На отвоеванных территориях Мэн Тянь построил более 40 крепостей, воздвиг мощные фортификационные сооружения по берегам Хуанхэ, проложил дороги, связывавшие Ордос с внутренними районами государства. Занятые земли были разделены на 34 уезда, которые заселили переселенцами с юга и преступниками, сосланными на границы империи [Сыма Цянь 1975: 75].

Самым впечатляющим мероприятием этой кампании явилось строительство Великой китайской стены (ванми чанчэн — «стены длиной в 10 тыс. ли»), которая, по замыслу Цинь Шихуаньди, должна была стать надежным барьером на пути волн варварских набегов с севера. На ее сооружении трудилось громадное количество солдат, осужденных преступников, государственных рабов и крестьян-общинников, принудительно мобилизованных на работы со всех провинций империи [Great Wall 1986].

Даже спустя многие столетия Великая китайская стена продолжает удивлять своими размерами исследователей и путешественников. Трудно удержаться от того, чтобы не привести красочное описание Великой стены, содержащееся в путевых записках Н.М. Пржевальского:

«Она сложена из больших камней, связанных известняковым цементом. Впрочем, величина каждого камня не превосходит нескольких пудов, так как, по всему вероятию, работники собирали их в тех самых горах и таскали сюда на своих руках. Сама стена в разрезе имеет пирамидальную форму, при вышине трех сажен и около четырех в основании. На более выдающихся пунктах, иногда даже не далее версты одна от другой, выстроены квадратные башни. Они сделаны из глиняных кирпичей, наложенных вперемешку по длине и ширине и проклеенных известью. Величина башен различна; небольшие из них имеют по шести сажень в основании боков и столько же в ширину» [1875: 25].

Однако было бы наивным полагать, что Великая стена представляла собой столь грандиозное зрелище на всем своем протяжении. Как тут не вспомнить крылатую мысль, сказанную, правда, совсем по иному поводу и в другое время, что беспощадная суровость тоталитарного государства вполовину смягчается безобразным исполнением его законов.

«...В местах же удаленных от надзора высшей администрации знаменитая Великая стена, которую европейцы привыкли считать характерною принадлежностью Китая, представляет не более, как разрушенный временем глиняный вал, сажни три вышиною [Пржевальский 1875: 26] ...По северную сторону этого вала (но не в нем самом) расположены на расстоянии пяти верст одна от другой сторожевые глиняные башни, каждая три сажени вышиною и столько же в квадрате у основания» [там же: 216].

В целом попытка Цинь Ши-хуаньди решить «северный вопрос» посредством активной экспансии не принесла особенного успеха. Его попытки разом расправиться с кочевниками оказались в конечном счете обреченными на неудачу. Номады вместе с семьями и скотом легко ускользали от императорских армий. Не принесла задуманных результатов и колонизация Ордоса. Тучные ордосские пастбища, по которым еще долго тосковали хуннские пастухи, оказались плохо пригодными для земледелия. Сами китайцы подчеркивали, что «[приобретенные] земли состояли из озер и солончаков, не производили пяти видов злака* [Материалы 1968: 112]. Эта характеристика не расходится с описанием Н.М. Пржевальского [1875: 127]:

«По своему физическому характеру Ордос представляет степную равнину, прорезанную иногда, по окраинам, невысокими горами. Почва везде песчаная, или глинисто-соленая, неудобная для возделывания. Исключение составляет только долина Хуанхэ, где ... оседлое китайское население».

Многочисленные усилия по распахиванию земель пропали даром. Природа не любит бездумных экспериментов. Наконец, сооружение Великой китайской стены (вкупе с другими крупномасштабными строительными проектами Цинь Ши-хуаньди) обошлось нации ценой чудовищного перенапряжения сил, что в конечном счете привело империю к гибели.

Для осуществления успешного противостояния Китаю и/или внешней экспансии (с целью получения земледельческо-ремесленной продукции) кочевникам была необходима интеграция большого количества населения, рассеянного по огромным степям, в единый военно-политический механизм. Для этого нужна была сильная власть. Так рождались крупные объединения кочевников (племенные конфедерации, вождества) и даже целые степные ксенократические (от греч. ксено — «наружу» и кратос — «власть») государственноподобные политии — кочевые империи (ранее я предложил называть такие общества экзополитарными — от греч. экзо — «вне» и полития — «общество», «государство» и др.) [Крадин 1992; 1994; 1994а; 1995а; 2000ж; Kradin 1993; 1995; 1996; 2000; и др.].

Какой смысл скрывается за понятием «кочевая империя»? На этот счет существуют разные точки зрения [Крадин 1989; 1992:168; Васильев, Горелик, Кляшторный 1993: 33; Трепавлов 1993: 17–18; 1993а: 173–175; Кляшторный, Савинов 1994: 6; и др.]. Рассматривая данный вопрос, прежде всего следует определиться с термином «империя». Это слово обозначает такую форму государственности, которой присущи два главных признака: (1) большие территории и (2) наличие зависимых или колониальных владений. Р. Тапар со ссылкой на труды С. Айзенштадта было предложено определять империю как общество, состоящее из «метрополии» (ядра империи) — высокоразвитого экспансионистского государства и территории, на которую распространяется ее влияние («периферии»). Периферией могли являться совершенно разные по уровню сложности типы социальных организмов: от локальной группы до государства включительно. По степени интегрированности этих подсистем империи автор выделила «раннюю» и «позднюю» империи. В ранней империи, по ее мнению, метрополия и периферия

не составляли прочной взаимосвязанной единой системы и различались по многим показателям, таким, например, как экология, экономика, уровень социального и политического развития. К числу классических примеров ранних империй можно отнести Римскую державу, Инкское государство, королевство Каролингов и др. Поздняя империя характеризуется менее дифференцированной инфраструктурой. В ней периферийные подсистемы функционально ограничены и выступают в форме сырьевых придатков по отношению к развитым аграрным, промышленным и торговым механизмам метрополии. В качестве примера можно сослаться на Британскую, Германскую или Российскую империи начала нынешнего столетия [Eisenstadt 1963: 6–22, 61ff; Thapar 1981: 410£f].

Одним из вариантов «ранней» империи следует считать «варварскую империю». Принципиальное отличие последней заключалось в том, что ее «метрополия» являлась «высокоразвитой» только в военном отношении, тогда как в социально-экономическом развитии она отставала от эксплуатируемых или завоеванных территорий и, по существу, сама являлась «периферией» и «провинцией» (допустимо, что она могла не быть государством). Все империи, основанные кочевниками, были варварскими. Однако не все варварские империи основывались кочевниками. Поэтому «кочевую» империю следует выделять как вариант варварской. В таком случае кочевую империю можно дефинировать как общество номадов, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые нескотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежей, войн и контрибуций, вымогания «подарков», неэквивалентной торговли, данничества и т.д.).

Можно выделить следующие признаки «кочевых империй»:

- (1)многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями;
- (2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принципы административного деления империи;
- (3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному» принципу;
  - (4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры;
- (5) специфическая система наследования власти (империя –достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай);

(6) особый характер отношений с земледельческим миром [Крадин 1989; 1992; 1994а; 1999 и др.].

Необходимо также отличать классические кочевые империи от:

(1) подобных им смешанных земледельческо-скотоводческих империй с большой ролью в их истории кочевого элемента (Арабскийхалифат, государство сельджуков, Дунайская Болгария, Османскаяимперия) и (2) более мелких, чем империи «квазиимперских» кочевнических государствоподобных образований (касситы, гиксосы, европейские гунны, авары, венгры, Приазовская Булгария, каракидани, татарские ханства после распада Золотой Орды).

Выделяются три модели кочевых империй: (1) **типичные** империи – кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии. Получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством *дистанционной* эксплуатации: набеги, вымогание «подарков» (в сущности, рэкет, неэквивалентная торговля) и т.д. (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры, Первое Скифское царство и пр.);

(2) **даннические** империи — земледельцы зависят от кочевников; форма эксплуатации — *данничество* (Хазарский каганат, империя Ляо, Золотая Орда, Юань и пр.); (3) **завоевательные** империи —номады завоевывают земледельческое общество и переселяются на его территорию (Парфия, Кушанское царство, поздняя Скифия ипр.). На смену грабежам и данничеству приходит регулярное *налогообложение* земледельцев и горожан [Крадин 1992: 166—178;1994a; 1999; Kradin 1995; 2000].

Структурно даннические кочевые империи были промежуточной моделью между типичными и завоевательными кочевыми империями. От типичных империй их отличали: (1) более регулярный характер эксплуатации (вместо эпизодических грабежей, вымогаемых «подарков» и тд. – данничество); (2) как следствие этого – урбанизация и частичная седентеризация в степи; (3) усиление антагонизма среди кочевников и, возможно, трансформация «метрополии» степной империи из составного чифдома в раннее государство; (4) формирование бюрократического аппарата для управления завоеванными земледельческими обществами.

Завоевательные империи от даннических кочевых империй отличались: (1) более тесным симбиозом экономических, социальных и культурных связей между номадами и подчиненными земледельцами в завоевательных империях номадов; (2) в даннических империях простые скотоводы были опорой власти, тогда как в завоевательных империях кочевая аристократия осуществляла политику разоружения, седентеризации и ослабления вооруженных скотоводов;

(3) для завоевательных империй характерно не взимание дани, а регулярное налогообложение земледельцев. Последняя модель представляет собой не столько кочевую империю, сколько уже оседло-земледельческую, но с преобладанием в политической сфере и в военной организации кочевников-скотоводов.

Можно выделить четыре варианта образования степных держав. Первый вариант представляет собой классический путь внутренней интеграции племенного номадного этноса в централизованную империю. Как правило, данный процесс был обусловлен появлением в среде кочевников талантливого политического и военного деятеля, которому удавалось объединить все племена и ханства, «живущие за войлочными стенами», в единую империю (Тань-шихуай у сяньби, Абаоцзи у киданей, Чингисхан у монголов). После объединения кочевников для поддержания единства страны правитель должен был организовать поступление прибавочного продукта извне. Если ему это не удавалось, империя разваливалась. Так как наиболее часто данный вариант образования степной империи ассоциируется с именем Чингисхана, его можно называть монгольским.

Второй вариант был связан с образованием на периферии уже сложившейся кочевой империи политического объединения с сильными центростремительными тенденциями. В борьбе за независимость это объединение свергало своего эксплуататора и занимало его место в экономической и политической инфраструктуре региона. Данный путь можно проследить на примере взаимоотношений тюрков и жужаней, уйгуров и тюрков, чжурчжэней (с долей условности, поскольку они не совсем кочевники) и киданей. Условимся называть данный вариант *тюркским*.

Третий вариант был связан с миграцией номадов и с последующим подчинением ими земледельцев. В литературе сложилось мнение, что это был типичный путь возникновения кочевых империй. Однако на самом деле завоевание крупных земледельческих цивилизаций часто осуществлялось уже сформировавшимися кочевыми империями (кидани, чжурчжэни, монголы). Классическим примером такого варианта становления кочевых (точнее, теперь «полукочевых» или даже земледельческо-скотоводческих) империй явилось образование государства Тоба Вэй. В то же время чаще эта модель встречалась в более мелких масштабах в форме «квазиимперских» государствоподобных образований кочевников (аварская, болгарская и венгерская державы в Европе, эпоха смуты IV— VI вв. в Северном Китае [«эпоха 16 государств пяти варварских

племен»], каракидани в Восточном Туркестане). Этот вариант условимся называть *гуннским*.

Наконец, существовал последний, четвертый, относительно мирный вариант. Он был связан с образованием кочевых империй из сегментов уже существовавших более крупных «мировых» империй номадов – тюркской и монгольской. В первом случае империя разделилась на восточнотюркский и западнотюркский каганаты (на основе западного каганата позже возникли Хазарский каганат и другие «квазиимперские» образования номадов). Во втором случае империя Чингисхана была разделена между его наследниками на улус Джучидов (Золотая Орда), улус Чагатаидов, улус Хулагуидов (государство ильханов), империю Юань (собственно Халха-Монголия и Китай). Впоследствии Золотая Орда распалась на несколько независимых друг от друга ханств. Этот вариант можно называть, например, хазарским.

Хунну классически вписываются в первую *монгольскую* модель, для которой было характерно появление среди кочевников яркого харизматического лидера. Таким лидером у хунну стал шаньюй Модэ. Рассмотрим его биографию более подробно.

Модэ и легенда о его воцарении

Расцвет хуннского общества и образование степной империи принято связывать с именем второго известного из летописей шаньюя хунну Модэ. В 110-м цзюане своих *«Исторических записок»* Сыма Цянь передает интересный рассказ о приходе Модэ к власти [Лидай 1958: 16; Бичурин 1950а: 46–48; de Groot 1921: 49–52; Материалы 1968: 38–39].

Модэ был старшим сыном и наследником правившего в конце III в. до н.э. шаньюя Тоуманя. Однако со временем Тоумань решил завещать свой титул другому сыну, от более молодой и любимой жены (яньчжи). Для этого он решил хитростью избавиться от Модэ. Последний был направлен к юэчжам в качестве почетного заложника (номады практиковали такую форму мирного договора), а сам тем временем коварно напал на кочевья юэчжей. По всем правилам степной политики Модэ должны были убить, но он проявил свои незаурядные личные качества. Обманув своих охранников, Модэ выкрал коня и ускакал на нем в Халху. Тоумань был вынужден по достоинству оценить храбрость своего сына. Он вверил ему в управление «тьму» – 10 тыс. всадников.

Модэ осознавал шаткость своего положения. Он прекрасно понимал, что шаньюй только и ждет удобного момента, чтобы избавиться от него. Спастись в этой неравной политической игре можно было, только опередив своих противников. Но для этого сначала нужно было обзавестись надежными сторонниками.

Первым делом Модэ начал военные тренировки в своем «тумэ-не». Изготовив для себя особые свистящие стрелы², однажды во время стрельб он заявил: «Всем, кто откажется стрелять вслед за мной, будут отрублены головы». На охоте он стал пускать свои свистящие стрелы по различным целям. Большинство воинов точно выполнили приказ. Нашлись, правда, некоторые шутники, которые посчитали, что «темник» просто забавляется, и проигнорировали приказание. Но Модэ не шутил. Он приказал отрубить им за несоблюдение приказа головы. Начало было положено.

Через некоторое время Модэ выстрелил в своего любимого коня. Некоторые из его воинов испугались стрелять вслед за ним. Тогда Модэ вновь приказал отрубить нарушителям дисциплины головы. Вскоре он выстрелил в свою самую любимую жену. Некоторые из его сподвижников отказались стрелять. Ладно лошадь, но ведь это была принцесса! Да к тому же из знатного клана. Но Модэ был непреклонен. Снова на степной ковер пролилась кровь непокорных.

Прошло еще какое-то время и однажды на охоте Модэ пустил свою свистящую стрелу в красивого аргамака своего отца. Все его соратники выстрелили вслед за ним. Модэ понял, что теперь они пойдут за ним и в огонь, и в воду. Осталось только подождать подходящего случая.

Вскоре такой случай представился. Была объявлена большая охота. Выбрав удобный момент, Модэ с группой преданных ему сподвижников подъехал на расстояние выстрела к отцу и пустил в него свистящую стрелу. Даже если у него в последний момент дрогнула рука, верные дружинники не промахнулись бы. Шаньюй моментально превратился в подобие большого ежа. Затем Модэ захватил ставку, казнил своего младшего сводного брата — официального наследника, его мать и всех вождей, отказавшихся подчиниться ему. После этого он объявил себя шаньюем.

Узнав о перевороте, восточные соседи хунну – монголо-язычные номады дунху посчитали, что у хунну сейчас царит неразбериха

 $^{^2}$ Трехлопастные стрелы-свистунки встречаются в археологических памятниках [Талько-Грынцевич 1902. Т. III: табл. II; Коновалов 1976: 178; Худяков 1986: 32, 33, 37; Давыдова 1995: 34 табл. 187, 7; и др.]. Они применялись для психического устрашения противника.

и решили напасть на них. Чтобы создать повод для войны, они направили посла с дерзким требованием отдать чудо-коня, принадлежавшего шаньюю Тоуманю, который мог пробегать в день 1000 ли. Все приближенные Модэ советовали отказать дунху, но Модэ сказал: «Разве можно для сохранения дружбы с соседним народом жалеть какого-то коня?».

Дунхуский правитель посчитал, что Модэ боится войны, и выдвинул еще более оскорбительное требование: отдать для него одну из шаньюевых жен. Все приближенные шаньюя были страшно возмущены и с негодованием предлагали объявить полную мобилизацию для войны с дунху. Однако на лице Модэ не дрогнул ни один мускул. Он произнес: «Разве можно из-за сохранения добрососедских отношений с соседним государством жалеть какую-то женщину?» – и приказал отправить к дунху любимую (!) яньчжи.

Правитель дунху решил, что ему все дозволено, и стал понемногу захватывать кочевки хуннских скотоводов в приграничных землях. Еще через некоторое время он прислал своего посланника с требованием отдать ему пустующие территории между владениями хунну и дунху (возможно, речь идет о территории Восточной Гоби, через которую проходит Калганский тракт). Модэ вновь собрал в своей ставке совещание приближенных лиц.

Трудно сказать, почему некоторые из сановников предложили отдать эти земли. Может быть, действительно, данные территории были плохо пригодны для скотоводства. Может быть, кое-кто, помня о двух аналогичных совещаниях, решил заработать себе политического капитальцу. Но, так или иначе, шаньюй поступил совсем по-другому. Он пришел в ярость и гневно вскричал: «Земля есть основа государства, разве можно отдавать ее!». После этого он повелел отрубить головы незадачливым советчикам и приказал всем воинам под страхом жестокой смерти седлать коней.

Внезапность – мощное оружие. Дунху совершенно не представляли, что с запада им может что-то угрожать. Они даже не выставляли караулы. Стремительным рейдом Модэ сокрушил разрозненные отряды дунхусцев, захватил ставку правителя и убил его. Скот, жены, сокровища бывшего врага – все теперь принадлежало ему. Добыча была огромной и досталась всем участникам похода.

Изложенные в эмоциональном тоне, данные события больше походят на вымысел, чем на правду. В этой истории слишком много всяких «если». Во-первых, политические перевороты готовятся в тайне. Здесь же все подготовительные мероприятия осуществлялись при большом стечении народа, и Тоумань вряд ли бы не узнал о них.

Во-вторых, почему убийство Модэ любимой (!) жены оказалось безнаказанным? Чем он объяснил такой жестокий поступок своему отцу и родственникам жены? Наверняка она являлась представительницей одного из знатных хуннских кланов, и Модэ после этого угрожала бы «кровная месть».

В-третьих, не много ли «любимых» жен? Одну из них Модэ застрелил, другую отдал правителю дунху. В источниках фигурирует еще одна любимая яньчжи³, которая уговорила Модэ выпустить из ловушки армию Гао-ди, попавшую в окружение поблизости от горы Байдэн [Лидай 1958: 18; Бичурин 1950а: 51; Материалы 1968: 41-42].

В-четвертых, как он смог организовать столь жестокий безнаказанный террор в своих владениях? «Степное ухо» быстро распространяет все новости по степи. Почему ни шаньюй, ни его приближенные не только не остановили террор, но даже не узнали о репрессиях, творящихся в одном из уделов Хуннской конфедерации?

В-пятых, если бы каждый предводитель пасторального общества так же рьяно рубил головы своим воинам и приближенным, как это делал Модэ, то вскоре он остался бы и без тех, и без других.

В-шестых, едва ли не самое невероятное в данной истории. Как Модэ посмел на глазах приближенных отца убить его любимую лошадь?! Общеизвестно, какое значение имеет для номада конь. Нанести удар чужому скакуну — значит нанести удар его хозяину [Рад-лов 1989: 282]. Убить любимого аргамака шаньюя — это означало не просто бросить ему вызов, а практически соответствовало плевку в лицо. Такое оскорбление не стерпел бы никто!

В-седьмых, в некоторых местах повествования имеются элементы, которые свидетельствуют о частичной переработке с течением времени сообщения китайскими информаторами или самим Сыма Цянем. К их числу, например, относится приказ Модэ стрелять в свою лошадь. У кочевников конь является предметом восхищения.

³ В комментариях к своим переводам *Ши Цзи» В.С. Таскин [Материалы 1968: 24] и Р.В. Вяткин [Сыма Цянь 1992: 370 прим. 21] пишут, что, скорее всего, в последнем случае история с женой вымышлена, чтобы скрыть военное бессилие и унижение китайского императора. Действительно, как в окружении можно послать гонца, который должен был преодолеть не только хуннские заслоны, но и пробраться в юрту к жене (!!) шаньюя? Скорее всего, Модэ снял блокаду, так как не дождался Хань Синя и побоялся понести большие потери во время штурма китайского лагеря. Возможно, скрытый намек на ложь был высказан Сыма Цянем в 56-й главе «Ши Цзи»: «Этот план [освобождения] остался секретным, и люди его времени о нем ничего не знали» [Сыма Цянь 1992: 230].

Ни у одного номада не поднимется рука выстрелить в коня. Коня могут украсть или принести в жертву Тэнгри. Стрелять по лошадям — на это мог сподобиться только китаец. Не уверен, кстати, что и изречение «земля — основа государства» не заимствовано Сыма Цянем из какого-либо дидактического источника.

Наконец, в-восьмых, неправдоподобен и факт отцеубийства. В истории кочевого мира в борьбе за престолонаследие часто встречались случаи убийства братьев, кузенов, дядей и других родственников с последующей узурпацией престола. Практически все основатели степных империй были узурпаторами и автократами, которые пришли к власти путем насилия. Но вот отцеубийство (особенно в той форме, как это было изложено Сыма Цянем) больше характерно для фольклора, чем для реальной истории кочевников Центральной Азии.

Впрочем, существование шаньюя Тоуманя как реального исторического лица также может быть поставлено под сомнение. Во всяком случае, его имя придает персоне первого шаньюя полулегендарный характер. Еще в начале XX в. Ф. Хиртом и К. Сиратори была замечена созвучность этого имени со словом «тоумэн» (toman), обозначавшим «десять тысяч» [Hirth 1900; Shkatori 1902]⁴. Если это верно, то почему мы не можем допустить, что Тоумань – это некий собирательный образ, а Сыма Цянь относительно факта отцеубийства оказался введенным в заблуждение своими информаторами? Тем более, что вся история хуннского этноса до интронизации Модэ, изложенная в летописных текстах, слишком затуманена и противоречива.

Вообще вся история возвышения Модэ очень напоминает сказку или эпическое произведение. Сюжет имеет четкую композиционную структуру, делится на две части. В первой излагается ход событий прихода Модэ к власти, во второй повествуется об его взаимоотношениях с правителем дунху и войне с ним, которая заканчивается, как это часто бывает в литературных произведениях, счастливым концом. Все события в обеих частях разворачиваются по принципу цепи, причем напряжение постепенно нарастает, пока, наконец, в максимальной стадии оно не заканчивается каким-либо действием. Такой способ построения сюжета, названный В.Я. Проппом эффектом кумулятивности [1976: 96–97, 241–257], был широко распространен в различных формах фольклорных произведений.

Другое принципиальное сходство истории возвышения Модэ с фольклорными произведениями заключается в принципе *троичности*

⁴ Де Грот транскрибирует его имя как Doiban [de Groot 1921: 47].

[там же: 96]. Все события цепи повторяются трижды (прямо как в сказке про Сивку-Бурку), но каждый раз с кумулятивным нарастанием напряжения. Сначала Модэ стреляет в своего коня (первая проверка своих воинов при стрельбе по разным мишеням композиционно не соответствует трем последующим случаям, и поэтому я ее опускаю), затем в жену и в коня своего отца. Только на *тремий* раз он добился единодушной поддержки своих воинов. Во второй части он отдает коня, жену и только на *тремий* раз садится на коня и отправляется в поход на дунху.

Третье сходство с фольклорными произведениями присутствует в композиционной структуре. В фольклоре конь и жена являются традиционными элементами, которых грозят забрать у главного героя враги, начиная от степных эпических сказаний *«Джангара»* или *«Гэсэра»* [см., например: Кичиков 1992: 202 и др.] и заканчивая русскими народными сказками об Иване-царевиче и сером волке. Дважды приходится Модэ расставаться с «любимыми» женами и «любимыми» скакунами.

Четвертое сходство рассказа с фольклорными произведениями заключается в факте отцеубийства.

Пятое сходство истории возвышения Модэ с фольклорными произведениями заключено в характеристике главных персонажей.

«В повествовательном фольклоре все действующие лица делятся на положительных и отрицательных... «Средних», каковых в жизни именно большинство, в фольклоре не бывает» [Пропп 1976: 100].

Нетрудно заметить, что в рассказе все лица делятся на тех, кто шагает в одном направлении с Модэ, и тех, кто сознательно или невольно идет против него. «Кто не с нами, тот против нас». В эпосе и в сказках все главные герои положительные. Они выражают, как правило, идеалы этнического или массового сознания. Даже если главному герою по ходу действия приходится совершать поступки, которые осуждаются в действительности (убийство отца или старших братьев – сюжет более распространенный в сказках, чем в жизни), это никак не отражается на его фольклорном имидже.

«Герой тот, кто побеждает, безразлично какими средствами, в особенности если он побеждает более сильного, чем он сам, противника» [там же].

В случае с Модэ мы видим полную аналогию вышесказанному. По логике легенды все его должны были люто ненавидеть. Он узурпатор-отцеубийца и кровавый тиран с деспотическими замашками. Однако ни в легенде, ни в последующей уже реальной истории

царствования вплоть до естественной смерти в 174 г. до н.э. Модэ не выглядит как диктатор (здесь, кстати, напрашивается определенная параллель с литературным образом Чингисхана и его реальной ролью в истории образования Монгольской империи).

Таким образом, излагаемая Сыма Цянем в *«Исторических записках»* версия прихода Модэ к власти представляет собой не пересказ реальных событий, а записанную китайским хронистом с чьих-то слов легенду. Сыма Цянь родился более чем через полстолетия после описываемых событий, а свой выдающийся трактат он начал писать только с 104 г. до н.э., когда с момента прихода к власти Модэ прошел уже целый век [см.: Кроль 1970; Крюков М.В. 1972; и др.]. Кочевники не знали письменности. Основным источником исторической памяти для них являлся эпос. Китайцам же в указанное время было не до северного соседа. В Срединном государстве в последние годы III в. до н.э. было «смутное время». Могли ли ханьцы знать, что делалось в степи, скорее всего, даже за Великой пустыней? Поэтому, вполне вероятно, что до Сыма Цяня дошел рассказ, слышанный им (или его информатором) от какоголибо хуннского сказителя или певца. В рассказе причудливо переплетаются элементы реальных исторических событий и элементы поэтического, эпического произведения. Где же здесь правда, а где вымысел, сказать очень сложно.

Специальные исследования творчества Сыма Цяня показывают, что он широко использовал в своем сочинении опросы современников тех или иных событий и даже рассматривал их как законный источник исторической информации [Кроль 1970: 363–372]. То, что современные исследователи называют «критикой источника», по всей видимости, ему было неизвестно [Васильев 1995: 38], что, вероятно, справедливо и в отношении других китайских летописцев.

Возможно, косвенным подтверждением правильности критического отношения к рассказу о Модэ как к историческому источнику являются попытки проследить некоторые параллели вышеупомянутого сюжета с легендой об Огуз-хане. Как известно, еще в середине прошлого века Н.Я. Бичурин высказал точку зрения о тождестве Модэ и Огуз-хана [1950a: 49, 56–57, 223, 225]. В той или иной степени эту идею поддержали более поздние исследователи [Бернштам 1935; 1951: 224-235; Толстов 1935: 28-29; 1948: 295–296; Таскин (см. Материалы 1968:129–130); Ельницкий 1977: 238; и др.].

Имеется несколько версий легенды об Огуз-хане [см., например: Радлов 1893: 21–39, 43–56; Рашид-ад Дин 1952а: 76–91; и др.].

Самым ярким сходством между ним и Модэ является разделение и тем, и другим своих владений на левое и правое крылья и на 24 структурных подразделения [Лидай 1958: 17; Бичурин 1950a: 49; Материалы 1968: 40; ср.: Радлов 1893: 36—39; Рашид-ад Дин 1952a: 76—78, 85]. Оба они узурпировали престол (события происходят на охоте). Некоторое сходство прослеживается в антипатиях и Огуз-хана, и Модэ к своим двум первым женам [Радлов 1893: 31—32]. Наконец, сын Огуза Кун-хан, подобно Лаошан-шаныою, имел своего умного советника по имени Игит-Иркыл-Ходжа (аналог Чжунхану Юэ), который провел важные административные преобразования в ханстве [Радлов 1893: 38; Рашид-ад Дин 1952a: 87].

Однако, как совершенно справедливо отметил Е.И. Кычанов, между сюжетами об Огузе и о Модэ имеются существенные различия.

«Тоумань хочет убить сына, чтобы сделать шаньюем другого сына, более любимого, Кара-хан хочет убить сына за то, что тот принял чужую веру, ислам. Разные сюжеты, в рамках которых должен быть реализован один умысел — убийство сына Сходство обнаруживается лишь в том, что 1) отец хочет убить сына; 2) все происходит во время охоты; 3) в итоге не отец убивает сына, а сын убивает отца и становится правителем» [Кычанов 1997: 250].

Вывод Е.И. Кычанова можно дополнить. Прежде всего сходство между 24 «темниками» Модэ и 24 «ветвями» Огуза чисто внешнее [Рашид-ад Дин 1952а: 85]. В последнем случае речь идет о 6 сыновьях Огуз-хана, у каждого из которых было по 4 сына, итого 24 внука Огуза. Структурно Хуннская держава основана совершенно по-иному. Она была разбита не на две, а на три части: «центр», «левое» и «правое» крылья. Крылья делились на подкрылья. Данными структурными подразделениями управляли четыре ближайших родственника шаньюя, носившие титулы «ванов» («князей»). Шаныою в управлении «центром» помогали два помощника. Из остальных 18 «темников» шестеро имели несколько более высокий статус [Лидай 1958: 17; Бичурин 1950а: 48–49; Материалы 1968: 40; и др.].

Графически данные отличия можно выразить так:

- Держава Модэ: (1->3->4 + 2->6 + 12);
- Xанство Огуза: (1 -> 2 -> 6 -> 2 -> 4).

В отличие от версии Сыма Цяня, легенда об Огуз-хане более реалистично описывает ход борьбы за власть. Согласно последней версии, отец Огуза Кара-хан знал о планирующемся заговоре и сам активно готовился к нему. Так называемая «охота» стала для обеих

сторон как бы местом официальной «разборки». Не было ни заговора, ни внезапности, ни коварного отцеубийства (Кара-хан погиб во время сражения по одной версии от чьей-то сабли, по другой – от случайной стрелы). Просто в схватке двух сил победила сильнейшая.

В советской литературе предпринимались попытки рассматривать легенду об Огуз-хане как исторический источник [см., например: Бернштам 1935]. Однако возможности получения из фольклора прямой исторической информации принципиально ограничены. Исследования фольклористов, в первую очередь В.Я. Проппа [1976], показывают, что эпос, сказки и другие формы фольклорных произведений не дают реального изображения конкретных событий и исторических деятелей. Судя по всему, этот вывод в немалой степени справедлив и в отношении легенды о Модэ, хотя в данном случае мы имеем дело, конечно, с не совсем фольклорным произведением.

Определенно можно сказать, что Модэ получил престол посредством свержения законного правителя (возможно, отца). Из второй части легенды ясно, что после переворота им были разбиты и подчинены дунху. Однако, пожалуй, этими событиями достоверная информация ограничивается. Мы можем лишь догадываться, как разворачивались реальные события. Теоретически они могли происходить в соответствии с сценарием «Ши цзи», когда Модэ перехитрил и убил своего отца. Но не менее вероятна и сюжетная линия легенды об Огузхане, повествующая о гражданской войне. Впрочем, события могли разворачиваться совсем иным, неизвестным нам путем.

По этой же причине нет возможности восстановить реальную хронологию событий. В фольклорных произведениях время нереально. Оно подчинено логике сюжета произведения. Все события, которые происходят с главными героями, развиваются по законам жанра (в данном случае по нарастающей), но не в соответствии с реальным историческим временем. До 209 г. до н.э. можно говорить только о хуннской «доистории». Конкретная событийная история начинается только после этой даты.

Становление империальной организации

Базисом хуннского могущества в Великой степи стала отлаженная военная система. Китайские источники неоднократно свидетельствуют о воинственном образе жизни с< верного соседа. С

раннего детства мальчики и юноши тренировались в стрельбе из лука и скачках на лошади. Все взрослые мужчины входили в состав военно-иерархической организации хуннского общества [Лидай 1958: 3, 31; Бичурин 1950а: 40, 58; Материалы 1968: 34, 46]. Хронисты образно именовали Хуннскую державу «царством военных коней», а самих номадов сравнивали с «вихрем» или «молниями», а в официальных документах, в противопоставлении оседлым китайцам, хунну именуются как народы, «натягивающие луки» [Лидай 1958: 32; Бичурин 1950а: 60; Материалы 1968: 48, 75].

Точное количество воинов, которое могла выставить в случае необходимости Хуннская держава, неизвестно, хотя данный вопрос интересовал еще ханьских лазутчиков. Самая большая численность хуннских воинов в 400 тыс. всадников указана Сыма Цянем в знаменитом 110-м цзюане «Ши цзи» в описании знаменитой Байдэнской битвы 200 г. до н.э. между Модэ и Гао-ди [Лидай 1958: 18; Бичурин 1950а: 51; Материалы 1968: 41], хотя в 99-м цзюане этого же трактата он приводит иное число хуннских кавалеристов — 300 тыс. человек [Материалы 1968: 71]. К последнему числу склоняется и В.С. Таскин, который суммировал все основные сведения из летописей на этот счет [1973: 5–6].

Имеется еще один вариант подсчета численности вооруженных сил Хуннской империи, который вполне согласуется с приведенными выше данными. В 110-м цзюане «Ши цзи», где подробно описывается политическая система хуннского общества периода правления Модэ [Лидай 1958: 17; Бичурин 1950а: 48-49; Watson 1961b: 163–164; Материалы 1968:40], сообщается, что из 24 «темников» (вань-ци) 10 наиболее знатных имели в своем подчинении не менее 10 тыс. всадников. Остальные 14 «темников» руководили несколько меньшими воинскими подразделениями. Можно смело считать, что это количество было никак не менее 5–7 тыс. лучников. Если суммировать эти данные, то получится, что численность войск левого и правого крыльев империи составляла около 170–200 тыс. человек. Если допустить, что шаньюй имел в подчинении примерно такое же количество воинов, что и командующие крыльев, то в совокупности это составляло около 250–300 тыс. человек.

Отсюда, кстати, следует еще один интересный вывод. Введение «удельно-лествичной» системы правления крыльями империи свидетельствует, что племена, входившие в состав левого и правого крыльев, не были столь же лояльны, как племена «центра». Они управлялись имперскими наместниками, являвшимися ближайшими родственниками шаньюя. Возможно, это служит доказательством

того, что именно племена центральной части составляли «ядро» хуннского этноса. Исходя из этого можно допустить, что численность «чистокровных» хуннов в империи была чуть более одной трети.

Какова была численность хуннского войска во время ведения боевых действий? Известно, что каждый свободный кочевник одновременно являлся воином [Лидай 1958: 31; Бичурин 1950а: 58; Материалы 1973:46]. Но вряд ли к большинству походов за добычей привлекались все номады сразу. В летописных источниках имеются данные о примерной численности хуннских армий, воевавших с Китаем. в 166 г. до н.э. — 140 тыс. человек [Лидай 1958: 31; Бичурин 1950а: 59; Материалы 1968: 47], в 140 г. до н.э. — 100 тыс. человек [Лидай 1958: 33; Бичурин 1950а: 62; Материалы 1968: 50], в 128 г. до н.э. — 20 тыс. человек [Лидай 1958: 34; Бичурин 1950а: 63; Материалы 1968: 51], в 125 г. до н.э. — 90тыс. человек [Лидай 1958: 44; Бичурин 1950а: 64; Материалы 1968: 52], в 103 г. до н.э. — 80 тыс. человек [Лидай 1958: 48; Бичурин 1950а: 71; Материалы 1968: 59], в 97 г. до н.э. — 100тыс. человек [Лидай 1958: 50; Бичурин 1950а: 73; Материалы 1968: 61; 1973: 19], в 90 г. до н.э. — 50 тыс. человек [Лидай 1958: 191; Бичурин 1950а: 76; Материалы 1973: 21], в 80 г. до н.э. — 100 тыс. человек [Лидай 1958: 204; Бичурин 1950а: 78; Материалы 1973: 24].

В целом средняя численность хуннских войск была около 90 тыс. всадников, что составляло примерно третью часть всего военного потенциала державы. Это примерно сопоставимо с численностью войск Монгольской империи. К началу похода на Цзинь армия Чингисхана составляла около 100 тыс. всадников (95 «тысяч» плюс «тысячи» из так называемых «лесных» племен).

Интересно, что в годы кризиса Хуннской империи (78–28 гг. до н.э.) численность воинских подразделений, совершавших набеги на Китай, была намного меньше 10–20 тыс. человек [Лидай 1958: 205, 207; Бичурин 1950а: 80, 82-83; Материалы 1973: 24, 28-29].

Что представляла собой хуннская армия? Сыма Цянь описывает вооружение и тактику хуннского войска:

«Из оружия дальнего действия [они] имеют луки и стрелы, из оружия, применяемого в ближнем бою, — мечи и короткие копья с железной рукоятью. Если сражение складывается благоприятно [для них] — наступают, а если неблагоприятно — отступают» [Лидай 1958: 3; Бичурин 1950а: 40; Материалы 1968: 34].

Археологические материалы подтверждают данные письменных источников. Действительно, основу хуннского вооружения составляли лук и стрелы [см., например: Коновалов 1976: 173–179;

Давыдова 1985: 46–49; Цэвэндорж 1985: 79; Худяков 1986: 26–43, 46–48, 51; и др.]. Стрельба из лука на дистанции являлась традиционной тактикой не только для хунну, но и для кочевников Евразии древности и средневековья. Источники сообщают о ее существовании, например, у скифов, сарматов, гуннов, тюрков, уйгуров, кимаков, огузов, сельджуков, скотоводов Южной Сибири, монголов [Мелюкова 1964; Хазанов 1971; Черненко 1981; Худяков 1986:62, 105-106,133,160-163,169,174, 178,198; Агаджанов 1991: 149, 205; Першиц 1994: 154–159; Гмыря 1995: 180–181 и др.], хотя, безусловно, распространение данного способа ведения военных действий только этими народами не ограничивалось. Даже с появлением тяжелой кавалерии основу войска номадов, как правило, продолжали составлять легковооруженные всадники.

В самой могущественной из степных армий всех времен и народов – монгольской продолжали господствовать традиционные принципы боя:

«Они (т.е. монголы. – H.К.) неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой» [Плано Карпини 1957: 53].

В то же время предметов вооружения ближнего боя в хуннских памятниках пока обнаружено немного, хотя встречаются как предметы защитного вооружения, так и палаши, кинжалы, копья и булавы [Цэвэндорж 1985: 79; Худяков 1986: 25–52].

Из всего этого следует, что основу хуннских войск составляли легковооруженные всадники, а их тактика базировалась на дистанционном обстреле врага из луков. Массированный обстрел врага на расстоянии приносил большой урон, тогда как в ближнем бою хуннский кинжал или меч значительно уступал китайской алебарде. Не случайно в знаменитом Байдэнском сражении 200 г. до н.э. шань-юй Модэ так и не рискнул отдать приказ своим воинам броситься в рукопашную схватку, в результате чего стороны пошли на заключение мира. Но в то же самое время хуннские обоюдоострые палаши были длиннее акинаков, которыми были вооружены народы Саяно-Алтая, что, по мнению Ю.С. Худякова [1986: 217–218], предопределило превосходство в ближнем бою хуннской конницы.

Однако более важную роль в возвышении хунну сыграли организационные и военные преобразования, произведенные шанью-ем Модэ. В первую очередь это так называемая «десятичная» система, согласно которой вся армия делилась на воинские подразделения в 10, 100, 1000 и 10 000 человек. Судя по всему, данная система существовала

у хунну еще до Модэ (см. первый раздел этой главы), однако последний, видимо, распространил ее не только на хуннские племена, но и на всех кочевников, включенных в состав крыльев империи.

Открытие принципа иерархии (в том числе и «десятичной» системы) сыграло в истории военного дела не менее важную роль, чем, например, изобретение колеса для развития техники. Важность «десятичного» принципа заключается в том, что иерархические системы в военном отношении гораздо выгоднее. Они способны гораздо быстрее организоваться из составляющих частей, нежели неиерархические организованные системы, состоящие из того же количества компонентов. Войско, имевшее более организованную структуру (при прочих факторах), обладало значительным тактическим преимуществом в сравнении с войском, не имевшим никакой или худшую военную организацию [Крадин 1992: 142— 143]. Военная история дает бесчисленное множество примеров, когда малочисленные армии побеждали превосходящих противников только из-за того, что имели лучшую организацию. Возможно, сейчас вышесказанное может показаться банальностью, но не стоит забывать, что речь идет о племенном обществе, для которого базисные принципы социальной организации были совсем другими, отличными от основ государственного общества.

Второе важное организационное нововведение Модэ прямо связано с первым. Жесткая военная иерархия предполагает строгую дисциплину. Этот принцип внутренне был чужд племенным вождям с их сепаратизмом. Летописи не дают никаких сведений на этот счет, но вожди наверняка вносили определенную неорганизованность в ходе масштабных военных кампаний против соседних народов (аналогия с поведением русских князей на Калке не выглядит неуместной). Чтобы преодолеть сепаратистские тенденции, Модэ пришлось прибегнуть к силе и расправам с недовольными (это отражает легенда). После установления строгого порядка была введена жесткая военная дисциплина. Возможно, отчасти это фиксируется в той части легенды, где говорится, что Модэ приказал отрубить головы всем опоздавшим на мобилизационные пункты для войны с дунху [Лидай 1958: 16; Бичурин 1950а: 48; Материалы 1968: 39]. Аналогия с монгольскими порядками, которую, в частности, заметил В.С. Таскин в комментариях к своему переводу «Шицзи» [Материалы 1968:132–133 прим. 92], выглядит потрясающей. Одно из записанных изречений Чингисхана гласит:

«Каждый из эмиров тумэна, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать наготове свое войско с тем, чтобы

выступить в поход в любое время, когда прибудет фирман и приказ, безразлично ночью или днем!» [Рашид ад-Дин 1952: 264].

Модэ с полным правом может считаться гениальным предшественником Чингисхана, первым в истории Центральной Азии объединившим все кочевые народы в единую степную империю. Многое из того, что нередко приписывается исключительно гениальности Чингисхана, на самом деле было лишь повторением (правда, надо оговориться, что Чингисхан самостоятельно «изобрел» идею «степной империи») того, что уже случалось в истории Халха-Мон-голии на 1400 лет раньше.

В период правления шаньюя Тоуманя хуннов с трех сторон окружали воинственные соседи. С запада с ними граничили могущественные юэчжи (пазырыкская культура)⁵. Определенную опасность представляли динлины (татарская культура) и носители уюкской (иначе саглыкской) археологической культуры [Савинов 1989]. С востока хунну угрожали монголоязычные дунху, которые в данный момент были объединены под предводительством единого вождя. Возможно, хунну платили дунху какое-то время дань, что в закамуфлированной форме отражено в легенде о Модэ. Наконец, с юга хунну теснили армейские корпуса Мэн Тяня, выбившие степняков из полюбившегося им Ордоса.

Соседям это было только на руку. С одной стороны, они восприняли борьбу за власть в хуннском обществе как явный показатель ослабления политического единства Халхи. Это хорошо отражает вторая часть легенды о воцарении Модэ, где повествуется об усилении давления дунхуского правителя на хунну. С другой стороны, убийство шаньюя Тоуманя давало определенный предлог для вмешательства во внутрихуннские дела. Модэ не мог не понимать, что его внутреннее положение в первую очередь будет зависеть от того, насколько он сможет решить внешнеполитические проблемы.

Мы не знаем, какова была доля хуннских племенных вождей, поддержавших переворот Модэ. Однако очевидно, что далеко не все позитивно восприняли убийство законного правителя. Убив Тоуманя, Модэ захватил политическую власть, но его реальное положение было очень непрочным. Выражаясь языком современной науки, ему

Возможно, отголосок хунно-юэчжийских войн подтверждается археологическими данными из Пазырыкских курганов [Кляшторный 1983: 168–169; Кляшторный, Савинов 1998].

необходимо было легитимизировать свой статус. Но как правильно повести себя в такой ситуации? Модэ пошел по пути, которому следовали практически все его последователи – основатели крупных степных империй Евразии. Он начал войну против соседей.

Трудно сказать, просчитывал ли Модэ вероятные последствия войны с дунху, действовал ли он по интуиции или, приказав седлать коней, поступил в данном случае чисто импульсивно. Это уже не столь важно. В конечном счете победителей не судят. Он вернулся домой на крыльях Виктории и с богатой добычей. Этим Модэ приобрел авторитет умелого и, что тоже весьма немаловажно, удачливого воителя, а раздачей богатых даров своим сподвижникам и вождям племен, не участвовавших в походе (и хотя сведений таких в летописях нет, убежден, что все было именно так), авторитет щедрого правителя. Принято считать, что эти события случились около 209 г. до н.э. Они красочно описаны в рассмотренной выше легенде. Однако легенда не отражает реальную хронологию событий. Анализ летописей показывает, что даже после разгрома дунху до полной победы было еще далеко.

Следующие шаги Модэ свидетельствуют об его верности избранной тактике: пришел, увидел, победил. Скорее всего уже в следующем году он отправляется в поход против другого заклятого врага и главного противника хунну на западе степи — против юэчжей. Юэчжи потерпели сокрушительное поражение и больше не могли помешать распространению хуннской экспансии в Южную Сибирь и Восточный Туркестан. Вне всякого сомнения, эта победа придала Модэ еще больший авторитет и престиж. Но и далее своими политическими шагами Модэ только увеличивал свою харизму. Через несколько лет, пользуясь политическим кризисом в Китае, он подчинил на юге племена лоуфань и байян и вернул «исконно хуннский» Ордос. Затем в течение трех последующих лет подчинил на севере хуньюев, цюйшэ, динлинов, гэгуней и синьли (подробнее об этих завоеваниях см.: Грумм-Гржимайло 1926: 94— 95). И только после этих походов, когда на всех границах, кроме южной, воцарились спокойствие и мир,

«все знатные люди и сановники сюнну подчинились [ему] и стали считать шаньюя Маодуня мудрым» [Лидай 1958: 18; Би-чурин 1950a: 504; Материалы 1968: 41].

^{* «}Мудрость в данном случае – несомненный китаизм В комментарии Н Я Бичурина к этой фразе сказано «Кит слово хяиь, мудрый, заключает в себе значение слов- способнейший, образованнейший и добродетельнейший [1950a 50 прим 6] Очевидно, что достойный власти правитель, согласно конфуцианской морали, должен был обладать именно этими качествами.

В общей сложности это заняло около 10 лет. Много это или мало? Для сопоставления можно сообщить, что Таньшихуай начал свою карьеру четырнадцатилетним подростком и достиг вершины за 4–5 лет. Но это уникальный случай. Путь к власти других основателей степных империй был гораздо тернистее и длиннее. Так, Абаоцзи, прежде чем узурпировать власть, 9 лет был выборным предводителем киданьского племенного союза. Неизвестно точно, когда родился Темучжин, и когда он стал первый раз ханом небольшого улуса. Но, в любом случае, только спустя 10–30 лет ему удалось объединить всех монголов в единое государство. Нетрудно заметить здесь определенное сходство с историей прихода к власти шаньюя Модэ. Но никогда не следует забывать, что Модэ был первым, кто проследовал по этому пути.

После подчинения Хуннской державой соседних народов последние были включены в орбиту хуннского влияния, хотя, судя по всему, непосредственно в состав имперской конфедерации они не входили. Поскольку данные отношения нередко складывались вне поля зрения китайцев, они отражены в летописях намного хуже, чем взаимоотношения между Хунну и Хань. Тем не менее хуннское влияние на северных соседей фиксируется антропологическими материалами [Бураев 1993; 1996]. В многочисленных памятниках Тувы, Хакасии, Алтая и Прибайкалья встречаются самые разнообразные артефакты хуннского типа: черешковые трехлопастные наконечники стрел (в том числе и с известными по легенде о Модэ знаменитыми свистунками), костяные накладки луков, железные пряжки с подвижным бронзовые поясные ажурные пластины, пуговицы-бляшки с зооморфными изображениями и пр. [Киселев 1949: 268-272; Кызласов 1969: 115-124; 1979: 79-84; Смотрова 1991; Мандельштам, Стамбульник 1992; Пшеницына 1992: 231-232; Дашибалов 1995: 131-136; 1996; Ки-рюшин, Мамадаков 1996; Молодин, Черемисин 1996]. Прослеживается хуннское влияние и на восточных границах имперской конфедерации на территории Читинской области [Ковычев 1984: 11– 16; Ковычев, Ковычев 1996; и др.]. Не совсем ясно, насколько хуннское влияние распространилось на территории Восточной Маньчжурии, Приморья и Приамурья. Сыма Цянь писал, что границы Хуннской державы на востоке распространились до Чо-сона и вэймо [Лидай 1958:17]. Вэймо (кор. емэк) в хуннское время

Н.Я. Батурин [1950a: 49] этноним *вэймо* перевел как *сумо*, на что в свое время обратил внимание Н.В. Кюнер, исправивший ошибку [1961: 310]. Впоследствии В.С. Таскин перевел данный этноним как *хуйхэ* [Материалы 1968: 40]. Большинство исследователей полагают, что здесь должно стоять похожее, но несколько иное сочетание иероглифов, читаемое как *веймо* [Панов 1918; Кюнер 1961: 310; Watson 1961b: 163-164; Воробьев 1994: 192].

ориентировочно расселялись в Юго-Восточной Маньчжурии на территории, которую позже заняли фуюйцы. Никаких данных об их отношениях с хунну в источниках обнаружить не удалось.

В периоды могущества Хуннской державы племена «метрополии» практиковали в отношении соседей различные формы эксплуатации на расстоянии: набеги с целью запугивания или получения контрибуции, неэквивалентную торговлю, данничество. Они получали, например, дань со своих заклятых врагов протомонго-лов (дунху, ухуаней) [Лидай 1958: 244; Бичурин 1950a: 103, 105,144; Материалы 1973: 54; Материалы 1984: 297–298, 328].

«С тех пор как ухуани были разбиты Маодунем, народ ослабел и всегда подчинялся сюнну, ежегодно поставляя им крупный рогатый скот, лошадей и шкуры овец. В случае если [дань] представлялась не в срок, сюнну забирали у них жен и детей» [Материалы 1984: 65].

Обложены данью были и народы Саяно-Алтая и Тувы. Они управлялись хуннскими наместниками и поставляли в метрополию слитки мелталла и ремесленную продукцию [Кызласов 1984: 10– 12]. Оседлое население богатых оазисов Западного края платило номадам дань земледельческими продуктами, тканями, изделиями ремесленников [Бичурин 19506: 216; Материалы 1973: 126; Кыча-нов 1997: 37; и др.], было обложено ямской повинностью [Бичурин 19506:161, 188]. Скорее всего, определенную мзду получали кочевники и от контроля над караванными путями в страны Запада.

Другой не менее распространенной формой эксплуатации на расстоянии было осуществление набегов на соседей с целью грабежа и захвата пленников. Первый такой набег упоминается уже в легенде о Модэ, где говорится, что Тоумань совершил набег на юэчжей. Там же сообщается о походе Модэ против дунху. Впоследствии хунну многократно совершали подобные акции (в том числе и с карательной целью) против кочевых народов Внутренней Монголии, Забайкалья, Южной Сибири и даже Казахстана, оседлых оазисов и государств Восточного Туркестана [Лидай 1958: 16, 18, 29, 205, 208, 241; Бичурин 1950а: 45-50, 55; 19506: 155, 218; Материалы 1968: 38-39, 41, 43; 1973: 25-26, 30, 49, 125; 1984: 65, 70; и др.].

Наконец, известно, что народы, зависимые от хунну, были обязаны поставлять воинские контингенты для участия в боевых действиях

на стороне метрополии кочевой империи или выполнять аналогичные обязанности на своей территории [Бичурин 1950a: 154; 19506: 155, 214; Материалы 1973: 125; 1984: 70, 75; и др.].

Следует оговориться, что такое положение существовало не всегда. В периоды кризисов и ослабления хунну народы, зависимые от державы, переставали платить дань, поставлять воинские формирования и даже сами (и/или в сговоре с китайцами) совершали набеги на владения бывшего сюзерена. Но как только ситуация внутри метрополии кочевой империи стабилизировалась, карательные рейды хуннских полководцев возвращали бунтовщиков и изменников к покорности. Такая ситуация сохранялась практически до распада Хуннской империи в середине I тыс. н.э.

Глава 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Кочевое скотоводство

Основные черты экстенсивного скотоводческого хозяйства мало изменились с течением времени. В жестких экологических условиях пастбищных экосистем были выработаны специфические способы адаптации к природной среде, которые подверглись лишь некоторым изменениям на протяжении столетий. Специальные исследования по сопоставлению экономики древних, средневековых и более поздних кочевников показывают, что видовой состав стад и процентное соотношение различных видов, протяженность и маршруты перекочевок во многом детерминированы структурой и продуктивностью ландшафта. Это прослеживается при сравнении средневекового населения и жителей недавнего прошлого Северной Каракалпакии, древних сарматов и калмыков этапа нового времени, ранних и поздних кочевников Казахстана, населения Тувы I тыс. н.э. и XEX – начала XX в., кочевников Южного Приуралья и Калмыкии в различные эпохи, монголов периода империи и современности [Цалкин 1966; 1968; Вайнштейн 1972; Хазанов 1972; Таиров 1993: 15–16; Динесман, Бодц 1992; Акбулатов 1998; Шишлина 2000; и др.].

По этой причине представляется возможным привлекать исто-рико-статистические и этнографические данные по номадам нового и частично новейшего времени для реконструкции экономических, демографических, социально-политических структур и процессов у кочевников, проживавших на данной территории в эпохи древности и средневековья [Хазанов 1972; 1975а; Шилов 1975; Железчиков 1980; Khazanov 1984/1994; Гаврилюк 1989; Косарев 1989; 1991; Gribb 1991; Barfield 1992; Таиров 1993; Тортика и др. 1994; Иванов, Васильев 1995; Шишлина 1997; 2000; и др.].

Наиболее общие сведения о скотоводческой экономике хуннского общества содержатся в первых строках 110-й главы «UUu u_3u »

[Ледай 1958: 3]. Перевод этого фрагмента вызвал значительные разногласия среди исследователей. Н.Я. Бичурин перевел его так:

«Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород» [Бичурин 1950a: 39–40].

Н.В. Кюнер предлагает данный фрагмент перевести несколько иначе: «большинство их скота — лошади, коровы и бараны. Что касается их необычного скота, то [он состоит из] верблюдов, ослов, мулов и отличных коней» [1961: 308].

В переводе В.С. Таскина этот отрывок выглядит так:

«Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, а из редкого скота — верблюдов, ослов, мулов, *калров, тоту и таны»* [Материалы 1968: 34].

В интерпретации де Грота *tcamipoe* следует переводить как мулов, а *momy* как лошадей. Термин *таны* де Грот не переводит [de Groot 1921: 3].

В.С. Таскин посвятил специальную статью, посвященную разбору названий трех последних животных [Таскин 1968: 29–30]. По его мнению, слово $\kappa a/nip$ скорее всего обозначало «лошак», то есть помесь лошади с ослом. Термин *тоту*, по всей видимости, обозначал «пони», древнетюркское слово *таны* – «кулан».

Таким образом, из рассмотренного фрагмента летописи следует, что хунну вели традиционный образ существования для кочевников-скотоводов. Состав стада был классическим для кочевников-скотоводов евразийских степей и включал все пять основных видов разводимых номадами животных: лошадей, овец, коз, верблюдов и крупный рогатый скот (буряты, например, называли данное явление *табан хушуу мал*, т.е. «скот пяти видов» [Батуева 1992: 15]). Помимо этого у хунну имелись и другие виды разводимых животных.

Из всех видов домашнего скота лошадь имела для кочевников наиважнейшее экономическое и военное значение. Не случайно именно там, где получило распространение так называемое «всад-ничество» (в Евразии и Северной Африке; причем для афроазиатского номадизма роль лошади выполнял верблюд), кочевники играли важную роль в военной и политической истории доин-дустриальных цивилизаций [Jettmar 1966: Iff; Хазанов 1975: 7; Першиц 1976: 289; 1994: 154-155, 161-163; Khazanov 1990: 6ff; и др.].

Н.Э. Масанов отмечает и другие положительные качества лошади: рефлекс стадности, способность к тебеневке, подвижность,

сила и выносливость, способность терморегуляции, самовыпаса, необязательность ночлега итд. В то же время он фиксирует ряд черт, осложнявших расширенное использование лошади в скотоводческом хозяйстве: необходимость большого числа пастбищ и частых перекочевок, замедленный цикл воспроизводства (сезонность размножения, беременность 48–50 недель, поздний возраст полового (5–6 лет) и физического (6–7 лет) созревания, низкий (всего до 30%) процент выжеребки, избирательность в воде и кормах и пр. [1995а: 67-68].

Исследования палеофаунистических останков показывают, что хуннские лошади (Equus caballus) по своим экстерьерным свойствам близки к лошадям монгольского типа. Высота в холке тех и других равнялась 136-144 см [Гаррут, Юрьев 1959: 81-82]. Монгольские лошади были небольшого роста, неприхотливы, выносливы и хорошо адаптировались в местных суровых природно-климатических условиях. Лошадь использовалась для верховой езды, перевозки грузов, а у бурят – дополнительно в работе на сенокосе. Важную роль выполняла лошадь при пастьбе скота зимой. В случае образования снежного покрова лошадей пускали на пастбище первыми, чтобы они своими копытами разбили плотный покров и добрались до травы (тебеневка). По этой причине для нормального выпаса овец и крупного рогатого скота соотношение лошадиювцы в стаде должно быть не менее чем 1:6. В целом лошадь играла важнейшее место в хозяйственной и культурной жизни номадов, что нашло отражение в фольклоре и обрядовой жизни. Не случайно богатство монголов, бурят, как и других кочевых народов, определялось количеством у них лошадей [МКК 13: 2-7, 105-113; Крюков НА. 1895: 80-83; 1896: 89; Мурзаев 1952:46-48; Батуева 1986: 10-11; 1992: 17-20; Ситнянский 1998: 129; и др.], а в глазах цивилизованных жителей городов и оседлых селений мифологизированный образ воинственного кочевника ассоциировался со свирепым кентавром: наполовину человеком – наполовину лошадью.

Некоторые дополнительные данные можно получить, основываясь на информации о скотоводстве в Забайкалье. Известно, что бурятская лошадь относилась к лошади монгольского типа. В Забайкалье лошадь использовалась для работы с 4 лет при средней продолжительности жизни около 25 лет. Лошадь могла перевозить груз весом 200–400 кг, под седлом проскакать 50 верст без отдыха, а некоторые – до 120 верст за день [МКК 13: 2–7; НАРБ, ф. 129, оп. 1, д. 2400: 19-22; Крюков НА. 1896: 89].

Можно предположить, что хуннская элита использовала кроме обычных для номадов Центральной Азии лошадей монгольского типа знаменитых среднеазиатских скакунов «с кровавым потом» (например, ахалтекинцев). Во всяком случае, на драпировке из 6-го кургана из Ноин-Улы изображены породистые скакуны, отличные по своим экстерьерным признакам от мелких приземистых монгольских лошадок [Руденко 1962: табл. LXIII].

Крупный рогатый скот хунну также относился к монгольскому типу. Об этом свидетельствуют измерения остеологических материалов из коллекций Иволгинского городища [Гаррут, Юрьев 1959: 81]. Его высота в холке была около ПО см, вес около 340–380 кг. ЮД. Талько-Грынцевич, определяя остеологические коллекции из могильника Ильмовая падь, предположил, что это помесь домашнего быка (Bos taurus) с яком (Poephagus grunnienis L.) [1899: 15].

Сопоставляя эти данные с информацией о современных животных Монголии и Бурятии, нетрудно заметить их сходство. В целом крупный рогатый скот более поздних номадов Забайкалья был хорошо приспособлен к суровым местным условиям. Однако он давал гораздо меньше молока, чем при стойловом содержании животных, и отличался меньшим весом, а также хуже переносил перекочевки на длинные расстояния, чем овцы и козы. Для него характерна весьма низкая скорость передвижения, неэкономное освоение пастбищ, слабо выраженные рефлексы тебеневки и стадности. Для крупного рогатого скота характерен замедленный цикл воспроизводства (беременность 9 месяцев, рождаемость до 75 телят на 100 маток) [РГИА, ф. 1265, оп. 12, д. 104а: 100 об.-101 об.; МКК 13: 7-9, 113-124; Крюков Н.А. 1895: 80-82; Мурзаев 1952:44-46; Балков 1962; Миронов 1962; Бонитировка 1995; Батуева 1986: 10; Масанов 1995а: 71; Тайшин, Лхасаранов 1997; и др.].

На хуннских памятниках также встречались останки овец (Ovis aries) [Талько-Грынцевич 1899: 15; 1902: 22; Коновалов 1976: 43, 47, 52, 55, 57, 59, 61, 77, 92, 209; Данилов 1990: 11-12]. Овцы не требовали особенного ухода, достаточно быстро воспроизводились, легче, чем другие породы, переносили бескормицу. В отличие от других видов скота они более неприхотливы к пастбищным условиям. Из более чем 600 видов растений, произрастающих в аридных зонах Северного полушария, овцы поедают до 570, тогда как лошади – около 80, а крупный рогатый скот – лишь 55 разновидностей трав [Тайшин, Лхасаранов 1997: 14].

Овцы способны пастись на подножном корме круглый год, пить грязную воду с повышенной минерализацией, а зимой обходиться

без воды, поедая снег, легче переносят перекочевки, чем крупный рогатый скот, меньше теряют веса и способны к быстрой нажировке. Овцы являлись для кочевников источником основной молочной и мясной пищи. Баранина считалась по своим вкусовым и питательным качествам лучшим мясом. Из овечьей кожи изготавливался основной ассортимент одежды, а из шерсти катался незаменимый для номадов войлок [РГИА, ф. 1265, оп. 12, д. 104а: 100; МКК 13: 11-12, 128-133; Крюков НА. 1896: 97; Эггеннберг 1927; Мурзаев 1952: 44–46; Балков 1962; Миронов 1962; Бонитировка 1995; Линховоин 1972: 7–8; Тумунов 1988: 79–80; Тайшин, Лхасаранов 1997; и др.].

Овцы ягнились обычно в апреле или в мае (беременность 5 месяцев). Чтобы это не происходило ранее, скотоводы применяли методы контроля за случкой животных (использование специальных передников, мешочков, щитов из бересты и пр.). Плодовитость овец составляла примерно 105 ягнят на 100 маток. Чтобы приплод был обеспечен достаточным количеством молока и свежей травы, случка овец производилась в январе-феврале [Линховоин 1972: 8; Бонитировка 1995: 5; Тайшин, Лхасаранов 1997: 65-68].

После зимних голодовок овцы гораздо быстрее восстанавливали свой вес и за лето прибавляли почти 40% массы [Тайшин, Лхасаранов 1997: 38–39]. Средняя масса монгольских и аборигенных бурятских баранов равнялась 55–65, а овец 40–50 кг [Бонитировка 1995: 5, 8; Тайшин, Лхасаранов 1997: 21–23, 42]. Чистый выход мяса с одной головы равнялся 25–30 кг [Крюков НА. 1896: 97; 1896а: 120]. Кроме мяса, овцы являлись источником шерсти. Овец стригли, как правило, один раз в год, в конце весны – начале лета. Буряты настригали с одной овцы 2,5 фунта шерсти [Крюков НА. 1896а: 120; Линховоин 1972: 7, 44].

Хунну также разводили коз (Сага hircus). Их кости встречаются в могильниках Забайкалья. В Ильмовой пади, например, их около 40% – самая представительная коллекция из всех видов жертвенных животных [Коновалов 1976:208]. Однако, скорее всего, по аналогии с другими кочевниками Центральной Азии можно предположить, что коз у бурят (как и у других номадов Центральной Азии и Сибири) было в целом немного (5–10% от общего поголовья стада). Их разведение считалось менее престижным, чем содержание в стаде овец. На этот счет у бурят существовала даже специальная пословица: «Ядапан хун ямаа бариха» («коз держит неимущий») [Батуева 1992: 16].

Кости верблюда (Camelus bactrianus) встречаются на хуннских памятниках в Забайкалье достаточно редко. Они были обнаружены, в частности, на Иволгинском городище ГГаррут, Юрьев 1959: 80-81; Давыдова 1995: 47]. Находки костей верблюда известны и в Ноин-Уле в Монголии [Руденко 1962: 197], а также подтверждены древнекитайскими письменными источниками [Лидай 1958: 3; Бичурин 1950а: 39-40; Кюнер 1961: 308; Материалы 1968: 34]. Среди главных достоинств верблюда следует отметить его способность длительное время (до 10 суток) обходиться без воды и пищи, а также умение пить воду с высокой степенью минерализации и поедать виды растительности, непригодные для скармливания другим видам домашних животных. Не менее важными достоинствами верблюда являлись его мощная сила, высокая скорость передвижения (что обусловило его стратегическое значение для североафриканских номадов), большая масса (до 200 кг чистого мяса и около 100 кг сала), длительный лактационный период (до 16 месяцев) и пр. В частности, в прошлом веке у бурят верблюдов содержали главным образом в богатых хозяйствах. Они использовались для перевозки грузов. Под вьюком верблюд способен перевезти до 300 кг, а в санях – до 500 кг со скоростью 7-8 км/ч. Правда, по сравнению с лошалью или волом верблюд более придирчив к дороге (он неустойчив на гололедице или в грязи). Через три часа дороги ему нужно давать время отдохнуть. Для верблюдов также характерно отсутствие рефлекса тебеневки, необходимость больших площадей выпаса, плохое перенесение холодов и сырости, замедленный цикл воспроизводства (половая зрелость 3-4 года, низкая фертильность самок – примерно раз в 2–3 года, длительный период беременности (более года), низкая рождаемость – 35-45 верблюжат на 100 маток. В Забайкалье мясо и молоко верблюдов в пищу не использовались [РГИА, ф. 1265, оп. 12, д. 104а: 101 об.-102; МКК 13: 10-11, 124-127; Линховоин 1972: 7-8; Хёфлинг 1986: 58-65; Батуета 1992: 22; Масанов 1995а: 70-71; и др.].

Наконец, необходимо упомянуть еще об одном виде домашних животных – собаке – постоянном помощнике и спутнике человека начиная с глубокой древности. Коллекции костей собак (Canis domesticus; по определению В.Е. Гаррута и К.Б. Юрьева – Canis familiaris) из могильника Ильмовая падь были определены Ю.Д. Талько-Грынцевичем. Он предположил, что собаки хунну Забайкалья были близки к современным монгольским собакам [1899: 14].

Как же соотносились между собой различные виды скота в дроцентном отношении? Относительно хунну у нас таких сведений нет, но мы с полным основанием можем воспользоваться этнографическими параллелями с более поздним временем. Самым ценным видом скота считались лошади, но наиболее многочисленными в стаде в процентном соотношении были овцы [НАРБ, ф. 2, оп. 1, д. 1612:45; ф. 129, оп. 1, д. 42: 7 об.-8; д. 129:1-2; д. 217:2-3; д. 342: 2; д. 2110: 7 об.; д. 3275:13 об.; д. 3291: 12 об., 13; д. 2355: 140, 142 об.; д. 3462: 23; д. 3945: 164-164 об., 184, 191 об.; ф.131, оп. 1, д. 98: 10 об.-11; Д. 488: 234; ф. 267, оп. 1, д. 3: 76, 76 об., д. 6: 96 об., 118 об.; ф. 427, оп. 1, д. 50: 212; МКК 13: 12-15; Майский 1921; Певцов 1951; Krader 1963:309–317; Хазанов 1975; Шилов 1975:9–14; Массой 1976: 38, 45; Khazanov 1984/1994; Gribb 1991: 28-36; Батуева 1986: 8–9; 1992; 1999; Динесман, Балд 1992: 175–196; Тортика и др. 1994; Иванов, Васильев 1995; Масанов 1995а; Шишлина 1997; 2000; и мн. др.]. Овцы, в целом, занимали 50–60%. Примерно 15–20% стада составляли лошади и крупный рогатый скот. Оставшаяся часть приходилась на коз и верблюдов, которых в структуре стада было меньше всего.

Численность номадов

Какова была численность номадов в Хуннской империи? Основываясь на данных о количестве воинов у хунну, можно приблизительно рассчитать численность населения империи в целом. Методика, традиционно применяемая в кочевниковедении, очень проста. Не без оснований считается, что количество воинов примерно соответствует общей численности взрослых мужчин (у хунну: «все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками» [Лидай 1958: 3; Бичурин 1950a: 40; Материалы 1968: 34]). Намио Эгами [Едаті 1963; см. также: Тас-кин 1968: 41–44] тщательно проанализировал многочисленные данные, содержащиеся в китайских исторических хрониках, о соотношении общей численности кочевников с количеством воинов и пришел к выводу, что это соотношение 5:1. Из летописей [Лидай 1958: 294; Бичурин 1950a: 128; Материалы 1973: 84] дополнительно известно, что после распада империи у южных хунну в 90 г. н.э. было 34 000 семей, 237 300 человек и 50 179 воинов (соотношение 4,7:1). Экстраполируя эти данные на время расцвета Хуннской державы, можно рассчитать максимальную численность населения степной империи в годы царствования Модэ:

 $300\ 000\ x\ 5 = 1\ 500\ 000\$ человек. Такого мнения о численности хунну придерживаются многие исследователи [de Groot 1921: 53; Таскин 1973: 5–6; Крюков и др. 1983: 113; Гумилев 1989; Кляшторный, Султанов 1992: 61; и др.].

Насколько правильны подобные расчеты? Исследования по теоретической и сравнительной демографии показывают, что определение доли взрослых мужчин в 1/5 часть от общей численности населения для кочевников вполне правдоподобно [см., например: Пирожков 1976: 64, 134–135; ср. МНР 1986: 25]. Другое дело, в какой степени точны сведения древних летописцев. Китайцы имели солидную для своего времени статистику, но едва ли китайские лазутчики могли дать реальную информацию о блуждающих «в поисках воды и травы» номадах, «отрезанных горными долинами и укрытых песчаной пустыней». Оценки имеют приблизительный характер. Знаменитый Чжунхан Юэ говорил, что численность номадов была меньше населения одной ханьской области [Лидай 1958: 30; Бичурин 1950а: 57; Материалы 1968: 45], но в то же время другой источник (цзянь 48 «Хань шу») свидетельствует, что количество кочевников было сопоставимо по величине с населением крупного китайского округа [см.: Loewe 1974: 80-81]. Теоретически также можно допустить, что «сто тысяч» для китайцев в данном случае означало не реальное число, а понятие, близкое по смыслу (но не по содержанию!) русскому *тьма* (нечто вроде «очень, очень много») [Гумилев 1960: 60–61]. Возможно, что «триста тысяч» обозначает три раза по «очень, очень много», т.е. отражает административно-территориальное деление Хуннской империи на центр, левое и правое крылья. Иррациональный характер значения числа «триста тысяч» отмечался и другими авторами [Кляшторный, Султанов 1992: 340].

В то же самое время Л.Н. Гумилев не без оснований считал данные Сыма Цяня стандартным преувеличением китайских хроник. Он основывался на том, что население Монголии даже в середине XX в. было вдвое меньше расчетного [1960: 79]. Действительно, к 1918 г. (более репрезентативному для сопоставления с хунну) население Монголии составляло около 650 000 человек [МНР 1986:25]. Даже в XX столетии численность скотоводов осталась примерно на таком же уровне, хотя в целом население Монголии возросло за счет урабанизационных процессов почти в три раза [Марковска 1972: 290; Батнасан 1978: 69; МНР 1986: 23, 28].

По этой причине более надежны расчеты численности населения кочевых обществ на основе определения продуктивности пастбищных ресурсов и вычисление на основе этого вероятного поголовья

стад животных и численности скотоводов. Подобная методика основана на моделировании энергетических процессов в экосистемах, определении вероятной численности диких и домашних животных, а также людей на основе первичной биопродукции аридных пастбищ. Поскольку человек является одним из компонентов экосистемы, людей может быть столько, сколько их способно прокормиться за счет имеющихся в экосистеме ресурсов. Следовательно, численность кочевников прямо опосредована количеством разводимых животных. В свою очередь, численность домашних животных зависит от объемов пастбищных ресурсов. Нарушение равновесия экосистемы (например, чрезмерное стравливание пастбищ) ведет к кризису. Экосистема автоматически стремится восстановить оптимальное соотношение между трофическими уровнями. В сложившейся ситуации (если нет возможности откочевать на другие территории) животным не хватает кормов, они гибнут от истощения и голода, хуже переносят зимние холода. Это сразу же отражается на численности самих номадов, их благосостоянии и политической системе. Со временем баланс между продуктивностью пастбищ, поголовьем животных и количеством людей, кочевавших на данной территории, восстанавливается.

В отечественном кочевниковедении одним из первых попытался использовать данные экологии для определения численности населения Б.Ф. Железчиков, применив их к истории сарматов Южного Приуралья и Заволжья [1984]. Однако в его расчеты вкралась досадная ошибка [Халдеев 1987], он не учел несколько важных обстоятельств: наличие в экосистеме помимо домашних еще и диких копытных животных, обязательное деление пастбищ на зимние и летние, неодинаковое количество кормов, съедаемых разными видами домашних животных, характер питания самих скотоводов и пр. В настоящее время появились более совершенные методики, которые учитывают эти и другие факторы [Гаврилюк 1989: 17–24; 1999: 113–129; Тортика и др. 1994; Иванов, Васильев 1995:53, 57, 60-61; и др.].

Авторы данных разработок совершенно справедливо отмечают, что кочевники никогда не эксплуатировали всю территорию разом. Они поочередно переходили со своими стадами в соответствии с годовым хозяйственным циклом. Еще китайский евнух Чжунхан Юэ отметил эту особенность экономики хунну: «скот же питается травой и пьет воду, переходя в зависимости от сезона с места на место» (выделено мной. — Н.К.) [Лидай 1958: 31; Материалы 1968: 46]. Особенно важным в этой оценке, с моей точки зрения,

представляется то, что Чжунхан Юэ определенно указывает на существование у хунну упорядоченной системы маршрутов сезонных перекочевок.

В кочевниковедении принято выделять несколько различных моделей кочевания (кочевая, полукочевая, полуоседлая и т.п.), а также несколько типов сезонного передвижения номадов (меридиональный, радиально-круговой, широтный, эллипсоидный и пр.). Данные по монголам конца прошлого и первой половины нынешнего века позволяют глубже раскрыть этот аспект проблемы. У современных монголов нет единственной схемы перекочевок. Одни номады, как, например на Ононе, уходят на зиму в тихие предгорные долины или даже в горы, а летом спускаются в широкие плодородные долины рек. Скотоводы Гобийского Алтая, наоборот, летом кочуют со своими стадами на горных пастбищах, а зимой перемещаются в предгорья. В целом в Халха-Монголии известно не менее десятка различных вариантов моделей сезонного кочевания. Основная часть монголов кочует со скотом в среднем 2-4 раза в год. Однако количество перекочевок и радиус кочевания существенно разнятся в зависимости от продуктивности пастбищ. В плодородных хангайских степях номады кочуют в пределах 2-15 км. В гобийских полупустынных районах радиус намного больше – от 50 до 70 км. Самые большие перекочевки – в пределах 100-200 км – совершают монголы Убур-хангайского и Баянхон-горского аймаков. Количество перекочевок в этих аймаках может достигать 50 и даже более [Мурзаев 1952: 48–49; Грайворонский 1979: 136; Динесман, Бодц 1992: 193-194].

Интересно также сопоставить эти сведения с соответствующими данными по Забайкалью. Буряты предпочитали устраивать летники поближе к источникам водопоя, тогда как зимние пастбища выбирали в местах покосов, по возможности защищенных от ветров (в распадках, у подножий сопок и гор), а также там, где оставалось много ветоши [РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1242: 12]. В середине XIX в. хоринские буряты перекочевывали от двух до четырех раз в год. Деревянные юрты составляли примерно четвертую часть от общего их количества. Но общее число оседлых жителей также было невелико: 308 человек из 38 тысяч населения Хоринского ведомства. Кударинские и баргузинские буряты войлочных юрт уже не имели, жили летом в деревянных юртах, а зимой в домах русского типа. Перекочевки они совершали всего два раза в год с зимников на летники и обратно. Селенгинские буряты, которые были расселены, кстати, в местах наибольшей концентрации археологических

памятников хунну, кочевали, как правило, четыре раза в год, совершая сезонные перекочевки между пастбищами. Количество войлочных и деревянных юрт у селенгинских бурят было одинаковым [Кудрявцев 1954: 190–192].

Только значительные природные катаклизмы (снегопады, засухи) могли привести к нарушениям сложившихся маршрутов перекочевок и крупных миграций в пределах нескольких сотен километров [НАРБ, ф. 129, оп. 1, д. 452: 1-2, 10-11; д. 512: 45, 46, 49; Д. 575: 1; д. 574: 1, 14-14 об.; д. 575, д. 1-4 об.; МКК 13: 66; Мурзаев 1952: 49; Зиманов 1958: 32; Шахматов 1964: 31–33; и др.].

В то же время необходимо иметь в виду, что границы Хуннской державы не были постоянными на протяжении 250 лет существования степной империи. Крупные политические события периодически нарушали сложившиеся модели кочевания. Вытеснение номадов из Ордоса при Цинь Шихуанди (215 г. до н.э.), а затем снова при ханьском императоре У-ди в конце II в. до н.э., привело к массовым переселениям номадов на север за пустыню Гоби и необходимости пересмотреть устоявшиеся в Халха-Монголии ареалы кочевания хуннских племен. Еще один серьезный период нарушений традиционных систем кочевок связан с гражданской войной 60–36 гг. до н.э. Сформировалось несколько различных враждующих между собой группировок, из числа которых выжили две наиболее мощные, возглавляемые братьями Чжичжи и Хуханье. Первоначально противостояние между ними осуществлялось по оси «север» – «юг», позже переместилось в плоскость «запад» – «восток». Последнее крупное нарушение традиционных систем кочевания связано с распадом Хуннской державы в 48 г. на «северную» и «южную» конфедерации.

В связи с этим все производимые ниже расчеты справедливы только в отношении стабильной экологической, хозяйственной и политической ситуации в обществе хунну, когда номады имели достаточно устойчивые маршруты передвижения и стабильные, закрепленные традицией сезонные пастбища.

Представляется очевидным, что наиболее важными для годового выпаса скота были именно зимние пастбища. Нельзя не согласиться с точкой зрения, что именно зимние пастбища лимитировали в конечном счете общее количество поголовья домашнего скота [Гаврилюк 1989: 18; Тортика и др. 1994: 52–53]. Поскольку Для степей Монголии характерны бесснежные зимы, практически все ее пастбищные территории были потенциально пригодны для организации зимовок. Тем не менее, как показывает практика,

площадь зимних пастбищ занимала 30-50% от всех имеющихся ресурсов.

Формула емкости (или нагрузки) пастбищ, рассчитанная специалистами по животноводству, выглядит следующим образом:

$$H = Y : (\coprod x K),$$

где H — продуктивность пастбищ, Y — урожайность корма, Д — период использования пастбищ (зимний сезон условно длится 90 дней), K — потребность животных в кормах (в кг или кормовых единицах).

Урожайность различных участков монгольских степей колеблется в зависимости от природно-климатических зон и от времени года от 0,6–2 ц/га в пустынях до 9–20 ц/га в долинах рек. Средняя урожайность колеблется в пределах 2,5–3,5 ц/га [Цэрэндулам 1975; Динесман, Болд 1992: 172; Dugarjav, Galbaatar'2000: 241].

Однако необходимо иметь в виду два важных обстоятельства: во-первых, величина (У) не должна была равняться 100%, так как стравливание всей травы вело к дигрессии пастбищ (в современном кочевом скотоводстве в Монголии коэффициент использования травяного покрова принимается за 0,5; для древности и средневековья, видимо, следует принять величину 0,3 [Динесман, Болд 1992: 209]); во-вторых, продуктивность пастбищ в осенний период была примерно на 30% меньше, чем в летнее время года, а в весеннее и зимнее время составляла 35—38% от валового урожая трав [Динесман, Болд 1992: 198–199].

Примем условную величину отчуждаемого травостоя с зимних пастбищ при нагрузке на пастбища в 30% за 1 ц/га. Также известно, что питательная ценность одного килограмма зимних трав (ветоши) равняется примерно 0,32 кг условных *кормовых единиц* (1 к.е. = 2500 ккал энергии) [Виноградов 1986; пит. по: Тайшин, Лхасаранов 1997: 77]. Воспользуемся этими данными и рассчитаем величину (Y):

1 ц/га x
$$0.32 = 32$$
 кг к.е./га.

Величина (Д) условно принимается за 90 дней – продолжительность зимнего сезона.

Величина (К) известна по исследованиям в области животноводства. Суточная потребность в кормах одной овцы оценивается в 0,91 к.е. (4–5 кг сухой массы). Кормовая потребность одной головы крупного рогатого скота равняется 4,7, а лошади – 6,1 от условной головы овцы [Динесман, Болд 1992: 198; Тайшин, Лхасаранов 1997: 75].

Для удобства расчетов имеет смысл привести все эти данные к единому знаменателю. АА. Тортика, В.К. Михеев и Р.И. Кортиев проделали большую работу по систематизации ряда сведений о количестве разных видов животных, приходящихся на одно хозяйство в различных номадах Евразии (хунну, тангуты, монголы разных эпох, калмыки, казахи, киргизы, тувинцы, каракалпаки). Основываясь на этих данных, они предложили ввести некий условный эквивалент в **36 условных овец** на одного человека [1994: 54–56]. Эти выводы перекликаются с аналогичными расчетами других исследователей [Семенюк 1958: 72; Толыбеков 1959: 131; 1971: 158; Руденко 1961; Потапов 1975: 20; Хазанов 1975: 164–165; Марков 1976: 152, 157, 190; Радченко 1983: 145-146; Косарев 1984: 136; Масанов 1995а: 202–204].

Рассчитаем теперь по формуле из работы А.А. Тортики, В.К. Михеева и Р.И. Кортиева вероятное количество населения хунну, кочевавшего на территории Западного Забайкалья. Формула численности кочевого населения основана на приведенной выше формуле определения нагрузки на пастбища, используемой в современном сельском хозяйстве и выглядит следующим образом:

Числтш = (K с X У X П зим): (К X Д);

Числтах = Kтах X (Kс X Y X Π 3 μ M) : (K X Д).

Кроме уже известных переменных (У – урожайность в килограммах кормовых единицах сухой массы на 1 га (32 кг к.е./га), К – суточная потребность в кормах (0,91 к.е.), Д – количество зимних дней – 90), здесь введены новые величины:

Пзим – площадь зимних пастбищ, Кс – коэффициент поправки на социальное расслоение, Ктах – коэффициент максимального изъятия корма.

Площадь зимников обычно составляет 30–50% от общей площади территории пастбищ. Численность сельскохозяйственных угодий в Монголии оценивается по разным источникам от 120 до 140 млн га [Цэрэндулам 1975; МНР 1986: 223; Динесман, Бодд 1992: 172; Tser-endash 2000:141; и др.]. Учитывая, что часть пастбищ в современности используется под сенокосы или под земледельческие угодья, а уровень пастбищной дигрессии в хуннское время был намного ниже, представляется целесообразным считать, что в хуннскую эпоху площадь пастбищ составляла 140 млн га. Следовательно, численность зимников у хунну могла равняться 42–70 млн га.

Коэффициент поправки на социальное расслоение отражает имущественную и социальную дифференциацию в сложных номадных

обществах. Известно, что богатые скотоводы чаще кочевали и использовали большее количество пастбищных территорий. Это связано, во-первых, с тем, что они имели больше животных и для их выпаса требовалось большее количество ресурсов; во-вторых, богатые скотовладельцы имели в структуре стада больший процент лошадей и верблюдов, что обеспечивало более высокую скорость кочевания их стад [Владимирцов 1934: 36; Зиманов 1958: 131; Хазанов 1975: 254; Khazanov 1984/1994: 123-125; Масанов 1991: 32–33; 1995a: 172–173; Шишлина 1997: 108]. Согласно расчетам, величина коэффициента высчитывается исходя из условного количества животных, которое могли иметь богатые, обычные и бедные скотовладельцы, деленное на 36 условных овец. Коэффициент равняется 0,0202 [Тортика и др. 1994: 58–59].

Коэффициент максимального изъятия корма принят за 1,5.

Окончательные расчеты количества номадов, способных кочевать на территории нынешней Монголии в хуннскую эпоху, выглядят следующим образом:

при П зим 30%:

Числ $min = (0.0202 \times 32 \times 42\ 000\ 000) : (0.91 \times 90) = 331\ 487$ человек.

Числ щах - 1,5 х $(0,0202 \times 32 \times 42\ 000\ 000)$: $(0,91 \times 90)$ = = 497 230 человек.

при П зим 50%:

Числ $min = (0.0202 \times 32 \times 70\ 000\ 000) : (0.91 \times 90) = 552\ 478$ человек.

Числ $\max = 1.5 \text{ X} (0.0202 \text{ X} 32 \text{ X} 70 000 000) : (0.91 \text{ X} 90) = = 828 717 человек.$

Необходимо учесть еще один фактор. Степи Монголии эксплуатировались не только домашними, но и дикими животными. Основываясь на данных БД. Абатурова, И.В. Иванов рассчитал, что биомасса наиболее распространенных видов диких млекопитающих аридных степей колеблется в пределах 3–10 кг/га. В экосистемах с равновесным состоянием, где отчуждается 30–40–50% пастбищной продукции, биомасса домашних животных не должна превышать соответственно 16–22–25 кг/га [Иванов, Васильев 1995: 32–33]. В противном случае можно говорить о кризисной нагрузке на пастбища. Исходя из этого, проверим, насколько правильны наши расчеты численности животных и древнего скотоводческого населения монгольских степей. Умножим вычисленное

количество людей на 36 условных овец и получим условное поголовье всех домашних животных, способных прокормиться на данной территории. Умножив полученную величину на средний вес овцы (50 кг) и разделив результат на площадь степных пастбищ (140 000 000 га), высчитываем, что даже при максимальном коэффициенте изъятия корма масса домашних животных будет чуть более 10 кг/га.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: численность номадов, кочевавших на территории Монголии в хуннскую эпоху, могла составлять 350–800 тыс. человек.

Однако необходимо иметь в виду, что в период расцвета хунну территория империи не ограничивалась Халхой, а включала Внутреннюю Монголию, Ордос, территории Синьцзяна. В состав хуннской армии входило население зависимых от империи народов Маньчжурии, Забайкалья, Саяно-Алтая, Тувы. На рубеже III— II вв. до н.э. на сторону хунну перешло много ханьских военачальников различных рангов [Лидай 1958: 19; Бичурин 1950а: 52; Материалы 1968:42]. Если вспомнить, что количество монголов юань-ского времени оценивается разными исследователями в пределах 1–2,5 млн номадов [см.: Далай 1983: 57], что сопоставимо с ойратско-джунгарским периодом истории Монголии [Чернышев 1990: 56], то численность Хуннской империи в 1–1,5 млн человек не покажется сверхневероятной.

Точно так же была рассчитана вероятная численность кочевого населения юго-западного Забайкалья [Крадин 1999: 33; 2000]. В хуннское время на этой территории могло кочевать от 12 до 26 тыс. номадов. В военном отношении это от 2–3 до 5 «тысяч» лучников. Можно предположить, что в совокупности с земледельческим населением они представляли самостоятельное воинское подразделение с военачальником в ранге так называемого «слабого» ваньци (темника), имевшего в подчинении около 5–7 тыс. воинов.

Оседлое население

Как уже подчеркивалось, в китайских династийных хрониках хунну обычно описываются как не имеющие определенного места жительства пастухи, беспорядочно передвигающиеся в поисках пищи по бескрайним пространствам холодной «северной пустыни». В этой характеристике сквозит пренебрежительное отношение образованных конфуцианцев к диким, лишенным добродетельности неотесанным варварам.

Однако, если внимательно просмотреть тексты глав летописей, посвященных хунну, то в них можно обнаружить определенное количество упоминаний о строительстве населением Хуннской державы оседлых, защищенных стенами поселений, выращиванием и использованием в пишу различных злаков [Лидай 1958: 191, 204, 208; Бичурин 1950а: 76, 78, 83-84; Материалы 1968: 91; 1973: 22–24, 30, 103]. Есть на этот счет соответствующие археологические данные. На настоящий день известно почти два десятка городищ с культурным слоем, относящимся к хуннскому времени [Сосновский 1934; 1947; Киселев 1957; 1958; Пэрлээ 1957; 1974; Дорж-сурэн 1961; Давыдова, Шилов 1953; Давыдова 1965; 1985; 1995; Майдар 1970; Шавкунов 1973; 1978; Науаshi 1984; и др.].

Достаточно благоприятными для занятия земледелием, в частности, были земли Северной Монголии и Южной Бурятии. Среднегодовые осадки в этой физико-географической зоне в лучшие годы могут достигать 400 мм [Мурзаев 1952: 256], что в совокупности с наличием сети рек является важнейшей предпосылкой для развития в регионе земледелия [Масанов 1995а: 41]. Не случайно именно здесь находятся многие (известные на настоящий момент) городища и поселения хуннского времени.

Наиболее изученными из оседлых памятников хунну являются Иволгинское городище, городище Баян-Ундэр, поселение Дурены, расположенные на территории современной Бурятии [Сосновский 1934; 1947; Окладников 1951; 1952; Давыдова, Шилов 1953; Давыдова 1956;1960;1965;1974;19756;19786; 1980; 1985; 1995; Davydova 1968; Давыдова, Миняев 1973; 1974; 1975; 1976; Данилов, Жаво-ронкова 1995; Данилов 1998].

Какое место занимали оседлые населенные пункты в структуре хуннского общества? Этот вопрос по-прежнему остается открытым. Мнения специалистов существенно расходятся. Одни полагают, что хунну не были «чистыми» кочевниками, а представляли полукочевой этнос [Сосновский 1934:156; Доржсурэн 1961:46–57; Рижский 1969: 133-134; Коновалов 1975: 16-18; 1976: 208; 1985: 44; Пэрлээ 1974; Данилов 1996; и др.]. По мнению других авторов, городища заселялись в основном иммигрантами или пленниками из оседло-земледельческих обществ [Бернштам 1951: 69–70; Ма Чаншоу 1954: 119; 1962: 52; Давыдова 1956: 300; 1965: 15; 1978; 1995: 56-57, 61; Гумилев 1960: 147; Руденко 1962: 29; Хазанов 1975: 143-144; Марков 1976: 33; и др.].

Функциональный статус хуннских городищ еще предстоит выяснить. В частности, они не могли выполнять важную оборонительную

роль. Их размеры невелики, и они не были способны задержать большие армии. Кроме этого, сами хунну скептически относились к возможности пассивной обороны в осаде [Лидай 1958: 204; Бичурин 1950а: 78; Материалы 1973:23–24]. Номады делали основной акцент на подвижность своих армейских подразделений и кочевий и видели в этом одну из главнейших причин своей военной неуязвимости. Еще один интересный момент, отмеченный специалистами: на хуннских городищах в Бурятии [Давыдова 1985; 1995; Данилов, Жаворонкова 1995; Данилов 1998], в отличие от городищ на территории Монголии [Киселев 1957; Пэр-лээ 1957: 44], не обнаружено черепицы, которая является индикатором строительства зданий с административными или культовыми функциями.

В то же самое время имеющаяся в настоящее время источниковая база по археологии хунну позволяет по-новому интерпретировать некоторые из аспектов данной темы. Наиболее изученным из оседлых хуннских памятников является Иволгинское городище, длительное время исследовавшееся петербургским археологом А.В. Давыдовой. Городище расположено неподалеку от г. Улан-Удэ. Оно представляло собой неправильный прямоугольник со сторонами примерно 200 на 300 м. С трех сторон было защищено фортификационными сооружениями (4 вала и 3 рва между ними), с четвертой стороны городище примыкало к р. Селенге. Многолетними археологическими исследованиями вскрыто около 1/10 части общей площади памятника, исследовано более 50 жилищ, а также много иных хозяйственных и прочих сооружений. Городище, а также синхронный ему могильник (216 погребений), являются наиболее изученными памятниками хуннской эпохи. Материалы раскопок опубликованы практически полностью [Давыдова 1965; 1985; 1995; 1996], что дает возможность решать на их основе не только специфические археологические проблемы (классификация и типология инвентаря, культурная принадлежность, хронология и датировка и т.д.), но и реконструировать различные стороны хозяйственной, социальной и духовной жизни.

Представляется очевидным, что основное население городища вело оседлый образ жизни. В подтверждение этому имеется ряд прямых и косвенных аргументов. Во-первых, отказ от пасторального образа существования и прозябание за высоким частоколом, отгороженным от внешнего мира, должно было восприниматься кочевниками как крайне нежелательная альтернатива. Во-вторых, остеологические материалы Иволгинского городища [Гаррут,

Юрьев 1959: 81-82; Давыдова 1965: 10; 1985: 71; 1995: 47] свидетельствуют о полуоседлом характере животноводства его жителей. Это, в частности, подтверждается достаточно низким в процентном отношении количеством костей особей мелкого рогатого скота (овцы – 22%, козы – 4%) и в то же время весьма высоким показателем таких животных, как собаки (29%), крупный рогатый скот (17%) и особенно свиньи (15%), разведением которых подвижные скотоводы Забайкалья [Асалханов 1963: 83 табл. 19] не занимались.

Даже если сопоставить эти сведения с остеологическими коллекциями Ильмовой пади (имея в виду, что данные коллекции в большей степени отражают культурные особенности погребальной тризны у хунну, чем собственно количественное соотношение скота), то последние гораздо больше соответствуют традиционной структуре стада у кочевниковскотоводов Евразии: козы (40%), коровы и быки (30%), овцы (11%), собаки (5%), лошади (5%) [Коновалов 1976: 209]. Состав стада у кочевников Монголии и Бурятии более позднего времени подтверждает правильность такого вывода (см. первый раздел главы).

Скорее всего, правильным было бы предположить, что основное население городища не являлось кочевниками и, следовательно, не принадлежало к хуннскому этносу. Многонациональный характер населения городища подтверждают: анализ остеологических коллекций, конструктивные особенности иволгинских жилищ, специфика хозяйства, некоторые аналогии в инвентаре, антропологический анализ костяков расположенного рядом могильника, особенности погребального обряда захороненных.

Преобладание в остеологическом материале городища костей таких животных, как собака (29%) и свинья (15%) [Гаррут, Юрьев 1959: 81-82; Давыдова 1965: 10; 1985: 71; 1995: 47], в совокупности с широко используемой на городище традицией строительства «кана» невольно наводит на мысль о том, что, возможно, определенная часть жителей городища были выходцами с Дальнего Востока. Известно, что собака является традиционным деликатесом народов Китая, Маньчжурии и Корейского полуострова, а свинья с глубокой древности входила в число излюбленных лакомств «восточных иноземцев» [Ларичев 1973: 112; Крюков и др. 1983: 155]. В то же самое время показательно, что в остеологических коллекциях из Ильмовой пади на долю собак приходится всего 6%, а кости свиньи не упоминаются совсем [Коновалов 1976: 209]. Отчасти уместно здесь сослаться и на этнографические материалы.

В конце прошлого века у бурят Западного Забайкалья, ведших полуоседлый образ жизни, на 123 тыс. человек приходилось всего 800 свиней. В среднем это составляло примерно 0,03 головы на одно домохозяйство. Более подвижные буряты Восточного Забайкалья (35 тыс. человек) по данным статистики имели лишь 100 свиней, что в процентном соотношении и того меньше [Крюков Н.А. 1896: 115].

Раскопки Иволгинского городища показывают, что его население активно занималось рыболовством. На памятнике обнаружены кости различных видов рыб: тайменя, ленка, хариуса, леща, щуки и др. [Давыдова 1985: 73–74; 1995: 48–9]. В 10 погребениях Иволгинского могильника обнаружены кости рыб [Давыдова 1996: 14, 81–82]. В то же самое время известно, что кочевые скотоводы Монголии и Забайкалья (монголы и буряты) рыболовством практически не занимались [НАРБ, ф. 129, оп. 1, д. 322: 55; д. 462: 38; д. 590: 24 об.; ф. 131, оп. 1, д. 494: 84, 143; ф. 267, оп. 1, д. 3: 61; ф. 427, оп. 1, д. 50: 212 об.; Мурзаев 1952: 52; Жуковская 1988: 78; Рассадин 1992: 106; Батуев 1996: 77; Грайворонский 1997: 90 табл. 17]. Более того, современники хунну сяньби также не умели ловить рыбу. Незадолго до свой смерти основатель Сяньбийской степной империи Таньшихуай, обеспокоенный тем, что чистое кочевое скотоводство не удовлетворяет потребностей номадов в пище, переселил откуда-то «с востока» более тысячи семей народа вожэнь на реку Ухоуцинь (совр. Ляохэхэ в Маньчжурии), заставив их заниматься рыболовством, чтобы «восполнить недостаток в пище» [Материалы 1984: 80].

Традиция сооружения канов (кор. *ондоль*) несомненно не местного происхождения и фиксируется в Байкальской Азии только в хуннское время [Давыдова 1985: 21]. Как свидетельствуют исследования последних лет, самые ранние сооружения данного типа обнаружены на севере КНДР и в приграничных с Кореей районах Китая и только впоследствии *кан* распространился на сопредельные территории Маньчжурии, Дальнего Востока России и Корейского полуострова [Onuki 1996]. Его появление в Бурятии скорее всего является следствием привнесения традиции на более холодную территорию Байкальской Азии какихлибо групп «восточных иноземцев» или китаеязычных носителей данной строительной традиции с юго-востока.

Часть жителей городища наряду с сельским хозяйством занималась и ремесленным производством. По концентрации в отдельных жилищах находок разных категорий прослеживается специализация

их обитателей. Так, в жилище № 25 обнаружено большое число изделий и заготовок из кости, в жилище № 32 — железные орудия труда и формочки для отливки металла, в жилище № 41 много керамики и керамического брака, в жилище № 49 панцирные пластины и другие предметы вооружения [Давыдова 1985: 20, 75–80].

Технология земледельческих орудий определенно связана с Китаем. Лопата, обнаруженная на Иволгинском городище [Давыдова 1985: 99 рис. VIII, 26; 1995: табл. 132, 9, 186, 51J, и кельты [Давыдова 1995: 32, табл. 198, 22-3J аналогичны ханьским лопатам и кельтам [Крюков и др. 1983: 152; Давыдова 1995: 32–33, 44, 52], хуннские насады на пахотные орудия [Давыдова 1985: 99 рис. VIII, 23, 25; 1995: табл. 31, I] очень похожи на древнекитайские [Watson 1971: 81 fig. 37; Крюков и др. 1983: 150], а серповидные ножи [Давыдова 1995: табл. 24, 5, 31, 3, 61, 5, 95, 7, 149, 25, 154, 17, 186, 40-4J подобны традиционным китайским серпам [Бичурин 1844: 78 рис. 56].

Истоки хуннской ремесленной гончарной традиции, по всей видимости, также находятся в земледельческом мире [Коновалов 1975: 21; Дьякова, Коновалов 1988; Худяков 1989: 149—150; Дьякова 1993: 275-276, 384 табл. 77; Давьщова 1995: 27-28; Филиппова, Амоголонов 2000; и др.]. Из всех типов сосудов особенно хотелось бы выделить изделия с отверстиями в дне [Архив ИИМК, ф. 42, д. 219: 121; Сосновский 1934: 155; Давыдова 1995: табл. 20, 4, 26, 8-9, 43, 11-2, 58, 10-11, 143, 19, 169, 8, 175, 7, 177, 20-11, 35]. Они использовались для широко распространенного в Хань-ском Китае способа приготовления риса и иных круп на пару [Крюков и др. 1983: 202–203].

На городище, кроме этого, был обнаружен ряд предметов, на которых имелись знаки китайской письменности. К их числу относится, например, каменное точило [Давыдова 1995: табл. 15, 15], надписи на трех сторонах которого были интерпретированы китайским археологом Ся Наем [Давыдова 1995: 37] как $cy\ddot{u}$ (количество лет), y (враг, соперник, ненавидеть, мстить; этот иероглиф использовался в качестве фамилии) и ∂ah (партия, административная единица в 500 дворов; этот иероглиф также мог использоваться в качестве фамилии).

На дне сосуда из жилища 21 было обнаружено клеймо ремесленника с китайским иероглифом «и» [Давыдова 1995: 28, табл. 38, 7]. Представляет большой интерес надпись на днище сосуда из жилища 21 [Давыдова 1995: табл. 38, 7, 179, 3], которая по интерпретации

выше цитированного профессора Ся Ная [Давыдова 1995: 28] является иероглифом ханьского времени *и*, переводимым им в значении «заслуженно». Не менее интересны оттиск на донышке сосуда из жилища 50 [Давыдова 1995: табл. 197, &, 179, 1], который похож на иероглиф *чжу* (хозяин, правитель), оттиск иероглифа *ван* еще на одном донце сосуда, прочтенный по моей просьбе А.Л. Ивлиевым, оттиск на дне сосуда из жилища 13, схожий с иероглифом *ту* (картина) и процарапанная надпись на внутренней части венчика другого сосуда, похожая на иероглиф *узин* (колодец) [Давыдова 1995: табл. 29, 1, 179, 6, 9]. Некоторые оттиски на керамике не поддаются прочтению [Давыдова 1995: табл. 134, 4, 179, 2, 5, 7], однако не исключено, что это могли быть клейма мастеров.

Поскольку даже верхи хуннского общества не отличались особенным знанием китайской письменности (достаточно напомнить хорошо известный эпизод с подменой шаньюевой печати по приказу Ван Мана), то едва ли простые номады могли быть более грамотными, чем их вожди. А раз так, то логично предположить, что надписи на предметах из Иволгинского городища были сделаны не хуннами, а выходцами из оседло-земледельческого мира и, скорее всего, иммигрантами или военнопленными из Китая.

А.В. Давыдова полагает, что погребальный обряд населения Иволгинского могильника отличался от хуннского и был в целом более бедным [Давыдова 1985: 22, 35], хотя и не отличался однородностью [онаже 1982]. Данное обстоятельство, по ее мнению, свидетельствует: (1) о межэтнической стратификации, (2) социальных отличиях между иммигрантами (так называемыми *циньцами* [Лидай 1958: 204; Бичурин 1950а: 78; Материалы 1973: 24, 138 прим. 24]) и военнопленными, (3) пленниками в первом поколении и потомками угнанного земледельческого населения. Косвенно на это указывают разнообразие и размеры строительных конструкций соседнего с могильником Иволгинского городища, а также обнаруженный в этих объектах инвентарь [Давыдова 1985: 20].

Физико-антропологические исследования черепов из Иволгинского могильника подтверждают предположение А.В. Давыдовой о многоэтничном характере населения городища. По мнению И.И. Гохмана, жители городища относились к трем различным антропологическим группам: (1) хуннской (согласно А.В. Давыдовой некочевая часть); (2) аборигенной (возможно, из числа потомков

¹ Особенно подробно о роли оседло-земледельческого населения в хуннском обществе см.: [Lattimore 1940: 519–526].

«плиточников»); (3) китайской из числа перебежчиков и военнопленных [Гохман 1960; см. также: Давыдова 1985: 22, 85–86; 1996: 26-30].

Иволгинское городите: палеоэкономическая модель

Какова была численность населения Иволгинского городища? Ответить на этот вопрос можно, зная количество жилищ и их размеры. В «демографической археологии» существует большое число специальных исследований, в которых обосновываются нормы площади пола на одного человека [Cook, Heizer 1968: 92ff; Массой 1976: 112–113; Hassan 1978; Вострецов 1987а; Афанасьев 1993: 65–66; и др.]. Минимальные величины находятся в пределах 1,8-3,6 м².

На памятнике раскопано 54 жилища. По площади пола они разбиваются на несколько групп:

Суммируем эти данные. Получается, что в жилищах могло проживать до 300 человек. Если допустить, что часть жилищ занимали лица с высоким общественным статусом и, следовательно, там жило меньшее количество людей, то общее количество их обитателей должно было составлять 250–300 человек. Поскольку площадь раскопанной территории составляет примерно 1/10 часть от общей площади городища, есть основания предположить, что суммарная максимальная численность одновременно живущих жителей Иволгинского городища по данным площади жилищ могла составлять 2500–3000 человек.

Сопоставим теперь эти данные с информацией о хозяйственной деятельности населения и попытаемся определить место Иволгинского городища в экономической структуре Хуннской кочевой империи.

Земледелие. Межгорные котловины Селенги и ее притоков относятся к засушливой агроклиматической зоне. Здесь наблюдается недостаток влаги, но вызревают пшеница, овес, ячмень, гречиха, просо, овощи [Предбайкалье и Забайкалье 1965: 124]. Начало

земледельческого цикла в Западном Забайкалье приурочивается к вскрытию рек [Крюков Н.В. 1896: 34]. Запашка и посадка хлебов производятся в первой декаде мая по старому стилю [РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 84, л. 184]. Хлеб спеет к концу августа — началу сентября [РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 84, л. 184].

Археологические источники (плуги, мотыги, серпы, зернотерки и пр.) убедительно свидетельствуют, что население Иволгинского городища занималось земледелием [Давыдова 1995: 43–46].

Какие территории могли использоваться жителями городища под сельскохозяйственные угодья? В современной археологии принято допущение, что наиболее активно используемая хозяйственная зона оседлых земледельческих поселений сосредоточена в радиусе одного часа ходьбы пешком (круг радиусом примерно 5 км) [Jarman et al. 1972: 61–66; Долуханов 1972; Рорег 1979: 120–140; Binfoid 1980: 4–20; Вострецов 1986: 137; 1987: 6; Колесников 1989: 9; Афанасьев 1993: 118; и мн. др.]. Из данной зоны исключаются все территории, непригодные для сельскохозяйственной деятельности (леса, болота, водные источники и пр.). При средней скорости пешехода 5 км/ч объем этих ресурсов высчитывается в соответствии с площадью круга я5² : 2 = 39,2 км². Необходимо также вычесть земли правобережья Селенги, так как считается, что обработка полей на другом берегу реки энергетически неэффективна [Афанасьев 1993: 119].

Рассчитаем теперь площадь продуктивных территорий. Для этих целей можно воспользоваться, например, картой масштаба 1 : 200 000 «Республика Бурятия», изданной в 1994 г. в рамках программы «Общегеографические карты Российской Федерации». Исходя из подсчетов, площадь пастбищных и потенциальных земледельческих ресурсов составляет полукруг в 34,5 км².

Средний урожай по официальным документам в Западном Забайкалье в прошлом столетии равнялся примерно сам-5,5 [РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 84, л. 184]. Известный авторитет в сельском хозяйстве Восточной Сибири Н.В. Крюков писал, что «средний урожай для ярицы и пшеницы считается в 50–60 пудов с казенной десятины; хорошим называется сбор в 80–90 пудов» [1896: 74]. Им же была приведена выборка ряда данных о количестве засеянных и собранных зерновых за шесть лет [Крюков Н.В. 1896: 77]. Усредненные данные показывают, что урожай за этот период равнялся примерно *сам-четыре, сам-шесть*. Интересно, что в Маньчжурии, по данным Е.Е. Яшнова, китайские крестьяне собирали порядка 85 пудов зерновых с десятины [1926: 112]. Однако едва ли в хуннское

время земледельцы Забайкалья превосходили средний ханьский урожай сам-полтора, сам-четыре [Кульпин 1990: 209], собираемый к тому же в гораздо более южных районах.

Поэтому вряд ли мы сделаем большую ошибку, если возьмем цифру в 50 пудов. В переводе в современные меры веса на площадь это составляет 734 кг/га. Исходя из этих данных, максимальное количество зерновых (при условии, что засеяны все поля, отсутствуют места, отведенные для выпаса скота) с территории 34,5 км будет составлять 2 532 110 кг зерновых. Из этой суммы необходимо вычесть семенной фонд (скажем, в пределах четвертой части – 633 т зерна), а также расходы на питание.

Согласно подробным расчетам норм питания древнекитайского населения в различные эпохи, произведенным Э.С. Кульпиным, за среднестатистическую норму, обеспечивающую простое хозяйственное и демографическое воспроизводство сельского населения, следует принять показатель в 300 кг на одного человека [1990: 131–132, 208–211]. Исходя из этой величины можно рассчитать, что для существования населенного пункта численностью около 3000 человек необходимо было около 1500 т зерна. Остается еще примерно 1000 т зерна, которые в идеале могли изыматься или обмениваться для потребления кочевникамискотоводами.

Однако насколько правдоподобны такие расчеты? Очевидно, что далеко не вся территория была засеяна зерновыми. Часть полей была засеяна овощными культурами, часть была отведена под пастбища домашнего скота, который использовался при распашке полей, обеспечивал жителей городища мясом, молоком, удобрениями для сельскохозяйственных угодий. Теоретически не исключено, что какая-то часть полей «отдыхала» под паром, хотя, скорее всего, следует допустить, что население городища практиковало более привычную для народов Дальнего Востока грядковую систему земледелия. Грядковая система спасает высеваемые культуры от загнивания при обильных дождях и в то же время несколько лучше держит влагу при засухе. В то же время

«основное значение грядковой культуры заключается в том, что она устраняет необходимость пара, так как чередование грядок и борозд при ней, по существу, дает возможность ежегодно отдыхать—даже не трети, как при нашем трехполье, —а целой половине посевной площади, не теряя при этом ни пяди посевного пространства» [Яшнов 1926: 111].

Данные о продуктивности сельскохозяйственных территорий обязательно необходимо откорректировать, исходя из реальных

физических возможностей человека. Из литературы известно, что один человек с упряжкой животных вспахивал 1 га примерно за четыре с половиной рабочих дня. Еще около двух дней требовалось на боронование этого участка, четверть дня уходило на посадку зерновых, около восьми с половиной дней требовалось на то, чтобы сжать с этой территории урожай и еще не менее четырех с половиной дней уходило на обмолот зерна [Бибиков 1965: 53–57; Массой 1976: 105–107; Малинова, Малина 1988: 54–59; Милов 1998: 190-113; и др.].

Пользуясь этими данными, можно вычислить, что взрослое мужское население Иволгинского городища (скажем, 600 человек) за три полные недели мая могло вспахать, заборонить и засеять 1800 га. С этой площади они могли получить около $1\,321\,000$ кг зерновых. Для того чтобы сжать этот урожай силами всего взрослого работоспособного населения городища ($600 \times 2 = 1200$), требовалось почти 13 дней конца августа — начала сентября. Еще неделя уходила на обмолот хлебов.

Вычитаем из 1300 т зерна 900 т на питание жителей городища и примерно 300 т (1/4 часть) на посевной запас. Остается, таким образом, не более 100 т излишков. Но мы еще не учли расходы на подкормку крупного рогатого скота в периоды лактации и посевной, прикорм молодняка и свиней, которых активно разводило население городища.

Приведенные выше расчеты характеризуют минимум затрат, необходимых жителям городища для собственного экономического и демографического воспроизводства. Для снабжения продуктами земледелия кочевников были необходимы дополнительные трудовые затраты. Согласно максимально упрощенным расчетам, как это было показано выше, совокупное количество прибавочного продукта с территории зоны активного хозяйственного использования теоретически могло достигать 1000 т зерна. Для получения этого количества урожая для взрослого населения городища требовалось уже не 44, а 77 рабочих дней (насколько это реально в природно-климатических условиях Юго-Западного Забайкалья — отдельный вопрос). При условии использования собранного зерна в качестве пищевой добавки (скажем, в течение зимы) им можно было снабдить более 13 тыс. номадов.

Поскольку на территории современной степной Бурятии согласно продуктивности пастбищных ресурсов могло кочевать от 12 000 до 26 000 скотоводов [Крадин 2000], можно считать, что жители городища были способны удовлетворять частичные потребности

в земледельческой продукции большей части местных кочевников. Если же допустить, что население городища использовало под поля территорию, удаленную от жилья более чем на 5 км, или имело заимки, а совокупное число рабочих дней было доведено до 100 в году, то общее количество прибавочного продукта теоретически было еще больше.

Как оценивать отношения между номадами и жителями оседлых поселений и городищ, а в частности, статус жителей Иволгинского городища — как сложившуюся систему доминирования кочевников и эксплуатацию ими земледельцев или же как партнерские торгово-обменные связи между двумя хозяйственно-культурными группами общества?

Очевидно, что номады имели в целом более высокий общественный статус в Хуннской кочевой империи. Это прослеживается хотя бы в отличиях в количестве и разнообразии сопроводительного инвентаря в захоронениях, а также в различиях погребальных конструкций Иволгинского могильника и могильников Дэрестуйский Култук, Черемуховая и Ильмовая падь. Данный факт предполагает возможность существования определенной эксплуатации населения поселений и городищ (для межэтнической эксплуатации кочевниками земледельческих поселений совсем не обязательно создание государства). В то же самое время нельзя забывать, что в среде низших социальных групп Ханьской империи бытовало мнение о привольном образе жизни иммигрантов в среде кочевников. Единственная проблема — это опасность быть пойманным китайскими пограничниками во время побега [Лидай 1958: 230; Бичурин 1950а: 95; Материалы 1973: 41].

Скорее всего, в Хуннской державе существовал достаточно широкий спектр отношений между кочевниками и земледельцами. Это могли быть как поселения, заселенные пленникамирабами, так и населенные пункты, жители которых имели статус полувассальных данников, обязанных поставлять номадам определенное количество земледельческой и ремесленной продукции, или даже общины земледельцев, поддерживавшие дружеские экономические и торговые связи с кочевой частью населения степной империи при условии общего военного и политического доминирования кочевников. В последнем случае номады могли поставлять оседлым жителям скот и продукты скотоводческого хозяйства, частично компенсируя земледельцам недостаток в мясе, овчинах, шерсти, войлоке и т.д. Однако нельзя не признать, что Иволгинское городище, как и другие оседлые земледельческие поселения и городища,

играло важную роль в экономической структуре Хуннской кочевой империи.

Охота. Роль охоты для населения Иволгинского городища, судя по фаунистическим остаткам, была невелика. Кости диких зверей из остеологических коллекций составляют лишь 7,5%. В основном это кости косули, оленя, степной антилопы, лисицы. Незначительно представлены лось, медведь, барсук, заяц, хорек [Гаррут, Юрьев 1959: 80-81; Давыдова 1985: 74-75; 1995: 49-50]. А.В. Давыдова полагает, что охотились, в основном используя лук и стрелы [1985: 75; 1995: 49]. Возможно, о пушном промысле свидетельствуют представленные в коллекции городища затупленные наконечники стрел [Давыдова 1995: табл.126, 3, 168, 15].

Тем не менее ресурсы окрестностей Иволгинского городища позволяли использовать охоту в качестве важного дополнительного источника белковой пищи (особенно в холодное время года). Наиболее оптимальной ресурсной зоной для охотничьей деятельности оседлых жителей является территория с радиусом в два часа пути (около 10 км при средней скорости пешехода: $n \times \text{ДО}^2$: $2 = 157 \text{ км}^2$) от поселения [Jarman et al. 1972: 61-66; Poper 1979: 120-140; Binfoid 1980: 4-20; Колесников 1989: 9; и др.]. Вычитаем из этой территории потенциальную площадь земледельческих угодий (34,5 км). Исходя из этого, площадь потенциальной зоны охотничьей деятельности для жителей Иволгинского городища составляла 122,5 m/z.

Известно, что биомасса диких животных степей Евразии составляет от 3 до 10 кг/га [Иванов, Васильев 1995: 32]. Следовательно, максимальная биомасса обитающих на моделируемой территории млекопитающих могла быть около 122 500 кг/км². Допустим, что охотник максимально отчуждал не более 30% от совокупной биомассы, чтобы не нарушать экологического равновесия. Нетрудно подсчитать, что для населенного пункта численностью около 3 тыс. человек такое количество мясной пищи могло стать важным источником питания в осенне-зимний период:

36750 кг : 3000 человек : 100 дней = 0,123 кг/день.

Животноводство. Выше уже говорилось, что, согласно археологическим данным, население Иволгинского городища разводило свиней, мелкий (овец и коз) и крупный рогатый скот [Гаррут, Юрьев 1959: 81-82; Давыдова 1965: 10; 1985: 71; 1995: 47]. Кости домашних животных составляли 92,5%. Это позволяет сделать вывод, что ресурсы охоты населением городища использовались лишь незначительно.

Минимальное число особей трех первых видов животных (овца, бык, свинья) выглядит как 16:13:11 [Гаррут, Юрьев 1959: 80]. Если перевести это соотношение в весовые пропорции, воспользовавшись данными о среднем весе животных, то оно приблизительно будет выглядеть следующим образом: 1:6:2. Таким образом, домашний бык (Bos taurus) и свинья (Sus scropha) являлись наиболее распространенными у жителей городища животными. Бык служил основной тягловой силой в хозяйстве. Свиньи, возможно, были для местных жителей главным источником мяса.

Оценивая место животноводческого хозяйства в структуре хозяйства оседлых жителей региона, необходимо учитывать, что суточная длина перегона домашних животных невелика. Жителям оседлых поселений необходимо было вернуть стадо на ночлег домой. Исходя из собранных Ж. Чогдоном [1980: 187–195] данных, можно подсчитать, что отару овец нельзя было угонять от оседлого поселения далее чем на 5–6 км, а стадо крупного рогатого скота максимально можно было выпасать на расстоянии 3 км от дома. Свиней пасли вообще рядом с домом. По всей видимости, не без оснований так называемое «малое» городище, расположенное в 100 м к югу от основного, связывается с загоном для скота [Давыдова 1985: 27; 1995: 23]. Можно предположить, что подобная ситуация была типична и для других стационарных поселений хуннского времени в Юго-Западном Забайкалье.

Зная потребляемое животными количество кормов и площадь пастбищных ресурсов вокруг Иволгинского городища, можно подсчитать примерное количество животных, которое могло разводить местное население. Возьмем за основу данные о скотоводстве по Хоринскому ведомству в среднем течении р. Уды. Здесь для выпаса одной головы рогатого скота требовалось около 2 десятин, для лошади 2 десятины, для пяти голов овец от 2,6(6) до 4 десятин пастбищ [МКК 13: 144].

Если допустить, например, что третья часть зоны активного хозяйственного использования (11 км²) вокруг городища использовалась под пастбища, то несложно подсчитать максимально возможное число выпасаемых голов крупного рогатого скота — около 500 животных. Почти столько быков требовалось местному населению — примерно по одному на каждую семью. Еще 75 «условных» голов рогатого скота (или 150 голов при стойловом содержании за 6 месяцев) можно было накормить соломой, собранной с оставшихся 23,5 км² (примерно 1200 кг/га [Бибиков 1965: 53— 54]).

Свиньям кроме травы и соломы требовались желуди, корнеплоды, кухонные отходы и пр. Иволгинский ландшафт таков, что лесов поблизости нет. Что делало в этой ситуации местное население, мы не знаем. Очевидно только одно, что они нашли какой-то выход из этого положения, раз остеологические материалы подтверждают достаточно высокую степень развития свиноводства.

Важно знать, сколько голов скота было необходимо жителям городища для питания и своей хозяйственной деятельности. Поголовье рогатого скота должно было быть не менее 500–600 голов (примерно по одному быку на семью). Относительно количества съедаемого мяса можно воспользоваться данными Е.Е. Яшнова о диете традиционного китайского населения Маньчжурии. Там на одного среднестатистического жителя приходилось примерно 0,61 пуда (9,76 кг) мясных продуктов [1926: 399, 403, 418–419]. Следовательно, трехтысячному поселку требовалось не менее 29 т мяса в год. Это около тысячи овец, при выходе мяса с одной головы 25–30 кг [Крюков НА. 1896: 97; 1896а: 120]. Едва ли такое количество мелкого рогатого скота имелось у местных жителей. Но они могли выменять часть животных у кочевников на зерно, гончарные изделия и продукцию ремесленников-металлургов.

Необходимо заметить, что потребности населения городища в мясе могли быть обеспечены за счет охоты (см. выше). Однако местные жители, как это следует из археологических данных, охотничьей деятельностью занимались мало. Более выгодным для населения городища было свиноводство. Для аналогии можно воспользоваться сопоставлением со свиноводством у китайцев Маньчжурии в XIX — начале XX века. Местная порода свиней дает выход мяса с одной головы 5 пудов. Свиньи становятся годны для скрещивания уже с 6 месяцев, отличаются большой плодовитостью (12–14 поросят) [Яшнов 1926:130]. Нетрудно подсчитать, что если в каждой семье имелось по одной свиноматке, то она вполне могла произвести достаточное количество мяса для дополнительного питания местных жителей.

Рыболовство. Селенга замерзает к конце октября — начале ноября, вскрывается в конце апреля — первой декаде мая [Мурзаев 1952: 358; Преображенский и др. 1959: 24—25]. С этого времени и до конца лета длится период активного рыболовства (таблица). После зимы рыба являлась важной составляющей диеты населения городища. По всей видимости, ближе к осени производились массовые заготовки рыбы на зиму. Наиболее активно вылавливаемыми

видами рыб на этой территории являются чебак, щука, налим, ленок, окунь, язь, особо деликатесные осетр, хариус и таймень. Заходит сюда и байкальский омуль. В различных объектах городища встречены кости большинства из этих видов [Давыдова 1985: 73-74; 1995: 48-491.

Рыболовство в районе Иволгинского городища

Рыба	Месяцы												Объем
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	в пудах
Щука						X	X	X					5
Ленок						X							6
Окунь				X									6
Омуль								X	X				15
Чебак				X	X	X	X	X					45
Налим				X	X	X	X	X					15
Осетр					X	X	X	X					6
Азъ				X	X	X	X	X					18
Хариус				X	X	X	X	X					9
Таймень					X	X	X	X					30

Источник: Крюков 1896: 197–205. Примечание. X – весь месяц, x – 15 дней.

Однако рыболовство не могло составлять существенной доли в структуре питания населения Иволгинского городища. Согласно статистическим данным прошлого века, в этом месте могло вылавливаться до 155 пудов (2480 кг) совокупной массы рыбы (таблица). Если разделить эти цифры на количество населения, проживавшего на территории городища, то полученное значение представляется не очень существенным. Тем не менее богатая протеином рыбная пища в летние месяцы отчасти компенсировала нехватку мясной пищи.

ГЛАВА З.ХУННУ И ВЕЛИКАЯ СТЕНА

Кочевники и оседлый мир

Экологическая и экономическая адаптация номадизма являлась далеко не полной. С одной стороны, климатические стрессы, экстенсивность скотоводства, невозможность внедрения технологических инноваций и прочие причины, о которых уже говорилось в первой главе, делали получаемый прибавочный продукт во многом нестабильным. С другой стороны, перейдя к подвижному скотоводству, номады тем не менее не утратили необходимости потребления растительной земледельческой пищи. По этой причине номадизм редко бывал отделим от иных отраслей присваивающе-производящего хозяйства [см., например: Lattimore 1940: 66–70, 328-334, 469-529; Krader 1959: 505; Khazanov 1984/1994: 69-84; 1992: 69-87; Матвеев 1993: 97-108; и др.].

Иногда стремление номадов к контактам со своими оседлыми соседями рассматривается как свидетельство неэффективности скотоводческой экономики [Yu 1967: 42]. Но это не совсем точно. Номады в принципе могли обходиться без земледельческих рынков и городов. Само по себе кочевое скотоводство является достаточно независимым и сбалансированным типом адаптации в аридных экологических зонах. Другое дело, что такая адаптация вынуждает от многого отказываться. Образ существования «чистых» кочевников всегда более скуден, чем быт номадов, использующих дополнительные источники существования. «Бедный кочевник – чистый кочевник» («роог nomad who is the pure nomad»), – сказал О. Латгимор [Lattimore 1940: 522].

Казалось бы, проще всего дополнять свою экономику иными видами хозяйственной деятельности, в первую очередь земледелием, тем более, что многочисленные факты свидетельствуют о наличии у самих кочевников зачатков собирательства и земледелия [Хазанов 1975: 11-12, 117, 150-151; Марков 1976: 159, 162-167,

209-210,215-216,243; Викторова 1980:29-30; Далай 1983:92-95; Ивлиев 1988; Гаврилюк 1989: 35–37; Пиков 1989: 123–124; Новосельцев 1990: 113–114; Косарев 1991: 48–53; Масанов 1995а: 73–76; и др.].

Но оседлость и земледелие в массовом масштабе невозможны на большей части степных пространств Евразии. Занятие земледелием возможно только там, где количество годовых атмосферных осадков не менее 400 мм или имеется разветвленная речная сеть [Масанов 1995а: 41]. Большая часть территории Монголии под эти условия не попадает [Мурзаев 1952: 192, 207, 220–233]. Там всего 2,3% земель пригодны для занятия земледелием [Юнатов 1946].

К тому же отказ от пасторального образа жизни рассматривался номадами как крайне нежелательная альтернатива. Психология кочевника отрицательно относилась к стационарности как к оскорбляющей самолюбие свободного номада. Не случайно, например, у позднесредневековых татар существовала поговорка «чтоб тебе как христианину оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь» [Меховский 1936:213 прим. 46]. Поэтому перешедшие к занятию земледелием кочевники рассматривали свое состояние как вынужденное и при первой же возможности возвращались к подвижному скотоводству [Зиманов 1958: 38; Толыбеков 1959:335-338; Марков 1976:139-140, 163, 165,243-244; Khazanov 1984/1994: 83-84; Косарев 1991: 46-50; и др.].

По данным причинам кочевники чаще предпочитали развивать сельскохозяйственный сектор в экономике путем включения в состав своих обществ земледельческого населения, попавшего в степь из соседних государств. Это могли быть: (1) угнанные в плен крестьяне и ремесленники (только за годы хунно-ханьской войны в период правления императора У-ди кочевники угнали около 30 тыс. человек); (2) лица, бежавшие к номадам в силу различных обстоятельств (преступники, должники, рабы и иные эксплуатируемые категории и др.); (3) жители присоединенных к кочевой империи оседлых народов.

Все эти варианты известны и в хуннской истории. Описание отношений между Ханьской империей и державой Хунну дает богатый цифровой материал в отношении пополнения земледель-ческо-ремесленного сектора хуннской экономики из числа пленных китайцев [Лидай 1958: 31, 33-34, 44-45, 48-50, 190, 205, 254-256; Бичурин 1950a: 59, 61, 63-66, 70-72, 74, 79, 106, 109,116; Материалы 1968: 47, 49, 51-54, 58-60, 81-82, 89, 100-102; 1973: 20, 25, 57, 60; 1984: 70].

Интересно, что три волны активности хуннских набегов за людьми свидетельствуют о нуждах степной империи в развитии внутреннего ремесленно-земледельческого сектора экономики. Такая надобность прослеживается практически с момента создания Хуннской державы вплоть до открытия приграничных рынков при императоре Сяо-вэне в 157 г. до н.э., в годы войны с Китаем (130–72 гг. до н.э.), а также в период хозяйственно-экологического кризиса [подробнее см: Кульпин 1990] ханьского Китая с рубежа новой эры.

Перебежчиков в Хуннской державе, наверное, также было немало, хотя на этот счет нет точных цифровых выкладок. Первые перебежчики известны еще с периода «борющихся царств» [Еber-hard 1969: 75]. Большое количество ханьцев перешло к хунну в период «смутного времени» после свержения династии Цинь [Ли-дай 1958: 19; Бичурин 1950a: 52; Материалы 1968: 42]. Обеспокоенность китайской администрации данной проблемой вынуждала ханьских императоров еще в середине II в. до н.э. обращаться к шаньюям с просьбой не принимать перебежчиков [Лидай 1958: 32; Бичурин 1950a: 61; Материалы 1968: 49; Сыма Цянь 1984: 367]. Но недовольные притеснениями местных магнатов и бюрократии имелись всегда. Широко известна цитата из «Истории ранней династии Хань» под 33 г. до н.э., в которой говорится об озабоченности ханьского двора частыми побегами рабов к хунну [Лидай 1958: 230; Бичурин 1950a: 95; Материалы 1973: 41]. Нет оснований полагать, что в другие времена было по-иному.

Данные категории населения селились в специальных населенных пунктах, создаваемых внутри кочевого общества в местах, пригодных для занятия земледелием или хотя бы огородничеством. В настоящее время на территории Монголии и Забайкалья известно около двадцати хуннских городищ, не считая неукрепленных поселений этого же времени (см. гл. 2). Жители данных населенных пунктов снабжали кочевую часть Хуннской имперской конфедерации продуктами земледелия и изделиями ремесла.

Вместе с тем, судя хотя бы по палеоэкономической реконструкции деятельности жителей Иволгинского городища, внутренняя седентеризация едва ли могла полностью обеспечить кочевое общество собственной ремесленно-земледельческой продукцией. Поэтому номады чаще использовали другой способ пополнения своей узкоспециализированной экономики. Они получали недостающие продукты сельского хозяйства и товары ремесленников по различным каналам от соседних оседло-городских обществ.

Следовательно, адаптация номадизма к «Внешнему Миру», главным образом к соседним земледельческим цивилизациям [Khaza-nov 1984/1994:84], являлась важным дополняющим фактором жизнедеятельности кочевых обществ.

Эта адаптация могла осуществляться различными способами: (1) посредническая торговля между земледельческими цивилизациями и соучастие в ней; (2) широкие обменные и торговые связи с соседними оседло-земледельческими обществами; (3) периодические набеги, нерегулярный грабеж и разовая контрибуция с земледельческих обществ; (4) данническая эксплуатация и навязывание вассальных связей земледельцам; (5) завоевание земледельческих обществ; (6) вхождение в состав земледельческих государств в качестве зависимой, неполноправной части социума [Кhazanov 1984/1994: 157-158].

Первые два способа, а также последний, являлись «мирными» способами адаптации кочевников к оседлому миру. Третий—пятый способы адаптации номадов к внешней среде являлись «немирными». Вопрос о том, какие из них имели у кочевников большее распространение, имеет давнюю историю. Существуют свои сторонники и своя аргументация как точки зрения враждебности или неприязни номадизма и оседлого мира, так и концепции кочевническо-земледельческого «симбиоза» [Grousset 1939; Latti-more 1940; Греков, Якубовский 1950; Цзи Юн 1955; Yu 1967; Жцанко 1968; Suzuki 1968; Златкин 1971; Watson 1971; Barth 1973; Пуляркин 1976; Jagchid 1977; Hulsewe 1979; Jagchid, Symons 1989; Szynkiewicz 1989; Першиц 1994; 1998; и мн. др.]. Давая оценку обоим подходам, В.А. Пуляркин правильно отметил их однобокость:

«Предвзятая концепция об извечно враждебных жителям оазисов кочевниках, господствовавшая в прошлом, сменяется... такой же заранее заданной концепцией «хороших» кочевников. Последние, согласно этой концепции, если и наносили тяжелый урон земледельцам, то лишь в силу "агрессивной политики феодальных владык"» [1976: 166].

Таким образом, и номадофобия, и номадофилия одинаково односторонне, редукционистски изображают реальные исторические отношения между кочевниками и земледельцами. Номады в процессе приспособления к окружающим условиям использовали как «мирные», так и «немирные» способы адаптации.

Вместе с тем в различных пространственных и временных условиях менялось соотношение данных способов адаптации, как

менялась и роль кочевничества во всемирно-историческом процессе в целом. В период генезиса пастушества очевидна его важная позитивная роль в освоении Ойкумены, металлургической революции (сейминско-турбинский феномен тонкостенного литья), распространении культурных инноваций по территории Евразии, цивилизаторское воздействие на «мир тайги» и др. На стадии расцвета кочевничества нередко именно народы степи выступали инициаторами многих войн и завоеваний, сопровождавшихся массовыми убийствами и уничтожением культурных ценностей. Наконец, с периода нового времени, когда принципиально изменилось соотношение сил между номадами и их более могущественными соседями, кочевники стали активно уничтожаться или вытесняться в отдаленные и плохо пригодные для обитания районы. В этой связи представляется не совсем правильным рассматривать отношения между степью и оседлым миром как чисто симбиотическое соседство, дополняющее друг друга. Это обусловливается, на мой взгляд, рядом принципиальных обстоятельств.

С одной стороны, взаимодействие между кочевниками и земледельцами представляло собой одну из форм общественного разделения труда в рамках региональных «миров-экономик». Однако, несмотря на это, оседлое хозяйство в силу большей автаркичности, как правило, было менее заинтересовано в установлении торговых связей, чем кочевое. Можно согласиться с мнением М.Ф. Косарева по данному поводу, что:

«Встречающиеся в литературе утверждения, что он (т.е. симбиоз. – *Н.К.*) был выгоден не только кочевникам, но и земледельцам, не вполне объективны, ибо запутывают бесспорную истину, что без кочевников земледельцы процветали бы в гораздо большей мере, кочевники же без «симбиоза» с земледельцами не смогли бы стать настолько сильными, чтобы уничтожить многие достижения человеческой (земледельческой) культуры» [1991: 51].

По этой причине земледельцы часто использовали внешнюю торговлю как средство политического давления на номадов, и последним нередко приходилось отстаивать свои права на торговлю вооруженным путем. Это универсальная для всех регионов и эпох закономерность [Lattimore 1940: 478–480; Yu 1967: 4–5; Мартынов 1970: 234–249; Хазанов 1975: 255–256; Марков 1976: 246; Jagchid 1977: 177-204; Khazanov 1984/1994: 201-212; 1992; Jagchid, Sumons 1989: 36; Материалы 1984: 143; Крадин 1992: 60; Матвеев 1993: 101-108; Першиц 1994: 171-172; Гмыря 1995: 126; 129-130].

Не были исключением и хунну. В письменных источниках неоднократно упоминаются так называемые «Договоры о мире, основанном на родстве*, в результате которых шаньюи помимо различных благ для себя и элиты оговаривали открытие приграничной торговли между кочевниками и китайцами для всех номадов. Официально рынки были открыты только для товаров нестратегического назначения, но фактически здесь же китайские контрабандисты снабжали кочевников запрещенными товарами (оружие, железо и пр.) [Yu 1967: 101, 117–122]. Причем необходимость существования торговых пунктов для кочевников была настолько велика, что они иногда функционировали даже в периоды активизации грабительских набегов хунну на Китай [Лидай 1958: 33–34, 191, 242, 262; Бичурин 1950a: 63, 76; Материалы 1968: 50-51; 1973: 22, 51, 64]! Более того, как показывают данные более позднего времени, торговля не была гарантией для сохранения мира, однако и военные действия не препятствовали проезду купцов между враждующими сторонами [Греков, Якубовский 1950: 28–29; Першиц 1994: 214].

Но, с другой стороны, необходимо заметить, что нестабильность кочевой экономики не всегда могла обеспечить постоянные излишки, которые можно было предлагать для обмена. В одних случаях рост поголовья скота буквально выталкивал номадов на рынки, в других же, что, мне кажется, случалось гораздо чаще, последним было нечего предложить для обмена. Это не позволяло номадам постоянно пользоваться услугами рынков земледельцев и горожан.

Наконец, вхождение в состав земледельческих государств на правах зависимой, как правило, эксплуатируемой стороны — это далеко не лучшая из имеющихся альтернатив для номадизма. Конечно, при этом кочевники более интенсивно вовлекались в систему экономических и культурных связей с оседлыми цивилизациями, иногда получали гаранты для стабильного существования в периоды кризисов, но для этого всегда приходилось жертвовать политической независимостью и потерей этнической и культурной самобытности (что впоследствии и произошло с хунну). Не случайно ассимилируемые китайцами кочевники нередко откочевывали в родные степи или восставали. Данная тенденция в основном была характерна для новейшего времени, когда машинная цивилизация и огнестрельное оружие одержали верх над мобильностью номадов.

Отдавая должное мирным связям номадов и земледельцев, не следует недооценивать, как правило, милитаризированный характер

[100]

кочевых обществ. Еще Геродот [II, 167] дал яркую характеристику этой стороне их общественной жизни, написав про скифов, «до они и подобные им варварские народы «меньше всех ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслом, напротив, считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые ведают только военное дело». «Как же такому народу не быть непобедимым и неприступным?», – вопрошает он [IV, 46]. Геродот же описывал жестокие обычаи массовых человеческих жертвоприношений, снятия скальпов и сдирания кожи с убитых врагов и питья их крови [IV, 62, 64–66, 71–72].

Подобные, хотя и менее жестокие оценки содержатся в древнекитайских письменных источниках относительно хунну. «Сюнну открыто считают войну своим занятием», - говорил Чжунхан Юэ в беседе с ханьским послом [Лидай 1958: 233; Бичурин 1950а: 58; Материалы 1968: 46]. «У сюнну быстрые и смелые воины, которые появляются подобно вихрю и исчезают подобно молнии», – предупреждал императора У-ди один из крупных чиновников государства Хань Ань-го [Материалы 1968: 75]. Эта линия прослеживается даже в официальных политических документах. Так, например, в заглавии письма императора Сяо-вэня хуннскому шаньюю от 162 г. до н.э. ханьцы характеризуются как народы, «носящие пояса и шапки чиновников». Хунну противопоставляются им как «владения, натягивающие лук» [Лидай 1958: 32; Бичурин 1950а: 60; Материалы 1968: 47–48]. Да и сами кочевники откровенно подчеркивали милитаристский характер своей империи. Хунну «создают государство, сражаясь на коне, и поэтому пользуются влиянием и славятся среди всех народов» [Лидай 1958: 218; Бичурин 1950а: 88; Материалы 1973: 34]. Европейские гунны также хвалились своим образом жизни: «Мы живем оружием, луком и мечом». Клавдий Клавдиан отмечал, что у них «считается прекрасным клясться убитыми родителями» [цит. по: Гмыря 1995: 116, 127]. Савиры (гунны Дагестана) описаны в византийских источниках как народ, который «весьма жаден и до войн и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу» [там же: 189-190]. Тюрки «за славу считают умереть на войне, за стыд – кончить жизнь от болезни» [Бичурин 1950a: 231].

«Военное дело, службу в войске арабы считали исключительным правом и обязанностью. "Воинство ислама" состояло из ополчений арабских племен. Средствами существования арабских воинов служили помимо добычи натуральные подати,

доставлявшиеся местным населением... Существуя за счет покоренного населения, большинство арабов, поселившихся в завоеванных странах, не занимались никаким производительным трудом. К занятию земледелием арабы приступали крайне неохотно. Арабские поселенцы-земледельцы в завоеванных странах являлись редким исключением» [Беляев 1965: 150, 171].

Можно найти подобные характеристики номадов более позднего времени [Першиц 1994: 161–165, 195, 211 ел.; Ермоленко 1995: 22-29].

«Вплоть до самого включения киргизов в состав России, – писал С.М. Абрамзон, – основным фоном, на котором развертывались важнейшие события политической и общественной жизни киргизов, были войны, набеги и столкновения» [1971: 163].

Суровый военный быт наложил отпечаток на все стороны хозяйства, культуры, социальной организации, мировоззрения номадов [1971: 167].

«Разбой обычно считается не преступлением, а проявлением удальства и племенной доблести, — сообщал М.С.Иванов о кашкайцах. — Набеги совершались не только с целью получения добычи, но также для того, чтобы показать свою храбрость» [1961: 96].

У номадов Фарса участие в войнах и грабежах считалось проявлением доблести. Человек, который плохо скакал на лошади и не умел обращаться с оружием, не пользовался в обществе авторитетом [там же: 96].

Туареги больше занимались грабежами и войной, чем скотоводством, поручив пасти стада зависимым лицам [Лотт 1989: 8, 27, 36–39, 121, 222–229]. Даже у индейцев Северной Америки война пронизывала все стороны их жизни. Как пишет Р. Лоуи,

«она была делом не одного класса и даже не только мужчин, а всего народа от люльки до могилы. Девочкам, как и мальчикам, давались имена, производные от успехов воинов. Женщины исполняли пляски, держа скальпы и военные доспехи мужей. Воинская слава мужа определяла и их положение в обществе» [цит. по: Аверкиева 1970: 110].

Возможно, наиболее резко милитаризированность степного мира была сформулирована в риторическом вопросе Чингисхана, на который он сам же и дал ответ:

«Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить

его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, [в том, чтобы] сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, [в том, чтобы] превратить животы его прекрасных супруг в новое платье для сна и подстилку, смотреть на их розово-цветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!» [Рашид ад-Дин 19526: 265].

Воинственная природа и ксенократинеский характер кочевых империй и аналогичных им государственноподобных политий номадов [Крадин 1992; 1994а; и др.] — это то, что наиболее су-1дественно отличает степной мир от других доиндустриальных политических форм. Однако данный вывод не означает, что кочевники жили только за счет грабежа или вымогания дани у своих оседлых соседей. Параллельно с «немирными» номады использовали и «мирные» способы адаптации к внешнему миру или чередовали их. Можно отыскать массу сведений в письменных источниках о том, как годы войны и набегов кочевников на Китай и другие земледельческие страны сменялись периодами мирной торговли, обмена посольствами и заключения династических браков.

Необходимо также иметь в виду, что далеко не всегда собственно кочевники являлись источниками насилия, войн и грабительских походов. Были случаи, когда их на это провоцировала агрессивная политика соседей, на которую номады были вынуждены реагировать точно такими же средствами.

«Сюнну можно подчинить только силой, к ним нельзя относиться гуманно, — призывал ханьского императора один из высокопоставленных сановников двора. — Сейчас Срединное государство находится в цветущем состоянии, оно в десять тысяч раз богаче прежнего, поэтому, если мы выделим лишь сотую часть имеющихся у нас средств для нападения на сюнну, война с ними будет подобна стрельбе из тугого лука по созревшему нарыву» [Материалы 1968: 76].

Земледельческо-городские цивилизации проводили в отношении кочевников не только стратегию обороны. Там, где это было возможно (в маргинальных географических зонах), они вели не менее активную агрессию, чем номады. Многие кочевые общества были вытеснены или уничтожены, или же поглощены и ассимилированы своими более многочисленными оседлыми соседями. Можно напомнить, например, чудовищную резню циньскими войсками ойратского этноса в 1759 г., в результате которой было истреблено около миллиона человек [Чернышев 1990: 114].

В целом из сложного переплетения различных насильственных и ненасильственных политических методов как в отношении номадов

к их оседлым соседям, так и наоборот, складывались оригинальные формы приграничной степной политики. В Центральной Азии ее основы были заложены именно в хуннское время, поскольку если до становления державы Модэ в древнекитайской дипломатии считалось, что окружающие «срединные» царства «варвары» — это «шакалы и волки», с которыми нельзя идти ни на какие соглашения, то при первом ханьском императоре Лю Бане с заключения первого «Договора о мире, основанного на родстве», с кочевниками начинается новый этап в практике региональных межгосударственных отношений [Степугина 1987: 216–217, 237, 241-242].

Пограничная стратегия Хунну

Если сравнить численность населения в Хуннской державе и Ханьском Китае, то грозные и воинственные в обычном понимании степняки предстают лишь небольшой этнической группой. Номады имели максимально до 1,5 млн человек [Гумилев 1960: 79; Таскин 1973: 6] (это приблизительно соответствует численности населения одного ханьского округа), тогда как численность Хань-ской империи доходила почти до 60 млн человек [Крюков и др. 1983: 41-42; Кульпин 1990: 216].

Каким же образом хуннский «Давид» смог на протяжении почти трех столетий противостоять китайскому имперскому «Голиафу»? Своей жизнеспособностью Хуннская держава обязана исключительной эффективности своей внешней политики в отношении Китая. Более того, именно хунну придумали и впервые в истории Центральной Азии внедрили данную пограничную политику по отношению к Ханьской империи. Она оказалась во многом эффективнее различных китайских внешнеполитических доктрин, разработанных конфуцианскими интеллектуалами.

Внешняя политика хунну анализировалась многими исследователями [Lattimore 1940; Цзи Юн 1955; Yu 1967; 1986: 377-462; Bielenstein 1967; Suzuki 1968; Тихвинский, Переломов 1970; Watson 1971; Hulsewe 1979; Крюков и др. 1983; de Crespigny 1984; Jagchid, Symons 1989; Kroll 1996; и др.]. Особенный интерес представляет концепция Т. Барфилда [Barfield 1981], который не только подробно рассмотрел основные компоненты хуннской внешнеполитической доктрины по отношению к Китаю, но и впоследствии зафиксировал те или иные ее элементы в других степных империях Евразии [Barfield 1992]. Данная стратегия включала в себя три

главных компонента: (1) умышленный отказ от завоевания разграбленных китайских земледельческих территорий даже после больших побед; (2) грабительские набеги, производимые с целью запугивания китайского правительства; (3) чередование войны и мира для того, чтобы увеличить размер «подарков» и торговых привилегий от Китая. Рассмотрим эти компоненты более подробно. -• * Главная пограничная политика хунну была основана на осознании преимуществ своего подвижного образа жизни, способного наносить неожиданные удары по китайской территории и столь же стремительно отступать в глубь степи. «Когда они видят противника, то устремляются за добычей, подобно тому как слетаются птицы, а когда попадают в трудное положение и терпят поражение, то рассыпаются, как черепица, или рассеиваются подобно облакам», — писал о стратегии северных соседей Сыма Цянь [Лидай 1958: 18; Бичурин 1950а: 50; Материалы 1968: 41].

Номадам в силу их меньшей численности гораздо выгоднее было держаться от своего грозного соседа на расстоянии и проводить политику так называемой «дистанционной» (термин Т. Бар-филда) эксплуатации. У хунну были свои «елюи чуцаи». Китайский евнух Чжунхан Юэ на свой манер объяснил шаньюю Лаошану преимущества кочевого образа жизни для хунну [Лидай 1958: 30–32; Бичурин 1950а: 57–60; Материалы 1968:45–47]. Племенной вождь Сяо Цянь, долгое время проживший в Китае, научил шаньюя Ичи-се тактике выматывания китайцев: отступать через Гоби, чтобы затем, когда ханьские войска устанут, напасть на них [Лидай 1958: 44; Бичурин 1950а: 65; Материалы 1968: 53]. Поэтому хунну не собирались завоевывать Китай. Не случайно при всех политических дебатах по хуннскому вопросу при Ханьском дворе ни разу не ставился вопрос об угрозе того, что кочевники завоюют Китай.

Совершая быстрые кавалерийские набеги, номады концентрировали на одном направлении большое количество всадников. Это давало им, как правило, определенные преимущества в сравнении с менее маневренными китайскими пешими войсками. Когда основные силы ханьцев подходили, кочевники были уже далеко.

Не имея городов и мощных фортификационных сооружений, хунну тем не менее были почти недосягаемы для китайцев и у себя дома. Вместе со всем имуществом и стадами скота они, как правило, легко ускользали от пеших преследователей. В 112 г. до н.э. китайский посол в сердцах сказал шаньюю Увэю:

«Если сейчас вы, шаньюй, в состоянии, то выступите и сразитесь с Хань. Сын Неба лично во главе войск жлет вас на

границе; если же, вы, шаньюй, не в состоянии сделать это, то обратитесь лицом к югу и признайте себя вассалом Хань. К чему напрасно убегать далеко и скрываться в местах, лишенных воды и травы к северу от пустыни, где холодно и трудно жить?» [Лидай 1958: 47; Бичурин 1950a: 68; Материалы 1968: 56].

Развивая эту тему, можно напомнить и хорошо описанный в античной историографии поход Дария на скифов в Причерноморье [Геродот IV, 1, 83–98, 118–143; Черненко 1984]. Применив аналогичную кочевникам Центральной Азии стратегию, скифы вымотали во много раз превосходящее персидское войско. Геродот передает красивую легенду о так называемых скифских «дарах» Да-рию (птица, мышь, лягушка и пять стрел), которые были интерпретированы следующим образом:

«Если вы, персы, не улетите в небеса, превратившись в птиц, или не скроетесь в землю, подобно мышам, или не прыгнете в озера, превратившись в лягушек, то не возвратитесь назад, будучи поражены этими стрелами» [IV, 132]. Персы были вынуждены позорно бежать и лишь чудом спаслись от полного уничтожения.

Главным инструментом давления кочевников на Китай являлась *тактика запугивания* — набеги или угроза совершения таких набегов. Как правило, набеги совершались осенью, когда лошади набирали вес, а китайцы начинали собирать урожай. «Сейчас осень, лошади у сюнну откормлены, и с ними не следует воевать», — докладывал Лу Бодэ китайскому императору [Материалы 1973: ПО]. При этом набеги были умышленно разрушительными. Кочевники словно специально с особой жестокостью вытаптывали посевы, сжигали урожаи и селения крестьян, нисколько не заботясь от том, что подрывают тем самым один из возможных источников своих доходов [Лидай 1958:31; Бичурин 1950a: 59; Материалы 1968: 46—47]. Они знали, что ханьская администрация, заинтересованная в стабильности приграничных округов, изыщет любые средства и заново отстроит разрушенные деревни, вновь заселит их колонизаторами, засеет заброшенные поля хлебом.

Поэтому приграничный «террор» был излюбленным орудием шаньюев для извлечения подарков, торговых и других привилегий. Чжунхан Юэ, китайский иммигрант, ставший советником при Лаошан-шаньюе, прямо пугал китайского посланника:

«Ханьский посол, не говори лишнего, заботься лучше о том, чтобы шелковые ткани, вата, рис и солод, которые ханьцы посылают сюнну, были в достаточном количестве и непременно лучшего качества. К чему болтать? Если поставляемого будет

в достатке и лучшего качества, то на этом все кончится, но при нехватке или скверном качестве осенью, когда созреет урожай, мы вытопчем ваши хлеба конницей» [Лидай 1958: 31; de Groot 1921: 88–89; Бичурин 1950a: 59; Материалы 1968: 46–47].

Другой составляющей хуннского «террора» являлась практика угона в массовом количестве жителей китайских приграничных Провинций. Едва ли не после каждого набега номады пригоняли в свои кочевья пленников. Упоминания об этом имеются во всех китайских хрониках, в которых рассматривается история хунну: в «Ши цзи» (цзянь ПО), в «Хань шу» (цзянь 94а, 946) и в «Хоухань шу» (цзянь 79). Отчасти эти данные уже суммированы Г.И. Семевюком [1958: 57]. Более подробно этот вопрос рассматривается в четвертой главе.

Набеги, «поларки» и торговля: 200-133

Для вымогания все более и более высоких прибылей хунну пытались чередовать войну и набеги с периодами мирного сожительства с Китаем. Первые набеги совершались с целью получения добычи для всех членов имперской конфедерации номадов независимо от их статуса. Шаньюю требовалось заручиться поддержкой большинства племен, входивших в конфедерацию. Следовательно, каждый воин имел право на добычу в бою:

«Тот, кто в сражении отрубит голову неприятелю или возьмет его в плен, жалуется одним кубком вина, ему же отдают захваченную добычу, а взятых в плен делают [его] рабами и рабынями. Поэтому каждый, естественно, воюет ради выгоды» [Лидай 1958: 18; Бичурин 1950a: 50; Материалы 1968: 41].

После опустошительного набега шаньюй, как правило, направлял послов в Китай с предложением заключения нового договора «О мире и родстве», или же номады продолжали набега до тех пор, пока китайцы сами не выходили с предложением заключения нового соглашения [Лидай 1958: 31–32; Бичурин 1950а: 59–61; Материалы 1968: 47–48].

Такая практика впервые была применена еще при Модэ. После Байдэнского сражения был заключен первый договор «О мире и родстве* [Yu 1967: 10], по которому: (1) Хуннская держава признавалась

¹В чаше, которую дают хуннам, есть соблазн видеть некое сходство со скифским обычаем, описанным Геродотом [IV, 66]. Правда, справедливости ради, необходимо отметить, что это, возможно, более широко распространенная традиция для того времени, когда меч и копье служили главными аргументами...

практически равной по статусу Хань; (2) китайцы должны были ежегодно поставлять в ставку шаньюя богатые подарки, шелк, вино, рис и зерно; (3) шаньюй получал невесту из императорского дома (правда, в этом его обманули); (4) официальной границей между Хунну и Хань устанавливалась Великая стена [Лидай 1958: 19; Бичурин 1950a: 52; Материалы 1968: 42, 71-72].

После заключения договора и получения даров набеги на какое-то время прекращались. Однако размер «подарков», выплачиваемых согласно политике *хэцинь*, не оказывал существенного влияния на экономику хуннского общества в целом. Судя по косвенным данным, ежегодная «дань» Хань составляла 10000 даней рисового вина, 5000 *ху* проса и 10000 кусков шелковых тканей [Лидай 1958: 191; Бичурин 1950а: 76; Материалы 1968: 22]¹.

Среднегодовой паек зерна для взрослого мужчины по китайским нормам составлял 36 *ху* (около 720 л) [Loewe 1967b: 65–75] или, возможно, чуть больше (около 800 л) [Крюков и др. 1983: 200–201]. При таком нормировании данного количества зерна ежегодно могло хватать не более чем на 150 человек. Если использовать хлебные продукты только в качестве пищевой добавки (например, в размере около 20% от нормы), данного количества зерна могло хватить для питания в течение года примерно 700–800 человек. Очевидно, что императорские поставки хлеба могли предназначаться только для удовлетворения нужд шаныоевой ставки [Barfield 1981: 53; 1992:47]. Таким образом, императорские «подарки» продуктами были недостаточны для удовлетворения запросов всего хуннского общества. «Подарки» и дань оставались на верхних ступенях социальной пирамиды, не достигая низовых этажей племенной иерархии. Однако простым номадам также требовалась продукция экономики оседло-городского общества.

Для удовлетворения нужд всех членов «имперской конфедерации» и поддержания внутренней стабильности шаньюй был вынужден отстаивать экономические интересы простых номадов. Он мог это делать двумя способами: набегами на Китай или же посредством приграничной торговли, с помощью которой простые номады могли бы выменивать необходимые для них продукты и изделия ремесла. Однако из китайских источников известно, что война приносила номадам гораздо больше прибыли, чем приграничная торговля или подарки [Лидай 1958: 262, 263–264; Материалы

¹ В раде других переводов допущены неточности [Wylie 1874: 440; Paiker 1892/1893: 116–117; Бичурин 1950a: 76; Панов 1918: 59; Loewe 1967a: 161].

1973: 64, 66–67]. Это в конечном счете часто предопределяло характер хуннской политики в отношениях с Китаем. То, что не кочевая аристократия, а обычные скотоводы часто являлись инициаторами набегов на земледельческие общества, подтверждается многочисленными аналогиями из истории номадов разного времени [Покотилов 1893:124,208–209; Киселев 1951:598; Иванов 1961: 96–97; Аверкиева 1974: 313; Марков 1976: 151; Калиновская, Марков 1987: 62; Першиц 1994: 195-196].

Как правило, после совершения набега и при заключении нового договора шаньюй настаивал на открытии рынков на границе. Однако двор Хань по политическим причинам был против открытия торговли с номадами [Lattimore 1940:478—480], и шаньюю приходилось довольствоваться богатыми дарами. Через определенный промежуток времени, когда награбленная простыми номадами добыча заканчивалась или приходила в негодность, скотоводы снова начинали требовать от вождей и шаньюя удовлетворения их интересов. В силу того, что китайцы упорно не шли на открытие рынков на границе, шаньюй был вынужден «выпускать пар» и отдавать приказ к возобновлению набегов.

С некоторой долей условности можно проследить периодичность таких набегов. После 200–199 гг. до н.э. три года на хунно-китайской границе держался мир. Затем в 196 г. до н.э. был совершен новый набег, и вновь заключен договор с Хань. Далее до 177 г. до н.э. у нас нет данных о периодичности набегов, но по косвенным данным известно, что время от времени [Лидай 1958: 18–19; Бичурин 1950а: 52–53; Материалы 1968: 42, 67] кочевники все-таки вторгались на территорию Хань.

Следующий крупный договор между Хунну и Хань, который упоминается в «Ши щи», был заключен в 176 г. до н.э. Повод для его разрыва дали сами кочевники. В 177 г. до н.э. правый сянь-ван самовольно вторгся на территорию Китая и стал грабить, убивать и угонять в плен жителей округа Шанцзюнь. За самоуправство он был наказан шаныоем, а в следующем году было послано посольство к ханьскому императору с предложением заключить новый договор на новых условиях. Через два года договор был подписан.

Десятилетие на границе был мир. Лишь в 166 г. хунну снова оседлали коней и, возможно, до 162 г. до н.э. несколько раз совершали набеги. Новый договор был заключен в 162 г., и до 158 г. граница оставалась спокойной. В 158 г. до н.э. хунну опять ограбили северные провинции, и в следующем году в спешном порядке был заключен новый договор «О мире и родстве».

Такая периодичность подтверждает, что главная причина набегов хунну на Китай находится в экстенсивности скотоводства. Выше я уже писал, что «чистое» кочевое скотоводство без дополнения его другими отраслями хозяйства представляет собой достаточно ограниченный способ существования. Поскольку условий для занятия земледелием в Центральной Азии было немного, хун-ны были вынуждены продолжать совершать набеги на Хань. Ярким подтверждением всего вышесказанного служит то, что даже после того как начиная со 157 г. до н.э. при императоре Сяо-цзине наконец-таки были открыты пограничные рынки [Лидай 1958: 33; Би-чурин 1950а: 62; Материалы 1968: 50], кочевники все-таки не отказались от практики периодических ограблений приграничных округов Хань. В «Ши цзи» упоминаются набеги около 156, 148, 144 и 142 гг. до н.э. [Сыма Цянь 1975: 247, 250, 252]. Возможно, это связано с тем, что масштабы приграничной торговли были искусственно ограничены китайской администрацией (такая практика известна из более позднего времени). В то же время совершенно очевидно, что все желающие скотоводы не имели возможности прикочевать к границе для участия в приграничных торгах. Такое неустойчивое равновесие между войной и миром продолжало сохраняться вплоть до 133 г. до н.э., когда император У-ди спровоцировал пограничный конфликт и отношения между Хунну и Хань резко изменились в худшую сторону.

Пограничные доктрины Китая

Какие ответные меры предпринимали китайцы в отношении номадов? Теоретически это мог быть либо тонкий дипломатический мир с признанием определенных уступок варварам, либо война до победного конца. Первым способом «умиротворения» номадов была политика откупа. Таким путем ханьское правительство надеялось избегать дорогостоящих войн и массовых разрушений в северных провинциях Китая. Первоначальный договор между Хунну и Хань, заключенный при Модэ, предполагал признание достаточно высокого статуса номадов, права шаньюя на брак и ежегодную компенсацию кочевникам шелком и другими ценными товарами за то, что они не нарушали границу и не вторгались с грабежами за Великую стену.

Однако, заключая договор с «дикими варварами», ханьская администрация оказалась в весьма щекотливом положении. Пакт предполагал, что оба субъекта данного соглашения являются «ранними

государствами» (ди-го) [Кроль 1984; Кычанов 1997: 29–31]. Подобная ситуация была неприемлемой для ханьцев с идеологической точки зрения. Как Срединное государство могло быть равным с дикими нецивилизованными номадами? По этой причине через некоторый промежуток времени китайцы стали рассматривать отношения между Хунну и Хань в рамках соглашений другого типа, не как отношения между независимыми субъектами международной политики, но в рамках договора «о мире и родстве» (кит. хэцинь) как родственные (здесь «равные» = «родственные»), связи между старшим и младшим (кит. сюнди), где себе ханьцы отводили статус «большого брата» (аон), а номадам младшего (ди). Тем самым в собственном представлении китайцев статус хунну как бы автоматически занижался [Suzuki 1968: 183–191; Крюков и др. 1984: 255–256; Гончаров 1986: 15–16; Кычанов 1997: 29–31; и др.].

Советник ханьского императора Лю Цзин предложил выработать особый план, «рассчитанный на многие годы», с помощью которого номады со временем подчинились бы Китаю:

«Если Вы, Ваше Величество, в самом деле сможете отдать [Маодуню] в жены старшую дочь от главной жены и послать щедрые подарки, – заявил сановник императору, – он подумает, что дочь ханьского императора от главной жены принесет варварам богатства, а поэтому, соблазнившись ими, непременно сделает ее яньчжи, а когда у нее родится сын, объявит его наследником, который станет вместо него шаньюем. Почему [произойдет так]? Из-за жадности к дорогим ханьским подаркам. Вы же, Ваше Величество, отправляйте подарки в соответствии с сезонами года, то что имеется в избытке у Хань, но недостает у Сюнну, справляйтесь о здоровье [шаньюя] и, пользуясь удобным случаем, посылайте людей, владеющих красноречием, чтобы они незаметно наставляли его в правилах поведения. Пока Маодунь жив, он, разумеется, будет вашим зятем, а после его смерти шаньюем станет сын вашей дочери. А разве когда-нибудь было видано, чтобы внук относился к деду как к равному? [Так] можно без войны постепенно превратить [сюнну] в своих слуг» [Материалы 1968: 71–72].

Параллельно китайцы рассматривали «подарки» как своеобразную идеологическую «диверсию», призванную ослабить и разрушить хуннское единство изнутри. Разработанная при ханьском дворе специальная стратегия *«пяти искушений»* преследовала следующие цели:

- 1) дать кочевникам дорогие ткани и колесницы, чтобы испортить их глаза;
  - 2) дать им вкусную пищу, чтобы закрыть их рты;

- 3) усладить номадов музыкой, чтобы закрыть их уши;
- 4) построить им величественные здания, хранилища для зерна и подарить рабов, чтобы успокоить их желудки;
- 5) преподнести богатые дары и оказать особое внимание темплеменам хунну, которые примут китайский протекторат [Yu 1967:37; 1990: 122-125].

В литературе существуют различные оценки договора *хэцинь*. Одни исследователи подчеркивают его эпохальное значение в истории дальневосточной дипломатии. «Это был первый международный договор на Дальнем Востоке между двумя независимыми державами, одинаково рассматривающимися как равными», – полагает В. Эберхард. Разработанные между кочевниками и Хань международные нормы «стали стандартными формами на ближайшую тысячу лет» [Eberhand 1969: 77]. По мнению других авторов,

«только еще создавшаяся Ханьская империя крайне нуждалась в передышке и была не в силах воевать. Ей пришлось прибегнуть к унизительной политике примирения, царствующий дом вступил в родство с гуннами, ежегодно им посылались дары: вата, шелковые ткани, вина и яства. Тем не менее гунны продолжали время от времени вторгаться в пограничные области Ханьской империи, подрывая своими набегами производство» [Шан Юэ 1959: 78].

Схожая оценка содержится в работах многих других китайских историков, которые оценивали данные договоры с кочевниками как «неравноправные» [Цзи Юн 1955; Цай Дунфань 1983; и др.].

В этой связи хотелось бы уточнить, что ежегодные дары хуннскому шаньюю составляли весьма незначительную часть валового национального дохода Ханьской империи, что, кстати, прекрасно осознавали сами китайцы [Материалы 1968: 72]. Так, например, согласно договору Ханьский двор отправлял ежегодно шаньюю 10 тыс. кусков (пи) шелковых тканей [Лидай 1958:191; Материалы 1973:22]. Известно, что опытная ханьская ткачиха изготавливала один пи примерно за три дня [Лубо-Лесниченко 1994: 149], из чего следует, что на изготовление 10 тыс. кусков шелка требовалось 30 тыс. человеко-дней. Для многомиллионного Китая это ничтожно мало. В то же самое время, например, в 107 г. до н.э. во всей империи было собрано в качестве налогов 5 млн кусков [там же: 159]. Исходя из последних данных, получается, что хунну получили лишь 0,2% от суммы ежегодных податей подданных правительства.

Разовые «подарки» по тем или иным поводам также, на мой взгляд, не являлись чересчур обременительными для китайского

правительства. Так, в 52 г. до н.э. шаньюй Хуханье получил богатые дары от ханьского императора и среди прочих вещей было 20 *цзиней* золота и 200 000 монет [Лидай 1958: 219; Бичурин 1950а: 89; Материалы 1973: 35]. Один *цзинь* золота в ханьское время равнялся приблизительно 258,24 г [У Чэнло 1984: 47, 73]. Средний достаток в ханьское время приравнивался примерно к 10 *цзиням*, а достояние богатых собственников оценивалось в сотнях тысячах *цзиней* [Степугина 1983: 510]. Таким образом, Хуханье получил в качестве даров очень скромную сумму золота. Также известно, что в Хань средний налог составлял около 120 монет [Крюков М.В. 1981: 163, 181], из чего следует, что деньги, переданные для шаньюя, представляли собой годовой налог менее чем 2 тыс. ханьцев. В контексте бюджета ханьского императорского правительства это очень скромная сумма.

На данные деньги можно было купить, например, 5000 даней (170 тыс. л) зерна [Крюков М.В. 1981: 181], что составляет годовую норму питания примерно для 100 человек. Это не более того, что получали хуннские шаньюй в течение ІІ в. до н.э., и если использовать купленный на данные деньги хлеб лишь как пищевую добавку, то его могло хватить не более чем для нужд ставки степной державы. Очевидно, что данные подарки циркулировали только на самых верхних этажах социальной пирамиды хуннского общества.

Наконец, все эти дары ничего не стоили в сравнении с обременительными затратами на охрану границ. Даже если не считать расходов на сооружение Великой китайской стены, трат на ее поддержание в порядке, то только потребность кормить и одевать приграничные армейские гарнизоны обходилась казне в весьма круглую сумму. Известно, что в период раннего средневековья имперское правительство ежегодно расходовало на эти нужды 10,2 млн кусков шелка (т.е. в 1000 раз больше, чем «подарков» по договору) и 690 тыс. ху (т.е. в 138 раз больше) зерна [Бичурин 1950а: 308]. В моем распоряжении нет данных относительно расходов в хуннское время, но едва ли затраты ханьской администрации были намного меньше.

Такое поведение было абсолютно иррациональным. Китайское правительство было готово на многочисленные явно убыточные затраты, лишь бы соседние народы и государства признавали его внешнеполитический сюзеренитет. Хуннские шаньюй этим периодически удачно пользовались. Стоило Цзюйди-хоу шаньюю, например, публично слукавить, что он годится китайскому Сыну Неба в сыновья, а то и во внуки, как тут же шаньюй был обласкан

богатыми дарами. Правда, Цзюйди-хоу принял «подарки», не выказав должного почтения по отношению к Китаю [Лидай 1958: 189; Бичурин 1950а: 74; Материалы 1978: 18]. Он знал цену себе и своим грозным конникам. Но это беспокоило Ханьский двор уже меньше. Первенство Китая по отношению к Хуннской империи было продемонстрировано. А разве можно ждать благодарности от северного «варвара» с сердцем дикого зверя?

Китайские «подарки» кочевникам необходимо рассматривать в категориях субстантивистской экономической антропологии. Реальный (рациональный) эквивалент здесь не имел никакого значения. Важным было только одно. Кочевники прислали дар (дар, как правило, был чисто символическим, например две лошади [Лидай 1958: 31–33; Бичурин 1950а: 60; Материалы 1968: 47]), или попросили подарки, признав или подтвердив вассалитет, а все эти действия интерпретировались китайцами как «дань» и признание своего более низкого статуса. Следовательно, Сын Неба, сосредоточение земной сакральности, может отблагодарить диких, неотесанных варваров. И чем могущественнее была соседняя с Китаем политая, тем богаче и изысканнее были ответные дары.

Исходя из всего вышеизложенного, необходимо признать, что с финансовой точки зрения политика хэцинь являлась несоизмеримо более выгодной, чем противоборство и война против кочевников, хотя, необходимо отметить, ужасно «обидной» для китайцев. И дело здесь не только в конфуцианском представлении мира, но отчасти в простой дипломатической любезности тех уничижительных титулов, которыми были вынуждены именовать себя в отдельные периоды правители Срединного (!) государства. Достаточно напомнить известный эпизод о предложении Модэ вдовствующей китайской императрице Гао-хоу выйти за него замуж (что являлось верхом неприличия в китайском обществе, о чем шаньюй, окруженный беглыми китайскими советниками, думается, не мог не знать; он просто хотел спровоцировать новую войну). Ну разве не верхом унижения для китайской императрицы было подписать официальное письмо, содержащие следующие строки:

«Шаньюй не забыл меня, возглавляющую бедное владение, и удостоил письмом. Я, стоящая во главе бедного владения, испугалась и, удалившись, обдумывала письмо. Я стара летами, моя душа одряхлела, волосы и зубы выпали, походка утратила твердость. Вы, шаньюй, неверно слышали обо мне, вам не следует марать себя. Я, стоящая во главе бедной страны, не виновата и должна быть прощена [за отказ]» [Материалы 1968: 139; Бичурин 1950a: 53–54].

К «пяти искушениям» можно добавить еще одно универсальное средство, которое не было конфуцианскими интеллектуалами. Речь идет спаивании ОТУНКМОПУ полуцивилизованных народов в ходе колонизации периферии. Данное явление неоднократно фиксировалось в историографии самых различных культур и эпох, начиная от контактов скифов с греческими полисами вплоть до освоения Дикого Запада американскими пионерами. Вино было одним из традиционных составляющих ханьского экспорта неизбалованным благами «цивилизации» неприхотливым кочевникам. Согласно политике хэцинь китайцы поставляли ежегодно хуннско-му шаньюю 10000 даней рисового вина (кит. неизю – винной закваски), что соответствовало 200 тыс. л [Лидай 1958: 191; Материалы 1973: 22]. При ежедневной норме потребления это составляло более 550 л в день³. Даже если гипотетически допустить, что хуннское войско составляло 300 000 лучников, то при ежедневном потреблении алкоголя на каждого представителя хуннской высшей военной элиты (от тысячников и выше, поскольку вряд ли такой дефицитный товар доходил до простых воинов) приходилось более 1,5 л рисового вина! Понятно, что вино потребляли не только военачальники, скорее всего, его пили во время массовых праздников, но все равно масштабы приобщения кочевников к «цивилизации» выглядят внушительно.

Дело доходило до того, что, например, в 124 г. до н.э. *правый сянь-ван* и его окружение устроили такую грандиозную попойку, что даже не заметили, как китайские войска беспрепятственно их окружили. В результате было взято в плен более 15 тыс. человек и 1 млн голов скота. Лишь чудом *правому сянь-вану* с любовницей и несколькими сотнями смельчаков удалось прорвать вражеское кольцо и убежать на север [Лидай 1958: 44; Бичурин 1950а: 64; Материалы 1968: 52, 83; Сыма Цянь 1984: 646-656; 1986: 205].

Т. Барфилд полагает, что разработав политику *«пяти искушений**, ханьские политики, вероятно, рассчитывали на простую человеческую алчность. Они полагали, что шаньюй опьянеет от количества и разнообразия редких диковинок и будет их копить в своей сокровищнице на зависть подданным или растранжиривать их на всяческие сумасбродства. Однако, как пишет Т. Барфилд, они не поняли основ власти степного правителя. Он разработал

³ Для доставки и хранения спиртных напитков ханьцы, возможно, использовали большие ханьские сосуды с отверстиями внизу у дна. Такие сосуды были найдены на хуннских памятниках в Забайкалье [Руденко 1962: 61 рис.51 к; Коновалов 1976: табл. XXIII, *1*, XXTV, *1*, *4*; Давыдова 1995: табл. 25, 7].

этот счет целую теорию. По его словам, даже более поздние царедворцы, выходцы из Китая и других земледельческих стран, так и не поняли, на чем зиждется фундамент степной политики. Они не могли взять в толк, зачем, например, Угэдэй занимался массовыми, бессмысленными с их точки зрения, раздачами. Психология кочевника отличается от психологии земледельца и горожанина. Поскольку статус правителя степной империи зависел, с одной стороны, от возможности обеспечивать дарами и благами своих подданных и, с другой стороны, от военной мощи державы, чтобы совершать набеги и вымогать «подарки», то причиной постоянных требований шаньюя об увеличении подношений была не его личная алчность (как ошибочно полагали чкитайцы!), а необходимость поддерживать стабильность военно-политической структуры. Самое большое оскорбление, которое мог заслужить степной правитель, по мнению Т. Барфилда, это обвинение в скупости. Поэтому для шаньюев военные трофеи, подарки ханьских императоров и международная торговля являлись основными источниками политической власти в степи. Следовательно, протекающие через их руки «подарки» не только не ослабляли, а, напротив, усиливали власть и влияние правителя в «имперской конфедерации» [Вагfield 1981: 56-57].

В принципе не возражая против такой точки зрения, хотелось бы заметить, что политика *«пяти искушений»* была направлена, вероятнее всего, против хуннского общества в целом, имела перед собой в качестве возможных целей и уязвимость позиций шаньюя как редистрибутора внешних доходов, и далеко преследуемые цели разрушения традиционных норм пасторального образа жизни благами «цивилизации». Китаец Чжунхан Юэ, ставший советником при шаньюе Лаошане, прекрасно понимал, к чему это может привести. Не случайно он предупреждал номадов:

«Численность сюнну не может сравниться с численностью населения одной ханьской области, но они сильны отличиями в одежде и пище, в которых не зависят от Хань. Ныне [вы], шаньюй, изменяя обычаям, проявляете любовь к ханьским изделиям, но если только две десятых ханьских изделий попадут к сюнну, то все сюнну признают над собой власть Хань. Если в шелковых тканях и шелковой вате, которые сюнну получают от Хань, пробежать по колючей траве, то верхняя одежда и штаны порвутся: покажите этим, что [такая одежда] не так прочна и

Давая характеристику обычаям хунну Сыма Цянь отмечает: «Там где видят для себя выгоду, не знают ни правил приличия, ни правил поведения» [Материалы 1968: 34].

хороша, как шубы из войлока. Получая ханьские съестные продукты, выбрасывайте их, показывая этим, что они не так удобны и вкусны, как молоко и сыр» [Лидай 1958: 30; Бичурин 1950a: 57–58; Материалы 1968: 45].

И пока хуннские всадники могли сдерживать культурный натиск с юга, единство их державы было непоколебимым. Но как только номады стали забывать обычаи предков, в имперском здании появились трещины.

Вторым основным методом борьбы с хунну была агрессивная военная политика. Еще Ли Сы предупреждал Цинь Шихуанди, что война с хунну только обескровит империю:

«Сюнну не имеют для жительства городов, обнесенных внешними и внутренними стенами, у них нет запасов, чтобы защитить их; они кочуют с места на место, поднимаясь [легко] словно птицы, а поэтому их трудно прибрать к рукам и управлять ими. Если в их земли глубоко вторгнутся легковооруженные войска, им неизбежно не будет хватать продовольствия, а если войска прихватят с собой зерно, то обремененные грузом будут [везде] опаздывать. Приобретение принадлежащих им земель не принесет нам пользы, а присоединение народа не создаст возможности подчинить его и удержать под контролем» [Материалы 1968: 112].

Первым попытался решить хуннскую проблему, организовав Drang nach Steppe, ханьский император Гао-ди. Его первая же военная компания 200 г. до н.э. против хунну продемонстрировала при Байдэне слабости прямой войны с кочевниками:

- (1) номады, как этого и следовало ожидать, оказались более неприхотливыми и привычными к суровым условиям климата, а изханьской армии «генерал Мороз» выбил из строя каждого четвертого солдата;
- (2) китайские пешие войска обладали меньшей маневренностью и мобильностью, в результате чего кочевникам удалось быстро растянуть их коммуникации, оторвать авангард от основныхсил и обозов и окружить.

Правда, китайцев было все равно так много, что Модэ не рискнул бросить своих воинов в решающую атаку и согласился на мирные переговоры. Но для китайцев этот мир оказался поражением. Гао-ди пришлось признать Хуннскую державу равной Срединному государству по статусу, отдать в жены шаньюю принцессу императорского дома, ежегодно отправлять в степь обусловленное договором количество даров.

В степной войне хунну имели ряд тактических преимуществ. «Хуннско-парфянский» лук, вероятно, был лучшим луком конца

І тыс. до н.э. [Худяков 1986]. Правда, китайские солдаты имели лучшее защитное вооружение из нашитых на кафтан металлических пластинок, их алебарда в ближнем бою была удобнее хуннс-ких палашей, а арбалет бил на 600 шагов [Кожанов 1987: 44] и вблизи сравнительно легко пробивал кожаные хуннские щиты и латы. Однако самострел нужно было перезаряжать, а за это время кочевники могли засыпать своих противников знаменитым «свистящим» дождем из стрел. Поэтому ближнему бою с ханьскими солдатами и арбалетчиками они предпочитали дистанционную стрельбу из лука на скаку, которой начинали обучаться еще в раннем детстве [Лидай 1958: 3; Бичурин 1950а: 40; Материалы 1968: 34] и к зрелости достигали большого мастерства. Ханьские солдаты значительно уступали номадам в этом умении. Им приходилось обучаться стрельбе из лука с лошади уже в зрелом возрасте, а арбалет для стрельбы на скаку был практически не приспособлен.

Кроме всего прочего, на рубеже III–II вв. до н.э. китайцы не имели достаточного количества лошадей для оснащения свой армии. Их войско в основе своей состояло из пехотинцев и очень сильно уступало в подвижности кочевникам, которые при желании могли просто уклониться от сражения с превосходящими силами. Поэтому китайцы были очень заинтересованы в получении породистых скакунов, именуемых как небесные скакуны, «потеющие кровью» (ханьсюэ ма), из Ферганы [Шефер 1981: 89, 389]. Возможно, еще при Цинь Ши Хуанди некоторое количество «небесных скакунов» при посредстве предприимчивого купца по имени Го попали в Китай [Creel 1965: 658]. Однако только в годы правления императора У-ди китайцы получили массовую партию кобылиц и жеребцов для их последующего разведения в Китае. Эта акция была связана со знаменитыми путешествиями Чжан Цяня в далекий «Западный край», в результате чего китайцы не только получили необходимых им лошадей, но и очень многое узнали о диковинных странах, расположенных далеко на закате солнца [Панов 1918: 48-54 и др.].

Походы китайских армий на север требовали от ханьского правительства больших усилий. Янь Ю в своем докладе Ван Ману тщательно обосновал неоправданность затрат на снаряжение больших военных экспедиций в степь. Во-первых, требуется значительное количество припасов, для транспортировки которых необходимо

⁵ Стрела, выпущенная из лука, летела, по-видимому, шагов на 200 [см Вернадский 1997: 118].

большое количество волов. Но даже если питаться сухим вареным рисом, то по опыту предыдущих военных компаний примерно через 100 дней среди солдат должны начаться болезни от некачественной пищи и плохой воды (кочевники, кстати, практически не пьют воду). Во-вторых, для животных также нужны большие запасы корма. В-третьих, китайские волы плохо приспособлены к экологическим условиям аридных зон и максимум через 100 дней должны погибнуть от обезвоживания или засоления организма. В-четвертых, осенью и зимой в Халхе очень холодно (с собой нужно брать дрова или уголь), а весной и летом сильные ветры. Поэтому, если брать с собой большие обозы, кочевники легко уйдут от погони, а если и удастся с ними встретиться, маневренность китайских войск все равно будет ограниченной из-за тех же обозов [Лидай 1958: 255; Бичурин 1950а: 108; Материалы 1973: 59].

Но если даже предположить, что такой поход завершился бы полным разгромом кочевников, китайцы все равно были бы вынуждены покинуть эти территории. Ханьцы, впрочем, и сами понимали, что «среди озер и солончаков» заниматься земледелием нельзя [Лидай 1958: 29; Бичурин 1950а: 55; Материалы 1968: 44]. В конечном счете, из-за общего дефицита влаги, отсутствия леса для строительства и теплоснабжения, частых засух и т.п. им так и не удалось освоить многие маргинальные зоны, из которых они вытеснили кочевниковскотоводов [Lattimore 1940: 459–500].

Великое противостояние: 129-58

Лишь спустя три четверти века император У-ди решился на отмену стратегии *«пяти искушений»* в пользу активной экспансии на север. Существует мнение, что главным мотивом, подтолкнувшим его на этот шаг, были националистически настроенные круги, получившие влияние в этот период при Ханьском дворе. Эта группировка не могла смириться с тем, что статус северных варваров был официально признан равным статусу Поднебесной [Yu 1967:4,11–13]. Постепенно сторонникам военной партии удалось склонить императора к объявлению военной кампании против хунну.

«Сюнну можно подчинить только силой, к ним нельзя относиться гуманно. Сейчас Срединное государство находится в цветущем состоянии, оно в десять тысяч раз богаче прежнего, поэтому, если мы выделим лишь одну сотую имеющихся средств для нападения на сюнну, война с ними будет подобна стрельбе из тугого лука по созревшему нарыву; [наши войска] несомненно не встретят препятствий в походе» [Материалы 1968: 76].

Для того чтобы сравняться с кочевниками в мобильности У-ди применил новую тактику. Было решено создать специальные подразделения из легковооруженных всадников с небольшими обозами для маневренной войны с номадами за пределами Великой стены. Дело это было для китайцев новое и поэтому потребовало немало усилий [Лидай 1958: 254; Бичурин 1950a: 107; Материалы 1973: 58].

Первые рейды ханьских конных армий принесли определенные результаты:

- **127** г. до н.э. вновь отвоеван Ордос, хунну потеряли несколько тысяч номадов и более 1 млн голов скота;
- **124** г. до н.э. поход на 600–700 ли (до 280 км). Захвачено 15 тыс. человек, в том числе 10 племенных вождей;
  - 123 г. до н.э. поход на несколько сот ли. Убито и взято в плен более 19 тыс. хунну;
- **121** г. до н.э. поход на северо-запад на одну тысячу ли (400 км). Убито и захвачено в плен 18 тыс. человек. В качестве трофея взят золотой идол, использовавшийся при жертвоприношениях небу;
- **121** г. до н.э. поход на северо-запад на две тысячи ли (800 км). Убито и взято в плен более 30 тыс. кочевников и более 70 мелких племенных вождей и старейшин [Лидай 1958: 34, 43–45; Бичурин 1950а: 63-66; Материалы 1968: 51-53, 82-89, 105-106].

Последние поражения ослабили позиции хунну на Западе. Разгневанный шаньюй хотел вызвать виновников поражения племенных вождей Хунье и Сючу в ставку, чтобы казнить. Испуганные такой перспективой, Хунье и Сючу решили вместе с остатками племен дезертировать в Китай. Во время побега Хунье убил колеблющегося Сючу и вместе с остатками его племени сдался китайским войскам. Номады предусмотрительно были поселены на другие территории, а земли Ганьсуньского коридора стали заселяться китайскими колонистами [Лидай 1958: 45; Бичурин 1950а: 66; Материалы 1968: 54]. Так Китай «прорубил» окно на Запад.

Определенные успехи новой тактики окрылили У-ди и сторонников военной партии. Весной 119 г. до н.э. было решено поразить хунну в самое сердце — быстрым маршем перейти Гоби и расправиться с номадами в их собственных кочевьях. Это был тонкий расчет. Поскольку конница рысью могла двигаться примерно раза в три быстрее, чем кибитки со скарбом по бездорожью, то хунну теряли главное тактическое преимущество — свою маневренность. Появлялся шанс встретиться с неуловимыми номадами лицом к лицу и разбить их в решающей битве.

Для этих целей было собрано и откормлено 240 тыс. лошадей для 100 тыс. всадников (не считая обозов). Войска были разделены на две равные армии, которым было приказано действовать самостоятельно [Лидай 1958: 45; Бичурин 1950a: 66; Материалы 1968: 54].

Однако внезапного удара не получилось. Кочевники каким-то образом узнали о ханьском походе. Шаньюй Ичисе успел отправить семьи номадов и стада скота на север, развязав тем самым себе руки, и принялся ждать врага. Хунну не изменили своей тактике и не ввязывались в ближний бой. Они медленно отступали, держа ханьские войска на дистанции, и обескровливали их массированным обстрелом из луков.

Время было на стороне кочевников. Китайские войска изматывались, запасы продовольствия постепенно иссякали. Как часто бывает в истории, все решила случайность. В один из дней поднялся сильный степной ветер. Точная стрельба из луков в такую погоду была невозможной. Китайцы сразу же воспользовались этим подарком судьбы и, окружив с флангов войска шаньюя, пошли в рукопашную. Ичисе-шаньюю удалось прорвать окружение, но он потерял управление войсками. Диспозиция хуннской армии оказалась нарушенной. Временно во главе войска встал правый лули-ван. Тем не менее кочевники понесли ощутимые потери. По словам Сыма Цяня, хунну потеряли в этом бою 19 тыс. человек [Лидай 1958: 45–46; Бичурин 1950а: 66; Материалы 1968: 54-55].

Дальнейший сценарий кампании в известной степени напоминает поход Наполеона на Россию. Некоторое время китайская армия еще двигалась вперед. Однако припасы быстро подходили к концу. Ханьцы захватили городок Чжаосиньчэн. Но хуннские городища не были настоящими большими городами. Китайцам не удалось там существенно пополнить запасы провианта. Степь же была пустой. И тогда ханьские военачальники были вынуждены дать приказ об отступлении.

Обратный путь оказался дорогой в ад. Многим из тех, кому удалось избежать смерти от хуннской стрелы в бою, погибли от голода и жажды по дороге домой. Китайцы потеряли практически всю свою конницу! По дороге пало свыше 100 тыс. лошадей. Сколько же точно погибло людей, как совершенно правильно заметил Л.Н. Гумилев [1960:109], Сыма Цянь стыдливо умалчивает [Лидай 1958: 46; Бичурин 1950а: 67; Материалы 1968: 55].

Поход второй китайской армии оказался более успешным. Вероятно, ханьцам удалось воспользоваться внезапностью и разбить войска левого сянь-вана. Всего было уничтожено и взято в

плен более 70 тыс. кочевников [Лидай 1958:46; Бичурин 1950а: 67; Материалы 1968: 55].

Кто же оказался победителем в этой кампании?

- (1) Кампания обескровила обе стороны. Хунну потеряли в 119 г.до н.э., по китайским данным, около 90 тыс. человек. Потери же китайских войск точно не сообщаются. Но даже если предположить, что из «гобийского похода» вернулась лишь половина армии(а на самом деле, скорее всего, китайцы потеряли не менее 3/4 всех сил), плюс потери во втором походе, то общее количество погибших ханьских солдат должно было быть никак не меньше 50 тыс.мужчин (мужчин, но не человек!). Кроме того, в результате кампании ханьцы потеряли большую часть своих лошадей. Мобильность их армии оказалась сильно подорванной. Воистину прав был Л.Н. Гумилев, назвавший эту «победу» (если ее только можно считать победой) пирровой [1960: 109].
- (2) У-ди удалось расширить границы Срединного государства. Был возвращен Ордос, захвачены Иныдань и еще ряд пограничных территорий за Великой стеной. Хунну были вынуждены переселиться в Халху. Существует точка зрения, что именно с этого времени появляются хуннские памятники на территории Забайкалья[Миняев 1975]. Но продвинуться дальше маргинальных экологических зон и освоить степь китайцам не удалось. Границей междукочевниками и земледельцами стала теперь пустыня Гоби. Это был предел для китайцев. Даже в более позднее время китайские династии не могли преодолеть этот барьер [Lattimore 1940].
- (3) Важных успехов удалось достичь У-ди и на Западе. Хунну потеряли предгорья Алашаня и Няныпаня. Была открыта дорога на Запад, чем закладывались плацдармы для прибыльной впоследствии трансконтинентальной торговли шелком, а также политического давления на кочевников Внутренней Азии с Запада. Но авторитет хунну в дальних западных странах был все еще велик. Поэтому нередко ханьские посольства отказывались принимать, им не давали продовольствия и даже просто грабили [Hulsewe 1979:37; Боровкова 1989: 21].
- (4)У-ди не удалось заставить хуннского шаньюя признать болеевысокий политический статус ханьского Китая. Ичисе посчитал это за оскорбление и задержал китайского посла Хэнь Чана в своейставке [Лидай 1958: 46; Бичурин 1950а: 67; Материалы 1968: 55].Ни к чему не привела спустя десять лет и демонстрация сил вовремя маневров ханьской армии около северной границы. Шаньюйпросто приказал отрубить голову ответственному за прием иностранцев,

посмевшему допустить в его юрту ханьского посла, а самого посла, осмелившегося предложить номадам признать ханьский вассалитет, отправил в далекую ссылку на Байкал [Бичурин 1950a: 68; Материалы 1968: 56].

(5) Наконец, не было сделано самое главное. У-ди удалось ослабить, но не удалось сокрушить хуннское могущество. Не оправдалась ханьская стратегия маневренной конной войны за пределами Китая. Опыт кампании 133–119 гг. до н.э. показал, что в степной войне номады имеют по-прежнему неоспоримые преимущества.

Во-первых, при отсутствии внезапности любой набег был бесполезен. Подвижный образ жизни позволял номадам заранее уходить глубоко в степь вместе с семьями, имуществом и многочисленными стадами скота. Китайским фуражирам на марше не попадались ни деревни, ни города. Кочевники оставляли им только бесполезные для земледельцев тучные пастбища.

Во-вторых, У-ди и сторонники агрессивной пограничной политики как-то забыли, что степь непригодна для земледельческого образа жизни. Как глубоко бы ни вторгались ханьские конники в монгольские степи, сколько бы побед они ни одерживали над хунну, в конце концов им пришлось бы покинуть эту территорию.

В-третьих, подготовка глубоких рейдов в степь требовала больших финансовых затрат. Необходимо было обеспечить армию лошадьми и большим количеством провианта, а солдат обучить стрельбе из луков на скаку. Причем все это следовало делать в условиях глубокой конспирации!

Все дальнейшие попытки У-ди разгромить кочевников на их собственной территории Полностью провалились. Походы 112 и 91 гг. до н.э. завершились безрезультатно. Проплутав по степям и съев все запасы провианта, ханьские карательные армии ни с чем вернулись домой. Но это была лучшая из альтернатив. В 103, 99 и 97-м гг. до н.э. такие же походы завершились полным разгромом китайских войск. На чужбине осталось в общей сложности более 220 тыс. ханьских солдат [Лидай 1958:46,48–51,189–191; Бичурин 1950а: 68-69, 71-74; Материалы 1968: 56, 59, 61; 1973: 19-21, 110–115]. В свою очередь, набеги кочевников были несколько более удачными. Из всех последующих походов на Китай вплоть до начала гражданской войны в степи только два (в 80 и 78 гг. до н.э.) завершились поражением.

Противостояние, правда, продолжалось. При У-ди принципиально изменился характер политических отношений кочевников с Хань. Император У-ди был категорически против заключения

договора с хунну на прежних равных условиях. Номадов также не устраивал более низкий статус вассалов. Не имея возможности получать товары и продукты из-за пределов степи мирными способами, кочевники были вынуждены компенсировать отсутствие «подарков» и рынков грабительскими набегами. Они совершались с определенной периодичностью в 108, 103–102, 92–91, 82, 80–78 и 73-м гг. до н.э.

Император У-ди «всерьез и надолго» отбил охоту у соотечественников воевать с кочевниками на их территории. Не случайно за всю последующую (после его смерти) историю взаимоотношений империи Хань и империи Хунну южане только трижды в 72—71-м гг. до н.э. и в 33-м г. н.э. совершали военные экспедиции в степь, которые опять-таки оказались неудачными [Лидай 1958: 206–207, 677; Бичурин 1950a: 80–82, 115; Материалы 1973:26–28, 68–69]. Таким образом, основа хуннской проблемы осталась для китайцев неразрешенной.

После кампании 73–72 гг. до н.э. набеги кочевников на Китай прекратились. Это было связано с тем, что несколько климатических стрессов подряд (72, 68 гг. до н.э.) ослабили экономический и военный потенциал хунну. По сообщению хрониста, в последний раз они потеряли до 70% населения и скота [Лидай 1958: 207, Бичурин 1950a: 83; Материалы 1973: 29]. Это, конечно, преувеличение. Но факт остается фактом. Тот же хронист сообщает, что

«сюнну совсем обессилели, все зависимые от них владения отложились, и они уже не в состоянии были совершать грабительские набеги» [Лидай 1958: 207; Бичурин 1950a: 82; Материалы 1973: 28].

Естественно, что в такой ситуации кочевникам было не до набегов. Нужно было просто выстоять.

В этот период китайцы активизировали свои действия в Восточном Туркестане. Еще при У-ди они переместили свое внимание с Севера на «Западный край». Здесь их интересовали знаменитые «небесные скакуны с кровавым потом», возможность найти союзников против Хунну, а также необходимость создать плацдарм для безопасной торговли шелком с цивилизациями Ближнего Востока и Европы [подробнее см.: Гумилев 1960: 111–133].

Казалось, время было выбрано удачно. Но, как убедительно показал О.В. Зотов [1990], реальное присутствие Китая в Восточном Туркестане имело больше ограниченный характер. Да и хунну, которым было гораздо ближе до «Западного края», не собирались уступать китайцам свой контроль над этой территорией. Борьба

велась с переменным успехом, в которой победитель так и не был выявлен.

В 60 г. до н.э. шаньюй даже предложил заключить Хань новый договор. Он очень нуждался в богатой добыче, чтобы привлечь на свою сторону вождей племен. Однако внутренние конфликты уже подтачивали единство «имперской конфедерации». Вскоре номадам было уже не до набегов на юг. Брат пошел на брата.

Хуханье-шаньюй и его наследие: BC 56-9 AD

Третий этап хунно-китайских отношений можно отсчитывать с S3 г. до н.э., когда шаньюй Хуханье принял официальный вассалитет от Ханьской империи. Вкратце история признания им вассалитета такова. После того, как Хуханье потерпел поражение от своего брата Чжичжи, он был вынужден спасаться бегством. Перед шаньюем встала нелегкая задача. Как сохранить свою власть и восстановить мир в Монголии? Чем привлечь на свою сторону голодных и изнуренных усобицами номадов? Один из ближайших сподвижников Хуханье, носивший титул левого ичжицы-вана, предложил весьма хитроумный план. Согласно этому плану шаньюй должен был принять юридический вассалитет от Ханьской империи, которого так давно и тщетно добивались от кочевников китайцы. Это дало бы возможность восстановить цепь богатых подарков, которые не посылались в степь почти полвека, а в случае необходимости также давало бы основания просить у китайцев помощи продовольствием и войсками [Лидай 1958: 218; Paiker 1894/1895: 102; Бичурин 1950a: 88; Материалы 1973: 34].

Первоначально замысел *ичжицы-вана* вызвал бурю негодования среди родичей шаньюя и верных ему хуннских вождей. Одни отвергали этот план потому, что война и милитаризированный образ жизни являются главными источниками существования степной империи («мы создаем государство, сражаясь на коне»). Другие взывали к гордости свободолюбивых степняков и поддержанию славных традиций эпохи Модэ и его ближайших потомков («служить [династии] Хань в качестве вассала, позорить имена умерших шаньюев»). Наконец, в запальчивости была высказана даже такая точка зрения: пусть, дескать, и шаньюй будет свергнут своим братом, но зато хунну сохранят свою независимость от Китая и авторитет среди других соседних народов. Однако *ичжицы-вану* удалось в конечном счете убедить шаньюя и большинство присутствовавших в том, что в данный момент иной разумной альтернативы у них нет и если не принять его

план, то все они, скорее всего, обречены на гибель [Лидай 1958: 218–219; Бичурин 1950a: 88; Материалы 1973: 34–35].

С этого времени политика *хэцинь* официально была заменена системой «даннических» отношений. Хунну обязывались признавать сюзеренитет Хань и платить дань. За это император обеспечивал свое небесное покровительство шаньюю и дарил ему как вассалу ответные подарки. В действительности вассалитет номадов, замаскированный в терминах, отражавших китайское идеологическое превосходство, был старой политикой «дистанционной эксплуатации».

«Дань» шаньюя имела только номинальное значение. Хуханье был принят в 52 г. до н.э. китайским императором с почестями, которых не удостаивался никто из правителей соседних стран. Все его унижение заключалось в том, что во время представления Сыну Неба Хуханье был назван вассалом без упоминания его имени и пышного титула. Однако ответные «благотворительные» дары были даже намного больше, чем при системе хэцинь [Yu 1967: 40–64]. Китайцы осознавали, что кочевников следует задобрить. Хуханье получил в дар головной убор, пояс, золотую печать, богато инкрустированный меч, кинжал, лук с большим числом стрел, 10 алебард, колесницу, седло и сбрую, 78 комплектов одежды, 8000 кусков шелка, 6000 изиней (около 1500 кг) шелковой ваты, 20 изиней (приблизительно 5 кг) золота, 200 000 монет [Лидай 1958: 219; Бичурин 1950а: 89; Материалы 1973: 35].

Имеются данные о «подарках», относящиеся к более позднему времени:

- 51 г. до н.э. 8000 кусков шелка и 6000 цзиней ваты;
- 49 г. до н.э. 9000 кусков шелка и 8000 цзиней ваты;
- 33 г. до н.э. 18 000 кусков шелка и 16 000 цзиней ваты;
- 25 г. до н.э. 20 000 кусков шелка и 20 000 цзиней ваты;

1 г. до н.э. $-30\,000$ кусков шелка и $30\,000$ цзиней ваты [Лидай 1958: $219,\,229,\,232,\,242$; Бичурин 1950а: $89,\,90,\,93,\,97,\,101$; Материалы 1973: $35-36,\,39,\,45,\,51,\,101$].

Нетрудно заметить, что объем поставок шелка хуннскому шаньюю постепенно вырос в сравнении с «подарками» эпохи политики хэцинь. Кроме того, по мере необходимости шаньюй получал от Китая земледельческие продукты для поддержки своих подданных. Так, в 52 г. до н.э. номадам было передано 34 000 ху зерна. Этих продуктов должно было хватить тысяче человек почти на целый год. Однако скорее всего они были предназначены для поддержки большего числа кочевников в голодное время. Легко подсчитать, что при использовании данных продуктов в течение

одного-двух месяцев как дополнительного источника питания их должно было хватить гораздо большему числу скотоводов.

- Л.Н. Гумилев высказал предположение, что союз Хуханье с Китаем приостановил развитие земледельческих тенденций в хуннском обществе. Теперь зерно поставляли китайцы, что избавляло хуннов от занятий земледелием, зато стимулировало развитие скотоводства, так как кожи находили спрос на китайских рынках [1960:194]. Но это не подтверждается никакими конкретными данными. Напротив, скорее следует согласиться с О. Латтимором, что аккультурационные и седентеризационные процессы в маргинальных экологических зонах значительно активизировались [Lattimore 1940: 509-526].
- В 49 г. до н.э. был заключен еще один договор между кочевниками и Хань. Особенностью данного договора являлось то, что он был заключен вне юрисдикции китайского императора. Согласно версии, излагаемой в «Хань шу», его инициаторами являлись хань-ский полководец Хань Чан и дворцовый чиновник Чжан Мэн. Они узнали от шпионов, что часть вождей подговаривают Хуханье вернуться на север, и обеспокоенные этим, решили подтвердить договорные обязательства 53 г. новыми. По новому «договору о союзе» (кит. мэн юэ): (1) Хань и Хунну рассматривались как одна семья; (2) китайцы и номады обязывались не нападать друг на друга и оказывать друг другу военную помощь; (3) они же обязывались пресекать нарушения границы, возмещать украденное и награбленное, наказывать виноватых [Лидай 1958: 220–221; Бичурин 1950а: 92; Материалы 1973: 37-38].

Мне кажется, что в описании данных событий Бань Гу допустил принципиальную неточность (или, может быть, искажение?). Во-первых, очень сомнительно, чтобы китайские чиновники пожелали взять на себя исключительную прерогативу главы государства: заключение международных договоров с другими странами. За такую дерзость (и не только у китайцев) полагалась смертная казнь, да еще и в особенно жестокой, мучительной форме. Вовторых, обе стороны знали, что без ратификации договора ханьским императором он не имел реальной юридической силы. Более того, хунну нередко нарушали заключенные ранее договоры и очень сомнительно, чтобы новый договор являлся достаточным основанием для сохранения границ в мире. В-третьих, сама процедура заключения договора типична для заключения различных клятвенных обязательств или отправления ритуалов для кочевников. Обе стороны поднялись на гору Дуншань, затем была заколота белая

лошадь (очень широко распространенный у номадов жертвенный обряд; можно напомнить, например, церемонию провозглашения Джамухи *гур-ханом* в 1201 г.) и из черепа убитого сакского правителя, оформленного в виде ритуальной чаши, было выпито вино (надо полагать, смешанное с кровью). В-четвертых, обычные договоры с Хань предполагали крупные «подарки» кочевникам. На этот раз ни о каких дарах номадам в летописи не сообщается.

Исходя из всего этого, можно допустить, что инициатором договора выступил сам Хуханье, который данным жестом продемонстрировал Ханьскому двору свою лояльность (заключая договор не с Сыном Неба, а с простыми чиновниками, он как бы еще больше понижал свой статус перед императором). Возможно, именно поэтому, оказавшись в столь щекотливой ситуации, ханьский император решился на весьма уникальный в истории международной дипломатии шаг. Договор был ратифицирован, а дерзкие чиновники были прощены, им было позволено откупиться от казни деньгами.

Кризис Хань и возобновление набегов: 9-48

Четвертый, последний этап отношений между империей Хань и имперской конфедерацией Хунну по своему содержанию схож с первым. Он начался с 9 г. н.э., когда поводом к разрыву отношений послужили территориальные претензии Ван Мана, вмешательство в хунно-ухуаньские отношения (что с точки зрения шаньюя было вмешательством в его личные дела) и, наконец, подмена шаньюевой печати китайскими послами. Уже в следующем году хунну совершили первый набег на Китай. Нашествия совершались и в последующие два года. В 13 г. был заключен мирный договор, по которому шаньюй получил богатые подарки.

Однако в следующем году кочевники снова взялись за оружие. Новый мирный договор был заключен в 15 г. Следующие походы хунну на Китай упоминаются в 18 и затем в 25–28 гг. Однако, судя по косвенным данным [Лидай 1958: 258; Бичурин 1950а: ПО; Материалы 1973: 63], набеги продолжались все эти годы. В Китае начались внутренние волнения, которые вылились в восстание «краснобровых», и кочевники, пользуясь безнаказанностью, грабили пограничное население, вмешивались во внутренние дела Китая.

После свержения Ван Мана и некоторой стабилизации китайцы попытались заключить в 24 и 30 гг. мирные договоры с кочевниками, однако, несмотря на дары, номады продолжали совершать

набеги. По словам китайских послов, шаньюй Хэдуэрши «держался высокомерно, сравнивал себя с Маодунем, отвечал послу дерзко и заносчиво» [Материалы 1973: 68]. В 33 г. китайцы попытались сменить тактику и совершить карательный поход в Халху. Но рейд оказался безрезультатным. А кочевники, окрыленные победой, через некоторое время даже переселились за Великую стену и разбили там свои лагеря совсем рядом с китайцами. Отсюда было удобнее совершать рейды по ханьским округам.

Судя по всему, в отличие от первого этапа отношений Хунну и Китая номады несколько изменили акцент своей внешнеполитической стратегии в сторону активизации набегов на территорию Хань. Мне кажется, это было связано с ослаблением пограничной мощи Китая и нестабильной политической ситуацией внутри страны. Если раньше северные границы Китая охраняла мощная сеть сигнально-караульных служб, города и наиболее ответственные участки Великой стены охраняли хорошо вооруженные гарнизоны, то в ранний период Младшей династии Хань (с 23 г.) содержание такой армии было китайскому правительству не по средствам. Следовательно, набеги оказывались более безопасными и безнаказанными, чем ранее.

В источниках проводится мысль, отражающая эти изменения. Как ни велики были «подарки» ханьского двора, их количество все равно уступало военной добыче кочевников от набегов. Один из высокопоставленных чиновников подчеркивал в своем докладе императору:

«Стоимость захваченного грабежами исчислялась миллионами монет в год, в то время как подарки по договору о мире, основанном на родстве, не превышали 1000 цзиней золота» [Лидай 1958: 263; Материалы 1973: 66].

Набеги продолжались до 45 г. включительно. Даже внешне, казалось, ничего не грозило могуществу Хуннской кочевой империи. Беда, однако, пришла, откуда ее не ждали. Великую степь поразила чудовищная засуха и нашествие саранчи.

«Земля на несколько тысяч ли лежала голая, травы и деревья засохли, люди и скот голодали и болели, большинство их умерли или пали» [Лидай 1958: 678; Бичурин 1950а: 117; Материалы 1973: 70].

Обеспокоенный шаньюй тотчас же прекратил набеги и заключил мирный договор с ханьским императором. Прекращение грабительских походов, как оказалось, предопределило конец империи. Внешние проблемы оказались перенесенными вовнутрь

общества, и в 48 г. Хуннская держава распалась на Северную и Южную конфедерации.

Есть несколько гипотез, объясняющих причины гибели Хунн-ской державы.

- (1) Кризис в хуннском обществе был обусловлен постепенным обособлением в империи двух групп: кочевников на севере и полукочевников и поселенцев в маргинальных зонах на юге. Со временем интересы этих групп расходятся, южане концентрируют в своих руках доходы от субсидий («подарков») китайского правительства и торговли [Lattimore 1940: 519–526].
- (2) Разделение державы .вызвано борьбой «военной» антикитайской и «придворной» прокитайской партий [Гумилев 1960: 200–203]. В более поздней версии у этого автора северные хунну предстают как «пассионарии», ведомые военными вождями, тогда как южные хунну как «гармоники», возглавляемые старейшинами –носителями прежних традиций [1993: 176–179].
- (3) Возможно, упадок хунну был вызван той борьбой, которая велась между приверженцами «конфедеративного» и «автократического» путей развития общества [Barfield 1992: 40–41].
- (4) Распад державы вызван демографическими причинами: усилением конфликтов за ограниченные ресурсы между представителями кланов сильно разросшейся кочевой аристократии [Крадин1996а].
- (5) Может быть, общее ослабление хунну связано с ухудшением экологической обстановки в регионе. К сожалению, практически нет данных о неблагоприятных годах в Халха-Монголии, но нельзя не обратить внимание, что количество засушливых лет на Среднекитайской равнине между 20 и 180 гг. резко возросло [Крюков идр. 1983: 144 табл. 2]. Теоретически можно допустить увеличение засушливых лет и севернее Китая, в монгольских степях, тем более, что начало засушливого периода приходится на последние десятилетия существования Хуннской державы, а окончание на возникновение Сяньбийской кочевой империи.

Возможно, эти версии дополняют друг друга. Не исключено также, что были и другие причины (например, потеря шаньюем своей *благодати* вследствие нескольких засух подряд). Однако в любом случае после распада Хуннской державы отношения между южным шаньюем и китайским императором разворачивались по стандартному сценарию, правда, с некоторыми «неприятными» нововведениями. Принимая императорский указ от китайского посла, шаньюй должен был встать на колени. Такого унижения

потомки великого Модэ еще никогда не испытывали. Но Би вынужден был смириться и за это получил щедрые подарки: 10 тыс. кусков золотых и шелковых тканей, 10 тыс. *цзиней* шелковой ваты, а также дополнительно для оказания помощи голодающим кочевникам 25 тыс. *ху* сушеного риса и 36 тыс. голов крупного рогатого скота и овец. Хуннская «дань» оставалась чисто номинальной: два верблюда и 10 лошадей [Бичурин 1950a: 118–119; Материалы 1968: 72].

Ханьской администрацией были введены должности чиновников, которые постоянно проживали в ставке шаньюя. На них возлагались контрольные функции, и они должны были помогать шаньюю «в разборе спорных дел». Один из сыновей шаньюя постоянно присутствовал при дворе ханьского императора в качестве почетного заложника. В конце каждого года шаньюй был обязан посылать в Китай посла с отчетом и «дань», в ответ ему посылались «дары» в виде разнообразных продуктов, 4 кусков парчи, 1000 кусков шелка, 10 *цзиней* золота (2,44 кг). Кроме того, различным представителям высшей хуннской элиты жаловалось в общей сложности 10 000 кусков шелка [Бичурин 1950а: 119; Материалы 1968: 73].

Хотелось бы обратить внимание на два немаловажных обстоятельства. Во-первых, попрежнему «подарки» китайских императоров оседали только на высших ступенях хуннской пирамиды. Во-вторых, очень примечательно, что «подарки» высшей хуннской аристократии производились теперь от имени ханьского императора. Это был важный шаг китайских бюрократов (хотя, как мне кажется, они не осознали его значения), который лишал шаньюя основ его власти. Лишенный возможности манипулировать всеми каналами перераспределения, он постепенно превращался в послушную марионетку в руках китайских администраторов.

Выводы

В целом кочевники использовали несколько пограничных стратегий, которые могли на протяжении истории одного общества сменять одна другую:

- (1) стратегия набегов и грабежей (сяньби, монголы XV–XVI вв.по отношению к Китаю, Крымское ханство по отношению кРоссии и др.);
- (2) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (Скифия и сколоты, Хазария и славяне, Золотая Орда и

Русь), а также контроль над трансконтинентальной торговлей шелком;

- (3) завоевание оседло-городского государства, размещение на его территории гарнизонов, седентеризация и обложение крестьян налогами в пользу новой элиты (тоба, кидани и чжурчжэни в Китае, монголы в Китае и Иране);
- (4) установление мирных обменных и торговых связей с соседними оседло-городскими обществами, а также участие в посреднической торговле между земледельческими цивилизациями;
- (5) политика чередования набегов и вымогания дани в отношении более крупного общества. Сначала лидер использовал силу объединенных в империю племен для набегов на оседло-земледельческое государство с целью захвата добычи, которую он раздаривал своим сподвижникам. После этого заключался мирный договор, по которому земледельцы снабжали степную «ставку» богатыми дарами, используемыми правителем номадов для повышения своего престижа. Последующие набега правитель использовал уже как средство политического давления на китайское правительство для вымогания так называемых «подарков» или установления стабильной торговли между кочевниками и земледельцами.

Некоторые из данных стратегий (1, 4, 5) реализовывались во взаимоотношениях между Хунну и Хань. Можно выделить четыре этапа отношений между ними.

На первом этапе (200–133 гг. до н.э.) для вымогания все более и более высоких прибылей хунну пытались чередовать войну с периодами мирного сожительства с Китаем. Первые набеги совершались с целью получения добычи для всех членов имперской конфедерации номадов независимо от их статуса. Шаньюю требовалось заручиться поддержкой большинства племен, входивших в конфедерацию. После опустошительного набега, как правило, ша-ньюй направлял послов в Китай с предложением заключения нового договора «О мире и родстве*, или же номады продолжали набеги до тех пор, пока китайцы сами не выходили с предложением заключения нового соглашения. После заключения договора и получения даров набеги на какое-то время прекращались. Однако через определенный промежуток времени, когда награбленная простыми номадами добыча заканчивалась или приходила в негодность, скотоводы снова начинали требовать от вождей и шаньюя удовлетворения их интересов. В силу того, что китайцы упорно не шли на открытие рынков на границе, шаньюй был вынужден «выпускать пар» и отдавать приказ к возобновлению набегов.

Второй этап (129–58 гг. до н.э.) хунно-ханьских отношений — это время правления ханьского императора У-ди. В годы его правления принципиально изменился характер политических отношений кочевников с Хань. Император У-ди был категорически против заключения договора с хунну на прежних равных условиях. Номадов также не устраивал более низкий статус вассалов. Не имея возможности получать товары и продукты из-за пределов степи мирными способами, кочевники были вынуждены компенсировать отсутствие «подарков» и рынков грабительскими набегами. Они совершались с определенной периодичностью в 108, 103–102, 92–91, 82, 80–78 и 73 гг. до н.э. Однако после кампании 73–72 гг. до н.э. набеги кочевников на Китай прекратились. Это было связано с тем, что несколько климатических стрессов подряд (72, 68 гг. до н.э.) ослабили экономический и военный потенциал хунну. Затем внутри хуннских племен началась «гражданская война».

Третий э т а п (56 г. до н.э. – 9 г. н.э.) хунно-китайских отношений можно отсчитывать со времени принятия шаньюем Хуханье вассалитета от ханьского императора. Официально политика хэцинь была заменена системой «даннических» отношений. Хунну обязывались признавать сюзеренитет Хань и платить дань. За это император обеспечивал свое покровительство шаньюю и дарил ему как вассалу ответные подарки. В действительности вассалитет номадов, замаскированный в терминах, отражавших китайское идеологическое превосходство, был старой политикой «дистанционной эксплуатации». «Дань» шаньюя имела только номинальное значение. Однако ответные «благотворительные» дары были даже намного больше, чем при системе хэцинь. Кроме того, по мере необходимости шаныой получал от Китая земледельческие продукты для поддержки своих подданных.

Четвертый, последний этап (9-48 гг.) отношений между империей Хань и имперской конфедерацией Хунну по своему содержанию схож с первым этапом. Поводом к разрыву мирных отношений послужили территориальные претензии Ван Мана, вмешательство в хунноухуаньские отношения (что с точки зрения шаньюя было вмешательством в его личные дела) и, наконец, подмена шаньюевой печати китайскими послами. Судя по всему, в отличие от первого отношений Хунну И Китая номады несколько изменили своей этапа акцент внешнеполитической стратегии в сторону активизации набегов на территорию Хань. Возможно, это было связано с ослаблением пограничной мощи Китая и нестабильной

политической ситуацией внутри страны. Если раньше северные границы Китая охраняла мощная сеть сигнально-караульных служб, города и наиболее ответственные участки Великой стены охраняли хорошо вооруженные гарнизоны, то в ранний период Младшей династии Хань (с 23 г.) содержание такой армии было китайскому правительству не по средствам. Набеги оказывались более безопасными и безнаказанными для степняков, чем ранее.

Таким образом, изложенный материал показывает, что взгляд на историю взаимоотношений кочевников и земледельцев только через призму извечного *антагонизма* или извечного *симбиоза* представляется излишне упрощенным. История хунно-ханьских отношений, в частности, показывает, что на протяжении 250 лет в степи существовали периоды как мира, так и военного противостояния. Конечно, *ксенократическая* природа степных империй предполагала милитаризованный образ жизни кочевников и, в известной степени, более воинственный характер пограничной политики номадов со всеми вытекающими из этого последствиями. За время с 209 г. до н.э. по 48 г. н.э. хунну по разным подсчетам вторгались на территорию Китая от 40 до 70 раз (если условно один набег приравнять к одному году), тогда как ханьцы за это же время только в течение 15 лет вели военные действия против хунну вне пределов Великой стены.

Особенное внимание хотелось бы обратить на стратегию вымогательства. Есть соблазн называть ее данью. Однако «дистанционная эксплуатация» и «данничество» — это разные явления. Данни-чество предполагает политическую зависимость данников от взимателей дани [Першиц 1976: 290–293]. Китай никогда не был завоеван хуннами и политически от них не зависел. Китайцев было в несколько десятков раз больше, чем номадов. Они обладали более мощной экономической базой. В то же время «дистанционную эксплуатацию» нельзя отождествлять с «контрибуцией», поскольку последняя имеет разовый характер в отличие от циклически повторяющейся пограничной политики кочевников.

Источники позволяют подробно рассматривать «дистанционную эксплуатацию» кочевников с хуннского времени. Однако это не означает, что она не использовалась раньше. Не значит это и то, что она была забыта впоследствии. Страбон описывает чрезвычайно похожую ситуацию, например, применительно к кочевникам «скифо-сакского» мира (правда, видимо, не поняв до конца суть дела):

«Эти племена [которые подвергались набегам] согласились платить апарнам дань; дань состояла в дозволении им в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу. Но когда они дерзко нарушали договор, начиналась война, затем опять примирение, а потом снова военные действия. Таков образ жизни и прочих кочевников; они постоянно нападают на своих соседей и затем примиряются с ними» (IX, 8, 3).

Придя в Европу, гунны практически воспроизвели старый хунн-ский механизм внешнеполитического преуспевания. Сначала совершался набег, после чего поступало предложение о заключении мирного договора, который предполагал богатые «подарки» номадам. Только Византия платила Атгиле до 700 фунтов золота в год. Но это было, вероятно, для Константинополя выгоднее, чем содержать большие гарнизоны на границе [Прокопий Кесарийский 1993: 36, 48, 113, 188, 341, 352; Вернадский 1996: 155-156, 158; Маепсhеп-Helfen 1973: 190–199, 270–274]. Гунны Прикаспия практиковали ту же дистанционную модель в отношении соседей. Набеги, вымогание субсидий, раздача добычи воинам – вот ее основные составляющие [Гмыря 1995: 129–130].

Более поздние кочевые империи практиковали такой же набор стратегий эксплуатации оседлых аграрных обществ. В калейдоскопе набегов и войн, перечислений бесконечных посольств можно отыскать привычные механизмы международной политики номадов. Тюрки практиковали ту же дистанционную модель эксплуатации, что и хунну. Набеги они чередовали с мирными посольствами. Уйгурский вариант поведения выглядит, например, несколько иначе. Но и он вписывается в генеральную модель. Доходы уйгуров складывались из следующих частей: (1) согласно «Договорам» с Китаем они получали ежегодные богатые «подарки». Кроме этого, богатые дары выпрашивались по каждому удобному поводу (поминки, коронация и т.д.); (2) китайцы также были вынуждены нести обременительные расходы по многочисленных уйгурских посольств. Однако китайцев больше раздражали не затраты продуктов и денег, а то, что номады ведут себя не как гости, а как завоеватели. Уйгуры устраивали пьяные драки и погромы в городах, хулиганили по дороге домой и воровали китайских женщин [Бичурин 1950а: 327]. Так же вели себя монголы в минское время [Покотилов 1893: 64, 65, 88, 99, 100, 138]; 3) уйгуры тоже активно предлагали свои услуги китайским императорам для подавления сепаратистов внутри Китайского государства. Их помощь была очень специфической. Участвуя в военных кампаниях на территории Китая в 750-770-х гг., они нередко забывали о своих союзнических

обязательствах и просто грабили мирное население и угоняли его в плен; 4) в течение почти всего времени существования Уйгурского каганата номады обменивали свой скот на китайские сельскохозяйственные и ремесленные товары. Уйгуры хитрили и поставляли старых и слабых лошадей, но цену запрашивали за них очень высокую [Бичурин 1950a: 323]. Такие же отношения существовали между монголами и династией Мин [Покотилов 1893: 76, 108, 109, 193–196 и др.]. От такой торговли китайцы терпели убытки, а прибыль получали одни номады. Фактически эта торговля, как и подарки, являлась платой номадам за мир на границе.

Таким образом, уйгуры почти не совершали набеги на Китай. Им достаточно было только продемонстрировать силу своего оружия. Только в 778 г. китайский император возмутился, так как лошади были особенно никудышными. Он купил только 6 тысяч из 10. Уйгуры сразу совершили разрушительный набег в приграничные провинции Китая, а потом стали ожидать императорское посольство. Посольство приехало очень скоро, и снова заработала привычная машина выкачивания ресурсов из аграрного китайского общества. Так продолжалось до полного уничтожения столицы уйгуров города Карабалгасуна кыргызами. После этого остатки уйгурских племен осели около Великой стены и как бандиты без перерыва грабили приграничные китайские территории. Когда терпение китайцев истощилось, были посланы войска для их уничтожения.

Думается, при внимательном чтении источников в той или иной степени аналогичные механизмы политического поведения можно было обнаружить и в более позднее время в отношениях между древнерусскими княжествами и половцами, Московской Русью, Золотой Ордой и татарскими ханствами более позднего времени. Так, например, Константин Багрянородный (гл. 7, 13) описывает печенегов столь же «ненасытными и крайне жадными» до подарков. Но он сам подчеркивает, что ханы выпрашивали дары для своих родственников и соратников:

«Когда василик (т.е. посланник императора. – *Н.К.*) вступит в их страну, он требует прежде всего даров василевса и снова, когда ублажит своих людей, просит подарков для своих жен и своих родителей» [Константин Багрянородный 1991: 43, 55].

Вся история внешнеполитических отношений между Москвой и Крымским ханством, по сути, история постоянного рэкетирования своих соседей, вымогания от Москвы и Литвы богатых *помин-ков* («подарков») и иных льгот. Татары постоянно играли на «повышении курса», мотивируя тем, что противоположная сторона

дает больше. Свои неуемные аппетиты ханы оправдывали тем, что если они не будут выпрашивать поминки и раздавать их своим мурзам, те будут им «сильно докучать».

«Крымский юрт стал, таким образом, гнездом хищников, которых нельзя было сдерживать никакими дипломатическими средствами. На упрек хану в нападении у него всегда был готовый ответ, что оно сделано без его разрешения, что ему людей своих не унять, что Москва сама виновата — не дает достаточно поминков князьям, мурзам и уланам» [Любавский 1996: 286–294].

Даже известные своей мошной армией турки страдали в XVIII– XIX вв. от рэкета арабских бедуинов, контролировавших торговые пути [Першиц 1976: 298–300].

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что в литературе попрежнему нередко встречаются утверждения о кочевниках только как о грабителях, способных лишь грабить и уничтожать достижения оседло-земледельческих цивилизаций. Сами этнонимы гунн и вандал стали синонимами для обозначения разрушителей культурных ценностей. Спору нет, война и внешне-эксплуататорская деятельность являлись чрезвычайно важными компонентами жизнедеятельности древних и средневековых скотоводов. Но видеть в номадах только отсталые дикие орды – это серьезное заблуждение. Дикарям не под силу было создать политическую организацию, способную противостоять густонаселенным мощную земледельческим цивилизациям. Дикари едва ли были способны разработать хитроумную политику, позволяющую выживать в суровых природно-климатических условиях и пополнять экономику своего общества (пусть даже такими жестокими методами) дополнительными источниками существования. В целом значение хуннской политики для истории Евразии очень велико. Трудно удержаться, чтобы не процитировать меткую мысль Т. Барфилда:

«Далеко не такие простые варвары, какими их часто изображают, сюнну открыли классическую модель великих кочевых империй, которые следовали за ними. Поняв сюнну, можно намного яснее представить себе большую часть более поздней истории степи» [Barfield 1981: 59].

Этот тезис остается актуальным для истории не только народов собственно Халха-Монголии, но и других номадов евразийских степей.

Глава 4. ОБЩЕСТВЕННАЯ ПИРАМИДА

Шаньюй

Во главе хуннского общества находился шаньюй. Не существует единого мнения относительно этимологии данного термина. К. Сиратори [Shiratori 1902] связывал его происхождение с монгольским словом dengbi (слишком), а Е. Пуллиблэнк [Pulleyblank 1962] соотносил с другим монгольским термином dargan (титул). По мнению В.А. Панова, это слово представляет собой китайское искажение древнетюркского титула тамган (ср. «тамга»), и титул хуннского правителя должен был звучать как Улус Тамган) [1916: 42–54]. Г. Сухбаатар полагает, что термин шаньюй происходил от монгольского слова sayan (лучший, добрый) и ранее это слово, по его мнению, использовалось в значении, аналогичном термину хаган [1976: 129]. Имеются и другие точки зрения.

Шаньюй был центром хуннского мирового порядка и олицетворял собой степную империю как для подданных, так и для соседних народов. Сыма Цянь цитирует письмо китайского императора от 162 г. до н.э. шаньюю Лаошану, в котором ханьский правитель почтительно на равных подчеркивает высокий статус своего северного соседа:

«Согласно высочайшему указу покойного императора, расположенные к северу от Великой стены владения, натягивающие лук и повинующиеся приказам шаныоя; расположенные к югу от Великой стены дома, в которых живут носящие пояса и шапки чиновников, равным образом управляются мною» [Лидай 1958: 32; Бичурин 1950а: 60; Материалы 1968: 47–48].

По данным авторов «Ши цзи» и «Хань шу*,

«шаньюй происходит из фамилии Люаньди (или Луаньти, Сюй-ляньти. – H.K.). В их государстве его именуют «Чэнли гуду шаньюй». Сюнну называют небо чэнли (т.е. tenggeri. - H.K.), а сына – гуду. [Слово] шаньюй означает «обширный» и показывает,

что носитель этого титула обширен, подобно небу» [Ли-дай 1958: 17; ср.: Таскин 1984: 33].

Официально в переписке с китайским двором основатель Хуннской империи шаньюй Модэ именовался как «поставленный Небом великий Шаньюй хунну» [Лидай 1958: 19; Бичурин 1950a: 54; Материалы 1968: 43]. Его сын Цзисюй, взошедший на престол в 176 г. до н.э. под именем Лаошан-шаньюя, принял более пышный титул: «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный великий шаньюй хунну» [Лидай 1958: 30; Бичурин 1950a: 58; Материалы 1968: 45]. После смерти шаньюя Хуханье (с 31 г. до н.э.) его преемник Дяотаомогао стал добавлять к своему титулу приставку *окоти*. Бань Гу объясняет данное нововведение культурным влиянием с юга.

«Сюнну называют почтительно к родителям – жоти. Начиная с Хуханье, сюнну находились в дружественных отношениях с [династией] Хань и, видя, что в Хань при поднесении посмертных титулов покойным императорам употребляют слово "почтительный к родителям", полюбили это слово, а поэтому все шаньюи стали именоваться "жоти"» [Лидай 1958: 257; Материалы 1973: 62].

Определенно известно, что титул шаньюя появился у хунну еще до возникновения империи. Его носил еще Тоумань – предшественник основателя Хуннской державы Модэ. Впоследствии, после гибели империи Хунну, этот титул в качестве политической преемственности был заимствован некоторыми другими кочевыми народами [Таскин 1986].

- В.С. Таскин подробно проанализировал китайские источники и выявил обширный круг обязанностей шаньюя [1973: 9–11]. Их можно свести в конечном счете к следующим четырем основным позициям.
- (1) Шаньой являлся верховным правителем Хуннской империи, представлял империю в политических и экономических отношениях с другими странами и народами. В его компетенцию входило объявление войны и мира, заключение политических договоров, право получения «подарков» и дани и их редистрибуция, заключение династических браков и т.д.
- (2) Шаньюй был верховным главнокомандующим империи. Он определял военную стратегию, назначал командующих крупными воинскими подразделениями, поручал им ведение военных кампаний, а также нередко лично руководил наиболее крупными военными операциями.

- (3) Шаньюй являлся верховной судебной инстанцией, принимавшей окончательные решения по самым спорным или наиболее важным (например, государственная измена, наказания членов царствующей династии и пр.) вопросам.
- (4) Шаньюй выполнял высшие жреческие функции. Он проводил религиозные обряды, обеспечивал подданным покровительство со стороны сверхъестественных сил.

Вне всякого сомнения, первые две функции определяли место шаньюя в системе политических отношений. Шаньюй лично держал в своих руках бразды правления имперской ксенократической машиной. Он сам планировал и организовывал грабежи и экспансию на Юг, а в мирные годы контролировал внешнюю торговлю с земледельческими странами с целью получения и редистрибуции среди «народов, натягивающих луки» подарков и необходимой земледельческой и ремесленной продукции [Barfield 1981]. Подробнее об этом будет сказано в следующей главе.

Однако помимо концентрации реальных каналов власти шаньюй также являлся сосредоточением власти иррациональной. В представлении подданных его деятельность санкционировалась божественными силами. Не случайно в официальных документах периода расцвета Хуннской империи шаньюй именовался не иначе, как «Поставленный небом великий шаньюй» или позднее более пышно «Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй сюнну» [Лидай 1958: 28, 30; Бичурин 1950a: 54, 58; Материалы 1968: 43, 45].

Прослеживается прямая параллель названия хуннской титулатуры правителя с соответствующим обращением к правителю у древних тюрков и монголов: в китайской транскрипции *чэнли гуду* («Сын Неба») примерно соответствует древнетюркскому *tanri qut(y)* («небо-порожденный») и монгольскому *тэнгэрийн хууд* («сыновья неба») [Панов 1916:2, 33–4, 36–42; 1918:23–24]. Сходство фиксируется не только на языковом уровне. Для хунну, тюрков и монголов характерна близкая мифологическая система обоснования легитимности правителя степной империи. Согласно этой системе:

- (1) Небо и Земля избирают достойного претендента на престол;
- (2) Небо выбирает, а Земля порождает (т.е. переносит в мир людей) кандидата на трон, и, вероятно, они (совместно с Луною и Солнцем) защищают и помогают своему избраннику;
- (3) конечная цель этих деяний обеспечить благоприятствование «народу, живущему за войлочными стенами» [Трепавлов 1993:64-67].

Совокупность таких сверхъестественных способностей была недоступной для любого претендента на хуннский престол. Претендентов на него всегда хватало. Однако в глазах подданных только обладание божественной «благодатью», харизмой давало кандидату возможность быть избранным шаньюем. Причем скорее всего существовало представление о принадлежности данной сверхъестественной «благодати» только «царскому» роду Люаньди, что отсекало доступ к трону представителям других знатных кланов. Думается, именно поэтому, несмотря на неоднократные дворцовые перевороты, престол всегда наследовал один из потомков Модэ по прямой или позднее по боковой линии. Только через двести с лишним лет после гибели империи шаньюями стали становиться представители других могущественных хуннских кланов [Материалы 1989: 152].

Помимо принадлежности к «священному» линижду, потомки которого обладали особыми магическими способностями, легитимность шаньюя обеспечивалась еще некоторыми дополнительными обстоятельствами. Во-первых, это специфический обряд инаугурации, только в результате которого будущий степной правитель приобретал свои священные качества, присущие только правителю степной империи. К сожалению, китайские письменные источники не оставили на этот счет никаких данных о хунну. Однако яркие описания подобных обрядов в более поздних кочевых империях (очень похожих друг на друга) позволяют высказать гипотезу, что хуннский обряд должен был быть схож с ними. В Тюркском каганате

«при возведении государя на престол ближайшие важные сановники сажают его на войлок, и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение пред ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковой тканью, потом, ослабив ткань, немедленно спрашивают, сколько лет он может быть ханом» [Бичурин 1950а: 229].

Схожие элементы фиксируются в хазарском обряде коронации:

«Когда хотят назначить этого хакана, его приводят и душат куском шелка, пока чуть не обрывается его дыхание, и говорят ему: сколько [лет] хочешь царствовать? Он отвечает: столько-то и столько-то лет» [цит. по: Голден 1993: 222].

В Уйгурском каганате обычай обнесения по кругу вокруг ставки распространялся и на ханш [Бичурин 1950a: 333]. Подобный тюркскому обряд был зафиксирован немецким путешественником XV в. Иоганнном Шильтбергером и в Золотой Орде:

«Когда они выбирают хана, они берут его и усаживают на белый войлок, и трижды поднимают на нем. Затем они поднимают его и проносят вокруг шатра, и усаживают его на трон, и вкладывают ему в руку золотой меч» [цит. по: Вернадский 1997: 217].

В.В. Трепангов, собрав многочисленные разрозненные сведения о коронации различных тюрко-монгольских правителей, восстановил примерную очередность различных этапов данной процедуры в кочевых империях: (1) шаманы назначают благоприятный для инаугурации день; (2) все присутствующие на церемонии снимают шапки и развязывают пояса; (3–4) будущего хана просят занять место на престоле, он символически отказывается в пользу более старших родственников, но его «силой» усаживают на трон; (5) все допущенные на курултай приносят ему присягу; (6) каана поднимают на войлоке и (7) заставляют поклясться Небу царствовать справедливо; (8) каану совершают девятикратное поклонение; (9) по выходу из шатра все совершают трехкратное поклонение Солнцу (1993:69–70; Скрынникова 1997: 109-112].

Солнце и луна относились к объектам особенного почитания шаньюя. Это зафиксировал в своих *«Исторических записках»* Сыма Цянь:

«Утром шаньюй выходит из ставки и совершает поклонение восходящему солнцу, вечером совершает поклонение луне... Затевая войну, наблюдают за положением звезд и луны; при полнолунии нападают, при ущербе луны отступают» [Лидай 1958: 17–18; Бичурин 1950a: 50; Материалы 1968: 40-41].

Своей сакральной «благодатью» напрямую или через специальных агентов (шаманов) шаньюй обеспечивал народу благоприятствование со стороны природных сил, богатый приплод скота, высокую фертильность женщин, удачные военные походы и войны и т.д. Китайские летописи отразили этот вид деятельности хунн-ских правителей. Приведу один весьма показательный пример:

«Услышав, что должны прийти ханьские войска, сюнну велели шаманам на всех дорогах, по которым они могли следовать, а также в местах около воды закопать в землю овец и быков и просить духов ниспослать на ханьские войска погибель. Когда

¹ В.С. Таскин [Материалы 1968: 136 прим. 109] считает иероглиф *сип* (звезда) ненужной вставкой, поскольку в аналогичном тексте из *«Ханъ шу»* он опущен. Кроме того, в подтверждение своего мнения В.С. Таскин приводит цитату из *«Суй шу** (гл. 84, л. 2a) об обычаях тюрков: «Наблюдают за наступлением полнолуния и производят в [в это время] набеги и грабежи». Среди многих возможных объяснений сходства данного обычая у хунну и тюрков можно привести и следующий вариант: успех степного набега во многом зависит от его внезапности и краткости; при полнолунии и ночью нередко сохраняется неплохая видимость, что очень важно для координации военных действий в ночное время.

шаньюй посылает Сыну Неба лошадей и шубы, он всегда велит шаманам молить духов ниспослать на него несчастья» [Материалы 1973: 120].

Данный набор идеологических обязанностей был достаточно типичен для правителя позднего предгосударственного и раннего государственного общества. Сравнительно-историческое исследование 21 раннего государства, проделанное X. Классеном, показывает, что в 18 из 19 случаев правитель обладал сверхъестественным статусом; в 17 из 19 случаев он генеалогически был связан с богами; в 14 из 16 случаев он выступал посредником между миром людей и миром богов; в 5 из 18 случаев правитель раннего государства имел статус верховного жреца [Claessen, Skalnik 1978: 556].

Высокий социальный статус шаньюя в общественной иерархии подчеркивают величественные погребальные сооружения, воздвигнутые в честь умерших правителей Хуннской державы, а также богатый сопроводительный инвентарь, обнаруженный при их раскопках.

Высшая аристократия

Шаньюй имел многочисленных домочадцев: жен (яньчжи), сыновей (гуту), принцесс (цзюйцзы), младших братьев и других родственников), которые располагались, как правило, в его ставке и составляли, так сказать, «королевский двор» [Материалы 1973: 101]. Все они относились к его «золотому» роду Люаньди (Луаньти, Сюй-ляньти).

Относительно происхождения трех вышеприведенных в китайских летописях терминов в литературе существуют различные предположения. В А. Панов видел в слове *яньчжи* китайское калькирование тюркского *ач* — «женщина», «жена», «хозяйка» [1916: 20–27]; К. Сиратори [Shiratori 1902] связывал его с тунгусским *аси* (жена), а Г. Сухбаатар [1976: 129–130] с монгольским *езі* (корень, клетка). Хуннское слово *гуту* К. Сиратори [там же] и Г. Сухбаатар [там же] возводили к монгольскому *ко'иd* (сыновья), а ВА. Панов [1916: 28] соотносил с близким по звучанию тюркским *кот* (сыновья). Относительно термина *цзюйцзы* (или *дзюйцы*, *дзюйцы*) все вышеупомянутые авторы (как и ряд других исследователей) полагают, что это китайская транскрипция древнетюркского *кыз/кыс* (девица, дочь) [Shiratori 1902; Панов 1916: 7-20; Сухбаатар 1976: 131-132].

Самыми титулованными из родственников шаньюя являлись десять «темников» из родственников шаньюя, которые составляли соответственно четыре и шесть «рогов».

Четыре рога — левый и правый ашь-ван (по хуннски туци-ван²), левый и правый луливан. Они являлись наиболее богатыми и могущественными аристократами, так как по «классификации» Сыма Цяня они относились к так называемым «сильным» (т.е. имевшим в своем подчинении реально не менее 10 тыс. всадников) «темникам» (ваньци). Фань Е располагает их по степени знатности в следующем порядке: левый сянь-ван, левый лули-ван, правый сянь-ван, правый лули-ван. Следует иметь в виду, что слова левый и правый примерно соответствуют значениям восточный и западный, старший и младший [Бичурин 1950а: 48 прим. 3].

В А Панов считает, что приставка *ван* к данным титулам – это дело рук Сыма Цяня, который ввел слово князь, поясняя тем самым, что речь идет о правителе во многом самостоятельного удела. Свою аргументацию Панов основывает на аналогии с древнетюркской ти-тулатурой. В *«Тан шу** [Бичурин 1950а: 273] упоминается, что знаменитый Кюльтегин имел титул «восточного чжуки-князя» (эта традиция, видимо, досталась от хуннов), хотя на тюркском (об этом имеется соответствующая запись в рунах) данный титул назывался *туг* («знаменитый», от тюрк, *туг* — «знамя»). Приставка *ван* была добавлена китайцами для большей солидности [Панов 1918: 32–34].

Источники позволяют проиллюстрировать степень богатства этих сановников. В 72 г. до н.э. китайские и усуньские войска совместными силами разбили правого лули-вана и захватили почти целиком³ его ставку. Плененными оказались 39 тыс. человек и среди них родственники шаньюя: тесть, старшая невестка и *цзюйцы* — принцесса (почему они оказались в ставке правого лули-вана, наверное, навсегда для нас останется загадкой), дувэй князя Лиюя,

³ Несмотря на то, что по данным летописей множество кочевников было убито во время набега и погони, а потери скота, павшего в ходе преследования, «невозможно было даже сосчитать», данная выборка вполне репрезентативна. К такому выводу приводит соотношение количества пленных людей и захваченного скота(1:17,93). Оно приблизительно соответствует естественному количеству животных, приходящемуся на одного жителя степи [Майский 1921: 67, 124; Egami 19S6; 1963; Таскин 1968; Хазанов 1975: 265-266].

племенные вожди, тысячники и другие командиры. Усуням в качестве трофеев достался весь скот — свыше 700 тыс. голов животных (600 тью. овец, 50 тыс. лошадей, 50 тыс. крупного рогатого скота, верблюдов, ослов и мулов) [Лидай 1958:206–207; Бичурин 1950a: 82; Parker 1892/1893:123; Материалы 1973: 28, 122].

Как правило, левый и правый сянь-ваны руководили соответственно восточным и западным крыльями империи. По аналогии с другими крупными кочевыми обществами можно предположить, что в каждом крыле империи существовало вторичное дробление пополам [Трепавлов 1993]. Тогда младшими соправителями сянь-ванов выступали лули-ваны. По сути дела, четыре «рога», или иначе четыре крыла, четыре ветви хуннского народа символизировали собой компоненты (возможно, четыре стороны света) хуннской идеальной структуры Социума и Космоса [Акишев А.К. 1984:105–107, 153-156].

В сущности, крылья империи (и «малые крылья») представляли собой нечто вроде «государств в государстве». Их правители являлись проводниками центральной власти в регионах и одновременно главнокомандующими крупными армейскими подразделениями [Pritsak 1954: 184–193, 199]. Левый и правый сянь-ваны обладали особенно большими полномочиями и даже некоторой автономией в вопросах войны и мира [см., например: Лидай 1958: 44; Бичурин 1950а: 64; Материалы 1968: 52]. Особенно полно их власть проявлялась в периоды нашествий ханьцев несколькими армиями с юга. Так как постоянные советы с центром были невозможны по ряду очевидных причин (к тому же шаньюй, как правило, сам находился в аналогичном нелегком положении), на плечи левых и правых сянь-ванов ложилась вся тяжесть ответственности за самостоятельно принятые решения.

Поскольку левый сянь-ван, как правило, был официальным наследником престола, эта должность являлась хорошей школой управления для будущего правителя кочевой империи. При Модэ и его ближайших преемниках титула левого сянь-вана удостаивался, как правило, старший сын от главной яньчжи шаньюя. Позже, со 102 г. до н.э., когда порядок престолонаследия изменился, этот титул стали передавать в соответствии с очередью от брата к брату или от дяди к племяннику.

Китайские хроники позволяют проследить, как осуществлялась данная процедура [Лидай 1958: 231–233; Бичурин 1950а: 97–99; Материалы 1973: 43–46]. После смерти шаньюя Хуханье в 31 г. до н.э. осталось около 20 сыновей. На престол был возведен самый

старший из них — Дяотаомогао под именем Фучжулэй жоти шань-юй. Интересно, что он был рожден не от главной жены покойного шаньюя — чжуаньцзюй яньчжи, а от его второй по рангу жены — старшей яньчжи. В таком же порядке (т.е. по возрасту) получили должности и остальные сыновья: Цзюймисюй стал левым сянь-ваном, Цзюймочэ — левым лули-ваном, Нанчжиясы — правым сянь-ваном. Старший сын шаньюя Сиседунухоу был направлен в Китай «прислуживать императору». Какие должности заняли следующие по возрасту братья Сянь и Лэ, не упоминается.

Через десять лет шаньюй умер. Его место занял Цзюймисюй под именем Соусе жоти. На пост левого сянь-вана переместился Цзюймочэ, а Нанчжиясы (надо полагать) — на пост левого лули-вана. Старший сын шаньюя Сыйлюсыхоу отправился в Китай.

Еще через восемь лет, в 12 г. до н.э., Соусе жоти шаньюй скончался. Цзюймочэ был возведен на престол под именем шаньюя Чэя жоти. Нанчжиясы был назначен левым сяньваном, а сын шаньюя Уидан был направлен к Ханьскому двору.

Наконец, после смерти в 8 г. н.э. шаньюя Чэя трон наследовал Нанчжиясы под именем Учжулю жоти шаньюя. Левым сянь-ваном он поставил Лэ (Сянь, надо полагать, к тому времени умер: ведь прошло уже 39 лет). Должность правого сянь-вана получил сын от пятой яньчжи Юй, а сын шаньюя Утиясы получил указ отправляться в Хань.

В начале I в. н.э. сразу подряд умерло несколько левых сянь-ванов. Шаньюй Учжулю, полагая, что данный титул приносит несчастья, заменил его на титул *«хуюй** [Лидай 1958: 256; Бичурин 1950а: ПО; Материалы 1973: 60–61]. Тем не менее, через какой-то промежуток времени титул левого сянь-вана был возвращен, и он сохранился даже после распада империи на Северную и Южную конфедерации [Лидай 1958: 677–678, 680, 703, 705–706; Материалы 1973: 69, 73, 91-92, 95; Материалы 1989: 152].

Шесть рогов – левый и правый дацзян (великий военачальник), левый и правый великий дувэй, левый и правый великий данху. Эти шесть перечисленных должностей не являлись «князьями», как четыре «рога», и относились, по Сыма Цяню, к так называемым «слабым» десятитысячникам, имевшим в своем подчинении по несколько тысяч воинов [Лидай 1958: 17; Бичурин 1950а: 49; Материалы 1968: 40]. Тем не менее они были близкими кровными родственниками шаньюя, выполняли ответственные дипломатические поручения [Лидай 1958: 31–32; Бичурин 1950а: 59–60; Материалы 1968:47], активно участвовали в борьбе за власть на самом высоком

уровне [Лидай 1958: 48–49, 203–204; Бичурин 1950a: 70, 71, 76; Материалы 1968: 58–59; 1973: 23] и даже получали право на престол (например, шаньюй Цзюйдихоу был дувэем). Только с конца I в. н.э., по китайским источникам [Pritsak 1954: 199], среди назначенных на должности шести «рогов» прослеживаются некровные родственники.

О. Прицак посвятил анализу должностных обязанностей хунн-ских *вань-ци* специальную статью, в которой пришел к выводу, что носители шести «рогов» занимались главным образом дипломатической деятельностью, внешней торговлей, культурными связями и управлением завоеванными территориями [Pritsak 1954: 193–196, 199].

Однако это не совсем так. Не отрицая того, что вышеуказанные лица могли выполнять данные функции, отмечу, что в первую очередь они были носителями титулов «десятитысячников», управителями соответствующих административно-территориальных подразделений и одновременно их военачальниками. Это подтверждается неоднократным упоминанием об участии сановников шести «рогов» в боевых действиях [Лидай 1958: 190, 203—204, 206; Бичурин 1950а: 74-75, 77, 81; Материалы 1973: 20, 23, 27].

Особо следует отметить звания *левого и правого дацзяна* (упоминается в период 91–55 гг. до н.э.). Этот ранг давался, возможно, близким родственникам шаньюя и наиболее приближенным лицам из неродственников. Известно, что его имел младший сын шаньюя Цзюйдихоу. В 96 г. до н.э. он был даже временно возведен на престол. Также имеются упоминания под 68 г. до н.э., что дочь левого дацзяна была старшей яньчжи при шаньюе Сюйлюйцю-аньцзюе. Носитель данного титула руководил крупным военным формированием и, судя по количеству подчиненных ему всадников, соответствовал в армейской иерархии рангу «темника» [Лидай 1958: 189-191, 208, 217-218; Материалы 1973: 19-21, 30, 33-34].

Можно допустить, что ко времени распада Хуннской империи в 48 г. н.э. первоначальный статус данных титулов девальвировался. Возможно, это связано с тем, что само название этих рангов отражало их служилый, а не наследственно-аристократический характер. Дувэи, данху и военачальники разных уровней имелись у каждого крупного «князя». Так или иначе, в период ослабления центральной власти вперед выступают вожди племенных и надпле-менных объединений: «князья»—«ваны». Едва ли случайно, что Фань Е не отмечает среди представителей шести «рогов» ни великого дацзяна, ни великого дувэя, ни великого данху. Это только

«князья» — левый и правый жичу-ваны, левый и правый вэньюй-ти-ваны, левый и правый чжаньцзян-ваны [Лидай 1958: 680; Бичу-рин 1950a: $119-1^2$ 0; Материалы 1973: 73].

Кроме родственников шаньюя в число высшей хуннской аристократии входили и другие знатные семейства — Хуянь, Лань и позднее появившееся Сюйбу. Фань Е в описании южнохуннской конфедерации упоминает еще одну фамилию — Цюлинь. По его словам, эти семейства являлись постоянными экзогамными партнерами царствующего рода Люаньди и выполняли в подразделениях левого и правого крыльев судебные обязанности [Лидай 1958: 17, 680; Бичурин 1950а: 49, 120; Материалы 1968: 40; 1973: 73].

Из 24 высших административных рангов империи первые 10 наследовались, как правило, только родственниками шаньюя, последующие 14 — представителями других знатных кланов. Последние имели в своем подчинении по несколько тысяч всадников и помимо неизвестного нам гражданского титула обладали военным званием ваньци — «темника».

К сожалению, китайские источники донесли до современных исследователей названия только двух самых высших из данных 14 титулов — звания левого и правого гудухоу. Но, конечно, они не были единственными. На самом деле гудухоу было гораздо больше, чем два [Лидай 1958: 678-681, 690; Бичурин 1950а: 116-120, 124—124; Материалы 1973: 70—72, 74, 78]. Фань Е располагает по иерархии вслед за левым и правым гудухоу (правда, у южных хунну) еще двоих — левого и правого шичжу гудухоу⁴. У северных хунну упоминается титул юцзяньгудухоу [Лидай 1958: 679; Бичурин 1950а: 118; Материалы 1973: 71]. Возможно, из этого же разряда титулы левого и правого гуси-хоу [Лидай 1958: 244—245; Бичурин 1950а: 103-104; Материалы 1973: 54-55].

Согласно Сыма Цяню, левый и правый гудухоу «помогали в управлении» шаньюю [Лидай 1958: 17, 680; Бичурин 1950а: 49, 119–120; Материалы 1968: 40; 1973: 73]. Нобуо Ямада расширяет эту цитату, полагая, что гудухоу руководили соответственно левым и правым подкрыльями центра империи [Yamada 1982: 577]. По мнению О. Прицака, в их компетенцию входили обязанности по внутреннему управлению (административные, судебные, полицейские, охранительные функции) центральными областями империи и завоеванными территориями [Pritsak 1954: 196–199].

⁴ В.А. Панов полагает, что при переписывании летописи произошла описка и данный титул должен читаться как *жичжу гудухоу*. Он предполагает, что данный титул представляет искажение древнеуйгурского *идукут* [1918: 38–40].

Так или иначе, источники показывают широкий (однако несводимый к указанным выше) круг полномочий гудухоу: (1) руководство военными подразделениями империи [Лидай 1958: 234, 679–681, Бичурин 1950a: 99, 118–120; Материалы 1973:47, 72, 74]; (2) управление кочевым населением [Лидай 1958: 679–681; Бичурин 1950a: 117–120; Материалы 1973: 71–73]; (3) контроль за действиями региональных правителей [Лидай 1958:678–679; Бичурин 1950a: 116–118; Материалы 1973: 70–71]; (4) участие в политических мероприятиях и совещаниях высшей знати в ставке [Лидай 1958:678-680, 692; Бичурин 1950a: 116-118; Материалы 1973:70-72, 82].

Будучи, как правило, прямыми назначенцами шаньюя, гудухоу пользовались его доверием и обладали подчас значительной властью. Не случайно именно им шаньюй поручал контроль над ненадежными региональными правителями. Имеются сведения, что в других кочевых империях Центральной Азии существовали аналогичные функционеры [Бичурин 1950a: 283; Козин 1941 § 243]. Особенно много упоминаний о гудухоу появляется с рубежа новой эры, причем после распада империи они сохраняются как на Севере, так и на Юге [Лидай 1958: 246, 254-256, 677-681, 692, 294; Бичурин 1950a: 106, 109-110, 114-120, 128; Материалы 1973: 57, 60,68–74, 82, 84; и т.д.]. Напрашивается мысль, что, возможно, это обстоятельство является свидетельством постепенного ослабления рода Люаньди и усиления влияния в конфедерации других знатных кланов.

С этого времени становятся известными случаи, когда гудухоу стали откровенно претендовать на престол. После смерти шаньюя Учжулю в 13 г. н.э. Хуннской державой какоето время фактически управлял правый великий гудухоу Дан из клана Сюйбу. В результате интриг ему удалось посадить на престол сторонника проки-тайской партии Сяня, а после смерти последнего Дан сам пытался претендовать на трон и даже незадолго до своей смерти был произведен Ван Маном в лжешаньюи [Лидай 1958: 256; Бичурин 1950а: 109; Материалы 1973: 60].

Только намного позже, в 188 г., когда хунну из некогда могучего народа превратились в жалких вассалов, охраняющих границы Китая от набегов сяньбийцев, потомки грозных шаньюев практически потеряли власть и авторитет среди номадов. Дело дошло до того, что наследный шаньюй был изгнан, а на его место вожди возвели гудухоу из рода Сюйбу [Лидай 1958: 706; Материалы 1973: 95].

Племенные вожди и старейшины

В первую очередь, к вождям племен и этноплеменных объединений следует отнести широкий круг лиц, обозначаемый в китайских источниках общим термином «князь» (ван). Их следует отличать от высшей хуннской аристократии (сянь-ван, лули-ван и пр.). Чаще они упоминаются без всяких приставок как просто «князья» или с прибавлением «небольшие» или «мелкие» князья. Но в то же время следует иметь в виду, что они вполне соответствуют по характеру своих должностных обязанностей и прав полуавтономным вождям племен, поскольку в ханьскую эпоху термином ван назывались не чиновники, а лица, получившие от китайского императора право на управление той или иной территорией [Таскин 1973: 12].

Помимо «князей» среднего и низшего ранга в китайских источниках упоминаются следующие основные хуннские титулы, обладатели которых могут быть интерпретированы как племенные вожди разных иерархических уровней:

 $\partial y B \partial \tilde{u}$ — титул упоминается еще в описании политической системы хунну у Сыма Цяня и доживает до нашей эры [Лидай 1958: 206, 254; Бичурин 1950a: 82, 106; Материалы 1968: 87-88, 92; 1973: 28, 57]. Однако среди перечня южнохуннских должностных лиц уже не упоминается;

 ∂ анху — титул, существовавший во все периоды хуннской истории, так как упоминается на всех этапах хуннской истории [Лидай 1958: 17, 680; Бичурин 1950а: 49, 119-120; Материалы 1968: 40; 1973: 73; Материалы 1989: 153];

окичоку — титул, упоминаемый Фань Е и другими историками у южных хунну [Лидай 1958: 680; Бичурин 1950а: 119–120; Материалы 1973: 73]. Если допустить этимологическое родство этого термина с титулом жичжу-князя, то можно допустить его появление не ранее начала І в. до н.э. Под 11г. н.э. упоминается еще один созвучный титул — юйсучжичжихоу — один из самых мелких в хуннской номенклатуре чинов [Лидай 1958:255; Материалы 1973: 60; 1989: 153];

ueu3ioй — один из низших рангов у хунну, существовал на протяжении всей хуннской истории до разделения на северных и южных хунну и позже [Лидай 1958: 17, 680; Бичурин 1950a: 49, 119-120; Материалы 1968: 40; 1973: 73; 1989: 153].

Каждый из перечисленных выше должностных лиц имел в своем подчинении определенное число кочевников и скота. Φ ань E

пишет, что их положение на иерархической лестнице «определялось степенью влияния и количеством подчиненных им людей» [Лидай 1958: 680; Бичурин 1950a: 120; Материалы 1973: 73].

Круг выполняемых обязанностей племенных вождей, судя по всему, был традиционен. В мирное время — управление перекочевками, улаживание конфликтов между подданными, редистри-буция и тд. В военное время вожди выполняли функции офицерского корпуса в зависимости от того места, которое они занимали в военно-административной иерархии империи. Китайские летописи упоминают, например, указ шаньюя Учжулю от 11 г. н.э., в котором он

«объявил всем дувэям правых и левых земель и всем пограничным князьям, чтобы они совершали грабительские набеги на пограничную линию, причем крупные шайки насчитывали более десяти тысяч, средние — несколько тысяч и мелкие — несколько сот всадников» [Лидай 1958: 254; Материалы 1973: 57; Бичурин 1950a: 106].

Самые низшие уровни иерархической пирамиды власти составляли тысячники, сотники и десятники. Сыма Цянь проводит четкую грань между ними и другими административными титулами (дувэями, данху и пр.) [Лидай 1958: 17; Бичурин 1950а: 49; Материалы 1968: 40]. Интересно, что Фань Е при описании политической системы Южнохуннской конфедерации уже не упоминает о десятичной системе [Лидай 1958: 680; Бичурин 1950а: 119—120; Материалы 1973: 73]. Возможно, это не случайно и связано с тенденцией ослабления военноадминистративных связей в обществе на данном этапе, что привело к замене двойной системы военных и гражданских чинов (введенной при Модэ) единой общегражданской системой племенных и надплеменных титулов кочевой аристократии.

Можно допустить, что часть тысячников были племенными вождями, поскольку исторические параллели допускают такую численность племен [Материалы 1984: 63, 92, 155]. Однако сотники и десятники являлись родовыми (клановыми) старейшинами различных рангов. В обязанности вождей и старейшин входили хозяйственные, судебные, культовые, фискальные и военные функции. Для иллюстрации последнего тезиса можно воспользоваться сравнительно-историческими параллелями, например, с монголоязычными соседями хунну [Крадин 1993; 19946], однако нужно иметь в виду, что ни ухуани, ни сяньби в указанный период не имели такой же, как хунну, имперской политической системы.

Служилая знать

К сожалению, сведения о дружине в Хуннской империи более чем скудны. Под 176 и 162 гг. до н.э. в «Ши изи» упоминается, что шаньюй послал в Хань с письмом одного «телохранителя» (кит. ланчжун) из своей свиты [Лидай 1958: 29, 31–32; Бичурин 1950a: 55, 59–60; Материалы 1968: 43, 47, 141 прим. 135]. В другом месте, относящемся, правда, уже к послеимперскому времени, сообщается, что при южнохуннском шаньюе Ши-цзы состояла «охранная стража», т.е., судя по всему, дружина [Лидай 1958: 130; Материалы 1973: 86]. Вот, пожалуй, и все.

Поэтому в данном вопросе мы можем руководствоваться, скорее, лишь общими соображениями да подкреплять гипотезы сравнениями с другими номадами Евразии. В этой связи представляется важным обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, дружина существовала у большинства правителей крупных кочевых обществ: скифских царей, тобаских, тюркских, уйгурских и хазарских каганов, киданьских императоров, монгольских каганов, афганских правителей и др. [Владимирцов 1934: 87–96; Рейс-нер 1954:51; Хазанов 1975:185-187; Е Лунли 1979:156, 511,532- 533; Плетнева 1982: 103; Худяков 1986: 178; Franke 1987: 98–99; Кычанов 1997: 190–196], а также более мелких образований номадов [Аверкиева 1970: 136–137; Материалы 1984: 144, 148; и др.].

Во-вторых, можно сделать вывод о неодинаковой значимости дружины в процессах политогенеза в земледельческих и в кочевых обществах. В оседло-земледельческих обществах большинство жителей были исключены из занятия военным делом. Данная обязанность была возложена главным образом на правителя и его дружину. Именно дружина являлась его решающей поддержкой в борьбе за власть против наследственной родоплеменной элиты и жречества. У кочевников же претенденту на власть помимо опоры на немногочисленных собственных дружинников (многотысячные гвардейские подразделения Чингисхана скорее исключение, требующее отдельного объяснения, чем правило) необходимо было заручиться поддержкой родственных и прочих лояльных племен, поскольку политический противник теоретически мог по необходимости мобилизовать все мужское население подчиненных ему племенных групп. Следовательно, дружина являлась лишь кругом наиболее преданных своему хану сподвижников и вассалов.

В-третьих, «дружинники» (нукеры, богатыри) не только составляли отборное воинское подразделение, но и являлись телохранителями,

стражей, свитой хана (вождя, шаньюя, кагана), могли выполнять административные и «полицейские» обязанности и даже (как это было в упомянутом выше примере с хунну) дипломатические поручения. В известной степени дружинников можно рассматривать как «эмбриональный» аппарат управления ставкой, который, однако, применительно к подавляющему большинству кочевых обществ не может рассматриваться как легитимизированный институт политической власти. Дружинники не имели четкой специализации в выполнении тех или иных функций, исполняли их от случая к случаю по мере необходимости.

В-четвертых, сравнительно-исторические исследования показывают, что состав дружины в большинстве случаев был неоднородным⁵. В ее состав могли входить представители элитных групп, выходцы из простых масс и даже отдельные элементы из низов общества. Многочисленные примеры из жизни кочевых обществ подтверждают эту закономерность [Владимирцов 1934: 88–91; Рейснер 1954: 220; Семенюк 1958: 75; Першиц 1961: 155–156; Хазанов 1975:185–186; Марков 1976: 88–89; Материалы 1984:166; Кычанов 1997: 193-196].

В-пятых, дружина формировалась, как правило, вне традиционных кланово-племенных отношений, на основе групповой солидарности и личных связей между воинами и их предводителем [Кардини 1987; Горский 1989]. У кочевников данная система связей представляла собой особый кодекс поведения, обусловленный специфическими взаимными обязательствами воина (нукера, богатыря) и его предводителя (хана). Хану делегируются определенные права, на него возлагаются определенные обязанности. Так формируется своеобразная корпоративная группа, складывается политическая структура степной политии. Внутри нее действует свой кодекс поведения, свои законы, своя этика. Каждый политический шаг лидера степного общества тщательно и щепетильно обосновывается [Дмитриев 2000].

В-шестых, вследствие ряда объективных причин (возрастные отличия, разница в происхождении и пр.) можно предполагать наличие среди дружинников расслоения на так называемую «старшую» и «младшую» дружину. Скорее всего, именно представители «старшей» дружины ведали основными функциями по охране и управлению ставкой и хозяйством шаньюя.

⁵ Этот тезис справедлив и в отношении дружины у оседло-земледельческих народов [см., например: Горский, 1989].

В этой связи, возможно, часть из упоминаемых в китайских летописях хуннских титулов может быть отнесена к так называемой «старшей дружине». Наиболее вероятно это в отношении должностей *сянго* — упоминаемого в 121 г. до н.э. среди титулованных хуннских пленников [Материалы 1968: 87–88], а также *сяньфэна* или *сяньба-на* — «главного помощника». Данный термин перечисляется среди прочих титулов — должностей в известном описании политической системы хунну Сыма Цяня [Лидай 1958: 17; Материалы 1968: 40]. Еще раз должность помощника упоминается в *«Ши цзи** под 119 г. в списке захваченных хуннских вождей и старейшин во время похода китайского военачальника Хо Цюйбина в степь [Материалы 1968: 92].

Еще один термин, к которому, возможно, применимо вышесказанное — титул *чэнсяна*. Согласно изысканиям В.С. Таскина, в китайской бюрократической терминологии данный титул обозначает главного помощника императора [Материалы 1973: 140 прим. 37]. Применительно к хунну он упоминается только один раз под 59 г. до н.э., когда сообщается, что *правый* (!) *чэнсян* был отправлен с карательной экспедицией против племени юйцзянь [Лидай 1958: 209; Бичурин 1950a: 85; Материалы 1973: 31].

Не исключено, что к этой же категории лиц необходимо отнести так называемого *чанши* (букв, «старший историк»), переводимого на русский язык как «старший делопроизводитель ставки» (по В.С. Таскину) или «правитель дел» (в варианте Н.Я. Бичурина) [Лидай 1958: 191; Бичурин 1950а: 76; Материалы 1973: 21], специального человека, отвечающего за прием иностранных делегаций [Лидай 1958: 46–47; Бичурин 1950а: 68; Материалы 1968: 56].

Помимо номадов к категории служилой аристократии следует отнести иммигрантов из Китая, ставших советниками при шаныо-евом дворе либо удостоившихся других рангов в административной иерархии империи. Этот слой служилой знати мог формироваться тремя главными способами.

(1) За счет перебежчиков из Китая (реже из других земледельческих государств), недовольных политикой китайского императора или в чем-либо провинившихся перед ханьской администрацией. Первые перебежчики появились еще в период Борющихся царств [Eberhard 1969: 75]. При шаньюе Модэ одним их первых был Синь, носивший титул Хань-вана, перебежавший на сторону Модэ уже к 200 г. до н.э. Примеру Синя последовали многие другие китайские военачальники, недовольные жесткой политикой Гао-ди (Чжао Ли, Ван Хуан, Лу Вань и др.). Можно считать, что, как правило, пики иммиграции в степь приходились на периоды смут

или репрессий в Китае [Лидай 1958: 18–19, 32–33, 245–246; Бичурин 1950а: 51–53, 60–61, 105–106; Материалы 1968: 41–42, 49; 1973: 56-57, 115-116].

- (2) Из евнухов, входивших в состав сопровождения китайских принцесс, выданных замуж за хуннских шаньюев. Самым знаменитым из них оказался Чжунхан Юэ [Лидай 1958: 30–32; Бичурин1950a: 57–60; Материалы 1968: 45–47].
- (3) Из перевербованных плененных китайских военачальников и дипломатов. Наиболее известны из них отважный Ли Лин, которомупосвящен специальный раздел в 54-м цзюане «Хань шу» [Материалы1973:109–117; см. также: Watson 1974:41fl], Эршиский военачальник, казненный впоследствии при шаньюе Хулугу [Лидай 1958: 190–191;Бичурин 1950a: 75–77; Материалы 1973: 20–22].

Как ни странно, китайские иммигранты оказались очень полезными консультантами хуннских шаньюев. Пик влияния китайских советников приходится на II — первую четверть I в. до н.э. Они обучали номадов китайской тактике военного дела [Материалы 1973: 115], ведению земледельческого хозяйства [Лидай 1958: 204; Бичурин 1950a: 77–78; Материалы 1973: 23–24]. Чжао Синь (возможно, по происхождению хунн или метис) убедил шаньюя Ичисе применить против ханьцев партизанскую стратегию заманивания противника в степь [Лидай 1958: 44-45; Бичурин 1950a: 65–66; Материалы 1968: 53–54, 90; Сыма Цянь 1984: 642], а Чжунхан Юэ научил Лаошан-шаньюя иероглифической письменности, основам придворного этикета и администрирования. Последний являлся активным проповедником неприятия номадами культурных ценностей ханьцев, поскольку это, по его мнению, развращало номадов и подрывало военную мощь империи [Лидай 1958: 30–32; Бичурин 1950a: 47–49; Материалы 1968: 45–47].

Однако большинство китайских перебежчиков способствовали внедрению китайской культуры и идеологии, политической традиции и административной практики в чуждую для земледельцев этнокультурную среду. Столь же высока была роль иммигрантов с юга и в других империях кочевников [Franke 1987: 96]. Достаточно упомянуть таких крупных деятелей, как Хань Яньхуэй при Абао-цзи, Ян Пу при Агуде, Елюй Чуцай при Чингисхане и Угэдэе.

Советники-китайцы кормились при ставке шаньюя. Между ними подчас разворачивались интриги и борьба за место под солнцем [Лидай 1958:191; Бичурин 1950a: 76; Материалы 1973:22,115], иногда они принимали участие в интригах между хуннской знатью [Лидай 1958: 204; Бичурин 1950a: 77; Материалы 1973: 23]. Наиболее

отличившимся жаловались титулы, скот и кочевья в управление. Вэй Люй хвастался перед своим бывшим соотечественником:

«Я... незаслуженно удостоился здесь великих милостей [шань-юя], был пожалован титулом вана [и сейчас] имею несколько десятков тысяч народа, а мои лошади и скот заполнили горы, вот насколько я богат и знатен» [Материалы 1973: 102–103].

Кое-кому даже доверялись целые народы. В 10 г. н.э. ряд крупных китайских военачальников из Западного края перешел на сторону хунну. Двое из них были удостоены пышных титулов *«уху-ань ду цзяньцзюнь»* («главнокомандующий над ухуанями») [Лидай 1958: 246; Материалы 1973: 56–57]. Знаменитый китайский полководец Ли Лин был женат на дочери шаньюя, имел специальный титул *юсяо-вана* и являлся наместником в «земле Хагяс», т.е. в Хакасско-Минусинской котловине. Лишь для важнейших вопросов он вызывался в ставку шаньюя [Материалы 1973: 115–116].

Правда, Ли Лин сильно переживал отрыв от родины. До наших дней дошло полное грусти его стихотворное описание своей жизни на чужбине:

«Весь день я не вижу никого, одно отродье лишь чужое. В кафтане кожаном и юрте войлочной, чтобы защитить себя от ветров и дождей. Вонючая баранина, кумыс — вот чем свой голод, жажду я утоляю... Я ночью уже спать не могу и, ухо склонив, слышу где-то вдали переливы свистулек кочевников. Здесь кони пасутся и жалобно ржут, так звонко и резко в своих табунах» [Алексеев 1958: 157].

Другой известный советник китайского происхождения Вэй Люй был удостоен титула *дишин-вана* [Бичурин 1950а: 351; Материалы 1973: 116, 156]. Правда, Бань Гу утверждает, что он постоянно проживал в ставке шаньюя [Материалы 1973:116]. Но это сомнительно, поскольку как бы он управлял столь отдаленным народом?

Вожди зависимых племен

Несколько ниже служилой знати на иерархической лестнице располагались вожди нехуннских племен, включенных в состав имперской конфедерации или зависимых племен и владений, плативших номадам дань. В «UUu uuu» упоминаются этнически, возможно, близкие хунну ордосские племена лоуфань и байян,

⁶ По Н.Я. Бичурину, Ли Лин имел титул чжуки-князя (т.е. сянь-вана) [1950а: 351]. Однако это какая-то неточность, поскольку данный титул давался только ближайшим кровным родственникам шаньюя, как правило, будущему наследнику престола.

завоеванные шаньюем Модэ. Войдя в империю, они сохранили своих традиционных вождей [Лидай 1958: 16, 34; Бичурин 1950a: 48, 63; Материалы 1968: 39, 51, 72]. Модэ также разбил юэчжей, подчинил дунху, лоуланей, усуней, хуцзе и, по словам Сыма Цяня, еще 26 различных соседних владений и «объединил все народы, натягивающие лук, в одну семью» [Лидай 1958: 29; Бичурин 1950a: 55; Материалы 1968: 43].

Интересно в этой связи легендарное предание об усуньском правителе Гуньмо (впоследствии его имя стало титулом усуньских правителей). По «Ши цзи*, он родился в 176 г. до н.э. в тот самый момент, когда хуннские всадники разгромили войско его отца и, ворвавшись в ставку, разграбили имущество и скот, уничтожили всех его родственников. Новорожденного малыша бросили в степи на съедение животным. Сразу в памяти всплывает бродячий сюжет о Ромуле и Реме:

«Птицы склевывали насекомых с его тела; волчица приходила кормить его своим молоком. Шаньюй изумился и счел его духом, почему взял к себе и воспитал» [Бичурин 19506: 155].

Когда Гуньмо вырос, шаньюй дал ему в подчинение воинское подразделение. Гуньмо проявил себя талантливым военачальником, и шаньюй решил доверить ему удел его отца. Сделавшись правителем над усунями, Гуньмо занялся восстановлением экономического потенциала своего народа и созданием обученного боеспособного войска в несколько десятков тысяч человек. После этого он подчинил близлежащие оазисы и города, а когда шаньюй умер, отказался ездить с подношениями в ставку и объявил независимость. Карательная экспедиция вернулась ни с чем. Согласно версии Сыма Цяня, кочевники посчитали его сверхъестественным существом: «Почему хунны, хотя имели влияние на него, но не нападали слишком» [там же].

Независимо от того, является эта легенда хуннской или усунь-ской этногенетической легендой ^{7} или нет, данный случай хорошо

В «Хат шу* приводится иная версия данного события, согласно которой усуни потерпели поражение от юэчжей и были вынуждены спасаться бегством на восток к хунну. Впоследствии, когда Гуньмо вырос, он попросил шаньюя дать разрешение отомстить юэчжам [Кюнер 1961:72–73]. Вопрос о том, какая версия является более правильной, обсуждался среди специалистов [Зуев 1960: 122–123; Hulseve 1979: 803–807; Barfield 1981: SO note 2]. Не исключено, что версия *Ши цзи» была хуннским вариантом изложения событий, тогда как версия «Хань шу* была записана в более позднее время со слов усуньских информаторов. Интересно также то, что усуньская легенда легла в основу тюркской генеалогической легенды [Зуев 1967; Савинов 1984; и др].

демонстрирует силу внутренней власти местных вождей и опасность того, как легко последний мог при благоприятной ситуации изменить имперскому правительству. Поэтому хуннские шаньюи предпочитали, когда это было возможно, ставить во главе подчиненных народов своих наместников (например, Ли Лина над древними хакасами, а Вэй Люя над динлинами), связывали их узами династических браков, как, например, вождя Учаньму, который получил в жены сестру жичу-вана Сяньсяньчаня, заставляли местных правителей присылать своих детей в качестве заложников в ставку шаньюя [Бичурин 1950a: 233] либо переселяли провинившийся народ на более близкие территории [Бичурин 19506: 236].

Конкретные функции вождей зависимых этнических групп можно проиллюстрировать на примере восточных соседей хунну — ухуаней и сяньби. У ухуаней не существовало специализированных органов управления и власти. Начиная с уровня клана и выше каждое сегментарное подразделение возглавлялось выборным вождем дажэнем, должность которого не передавалась по наследству [Материалы 1984:63,327]. Власть их была невелика. Вожди не обладали иной возможностью воздействия на соплеменников, кроме как силой собственного убеждения, авторитетом или, наконец, угрозами применения своих магических способностей.

В то же время для реализации своих посреднических функций уху-аньские вожди обладали сравнительно широкими полномочиями.

«Когда старейшине нужно вызвать кого-нибудь, он вырезает зарубки на дереве, которые служат письмом. [Палочки] передаются по родам, и, хотя у них нет письменных знаков, члены кочевья не смеют нарушать [полученного распоряжения]» [Материалы 1984: 327].

Нарушившие же распоряжения вождей приговариваются к смерти [Материалы 1984: 328]. Смерти, кстати, подвергались и закостенелые конокрады [Материалы 1984: 328].

Функции ловли преступников также лежали на старейшинах. Традиционное ухуаньское право обязывало оказывать им в этом максимальное содействие.

«Мятежников, которых ловят старейшины, роды [ило] не соглашаются принимать, а стараются изгнать в дикие земли... Туда изгоняют, чтобы довести изгоняемого до бедственного положения» [Материалы 1984: 328].

В сущности это было равносильно смерти.

Первоначально ухуани предстают в источниках как сравнительно эгалитарное общество, не знающее резкого имущественного

расслоения и неравенства. «От старейшин и ниже каждый сам пасет скот и ведет хозяйство, не привлекая других к выполнению трудовых повинностей» [Материалы 1984: 63, 327]. В то же время вышеприведенная цитата определенно свидетельствует, что средства производства (скот) и другое имущество находилось у них в частной собственности.

Ухуаньские племена не составляли единое политическое целое. Они представляли собой аморфную («акефальную») этническую общность. Однако известно, что их этнические «предшественники» — дунху еще в конце III в. до н.э. были централизованы и возглавлялись общим вождем [Лидай 1958: 16; Материалы 1968: 39]. Видимо, после поражения от хуннского шаньюя Модэ и распада дунхуского этнического конгломерата произошла эгалита-ризация общественной структуры тех племен, которые впоследствии стали называться ухуанями.

Другая часть этого конгломерата, известная в летописях под этнонимом сяньби, представляла собой политически более структурированное объединение, чем ухуани. В функции вождей сянь-бийских кочевий входили следующие обязанности: (1) военная организация боеспособной части населения для грабежей и отражения набегов соседей (см., например: [Материалы 1984: 76, 80, 325]). Не случайно среди перечня ценных качеств, которыми обладали самые выдающиеся сяньбийские вожди Таныпихуай и Кэбинэн, на первом месте стоит смелость [Материалы 1984: 75, 324,330]. Можно также напомнить другой хорошо известный факт: (1) возвышение Таньшихуая началось именно после того, как он рассеял напавших на его кочевье грабителей; (2) редистрибутив-ная – распределение награбленной в набегах (главным образом, на Китай) добычи [Материалы 1984: 80, 324–325]. О перераспределении каких-либо внутренних ресурсов сведений в источниках нет; (3) судебномедиативная – разрешение споров по поводу территорий кочевания, угона скота, нарушения обычаев, членовредительства, убийств и пр. Таньшихуай, когда пришел к власти, установил «предусмотренные законом правила для решения дел между правыми и виноватыми, причем никто не смел нарушать их» [Материалы 1984: 75, 330]. Эти же обязанности упоминаются и в отношении его сына Хэляня [Материалы 1984: 80]. Кэбинэн также был избран вождем, в том числе и за то, что справедливо разбирал тяжбы [Материалы 1984: 324]; (4) внешнеторговая – контроль за внешней торговлей с Китаем и другими народами и странами [Материалы 1984: 325–326].

Простые кочевники

Жизнь простых хуннских скотоводов плохо отражена в китайских письменных источниках. Но она вполне сопоставима с описаниями центральноазиатских номадов более позднего времени. Сравним образ жизни хунну, описываемый китайскими хронистами, с данными более поздних авторов. В самом начале своего знаменитого 110-го цзюаня «Ши цзи» Сыма Цянь пишет о кочевниках хунну:

«Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками... в мирное время все следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений» [Лидай 1958:3; Бичурин 1950а: 39-40; Материалы 1968:34].

Эту характеристику дополняет рассказ евнуха Чжунхана Юэ:

«По обычаям сюнну народ ест мясо домашнего скота, пьет его молоко, одевается в его кожи; скот же питается травой и пьет воду, переходя в зависимости от сезона с места на место. Поэтому в тревожное время каждый упражняется в верховой езде и стрельбе из лука, а в спокойное время каждый наслаждается бездельем» [Лидай 1958: 31; Бичурин 1950a: 58; Материалы 1968: 46].

Подобный образ жизни вели европейские гунны [Гмыря 1995: 127–128, 209]. Нечто похожее увидел спустя полтора тысячелетия венецианский купец Марко Поло:

«Зимою татары живут в равнинах, в теплых местах, где есть трава, пастбища для скота, а летом в местах прохладных, в горах да равнинах, где вода, рощи и есть пастбища. Дома у них деревянные, и покрывают они их веревками; они круглы; всюду с собой их переносят... Жены, скажу вам, и продают, и покупают все, что мужу нужно, и по домашнему хозяйству исполняют. Мужья ни о чем не заботятся; воюют да с соколами охотятся на зверя и птицу. Едят они мясо, молоко и дичь; едят они фараоновых крыс (т.е. табарганов. – H.K.); много их по равнине и повсюду. Едят они лошадиное мясо и собачье и пьют кобылье молоко» [Книга Марко Поло 1956: 88].

Парадоксально, но аналогичные данные содержатся и в отношении еще более поздних кочевников [РГИА, ф. 391, оп. 5, д. 460: 39 об.; ф. 821, оп. 8, д. 1242: 14; Пржевальский 1875: 141; Осокин 1906: 188-189; Майский 1921: 33-35; Певцов 1951: 112-113; Калиновская, Марков 1987: 59–60; Радлов 1989:130,153–162,168, 260, 335; и др.].

Все это подтверждает глубокую мысль И.М. Майского, сочувственно цитировавшуюся В.С. Таскиным [1968: 44] и А.М. Хазановым [1975: 265–266], о принципиально ограниченных возможностях развития экстенсивной кочевой экономики:

«Я не решаюсь высказать вполне категоричного мнения, ибо в подтверждение его невозможно привести какие-либо достоверные данные, но общее впечатление мое таково, что при системе первобытного скотоводства Автономная Монголия не в состоянии прокормить количество скота, значительно превышающее его теперешнее число. Быть может, при строгой экономии ее травяных ресурсов хватило бы для полуторного против нынешнего количества скота... но не более» [Майский 1921: 134].

Таким образом, гипотетически можно предполагать, что многие важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта и, возможно, даже менталитета кочевников монгольских степей были детерминированы специфической экологией обитания подвижных скотоводов аридных зон и в своей основе мало изменились со времен глубокой древности вплоть до рубежа нового времени.

Следовательно, можно допустить, что для хунну была характерна широко распространенная у кочевых скотоводов степей и полупустынь (в том числе и для монголов) малая нуклеарная семья численностью 4–5 человек [Хазанов 1975: 74–76, 164–165; Khazanov 1984/1994: 126–138; Тортика и др. 1994: 55]. Тем более, что это предположение подтверждается письменными источниками: «У сюнну сыновья и отцы спят в одной юрте» [Лидай 1958: 30–31; Кюнер 1961: 312; Материалы 1968: 46].

Правда, под 90 г. н.э. в «Хоу Хань шу» содержится упоминание, что численность Конфедерации южных хунну составляла 34 тыс. семей и 237 300 человек [Лидай 1958: 694; Бичурин 1950а: 128; Материалы 1973: 84], и, следовательно, «среднестатистическая» семья состояла примерно из 7 человек. Однако необходимо иметь в виду, что в это время общество южных хунну обитало в непосредственной близости от Китая, дополнительно снабжалось китайской администрацией продуктами земледельческого хозяйства; возможно, что часть их перешла к полукочевому или оседлому образу жизни. Поэтому не исключено, что при изменении среды обитания произошла определенная трансформация системы жизнедеятельности и социальной организации.

Известному японскому историку и археологу Намио Эгами на основе оригинальной методики анализа цифровых данных из древнекитайских письменных источников удалось подсчитать, что

у хунну на одного человека приходилось в среднем примерно 19 голов скота. Эти данные он считает сопоставимыми с результатами переписи японских военных во Внутренней Монголии во время оккупации Китая: Улан-цабский сомон — 14, 65 голов скота на человека; шесть хошунов Чахара — 19,6 голов скота на человека [Egami 1956; 1963; см. также: БНМАУ-ын туух 1966: 88; Таскин 1968: 41—44]. Интересно, что эти данные также сопоставимы со сведениями экспедиции И.М. Майского, согласно которым в Автономной Монголии в 1918 г. приходилось 17,8 голов всех пород скота на душу населения [1921: 67, 124].

Много это или мало? Основываясь на усредненном эквиваленте в 36 условных овец на одного человека, АА. Тортика, В.К. Михеев и Р.И. Кортиев предложили формулу индекса обеспеченности продуктами питания (ИОП = кол-во скота на 1 человека в усл. овцах : 36 усл. овец). Если данный индекс больше 1, то хозяйство имеет достаточно ресурсов для существования (правда, если намного больше 1, то это грозит чрезмерной нагрузкой на пастбища), если индекс меньше 1, то хозяйство находится в стрессовом состоянии, что требует либо привлечения дополнительных источников (земледелие, охота, война и пр.), либо вынуждает вступать в клиентные отношения с обеспеченными скотовладельцами.

С помощью данной формулы можно, например, рассчитать ИОП для хуннского общества. Поскольку высчитанные Намио Эгами 19 животных на одного человека — это абсолютное поголовье животных, его необходимо перевести в «условных овец». Так как у кочевников Евразии 50–60% стада составляли овцы, условимся, что примерно 2/3 от этой величины составлял мелкий рогатый скот (13 голов). Тогда на крупный рогатый скот и лошадей остается 6 голов.

Существуют различные варианты вычисления условного эквивалента между различными видами домашнего скота. В свое время СИ. Руденко вывел некий условный эквивалент скота (в 300 условных овец или 25 лошадей), необходимого для минимального самостоятельного существования семье из пяти человек [1961: 5]. По его данным, одной лошади соответствует 6/5 головы рогатого скота, шесть овец или коз. В Монголии, например, для удобства принята условная единиц — бодо, которая равняется половине верблюда, или одной лошади, или голове крупного рогатого скота, или семи овцам, или четырнадцати козам [Мурзаев 1952: 48]. Похожая система стоимостного соотношения разных видов скота была принята русской администрацией в прошлом веке в Казах-

стане [Косарев 1991: 37]. Исходя из этой системы расчетов, нетрудно подсчитать, что в на одного хунна приходилось около 50 (6 x 6 или 6 x 7 + 13) условных голов овец. Даже при всей относительности наших подсчетов очевидно, что количество скота у хунну превышало минимальную норму ИОП.

Таким образом, большинство хуннских скотоводов скорее всего были хозяйственно самостоятельны и лично достаточно независимы (разумеется, в пределах того, насколько независим индивид, включенный в генеалогическую структуру). Несмотря на то, что в источниках есть сведения о попытках введения при шаньюе Лао-шане централизованного налогообложения у хунну [Лидай 1958: 30; Бичурин 1950a: 58; Материалы 1968: 45], скорее всего, они оказались безрезультатными, так как больше в летописях нигде не сообщается ни о налогах, ни тем более об эксплуатации простых номадов. Более того, сами хунну подчеркивали отсутствие у себя повинностей наподобие тех, которые существовали у китайцев [Лидай 1958: 218; Материалы 1973: 34].

Теоретически можно допустить, что у хунну мог существовать обычай взимания скота наподобие монгольского копчура (причем более правильно трактовать его, с моей точки зрения, не как налог, а в контексте престижной экономики как «подарок»), который приблизительно брался в размере одного животного со ста голов скота [Далай 1983:111–112]. При всех условностях генерализованных обобщений, если исходить из расчетов Намио Эгами (19 голов скота на человека), можно допустить, что численность стада обычной семьи в пересчете на овец должна была составлять от 180 до 280 голов. Следовательно, обязанность, аналогичная монгольскому копчуру, должна была бы составлять одну, максимум три овцы. Назвать обременительной ее нельзя.

Конечно, скорее всего, данная форма получения элитой прибавочного продукта не была единственной в хуннском обществе. По аналогии с теми же монголами теоретически можно допустить, что хунну должны были отбывать почтовую повинность, привлекаться к облавным охотам, делать дары вождям и шаньюю по случаю праздников и т.д.

Судя по всему, хунну использовали ямскую службу. Под 105 г. до н.э. в 123-м цзюане *Ши цзи» сообщается в описании Давани: «Если посланник от хуннов приезжал с шаньюевым ярлыком, то в каждом владении препровождали его по почте, и не смели не давать съестных припасов» [Бичурин 19506: 161]. Можно допустить, что эта система связи не только распространялась на зависимые территории, но и была введена на территории «метрополии» степной империи.

Однако следует иметь в виду, что в кочевых обществах, не имевших в своем подчинении земледельческих территорий, почти все формы так называемой «эксплуатации» представляли собой (в нашем понимании) компенсацию правителю и вождям различных иерархических уровней за выполнение ими разнообразных общественно необходимых функций (рациональное перераспределение пастбищ и водных ресурсов; координация перекочевок; охрана кочевий от врагов, диких зверей и антиобщественных элементов; военные походы с целью грабежа; политические и торговые связи с иноэтничными группами и народами). Поскольку все эти обязанности выполняла кочевая аристократия, то очевидно, что при этом она пользовалась некоторыми привилегиями, получала подношения, использовала общественные запасы (запретные пастбища, общественные стада).

Другая сторона той же проблемы – существование в кочевом обществе развитой сети престижной экономики. Получая дары и подношения от простых скотоводов, ханы и вожди устраивали массовые пиры и раздачи. Только щедрый хан мог рассчитывать на взаимность со стороны остальных номадов. Можно только согласиться с С.Е. Толыбековым, что

«пиршества и угощения очень высоко ценились массой почти вечно голодных кочевников, которые широко распространяли славу о таком щедром бае, бие, батыре и султане далеко за пределами данного рода и племени. Каждый голодный кочевник, который время от времени угощался досыта крупным скотовладельцем, не мог не считать себя своеобразным его должником [1959: 95].

Однако из этих отношений не могли выкристаллизоваться реальные антагонизмы. Дело в том, что специфика скотоводства предполагала главным образом индивидуализированный труд в рамках отдельных домохозяйств или минимальной общины при сравнительно эпизодической необходимости кооперации усилий для водопоя скота, коллективных охот и т. д. Поэтому круг организационных функций и сфера перераспределения кочевых вождей были невелики в сравнении с управленческо-редистрибутивными возможностями администрации оседло-земледельческих протогосударств и раннегосударственных обществ.

Только в период стабильного завоевания номадами земледельческих государств антагонизмы между кочевой аристократией и простыми скотоводами могли принимать раннеклассовую форму. Однако ухудшение положения простых кочевников, особенно если оно сопровождалось климатическими стрессами, вело к недовольству,

различным формам социального протеста вплоть до откочевок, убийств неугодных правителей, вооруженных восстаний. В то же время следует помнить, что редистрибуция и налогообложение рядовых номадов не могли быть главными источниками престижного потребления кочевой аристократии. Концентрация богатств я форме скота имеет жесткие экологические барьеры, игнорирование которых оборачивается гибелью животных. К тому же постоянная необходимость как для элиты, так и для простых ско-товодов в продуктах земледелия и изделиях ремесла, которая толкала номадов на внешнюю экспансию, требовала внутренней консолидации кочевых обществ по отношению к внешнему миру или хотя бы идеологически ориентировала на эту консолидацию [Крадин 1992: 119-124].

обстоятельство ограничивало развитие антагонизмов между кочевой аристократией и простыми скотоводами и требовало поддерживать интересы простого народа. Большая часть добычи, полученной в результате набегов и грабительских войн, по свидетельству Сыма Цяня шла рядовым воинам [Лидай 1958: 18; Бичурин 1950а: 49; Материалы 1968: 40]. По аналогии с более поздним временем можно предположить, что внешние доходы могли стать важным источником существования для простых скотоводов. Документы золотоордынского времени, в частности, свидетельствуют, что номады, которые в мирное время едва ли не голодали, во время походов захватывали столько животных, что не были в состоянии пригнать всю добычу домой, в родные кочевья (Тизенгаузен 1884: 172: 1941: 118]. Часто захваченные пленники и животные гибли от тяжелых условий перехода, повозки с награбленным имуществом приходилось бросать, спасаясь от погони. Однако нет оснований сомневаться, что В случае успешных походов результаты намного превосходили предполагаемые ожидания.

Таким образом, несмотря на почти полное отсутствие в китайских источниках сведений о простых номадах у хунну, по аналогии можно допустить, что их положение в общих чертах может быть схоже с положением непосредственных производителей в Других кочевых обществах Евразии, не имевших в своем политическом подчинении крупных оседлых земледельческих территорий. Более подробная информация об основном общественном «классе» хуннского общества может быть получена только после тщательного изучения многочисленных погребальных памятников рядового населения хунну на территории России, Монголии и Китая.

Зависимые категории скотоводов

В письменных источниках также практически нет сведений относительно различных категорий бедных и неполноправных лиц, занимавшихся скотоводством у хунну. Единственное упоминание на этот счет относится к китайскому послу Су У, который за свою дерзость был отправлен в ссылку на Байкал пасти баранов [Материалы 1973: 103]. Поэтому в данной ситуации можно руководствоваться только общими соображениями относительно социальной структуры обществ кочевников-скотоводов и предполагать, что так же могло быть и у хунну.

Поскольку в скотоводческих обществах в силу ряда обстоятельств (частная собственность на средства производства – скот; экологическая нестабильность кочевого хозяйства; столкновения из-за скота и пастбищ) имманентно присутствовало имущественное неравенство, там всегда имелись лица, не имевшие достаточного количества животных для пропитания. Они были вынуждены вступать в отношения системы «патрон–клиент* с более обеспеченными скотовладельцами. С другой стороны, лица, имевшие много скота, нередко не могли выпасать скот только собственными силами. К тому же выпас слишком больших по объему стад невыгоден по ряду причин экологического и экономического порядка. В данной ситуации возникал широкий спектр социальных отношений, на одном полюсе которого находились отношения взаимопомощи и престижного дарообмена, а на другом – отношения социально-экономического доминирования и ранние формы эксплуатации [Першиц 1973: 104–110; Хазанов 1975: 148–151; Марков 1976: 152-154, 199-200, 230-231, 267, 301-303; Khazanov 1984/1994: 152–164; Калиновская, Марков 1987: 61–62; Масанов 1991; 1995а: 160-212; Крадин 1992: 111-118; и др.].

Можно выделить* две основные формы этих отношений. Такая форма неравенства, когда богатый скотовладелец отдавал бедному пастуху скот на выпас, получила в отечественной литературе название *саун* от одноименного казахского термина, означающего это явление. Саунные отношения (их другие названия: *саан, полыш, хасалс, тераз, вадия, сапис* и пр.) существовали у многих скотоводческих народов Евразии, Африки, Америки. Помимо отдачи скота на выпас существовал другой канал формирования зависимости в индивидуальных хозяйствах: работа в семье «патрона» в качестве батрака, наемного работника, неполноправного сородича и пр. Этот вариант формирования ранней эксплуатации также был широко

распространен у многих номадов Евразии, Африки и Америки.

Однако далеко не все обедневшие номады получали возможность продолжать вести кочевой образ жизни. Те, кто не смог найти работу у богатых скотовладельцев, вынуждены были оседать на землю. Судя по имеющимся данным, седентеризацию некоторой части населения можно проследить во многих скотоводческих обществах [Хазанов 1975:13–14,150–152; Плетнева 1982: 77 и ел.; Khazanov 1984/1994: 83–84, 198–201; и др.]. Но седентеризация чаще являлась не причиной стратификации, а следствием кризиса номадизма. Наибольшее распространение она получила с эпохи нового времени. Напротив, в древности и средневековье труд бедных скотоводов с успехом мог использоваться в военных походах и завоеваниях.

В целом, учитывая отсутствие упоминаний на этот счет в летописях, можно допустить, что количество бедных скотоводов в Хуннской державе вряд ли было велико. В качестве аналогии можно воспользоваться результатами анализа социальной структуры скифского общества, согласно которым численность подобной категории населения Скифии составляла примерно 6–8% от общей численности населения кочевников [Генинг 1984: табл. I; Генинг и др. 1990: 206 табл. XXXI].

Иноэтничное население и рабы

Проблема рабовладельческих отношений в хуннском обществе должна решаться в контексте более широкого вопроса – проблемы рабовладельческих отношений у кочевников в целом. Данные науки свидетельствуют, что рабовладельческие отношения всегда существовали у кочевников, однако ни в одном из скотоводческих обществ они не получили настолько значительного распространения, чтобы данное общество могло считаться рабовладельческим [Нибур 1907: 237-265; Семенюк 1958; 1959; Хазанов 1975: 139— 148; 1976; Кляшторный 1985; 1986; Крадин 1987: 75-84; 1992: 100—111]. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, в скотоводческом труде потребности в дополнительных рабочих руках ограничены, и они полностью удовлетворялись за счет внутренних ресурсов. Следовательно, приток рабов извне кочевникам был не нужен.

Во-вторых, использование рабского труда в выпасе скота экономически неэффективно, так как рентабельнее вдвоем-втроем

пасти стадо, чем приставлять к двум-трем рабам еще одного надсмотрщика.

В-третьих, при кочевом образе жизни были сравнительно легкие условия для бегства, и одновременно существовала опасность повышенной концентрации рабов в одном месте при весьма низкой демографической плотности свободного населения.

В-четвертых, скотоводческий труд требовал определенной квалификации, личной заинтересованности и в то же время во многих скотоводческих обществах считался престижным. По этим причинам рабы у номадов преимущественно использовались в домашнем хозяйстве (женский труд) или же поставлялись на внешние работорговые рынки. Только в крупных степных империях использовались большие количества ремесленников-рабов, которые концентрировались в специально построенных поселках или городах.

Нет особенных оснований предполагать, что все вышеизложенное несправедливо и в отношении хуннского общества, поскольку примерно такой же набор аргументов высказывался исследователями в 1960–1980-е гг., когда они рассматривали вопрос о существовании у хунну рабства [Гумилев 1960: 147; Руденко 1962: 70-71; Давыдова 1975: 145; Хазанов 1975: 143-144; 1976: 258–259]⁹. Более того, нет оснований предполагать и существенного развития внешней работорговли в хуннском обществе, поскольку в Ханьской империи рабство питалось в основном за счет внутренних источников [Крюков и др. 1983: 34–36].

Сторонники существования рабовладельческих отношений у хунну считали, что рабами становилось население, угнанное из Китая [Толстов 1935; 1948:263; Бернштам 1951: 69–70; МаЧаншоу 1954; 1962: 52; 1962а: 5, 12; Рижский 1959, 1964; Доржсурэн 1961; Акишев К.А. 1977: 307-308; Ма Жэньнань 1983: 126-130; Тянь Гуанцзинь 1983: 20–23; и др.]. На основе количества пленников ряд исследователей полагают, что число рабов в хуннском обществе доходило до 180–760 тыс. человек [Ма Чаншоу 1954: 119; Ма Жэньнань 1983: 127].

Действительно, на протяжении истории Хуннской державы кочевники многократно уводили в полон земледельческое население: «взятых в плен делают рабынями и рабами» [Лидай 1958: 18; Бичурин 1950a: 50; de Groot 1921: 61; Материалы 1968: 41].

⁹ Справедливости ради необходимо отметить, что еще в довоенное время Г.П. Сосновский высказывал мнение о неразвитости рабовладельческих отношений в хуннском обществе [Архив ИИМК, ф. 42, д. 233: 115].

Можно выделить три волны в походах номадов за военнопленными в Китай. Первая волна — это период активной дистанционной политики первых трех правителей Хуннской кочевой империи (Модэ, Лаошана и Цзюньчэня), этап чередования набегов и вымогания «подарков» из Китая. В летописях упоминания об уводе населения в степь даются под 166—162(?) и 158 гг. до н.э., хотя, возможно, пленники угонялись на протяжении всей первой половины II в. до н.э. вплоть до установления в 157 г. до н.э. при императоре Сяо-вэне стабильной приграничной торговли. Вторая волна приходится на хунно-ханьскую войну, развязанную У-ди (увод пленных в 128—123, 121-120, 108-107(7), 102, 91, 73 гг. до н.э.). Третья волна связана с хуннско-китайскими войнами при Ван Мане. Известны уводы ханьцев в 11, 12, 25—27 и 45 гг. н.э., но вероятнее всего пленников угоняли в Халху на протяжении всей войны вплоть до распада Хуннской державы в 48 г. [Лидай 1958: 31, 33—34, 44—45, 48-50, 190, 205, 254-256; Бичурин 1950а: 59, 61, 63-66, 70-72, 74, 79, 106, 109, 116; Материалы 1968: 47, 49, 51-54, 58-60, 81-82, 89, 100-102; 1973: 20, 25, 57, 60; 1984: 70].

Кроме китайцев, хунну угоняли в плен и население других владений, а иногда они отнимали у подвластных народов детей и женщин за неуплату дани [Лидай 1958: 16, 207, 244—246; Бичурин 1950а: 48, 82, 103, 105,144; Материалы 1968: 39; 1973: 28, 54, 56-57; 1984:65,297—298]. Известны у хунну, правда, уже в постимперское время и покупные рабы [Лидай 1958: 702; Материалы 1973: 89]. Возможно, часть пленников из земледельческих стран использовалась на общественных работах [Материалы 1973: 126]. Иногда военнопленных и рабов могли убивать на похоронах. Об этом есть упоминания у Сыма Цяня [Лидай 1958: 17; Бичурин 1950а: 50; Материалы 1968:40]. Данные сведения подтверждаются и археологическими свидетельствами [Миняев 1992: 111].

Однако рабский статус поголовно всех военнопленных вызывает сомнение. Во-первых, зафиксированные Бань Гу настроения ханьских рабов позволяют усомниться в рабском положении хунн-ских иммигрантов и пленников. «Рабы и рабыни пограничных жителей печалятся о своей тяжелой жизни, среди них много желающих бежать, и они говорят:

«Ходят слухи, у сюнну спокойная жизнь, но, что поделаешь, если поставлены строгие караулы?». Несмотря на это, иногда они все же убегают за укрепленную линию» [Лидай 1958: 230; Бичурин 1950a: 95; Wylie 1875: 53; de Groot 1921: 243; Материалы 1973: 41].

Правда, в свое время А.Н. Бернштам [1935: 228–229] трактовал данную цитату как свидетельство того, что кочевники хунну выступали союзниками ханьских рабов против китайских эксплуататоров рабовладельцев, но сейчас такая интерпретация воспринимается только как историографический курьез.

Во-вторых, нельзя доверять и упоминаемым в источниках различным терминам, которые переводятся исследователями как «раб». Нередко они совсем не адекватны современному социально-экономическому и юридическому содержанию категории рабство, а отражают лишь неполноправный или несвободный юридический статус данных лиц.

В-третьих, имеется еще один серьезный аргумент против того, что угнанное кочевниками население использовалось в качестве рабов. Г.И. Семенюк систематизировал сведения из китайских хроник об угонах в степь земледельческого населения и сопоставил их с данными об угонах населения китайскими военачальниками из степи. В результате анализа оказалось, что китайцы в хуннскую эпоху угнали в полон примерно в два раза больше номадов, чем те оседлых жителей. Поэтому, полагает автор,

«гораздо больше оснований предполагать наличие у них острой необходимости пополнять пленными свои быстро редеющие семьи, включая пленных в состав родов и племен, т.е. говорить об отношениях патриархального рабства или о лишении завоеванных или побежденных ими племен определенной степени самостоятельности» [1958: 57].

Данные обстоятельства заставляют довольно осторожно подходить к выводам о рабовладении у номадов, сделанным на основе письменных источников.

Вероятно, более правы те исследователи, которые считают, что подавляющее число военнопленных занималось земледелием и ремеслом в специально созданных для этого поселениях [Гумилев 1960:147; Руденко 1962:29; Хазанов 1975:143–144; Давыдова 1995: 61]. Однако по социально-экономическому и юридическому положению большинство из этих лиц являлись не рабами. Их статус был близок к статусу данников, с той только разницей, что данничество — это форма внешней, но не внутренней

¹⁰ В этой связи имеет смысл указать на самые принципиальные отличия между понятиями «данничество» и «рабовладение». Во-первых, данничество – вид коллективной, а не индивидуальной зависимости; во-вторых, в отличие от рабов, данники не отстранены от средств производства и сохраняют свою социальную и экономическую структуру; в-третьих, данники и их эксплуататоры не интегрированы в рамках одного этносоциального организма; в-четвертых, положение данников, как правило, намного легче положения рабов [Першиц 1971; 1976; 1994:145 ел.; Хазанов 1975: 158–160]. Следовательно, данничество – это особый, отличный, во всяком случае, от рабства, способ эксплуатации.

эксплуатации. Каким термином можно назвать подобный способ зависимости? Возможно, имеет смысл более широко трактовать дефиницию данничества, понимая под ним не только вид внешней, но форму внутренней эксплуатации (характерную для сложных мультиполитий наподобие Хуннской державы или Киевской Руси) [Крадин 1991:295]. В то же время, может быть, имеет смысл ввести для характеристики подобных отношений особый термин.

Исследование Иволгинского могильника показывает, что погребальный обряд данных этносоциальных групп отличался от хуннского и был в целом более бедным [Давыдова 1982; 1985: 22, 35; Крадин 1999; Kradin, Danilov, Konovalov 2000]. Но в то же время и он не отличался однородностью, что может свидетельствовать о: (1) межэтнической стратификации населения городища, (2) социальных отличиях между иммигрантами (так называемыми *циньца-ми*) [Бичурин 1950а: 78; Материалы 1973: 24] и военнопленными или же (3) различиях между пленниками в первом поколении и потомками угнанного земледельческого населения. Анализ погребальных комплексов может быть дополнен изучением социальной топографии синхронного могильнику городища. Даже визуальный анализ показывает определенные различия в размерах жилищ, их конструктивных особенностях и в найденных в жилищах артефактах [Давыдова 1985: 20].

Археологические данные о социальной структуре

Археологические источники могут существенно дополнить данные письменных источников. Даже визуальный анализ материалов раскопок позволяет сделать вывод о существовании в хуннском обществе нескольких социальных групп. Открытия китайских археологов (например, могильники Алучжайдэн и Сигоупань во Внутренней Монголии) показывают, что еще до образования империи в период «борющихся царств» у хунну существовало несколько социальных групп. На одном полюсе общественной структуры – простые захоронения рядовых номадов. На другом – могилы представителей племенной верхушки, в которых обнаружено большое количество украшений для колесниц, редкое оружие, ювелирные изделия и пластины с высокохудожественными изображениями животных из золота, жезлы, навершия знамен и

пр. [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь 1980; Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь 1980а].

В период расцвета хунну социальное расслоение еще более увеличилось. Интуитивно исследователи выделяли несколько общественных прослоек в хуннском обществе [Коновалов 1985: 45; Миняев 1986: 50]. В Ноин-Уле и Ильмовой пади расположены раскопанные археологами монументальные «царские» и «княжеские» курганы хуннской элиты. И сегодня, спустя два тысячелетия, их внешний вид (особенно после раскопок) не оставляет равнодушным. Но сразу после возведения они выглядели еще более впечатляюще.

Один из подобных курганов был исследован экспедицией П.И. Козлова в 1924—1925 гг. [Козлов 1925; Теплоухов 1925; Ume-hara 1960; Руденко 1962]. Курган представлял собой прямоугольную насыпь высотой более 1,5 м и размерами 14 на 16 м с округлой западиной посередине. С южной стороны от насыпи кургана отходил «шлейф» размером 12 на 5 м. Могильная яма уходила крутыми уступами на глубину 9 м. С южной стороны яма имела более пологий дромос, обрамленный каменной кладкой. Внизу в двух срубах находился гроб, покрытый лаком и росписью. Внутренняя поверхность срубов была задрапирована изысканными шерстяными коврами и шелковыми тканями. Покойного сопровождал богатый погребальный инвентарь [Теплоухов 1925]. Есть основания полагать, что в этом кургане был погребен шаньюй Учжулю, который умер в 13 г. н.э. [Берншгам 1951: 37—38].

Помимо некрополя в Ноин-Уле на территории Монголии имеются и другие курганные могильники хуннской элиты: Хунуй-гол и Солби уул в Архангайском аймаке, Тахилтын хотгор в Ховд аймаке, Дурлиг, Бор Булаг в Хэнтэйском аймаке [Цэвээндорж 1996]. Поскольку традиция возведения таких оригинальных погребальных сооружений не была характерна для хунну более раннего (до-имперского) времени, вполне логичным представляется тезис о заимствовании данной традиции кочевниками с земледельческого юга [Амоголонов, Филиппова и др. 1998].

По своей значимости хуннские Ноинулинские курганы вполне могут быть сопоставимы с так называемыми «царскими» захоронениями других древних кочевников евразийских степей: Алтайскими курганами пазырыкцев-юэчжей, Аржаном и другими курганами уюкской (саглынской) археологической культуры в Туве, захоронениями татарской (динлинской) знати в Минусинской котловине, Бесшатырскими, Салбыкскими, Иссыкскими и Чилик-

тайскими курганами сакского времени в Казахстане, наконец, со скифскими курганами Причерноморья.

На их сооружение привлекалось большое количество людей, требовались грандиозные затраты (в десятки и даже сотни тысяч кубометров земли), возведение курганов растягивалось подчас на длительный период времени (в многие тысячи человеко-дней). Данные монументальные сооружения сопровождались сложной внутренней конструкцией, богатым погребальным инвентарем (как правило, впоследствии разграбленным), обильной тризной и, если судить по письменным источникам, нередко человеческими жертвоприношениями.

Раскопанный экспедицией П.И. Козлова курган шаньюя Учжу-лю не относится к самым крупным. Но даже визуальное сопоставление показывает, что сооружения, подобные этому, находятся в резком контрасте с могилами обычных хуннских скотоводов. Внешне погребения рядовых кочевников представляли округлые или четырехугольные каменные насыпи размером (диаметром) 5–10 м. Глубина могильной ямы обычно была до 3 м. Она заполнялась камнями и землей. Простые скотоводы хоронились в деревянном гробу (или в гробу и срубе). Захоронение сопровождалось отдельными предметами вооружения, сбруи, орудиями труда, украшениями и заупокойной пищей [Доржсурэн 1961; Коновалов 1976; Цэвэндорж 1985; Миняев 1998; и др.]. Низшие общественные группы похоронены в простых ямах, часто вообще без погребального инвентаря.

Для более глубокого изучения социальной структуры целесообразно использовать соответствующие теоретические разработки в данной области. В настоящее время существуют различные методики анализа социальной структуры по данным археологии [Грач 1975; Массой 1976; Алекшин 1986; Бунятян 1981; 1982; 1985; Добролюбский 1982; Михеев 1986; Генинг и др. 1990; Афанасьев 1993; 1993а; Бернабей и др. 1994; Бишони 1994; Васютин 1998; и мн. др.].

В качестве общей методологии для изучения социальной стратификации по археологическим источникам можно принять идею Р. Адамса, восходящую к работам Б. Рассела, согласно которой величина власти обусловлена масштабом контроля над источниками энергии (продуктивные ресурсы, военная добыча, товарооборот и др.), накопителями энергии (склады, у номадов – стада, сокровищницы и пр.) и контролем над перераспределением энергетических потоков [Adams 1975].

Чем выше статус индивида, тем более пышным был опущенный с ним в могилу инвентарь (одежда, украшения, оружие, предметы быта, пища, импортные товары). Однако очень многие так называемые «царские» погребения древних цивилизаций и культур ограблены. По згой причине можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что такой критерий, как количество энергозатрат при возведении погребальных сооружений, как правило, коррелируется с рангом умершего, объемом его власти при жизни и может быть применим для реконструкции социальной структуры архаического общества [Binfrod 1971; Массон 1976: 169; Добролюбский 1978: 113–114; Бунятян 1985: 72–73; Генингидр. 1990:191, 193-194; Афанасьев 1993а: 5; и др.].

Другая важная идея, реализованная, в частности, Т. Ёрлом и некоторыми его коллегами [Earle 1991; 1997], основывается на допущении, что экономическая и политическая власть фиксируется в специфических культурных символах, которые могут быть отражены в археологических данных (особенно в иконографии, монументальном строительстве и в архитектурной планировке). Монументальные сооружения создают специфическое священное пространство, которое символизирует божественный, иррациональный статус земной власти (применительно к хунну так называемые «царские» курганы со всей атрибутикой, включая «дорожку»—«шлейф» в загробный мир). Фокусируя ландшафт «на себя», воплощая «максимальную сакральность» социума, монументальные памятники как бы представляют в опредмеченной форме реальный политической контроль и права собственности на значимые ресурсы. В этой связи представляется важным напомнить весьма плодотворную мысль А. Соутхалла, что именно в символическо-ритуальной монополии элиты на воображаемые средства производства находится ключ к пониманию возникновения «зачаточного» раннего государства [Southall 1991: 78].

Таким образом, погребальный обряд может служить достаточно надежным источником для получения информации о социальной дифференциации в исследуемом обществе. Однако процедуре выделения социальных рангов должен предшествовать половозрастной анализ погребений и останков захороненных. Это обусловлено неравным статусом в обществе мужчин и женщин [Артемова 1993 и др.] (что должно отражаться и в погребальной обрядности), а также существованием в архаическом обществе процедур специфических инициации, без прохождения которых переход в иной, более значимый социальный статус не представлялся возможным.

Ярким свидетельством этого является, например, знаменитое описание Геродотом скифских обычаев:

«Скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех убитых им в сражении относит к царю, потому что принесший голову получает долю захваченной добычи, а не принесший не получает... Ежегодно по разу каждый начальник в своей области приготовляет кратер (лохань) вина, из которой пьют только те скифы, которые умертвили врагов; те, которым не удалось этого сделать, не вкушают этого вина и, как обесчещенные, садятся отдельно; это для них величайший позор. Напротив, те из них, которым удалось убить очень много врагов, получают по два ковша и пьют из обоих разом» [IV, 64, 66].

Некоторые намеки на существование аналогичных обычаев у хунну можно найти в сообщении Сыма Цяня:

«Тот, кто в сражении отрубит голову неприятелю или возьмет его в плен, жалуется одним кубком вина, ему же отдают и захваченную добычу» [Лидай 1958: 18; Бичурин 1950a: 50; Материалы 1968: 41].

Конкретная методика исследования социальной структуры по данным погребального обряда предполагает необходимость проведения ряда последовательных операций:

- 1. Выделение особенностей погребального обряда, составление списка признаков, ввод информации в компьютерную базу данных (для этих целей может быть использована, например, специализированная программа STATISTICA 5.0 for WINDOWS).
  - 2. Выявление факторов, значимых для возрастного деления совокупности.
    - 3. Разделение совокупности на взрослые и детские погребения.
  - 4. Выявление факторов, значимых для полового деления массива взрослых погребений.
    - 5. Разделение совокупности на мужские и женские захоронения.
- 6. Изучение отличий в погребальном обряде в пределах однородных половозрастных групп и интерпретация неопределенных погребений.
- 7. Выявление существенных факторов, связывающих те или иные внутригрупповые кластеры с различными категориями сопроводительного инвентаря.
  - 8. Интерпретация полученных результатов.

Для выявления признаков, значимых для тех или иных половозрастных и общественных групп, целесообразно использовать факторный анализ. Данный метод позволяет обнаруживать скрытые факторы, объясняющие связи между выбранными признаками.

Для вычленения социальных групп внутри однородных половозрастных совокупностей следует применить **кластерный** анализ. Этот метод предназначен для разбиения какого-либо множества на заданное или неизвестное число классов на основании некоторых критериев сходства—различия.

К моменту завершения работы над данной книгой были проведены исследования по изучению социальной структуры хунну Забайкалья, в которых были учтены 342 погребения из четырех наиболее изученных могильников на территории Бурятии: Ильмовая падь, Черемуховая падь, Дэрестуйский Култук, Иволгинский могильник [Крадин 1999; Kradin, Danilov, Konovalov 2000]. Изучение погребальных памятников хунну Забайкалья выявило сложную социальную структуру, наличие иерархической системы рангов, прослеживаемой в различных половозрастных и этнокультурных группах общества.

Мужские погребения разбиваются на резко отличающиеся между собой ранги. Элитные курганы резко противопоставлены захоронениям номадов, имевших более низкий статус. Это три кургана (№ 10, 40, 54), выделившиеся в отдельный кластер комплекса Ильмовая падь. Курганы, как и другие подобные нераскопанные комплексы из могильников Ильмовая падь, Оргойтон, Царам, Хухундэр, были возведены в память высших региональных вождей (темников) и их ближайших родственников. Кто это были — наместники из «золотого рода» Люаньди или же представители других знатных кланов — едва ли на этот вопрос можно будет получить точный ответ. Нельзя отрицать и вероятности, что часть из этих могильников могла принадлежать каким-либо группам элиты, боровшейся за власть в период гражданской войны 60—36 гг. до н.э. или же была оставлена правителями какой-то из групп северных хунну уже после гибели степной империи. Очевидно одно: власть на протяжении двух с лишним столетий переходила из рук в руки, что и отражает наличие на данной территории нескольких разных родовых (клановых) могильников с элитными захоронениями.

Рассматривая дифференциацию внутри неэлитных мужских захоронений, можно говорить как об отличиях в погребальном обряде и разнообразии сопроводительного инвентаря между могильниками в целом, так и об отличиях между отдельными общественными группами (субкластерами погребений). Различия между отдельными курганными могильниками могли быть обусловлены разным статусом племенных и родовых коллективов, воздвигнувших

эти погребальные комплексы, внутриэтнической (межплеменной) спецификой хронологическими отличиями разных этапов истории хунну.

В Ильмовой пади помимо элитных курганов выделены еще две группы, первая из которых несколько богаче, в могильниках Черемуховая падь и Дэрестуйский Култук – несколько групп, примерно сопоставимых по статусу. Возможно, отличия между данными группами отражают характер деятельности захороненных при жизни. Кроме этого, в могильнике Дэрестуйский Култук не удалось интерпретировать пол и возраст захороненных в ряде безынвентарных (потенциально низкоранговых) погребений. В Ивол-гинском грунтовом могильнике выделено четыре общественных ранга. Самый низший — безынвентарные погребения кластера 1. Другие три группы сопровождаются различными категориями инвентаря. Вторая подгруппа (субкластер 2АВ) отличается от первой (субкластер 2АА) дополнительно наличием пояса, а третья (субкластер 2В) от второй — наличием сбруи.

Количество труда, вложенного в захоронения курганных могильников Ильмовая и Черемуховая падь, Дэрестуйский Култук, в целом больше, чем затраты на погребения грунтового Иволгинско-го могильника. Это дает основание предположить, что статус кочевников-скотоводов был выше статуса жителей оседлых земледельческих поселений. Однако, скорее всего, в Хуннской державе существовал достаточно широкий спектр отношений между кочевниками и земледельцами. В кочевой империи могли быть как поселения, заселенные пленниками-рабами, так и населенные пункты, жители которых имели статус полувассальных данников, обязанных поставлять номадам определенное количество земледельческой и ремесленной продукции или даже общины земледельцев, поддерживавшие дружеские экономические и торговые связи с кочевой частью населения степной империи при условии общего военного и политического доминирования кочевников.

Исследование совокупности женских захоронений показывает наличие определенной иерархии у представительниц слабого пола. Интересно, что в общей сложности в 7 из 12 выделенных кластеров (субкластеров) женских захоронений встречаются предметы вооружения. Это подтверждает хорошо известный по письменным и археологическим источникам факт об активном участии женщин в военной жизни номадов [Смирнов 1964: 201; Хазанов 1975: 85– 86; Бунятян 1985: 71; Бойко 1986: 18; Полосьмак 1997: 42; и др.]. В захоронениях наиболее знатного могильника Ильмовой пади

выделяются три социальных ранга: самые «богатые» погребения относятся к субкластеру 1А; более бедные – к кластеру 2; погребения женщин с самым низким статусом – к субкластеру 1В. В женских захоронениях Черемуховой пади (в отличие от мужских) выделено два общественных слоя. Анализ погребений могильника Дэрестуйский Култук не выявил социальной дифференциации. Скорее всего, здесь, как и в случае с мужскими погребениями, захоронения лиц более низкого статуса совершались в безынвентарных могилах, пол погребенных в которых интерпретировать не удалось.

Гораздо более сложная иерархия прослеживается в женских захоронениях Иволгинского могильника. Здесь выявлено пять рангов. Первая группа погребений (1В) безынвентарная, во второй (1АА) встречается только керамика, в третьей (1АВ) появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой (2А) инвентарь становится разнообразнее (в том числе фиксируются пояс, монеты, разнообразные украшения), в пятой (2В) данные признаки становятся массовыми, становится более разнообразной заупокойная тризна.

Как и в погребениях взрослых, в детских захоронениях фиксируется отчетливая разница между курганными (Ильмовая падь, Дэрестуйский Култук) и грунтовыми (Иволгинский могильник) погребальными комплексами. Лучше всего социальная дифференциация прослеживается в Иволгинском могильнике, где совокупность детских погребений распределяется на три группы: безынвентарные погребения (субкластер 2AAB), захоронения с керамикой (субкластер 2AAA), погребения с разнообразным сопроводительным инвентарем (субкластер 2AB). Отдельно следует рассматривать погребения в сосуде кластера 1, которые условно обозначены как «младенческие».

При сопоставлении различных кластеров погребений детей разных могильников выясняется, что по разнообразию сопроводительного инвентаря они могут быть объединены в две группы: (1) безынвентарные и «бедные» погребения Иволгинского могильника (кластер 1, субкластеры 2AAA, 2AAB, 2B); 2) погребения Дэрестуйского Култука и Ильмовой пади, к которым примыкает субкластер 2AB Иволгинского могильника. В целом это дает основание проследить определенную дифференциацию среди захоронений детей, выделение «богатых» и «бедных» погребений. Однако необходимо иметь в виду, что в данном случае разнообразие погребального инвентаря далеко не всегда является отражением

статуса, поскольку ряд погребений детей, возможно, следует связывать с жертвоприношениями [Миняев 1988; 1989а; и др.]. В последнем случае богатство инвентаря, скорее, свидетельство высокого социального статуса погребенных мужчин.

Таким образом, изучение общественной структуры хуннского общества по данным археологии значительно дополняет информацию, полученную из письменных источников. Исследование погребальных комплектов хуннской археологической культуры показывает более глубокий уровень социальной дифференциации, наличие меж- и внутриэтнического (вероятно, опосредованного генеалогией) неравенства, существование большого числа промежуточных статусов и социальных прослоек. По всей видимости, в будущем при значительном расширении источниковой базы можно будет более определенно связать те или иные кластеры погребений с конкретными социальными группами хуннского общества. Возможно (но не обязательно), общественная дифференциация хунну будет подобна структуре скифского общества, в котором исследователи выделяют следующие уровни социальной стратификации: «цари» и высшая кочевая аристократия (0,5%), вожди племен и старейшины (5–6%), зажиточные скотовладельцы (15–20%), простые номады (60–70%), малоимущие группы (6–8%) [Бунятян 1981; 1985; Генинг 1984: табл. I; Генинг и др. 1990: 206 табл. ХХХІ].

Выводы

Таким образом, письменные источники показывают сложный многоярусный характер социальной структуры хуннского общества. На верху общественной пирамиды находился шаньюй и его ближайшие родственники в лице представителей клана Люаньди. Следующую ступень занимали представители других знатных кланов, племенные вожди, служилая знать. Далее располагалась самая массовая социальная группа общества — простые кочевники-скотоводы. Внизу социальной лестницы находились различные неполноправные категории: обедневшие номады, полувассальное оседлое население, военнопленные, занимавшиеся земледелием и ремеслом, рабы.

Насколько жесткой была эта общественная пирамида? Возможно ли было индивиду преодолеть иерархические ступени и повысить свой административный и социальный статус? Исследования по социальной антропологии народов Евразии показывают, что Для кочевниковскотоводов была характерна так называемая гене-

алогическая система родства [Васоп 1958; Krader 1963; Марков 1976; Khazanov 1984/1994; Масанов 1995а; и др.]. Ее значимость применительно к проблеме вертикальной мобильности выражалась в том, что: (1) статус и власть, как правило, передавались внутри одной генеалогической группы в соответствии с принципами старшинства; (2) ни один индивид не мог существовать вне рамок какой-либо кланово-родовой группы; (3) социальный статус конкретного индивида нередко обусловливался статусом его генеалогической группы среди других аналогичных групп. Следовательно, возможности вертикальной мобильности были ограничены местом в социальной генеалогии того или иного кланового подразделения.

Правда, здесь нужно иметь в виду, что все вышесказанное справедливо лишь в отношении стабильного состояния общества. В периоды же потрясений политические карьеры могли совершаться с головокружительной быстротой и вне зависимости от происхождения кандидата. Первоочередным критерием были личные качества индивида и его удача. Можно привести в пример основателя сяньбийской кочевой империи Таньшихуая, который был незаконнорожденным сыном простого воина. Его более поздний последователь Кэбинэн, пытавшийся воссоздать единую сяньбийскую державу, также не был знатного происхождения [Бичурин 1950а: 155; Материалы 1984: 75, 324 прим. 14; Крадин 1993: 28]. Впрочем, это отдельная и весьма непростая проблема.

Все вышеизложенное подтверждается в отношении хунну. Право на престол и все высшие должности (четыре и шесть «рогов») на всем протяжении империи хунну сохранялись за представителями шанью-евого клана Люаньди. И другие высшие ранги в имперской конфедерации (левый и правый гудухоу, титулы других десятитысячников» — вань-ци) закреплялись только за представителями других знатных кланов Хуянь, Сюйбу, Цюлинь, Лань.

Еще сложнее было добиться высокого социального статуса, не входя в перечисленные выше клановые подразделения. Только через личную военную доблесть и преданность правителю можно было повысить свой ранг, однако до известного предела. Другим путем повышения статуса были породнение и последующая инкорпорация в тот или иной аристократический клан. Таким путем попадали в высшую хуннскую элиту знаменитые китайские иммигранты — Вэй Люй, Ли Лин. Впрочем отсутствие источников позволяет нам довольствоваться только предположениями на этот счет.

Правда, в хуннском обществе все-таки прослеживается определенная «межсословная» вертикальная мобильность. Когда Цзи-хоушань взошел в 58 г. до н.э. на престол под именем шаньюя Хуханье, он взял своего старшего брата Хутуусы, жившего «среди простого люда», и поставил его на место левого лули-вана. Следовательно, могло так случиться, что представитель даже королевского рода мог оказаться за пределами элитарных кругов.

За провинности или личные антипатии можно было понизить в должности. Когда правый лиюй-ван Сянь в 10 г. превысил свои полномочия в отношении исключительной монополии шаньюя на получение субсидий в виде «подарков» от Китая, он был вынужден бежать и был произведен Ван Малом в Китае в лжешаньюи. После того как он одумался и через два года вернулся домой, шаньюй разжаловал его в юйсучжичжихоу – очень мелкий ранг. Любопытно, что это не помешало ему в 13 г. стать шаньюем (!), правда, путем политического заговора. После коронации в отместку покойному шаньюю Сянь также понизил законного наследника Би, имевшего ранг хуюя (аналог при шаньюе Учжулю титулу левого сянь-вана) в левого тучи-вана, т.е. левого «мудрого» князя. В эпоху Модэ это был один из наивысших титулов, но на рубеже эр генеалогически более низкий, чем хуюй [Лидай 1958:246, 255–256; Бичурин 1950а: 106, 109; Материалы 1973: 57, 60-61]. Но что интересно, это также не стало помехой для Би, который в дальнейшем стал первым шаньюем Южнохуннской конфедерации. Все-таки королевская кровь - надежный гарант для политической карьеры, независимо от начальной ступеньки, политических интриг и возраста кандидата! Однако дальнейшее зависело от личных качеств кандидата, от того, какие силы его поддерживают, и от того, как он сумеет распорядиться своей властью.

Глава 5. СТРУКТУРА ВЛАСТИ

Пути к власти: шелк и война

Проблема формализации отношений власти неразрывно связана с проблемой происхождения государственности. Следовательно, вызревание и развитие властных механизмов и структур должно рассматриваться в контексте существующих теорий образования государства. Наиболее популярные модели становления государственности включают следующие внутренние и внешние факторы: организационно-управленческие и редистрибутивные обязанности, контроль над средствами производства и значимыми ресурсами, внешний обмен и торговля, идеология, война [Carneiro 1970; Service 1975; Claessen, Skalnik 1978; 1981; Haas 1982; Gailey, Patterson 1988; Годинер 1991; и др.].

Нетрудно заметить, что в целом речь идет о разных сторонах единого процесса монополизации различных общественно полезных функций. В силу занимаемого места в системе управления обществом, владея информацией и ключевыми рычагами в распределении ресурсов, внешних доходов и произведенного прибавочного продукта, правитель и его окружение постепенно начинают использовать свои возможности и статус в соответствии не только с нуждами общества, но и с собственными потребностями и интересами.

Если в оседлом земледельческом обществе основы власти покоились на управлении обществом, контроле и перераспределении прибавочного продукта, то в степном обществе данные факторы не могли обеспечить устойчивый фундамент власти. Прибавочный продукт скотоводческого хозяйства нельзя было эффективно концентрировать и накапливать.

Во-первых, специфика скотоводства предполагает рассеянный (дисперсный) образ существования. Концентрация больших стад

животных в одном месте вела к перевыпасу, чрезмерному вытаптыванию травостоя, увеличению опасности распространения заразных заболеваний животных (об этом см., например: [Беляев 1965: 150–151; Вайнштейн 1972: 72–74; Масанов 1984: 123; 1995a: 122–123; Ямсков 1986:28; Абылхожин 1991:189–190]). Во-вторых, скот нельзя было накапливать до бесконечности, его максимальное количество детерминировалось продуктивностью степного ландшафта. В отличие от материальных богатств скот требовал постоянного ухода и обновления (воспроизводства). В-третьих, независимо от знатности скотовладельца все его стада могли быть уничтожены джутом, засухой или эпизоотией [Lattimore 1940: 328–334]. Наконец, в-четвертых, значительное притеснение мобильных скотоводов со стороны племенного вождя или другого лица, претендующего на личную власть, могло привести к массовой откочевке от него.

В целом роль правителей кочевых обществ во внутренней экономической жизни была очень мала и не могла идти ни в какое сравнение с многочисленными обязанностями правителей оседло-земледельческих обществ. По этой причине можно только согласиться с мнением с Ю.В. Павленко, что

«в условиях частной собственности на скот централизованная организация труда не предопределяет сколько-нибудь существенной (по сравнению с древнеземледельческими обществами) производственной специализации отдельных групп, чей продукт мог бы перераспределяться по каналам редистрибуции. Каждое кочевое производственное объединение (хозяйственная ячейка) достаточно самостоятельно» [1989: 87].

В силу этого власть предводителей степных обществ не могла развиться до формализованного уровня на основе регулярного налогообложения скотоводов, и элита была вынуждена довольствоваться нерегулярными подношениями и сборами [Smith 1967; Irons 1979; Fletcher 1986; Barfleld 1992; и др.].

Правда, необходимо иметь в виду, что в принципе даже в оседло-земледельческих ранних государствах не существовало интегрированной экономической инфраструктуры, а политический контроль центральной власти был минимален. Исследования политантропологов показывают, большинство мероприятий что экономических раннегосударственных обществах хотя и проводилось от имени центральной власти, на практике реальное значение центра было ограничено. Экономика ранних государств была не столько «политической», сколько «моральной». Поэтому важное

значение для функционирования экономики раннегосударствен-ных обществ играли ритуальные церемонии и сакральная деятельность правителя [Claessen, van de Velde 1991].

Что же говорить о кочевниках с их практически автономным пасторальным хозяйством? Здесь вся производственная деятельность осуществлялась внутри семейно-родственных и линиджных групп лишь при эпизодической необходимости трудовой кооперации сегментов подплеменного и племенного уровня [Bacon 1958; Krader 1963; Khazanov 1984/1994; Масанов 1995а; и др.]. Имперский уровень интеграции обеспечивал политическое единство степных племен, международные связи и организацию военных кампаний для захвата добычи у соседних народов и государств [Barneld 1981; 1992; Khazanov 1984/1994; Крадин 1992; и др.]. Следовательно, онжом считать, что внутренняя инфраструктура кочевнических государственных образований была еще менее развитой, а связь между племенной верхушкой и наместниками из центра структурно являлась самой хрупкой частью политического механизма имперской конфедерации.

Механизмом, соединявшим «правительство» степной империи и племенных вождей, были институты престижной экономики. Манипулируя подарками и одаривая ими соратников и вождей племен по мере необходимости, шаньюй увеличивал свое политическое влияние и престиж «щедрого правителя» и одновременно как бы связывал получивших дар «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получая подарки, могли, с одной стороны, удовлетворять личные интересы, а с другой – повышать свой внутриплеменной статус путем раздачи даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от шаньюя дар, реципиент как бы приобретал от него часть сверхъестественной благодати, чем дополнительно способствовал увеличению своего собственного престижа.

Раздачи подарков хорошо отражены в письменных источниках. В частности, они многократно упомянуты в *«Доками ат-Таварих»* Рашид ад-Дина и в сочинениях европейских путешественников, посетивших метрополию Монгольской империи.

«Этот царевич Тэмуджин снимает одетую [на себя] одежду и отдает ее, слезая с лошади, на которой он сидит, и отдает [ее]. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус» [Рашид ад-Дин 19526, кн. 2: 90].

Однако массовыми раздачами занимались не только Чингисхан [Рашид ад-Дин 19526: 233], но и его ближайшие потомки, правившие

империей до ее распада на независимые улусы, Гуюк [там же: 119, 121], Мункэ [Рубрук 1957: 146; Рашид ад-Дин 1960 [Рашид ад-Дин 1946: 67, 100, 190, 215-217], предводители многих кочевых обществ позднего средневековья и раннего нового времени [Рейснер 1954: 324].

В качестве частичной сравнительно-исторической параллели можно сослаться также на ритуализированный обмен дарами между различными социальными стратами монгольского общества в новое время (с той только оговоркой, что монголы в отличие от хунну не получали добычи от *дистанционной* эксплуатации Китая):

«Низшее свободное сословие платило своему нойону чисто номинальную дань, что рассматривалось не столько как экономическое или политическое подчинение, сколько признание своего «младшего» положения перед «старшим» - ханом или нойоном, который принимал подношения и отдаривал младшего какими-либо вещами, скотом, иногда даже крепостными из своего хозяйства. Обмен дарами совершался, как правило, публично, на каком-либо массовом празднике типа Надома нескольких хошунов, и эта публичность в признании зависимого положения в значительной степени компенсировала материальную незначительность даров» [Жуковская 1988: 106].

Редистрибутивные механизмы выступают здесь одновременно как бы в двух ипостасях: как каналы циркуляции реальных ценностей и в то же время как средство развития коммуникативной системы. Надлокальная интеграция стабилизируется, таким образом, через «развитие общественных символов» [Салинз 2000: 174; Johnson, Earle 1987: 322].

Можно предположить, что интеграция племен в имперскую конфедерацию осуществлялась не только посредством символического обмена дарами между вождями различных рангов и ханом. Эту же цель преследовали включение в генеалогическое родство различных скотоводческих групп, разнообразна коллектив мероприятия и церемонии (сезонные съезды вождей и праздники, облавные охоты, возведение монументальных погребальных сооружений и т.д.).

Определенную роль в институционализации власти правителей кочевых обществ играли выполняемые ими функции священных посредников между социумом и Небом (Тэнгри), которые обеспечивали бы покровительство и благоприятствование со стороны потусторонних сил. Согласно религиозным представлениям номадов,

правитель степного общества (шаньюй, каган, хан) олицетворял собой центр социума и в силу своих божественных способностей проводил обряды, которые должны были обеспечивать обществу процветание и стабильность. Эти функции имели для последнего громадное значение, поскольку одним из основных элементов идеологической системы архаических и традиционных обществ была вера в магические свойства сакрального правителя [Krader 1968: 91; Claessen, Skalnik 1978: 555-558; Кочакова 1986: 222; Фрезер 1986:18-19, 85-92,165-168,173-174,255-257, 556; Куб-бель 1988: 77–113; Скальник 1991: 145; Скрынникова 1992; 1997; Бондаренко 1995: 203–231; и мн. др.].

Считалось, что процветание социума зависит от качеств правителя, от его харизмы, от его умения обеспечить благорасположение со стороны Неба и других сверхъестественных сил. Это можно проиллюстрировать примерами из истории номадных политий более позднего времени, в частности, цитатой из *«Алтан тобчи»:* «Когда он (хаган. – *Н.К.)* там жил, то среди народа не было болезней, не было ни падежа скота, ни гололедицы, ни голода» [Лубсан Данзан 1973: 271]. В случае невыполнения правителем своих сакральных функций, если вдруг случался массовый джут, эпизоотия и гибель скота от болезни, то неудачливого вождя могли заменить или даже просто убить. Для возможной аналогии можно привести, например, яркое свидетельство этому из летописи *«Цидань го чжи»*, сообщающее, что у киданей V–IX вв.

«если племена страдали от бедствий и моровых болезней, а скот приходил в упадок, восемь племен собирались на совещание и выставляли знамя и барабан перед следующим дажэ-нем, меняя таким образом князя» [Е Лунли 1979: 311].

В предыдущей главе уже отмечалось, что на хуннских шаньюев также возлагались посреднические обязанности между Небом и Социумом [см., например: Лидай 1958: 17; Бичурин 1950а: 50; Материалы 1968: 40; 1973: 120]. Согласно религиозным представлениям хунну, шаньюй (и только он) олицетворял собой центр социума и в силу своих божественных способностей осуществлял ритуалы, которые должны были обеспечивать обществу процветание и стабильность. Эта деятельность являлась важным фактором сакрализации и укрепления высшей власти.

Однако идеология никогда не являлась доминирующей переменной в балансе различных факторов власти у кочевников. Жизнь степного общества всегда была наполнена реальными тревогами и опасностями, которые требовали от лидера активного участия в их

преодолении. Правитель кочевой империи не мог быть только «Сыном Бога», издалека взирающим на копошащихся у его ног подданных, подобно египетским фараонам или римским и китайским императорам. Поэтому только божественного статуса было мало для сохранения единства пасторального государства. Правитель степного общества обязательно должен был обладать реальными талантами военного предводителя или же талантами организатора (чтобы отыскать способных полководцев), чтобы привести за собой номадов к успеху на поле брани и обеспечить затем своих сподвижников богатствами оседлых народов.

Власть хуннских шаньюев, как и власть правителей других степных империй Евразии, основывалась на внешних источниках [Крадин 1993а: 199–205]. Шаньюй являлся верховным военачальником Хуннской конфедерации и имел монополию на представление державы во внешнеполитических и иных связях с другими странами и народами. В этом плане он являлся посредником, который перераспределял «подарки», дань и полученную во время набегов добычу. В делах же внутренних он обладал гораздо меньшими полномочиями. Большинство политических решений принималось племенными вождями.

Такая же двойственность обнаруживается в экономике империи.

«Имперский уровень правительства финансировался ресурсами, получаемыми из-за пределов степи, без обложения налогами скотоводов в империи. Получение этой «иностранной помощи» силой или мирными средствами было первоочередной обязанностью имперского правительства» [Barfield 1981: 58].

Американский политантрополог весьма точно подметил двойственный характер природы власти шаньюя. Если в военное время могущество правителя Хуннской империи держалось на необходимости руководства военными действиями, то в мирное время его положение определялось его способностями перераспределять китайские подарки и товары.

Он же подробно проанализировал механизм хуннской империальной машины [Barfield 1981: 52–57], который функционировал примерно следующим образом. Шаньюй использовал набеги для получения политической поддержки со стороны племен – членов «имперской конфедерации». Далее, используя угрозы набегов, он вымогал от Хань «подарки» (для раздачи родственникам, вождям племени и дружине) и право на ведение приграничной торговли (для всех подданных).

Из ханьских «подарков» самую большую ценность представлял шелк. Шелк был включен в число так называемых «стратегических» товаров, которые не могли обмениваться на торговых рынках. Шелк можно было получить только в качестве «подарков» китайской администрации, в обмен на так называемую «дань», преподносимую императору Поднебесной. В литературе данные отношения между Китаем и соседними народами, как правило, интерпретируют как особую форму международной торговли, хотя для обозначения данных отношений используется традиционная тенденциозная терминология древнекитайских источников («дань», «данническая торговля» и пр.) [Цзи Юн 1955; Шан Юэ 1959: 78; Matsuda 1967; Думан 1970; Таскин 1975: 154; Крюков и др. 1983: 127; Цай Дунфань 1983; Jagchid, Symons 1989: 115, 121; Хафизова 1995: 119, 126-132; Сюй Тао 1996; и др].

Однако, поскольку речь идет о доиндустриальных обществах, в которых отношения между людьми выступают не в форме товарно-денежных, а личных связей, более правомерно было бы говорить о так называемых реципроктных дарообменных отношениях [подробнее см.: Мосс 1996; Polanyi 1968; Dalton 1971; Plattner 1989; и др.]. С точки зрения рациональных экономических отношений обмен «данью» и «подарками» были совершенно абсурдны, поскольку ответные дары многократно превышали первоначальные подношения.

Шаньюи не баловали китайцев богатыми дарами. В 162 г. Лао-шан прислал ханьскому императору только двух скакунов, которые «с почтением» были приняты [Лидай 1958: 31–32; Бичурин 1950a: 59; Материалы 1968: 47]. Но согласно законам престижной экономики любой дар предусматривал отдаривание. В ответ по договору, заключенному еще Модэ, номады получали шелк, украшенную драгоценностями одежду, вино, рис и иные продукты [Лидай 1958: 19, 29; Бичурин 1950a: 52, 56; Материалы 1968: 42, 44–45]. Подобных примеров из истории отношений Хунну и Хань можно привести немало [Лидай 1958: 219; Бичурин 1950a: 89, 118–119; Материалы 1968: 72-73; 1973: 35; и др.].

Подобный обмен можно еще интерпретировать как специфическую «дань» кочевникам, однако ответные дары ханьцам не могли считаться ни «данью», ни тем более формой международной «торговли». С точки зрения ханьцев, здесь было важно не количество преподнесенных императору даров и даже не их качество (впрочем, чего можно было ожидать от диких неотесанных, не чтящих заповеди Конфуция варваров?!), а сам факт. Раз приносят

«подарки», значит признают Поднебесную центром Мироздания, готовы принять вассалитет и покровительство Сына Неба. С другой стороны, давая «варварам» дары, китайский император выступал в роли Сына Неба, центра Вселенной, тем самым он как бы повышал свой статус в глазах подданных.

Для кочевников значение «подарков» заключалось не только в их объеме (хотя и в нем также), но и в том, что, согласно архаическому мировоззрению, в «даре» содержалась определенная магическая энергия, которая передавалась вместе с ее материальным носителем. Дары ханьского императора не только давали хуннскому шаньюю надежный редистрибутивный рычаг для усиления личной власти, но и параллельно с этим ставили его на более высокую ступень иерархии в сравнении с вождями других кочевых племен и как бы «заряжали» его харизму дополнительной сакральной силой.

Общее количество шелка, которое согласно политике *хэцинь* ежегодно поставлялось в степь, определялось в 10 000 *кусков* [Лидай 1958: 191; Бичурин 1950а: 76; Материалы 1973: 22]. Если исходить из принятой в ханьское время системы измерений, один *кусок (пи)* представлял собой отрез длиной четыре *чжана* (9,24 м) и шириной два *чи* и два *иуня* (50 см) [Loewe 1967: 161; Крюков и др. 1983: 160; У Чэнло 1984: 47, 73; Лубо-Лесниченко 1994: 146]. Исходя из этих данных можно подсчитать, что 10 000 *кусков* равнялось примерно 92 400 м. Известно, что на самый простой мужской халат необходимо было четыре *чжана* ткани, тогда как на халат с прямой и изогнутой полой соответственно 10 и 14 *чжан* [Крюков и др. 1983: 190]. Следовательно, из 10 000 *пи* можно было пошить несколько тысяч шелковых халатов разного покроя.

Даже при самых приблизительных подсчетах очевидно, что этот шелк расходовался на изготовление одежды для шаньюевого двора и на массовые раздачи племенным вождям. До рук простых скотоводов «подарки» не доходили. Не исключено также, что некоторая часть шелка могла быть запущена хуннскими шаньюями в прибыльный внешнеторговый оборот на северной трассе Великого шелкового пути, который начинал функционировать примерно с конца II в. до н.э. [Петров 1995: 37–43].

Возможно, что осознание необходимости чередовать набеги с мирными передышками и торговлей являлись важным фактором стабильности Хуннской державы. Выше уже указывалось, что «подарки» китайских императоров оставались на верхних уровнях общественной пирамиды Хуннской державы. Это подтверждается

и археологическими источниками. Лаковая посуда, как и другие предметы китайского производства, встречаются главным образом в захоронениях хуннской элиты [Руденко 1962:96; Коновалов 1976: 198, 218; Амоголонов, Филиппова 1997]. К подобному выводу приводит и анализ скифских погребальных памятников [Хазанов 1975:243]. Но основное население «имперской конфедерации» также испытывало потребность в получении продукции из земледельческого мира. Номадам был необходим шелк для одежды, зерно и некоторые другие сельскохозяйственные продукты, ремесленные изделия и металл. По этой причине шаньюй был вынужден отстаивать интересы своего народа перед стремящимся к автаркии южным соседом [Lattimore 1940: 478–480] и вымогать право на торговлю, угрожая возобновлением набегов на пограничные провинции Китая.

Таким путем шаньюй мог поддерживать свою власть среди скотоводов, не прибегая к войне или к грабежам. Его роль как посредника между Хань и степняками стала такой же важной, как и его статус верховного военного главнокомандующего. Поэтому хуннские шаньюй тщательно охраняли свою исключительную монополию на осуществление международных политических отношений с Китаем от имени всех племенных федератов степной «империи». Нарушители монополии на осуществление внешней политики шаньюя сурово наказывались. Известен случай, когда в 177 г. до н.э. правый сянь-ван без согласования со ставкой совершил набег на приграничные территории округа Шанцзюнь, за что он был строго наказан. Его послали на опасную войну против юэчжей [Лидай 1958: 28–29; Бичурин 1950а: 54–55; Материалы 1968: 43].

Через 70 лет уже китайцы попытались расшатать монополию хуннского правителя на внешнеполитическую деятельность. По случаю смерти шаньюя Увэя, пользуясь тем, что наследник был молод, они послали не одно посольство с соболезнованиями и дарами, как это было принято, а сразу два: в ставку и правому сянь-вану. Этим ханьцы надеялись вызвать раздоры среди хуннской элиты. Но кочевники строго соблюдали иерархию. По пересечении границы оба посольства были направлены в ставку и там китайское коварство было раскрыто. Шаньюй был очень рассержен и задержал послов у себя [Лидай 1958: 48; Бичурин 1950а: 70; Материалы 1968: 58].

Разумеется, в периоды ослабления единоличной власти шаньюя наиболее влиятельные «князья» также пытались завязывать неофициальные контакты с китайскими дипломатами, и те активно

вступали в такие связи [см., например: Лидай 1958: 204; Бичурин 1950а: 79; Материалы 1973: 24]. Но в целом такая практика была не характерна. Можно согласиться с мнением Т. Барфидца, что в хуннской истории имелось немало случаев, когда соблазненные подарками и титулами вожди дезертировали вместе со своими племенами за Великую стену, но ни один племенной вождь или региональный наместник не имел права самостоятельно контактировать с ханьским правительством и оставаться в рядах степной империи [Barfield 1981: 57].

Еще одним немаловажным фактором усиления личной власти шаньюев являлся их международный статус, особенно признание со стороны правителей «центра мира» – ханьского Китая. Возможно, что известный афоризм «нет пророка в своем отечестве» имеет более универсальное для человеческой психологии значение. Не случайно шаньюи боролись за право считаться равными (или почти равными, как «родственники») Сыну Неба, вести с ним дипломатическую переписку и обмен «подарками» (следовательно, и получение от китайского императора части его харизмы) как с равным, и иметь свои собственные регалии суверенного правителя. Все это если и не ставило шаньюя на одну ступеньку с китайскими императорами, то во всяком случае сильно выделяло его среди своих родственников и других племенных вождей номадов. Поэтому шаньюи так тщательно охраняли свое исключительное право представлять имперскую конфедерацию в отношениях со Срединным государством.

Можно напомнить, как послы Ван Мана в 9 г. н.э. хитростью выманили у шаньюя Учжулю старую печать и заменили ее новой, на которой указывался иной, более низкий статус шаньюя, ненамного отличавшийся от ранга высшей кочевой аристократии. Это вызвало гнев шаньюя и привело через почти полвека мира на степной границе к возобновлению набегов на Китай [Лидай 1958: 45–47; Бичурин 1950a: 103–105; Материалы 1968: 54–56].

Не менее показателен и другой пример. Через два года после распада Хуннской державы в 50 г. шаньюи Южной конфедерации Би получил приказ выслушать императорский указ «склонившись ниц до земли». Вероятно, его авторитет среди сильно разросшейся к тому времени пасторальной элиты был еще не очень высок. Унижение в присутствии подданных еще больше поколебало престиж шаньюя. Это привело к тому, что группа неродственных шаньюю племенных вождей подняла восстание и отделилась от конфедерации. Всего откочевало от южных хунну более 30 000 человек [Лидай 1958: 679–680; Бичурин 1950a: 118; Материалы 1973: 71–72].

Баланс власти: имперский порядок и племена

Было бы не совсем правильным считать, что возникновение кочевой империи представляло собой качественный скачок от племенного общества с сильными родовыми связями к военно-иерархической организации, в которой система традиционных кла-новолиниджных связей была бы заменена личными иерархическими отношениями. На самом деле Хуннская империя была в сущности «племенной империей», в которой новые военно-иерархические отношения не только не сменили сложную систему кланово-племенной генеалогии номадов, а сосуществовали и переплетались с ней. Ситуация усложнялась еще и тем, что в державу были включены не только хуннские племена, но и этнически родственные им группы, а также иноязычные коллективы, что хорошо подтверждается исследованиями по физической антропологии [Алексеев и др. 1987: 225, 236-237].

По этой причине шаньюй и его двор в лице представителей родовитых кланов Люаньди (Сюйляньти), Хуянь, Сюйбу, Цюлинь и Лань являлись носителями высших военных и гражданских титулов в империи, параллельно с этим большинство из них входило в число традиционных вождей племен, которые составляли костяк хуннского этноса. Данное обстоятельство соединяло шаньюя и хуннских племенных вождей системой двойных политических и этнических связей.

В отношениях с другими племенами, входившими в имперскую конфедерацию, шаньюй мог рассчитывать на поддержку своих соплеменников. Часть из 24 высших в империи сановников, носивших титул «темника» (имеются в виду те, которые не были вождями племен «ядра» хуннского этноса), были поставлены во главе особых надплеменных подразделений, объединявших подчиненные или союзнические племена в «тьмы» численностью примерно по 5–10 тыс. воинов. Эти сановники должны были являться опорой политике метрополии на местах. Данные по истории более поздних номадов подтверждают правильность этого тезиса [Бичурин 1834: 132–133; Аполлова 1948: 56; Чернышев 1990: 62; Кляшторный, Султанов 1992: 95–96; и др.].

Местные племенные вожди и старейшины были инкорпорированы в общеимперскую десятичную иерархию. Но их реальная власть держалась на поддержке соплеменников и в известной степени была автономной от политики центра. Возможности влиять на племена со стороны наместников были ограничены. Следовательно,

главная опасность единству империи находилась на уровне, связывающем подчиненные племена и имперских наместников. Данная ситуация осложнялась стремлением иноэтничных кочевых племен и других владений к политической независимости. Таким образом, власть хуннского шаньюя, автократическая в идеальной картине Сыма Цяня, в реальности имела свои ограничения [Barfield 1981: 49; 1992: 38-39].

Перед недовольным политикой центра вождем открывались следующие альтернативы: (1) откочевка со своим племенем от метрополии; (2) побег на юг в Китай; (3) восстание. Это были универсальные способы борьбы со злоупотреблением властью предводителей практически во всех кочевых обществах. Проиллюстрируем их примерами из хуннской истории.

Евразийский степной коридор на востоке упирается в приамурскую тайгу и Манчжурию. Там нет условий для кочевания с многочисленными стадами, да и погоня быстро настигнет любого беглеца. Поэтому в периоды наиболее стабильной власти хуннских шаньюев побеги на восток были нечасты. Иное дело на западе. Здесь степь тянется на многие тысячи километров, и можно откочевать так далеко, что затраты на любую карательную экспедицию будут неоправданны. Не случайно все вынужденные великие переселения кочевых народов в истории Евразии (начало миграции хунну в Европу со II в.; отток жужаней в Венгрию в VI в., уход киданей с Елюем Даши в Восточный Туркестан в XII в., откочевка ойратов в Россию в XVII в.) происходили именно в данном направлении. Правда, и здесь приходилось силой устраиваться на новых землях, поскольку, как правило, они уже были обжиты местными народами. Но это было более приемлемым выбором. Тем более, что обратная дорога уже была отрезана.

Шаньюй-самозванец Чжичжи был старшим братом законного шаньюя Хуханье. Хуханье вытащил его из самых низов (Чжичжи – тогда его звали Хутуусы – как простой пастух пас скот), одарил скотом и другим имуществом и назначил на одну из самых высших должностей в империи – на место левого сянь-вана. Однако вместо пожизненной благодарности Хутуусы затаил в своем сердце измену. Как только представился удобный случай, он предал брата, отделившись от него с левым крылом империи.

Поскольку после измены о мире между братьями не могло быть и речи, как только положение шаньюя-самозванца сильно пошатнулось, он попытался откочевать от метрополии как можно дальше на запад:

«Услышав, что Хуханье стал еще сильнее, он стал опасаться неожиданного нападения [с его стороны], а поэтому хотел уйти подальше. В это время правитель [владения] Канцзюй, постоянно теснимый усунями, стал советоваться с сихоу; они нашли, что сюнну большое государство, которому усуни издавна подчинялись. Ныне, когда шаньюй Чжичжи попал в бедственное положение на чужбине, его следует пригласить и поселить на восточной границе, а затем общими силами захватить [земли] усуней и поставить его управлять ими, что навсегда избавит [Канцзюй] от опасности [нападения] сюнну... Чжичжи уже давно жил в страхе, к тому же он был очень зол на усуней, а поэтому очень обрадовался, услышав о плане правителя [владения] Канцзюй, заключил с ним союз и двинулся во главе войск на запад» [Лидай 1958: 221; Бичурин 1950а: 92–93; Материалы 1973: 38–39].

Его погубили только собственные неумеренные амбиции и чрезмерная жестокость. Рассорившись с Канпоем, Чжичжи потерял союзников и был убит во время штурма его собственной крепости в верховьях Таласа ханьскими войсками [Материалы 1973: 124–134].

Для недовольных хуннских племен гораздо проще было мигрировать на юг в Китай под покровительство Ханьской империи. Китайцы регулярно предлагали в обмен на предательство пышные титулы, диковинные для невзыскательных кочевников предметы туалета и украшения, изысканные продукты. Но в отличие от ухода на запад в последнем случае номадам приходилось расплачиваться своей независимостью. Поэтому можно предположить, что пока устои империи, заложенные Модэ, не были сильно подвержены растлевающему влиянию земледельческой цивилизации, кочевники неохотно изменяли привычному степному образу жизни. Не случайно даже в то время, когда нравы уже не отличались пуританством, на предложение попросить помощи у Китая на правах вассала в борьбе за объединение степи шаньюй Хуханье изначально гневно возразил:

«По своим обычаям сюнну выше всего ставят гордость и силу, а ниже всего исполнение повинностей; они создают государство, сражаясь на коне, и поэтому пользуются влиянием и славятся среди всех народов» [Лидай 1958: 218; Бичурин 1950а: 88; Материалы 1973: 34].

Возможно, один из первых зарегистрированных случаев дезертирства в Китай на высшем уровне относился к 164 г. до н.э. [Сыма Цянь 1984: 616, 630]. Следующий факт побегов группы вождей относится к середине II в. до н.э. [Сыма Цянь 1975: 250; 1984: 630, 632, 634; 1992: 244]. Однако массовые переходы хуннских вождей

на сторону китайцев относятся к периоду войны между номадами и императором У-ди. Они упоминаются в китайских летописях под 129, 128, 126, 125, 124,122, 121, 120, 119, 113 гг. до н.э. [СымаЦянь 1984: 644, 648, 658, 662-669].

Самыми тяжелыми для номадов стали события 126 и 121 гг. до н.э. В том году умер Цзюньчэнь-шаньюй. Его младший брат Ичисе, имевший титул левого лули-вана, неожиданно напал на законного наследника престола Юйданя — старшего сына покойного шань-юя, разбил его и объявил себя шаньюем. Юйдань чудом вырвался из окружения. Возможно, что он был молод и не искушен в жесткой политической борьбе и посчитал, что у него нет союзников. Так или иначе, он не нашел ничего лучшего, как убежать в Китай, где вскорости и умер.

Через пять лет китайский кавалерийский корпус численностью в 10 тыс. всадников напал на кочевья князя Сючу, где южане убили и взяли в плен более 18 тыс. человек. Среди трофеев также оказался золотой идол, который, по словам хрониста, «употреблялся при жертвоприношениях небу». Через несколько месяцев, летом, другой кавалерийский корпус добился еще большего успеха. Кочевники потеряли свыше 30 тыс. человек, в том числе 70 различных племенных вождей.

Шаньюй был взбешен и приказал провинившимся князьям Сючу и Хунье, или Хуньсе немедленно прибыть в ставку, вероятно, с тем, чтобы казнить их. Судя по всему, оба князя догадывались, что их ждет. Поэтому вместо того чтобы выполнить приказание шаньюя, они собрали остатки своих племен и выступили на юг. Во время перехода князь Сючу было заколебался, но был заколот Хунье. В результате этой вопиющей измены кочевники потеряли около 40 тыс. человек, целый фланг был оголен и почти прекратились набеги на несколько ханьских округов [Лидай 1958: 44–45; Бичурин 1950a: 66; Материалы 1968: 53–54; Сыма Цянь 1984: 662-663; 1986: 206-207; 1992: 272, 277].

Помимо прямого переселения на территорию Хань с потерей независимости кочевники практиковали более «мягкий» вариант установления вассально-патронажных связей с Китаем. В 58 г. до н.э. империя распалась на несколько объединений, соперничающих между собой за власть в степи. Через четыре года их осталось только два, возглавляемые шаньюями братьями Хуханье и

¹ Э. Паркер считает, что это не собственные имена князей, а географические названия племен, входивших в состав Хуннской конфедерации [Parker 1892/1893: 118].

Чжичжи. Чжичжи удалось разбить законного шаньюя Хуханье и захватить его ставку.

Приближенные предложили Хуханье принципиально изменить стратегию степной войны и заручиться поддержкой Китая, приняв от него официальный вассалитет. Первоначально такой совет вызвал резкое возражение со стороны шаньюя (см. выше), но левому ичжицы-вану удалось аргументированно показать, что иного выхода у него нет:

«Для могущества и слабости — всему свое время. Ныне [династия] Хань достигла цветущего состояния, а поэтому усуни и все владения, имеющие города, окруженные внешними и внутренними стенами, являются ее слугами; в то же время сюнну, начиная с шаньюя Цзюйдихоу, слабели день ото дня, не могли отомстить [за обиды] и, хотя неуклонно стремились к этому, не имели ни одного спокойного дня. Теперь если мы станем служить Хань — обретем спокойствие и жизнь, не станем служить— подвергнемся опасности и гибели» [Лидай 1958: 281–289; Бичурин 1950a: 88; Материалы 1973: 34–35].

Есть основания полагать, что именно этот шаг явился ведущим фактором успешной политической борьбы Хуханье за гегемонию в монгольской степи. В конечном счете к 36 г. до н.э. Хуханье удалось вытеснить своего брата-самозванца на Запад, и он снова перенес ставку на север и постепенно подчинил все племена метрополии.

Примерно так же поступил через столетие в 48 г. н.э. хуннский правый юцзянь жичжуван Би. Он был сыном шаньюя Учжулю и рассчитывал получить в соответствии с законной очередью право на трон. Однако его обошли родственники по боковой линии. Поскольку Би справедливо опасался, что его могут убрать, он почти перестал ездить в ставку на совещания знати. Данное обстоятельство не ускользнуло от шаньюя и, заподозрив Би в заговоре, он отправил в расположение подчиненных Би племен двух гудухоу в качестве наблюдателей над ним и его войсками. Через некоторое время, во время весеннего «курултая» хуннских вождей в Лунчэне, гудухоу доложили шаньюю о готовящейся измене. Был издан приказ о казни правого юцзянь жичу-вана. Но на счастье Би в шань-юевой юрте находился его младший брат, который после окончания совещания тайно бежал и сообщил заговорщикам о случившемся.

Би был не простым племенным вождем. В его жилах текла «голубая кровь» рода Люаньди (Сюйляньти), а его титул правого юцзянь жичу-вана указывает, что под его властью находились

крупные военные силы империи — восемь «кочевий», которые могли выставить 40–50 тыс. воинов [Лидай 1958: 678; Бичурин 1950а: 117; Материалы 1973: 70]. Источники дают возможность понять место Би и подчиненных ему племен в общеимперской иерархии. Если разделить количество воинов на число «кочевий», то получится, что каждый вождь имел около 4–5 тыс. всадников, что примерно соответствовало должности вань-ци — «темника». Следовательно, по величине вверенных Би военных подразделений его ранг был никак не ниже наместника целого «крыла» империи уровня лули- или сянь-вана.

Показательно, что большинство номадов продолжало оказывать Би поддержку даже в тот момент, когда он оказался в политической опале и откровенно встал на путь государственной измены. Это свидетельствует о том, что племена, как правило, в первую очередь были преданы своему традиционному лидеру и лишь затем были лояльны по отношению к шаньюю и его двору.

Би не бежал на юг как простое частное лицо. Он собрал своих сторонников и, предложив им перекочевать ближе к границе, мигрировал на юг «с изъявлением покорности» Ханьской империи. В том же году Би был возведен вождями союзных ему племен на престол. В качестве исторической преемственности стратегии вассалитета по отношению к Китаю он взял в честь своего выдающегося предка имя Хуханье-шаньюй. С этого времени Хуннская империя окончательно распалась на Северную и Южную конфедерации.

Стратегия откочевки была наиболее простой и типичной формой реакции кочевников на нежелание подчиняться имперскому правительству. Более серьезный социальный протест предполагает нечто большее, чем наличие просто некоторого количества недовольных. Поэтому в сравнении с откочевкой или дезертирством на юг под покровительство Китая восстания были более редкой формой противодействия давлению центра.

Первое восстание, приведшее в конечном счете к гражданской войне, произошло лишь спустя почти полтора столетия после образования империи. В этот период хуннское общество находилось в затяжном кризисе. Ничтожные шаньюи, военные поражения почти на всех фронтах, климатические катастрофы 72/71 и 68 г. до н.э. сильно подорвали экономический и демографический потенциал империи, ослабили политические позиции высшей власти. Китайский хронист сообщает, что

«сюнну совсем обессилели, все зависимые от них владения отложились, и они уже не в состоянии были совершать грабительские

набеги» [Лидай 1958: 207; Бичурин 1950a: 82; Материалы 1973: 28].

Дело дошло до того, что ухуани проникли в Халху, раскопали и осквернили могилу одного из покойных шаньюев [Материалы 1984: 65]. Вот до чего дожили потомки грозного Модэ! На такое сверхдерзкое оскорбление можно решиться, если только полностью уверен в своей безнаказанности.

В стране назревал раскол. Трудно сказать, была ли это борьба между сторонниками «милитаристской» и «пацифистской» партий [Гумилев 1960: 148–149, 154–155], или борьба приверженцев «конфедеративного» и «автократического» путей развития общества [Barfield 1992: 40–41], или же борьба внутри сильно разросшихся кланов кочевой аристократии (и между ними): количество претендентов на ключевые должности в это время значительно превышало число возможных вакансий. Так или иначе, после смерти шаньюя Сюйлюцюаньцзюя в 60 г. до н.э. группе заговорщиков удалось осуществить дворцовый переворот.

Не успели гонцы далеко отъехать от ставки, чтобы разнести по кочевьям трагическую новость и созвать высших князей на внеочередной съезд по выборам нового шаньюя, как оппозиционеры перебили всех членов соперничающей партии, находившихся в ставке, и возвели на престол лидера своей группировки правого сянь-вана Тучитана под титулом шаньюя Уяньцзюйди. Ничего не подозревавшие высшие чины империи по мере прибытия ко двору также были перебиты, и на эти должности были поставлены близкие родственники и надежные друзья нового шаньюя.

Всякая смена власти так или иначе сопровождается определенными административными перестановками. Каждый политический лидер заинтересован, чтобы на ключевых постах располагались его сторонники, помогающие ему в управлении. Это естественное явление. Судя по достаточно безразличному контексту китайской хроники, уставшая страна достаточно индифферентно отнеслась к массовым казням на высшем уровне имперской пирамиды [Гумилев 1960: 159].

Но шаньюй Уяньцзюйди явно перегнул палку в «закручивании гаек». На протяжении трех лет своего правления он творил всяческие безобразия и жестокие репрессии без всякой меры, в том числе и против родственников, чем в конечном счете оттолкнул от себя большинство племен конфедерации. Другой его принципиальной ошибкой стало то, что он посягнул на святая святых — власть племенных вождей в отношении их собственных подданных. Никто

из хуннских шаньюев не претендовал на определенную автономию племен. Даже великий Модэ, в годы правления которого хуннское общество было наиболее автократическим, не посягал на внутренние права своих племенных вождей. Китайский историограф Сыма Цянь однозначно свидетельствует, что несмотря на жесткую иерархию чинов в империи

«каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, дувэев, данху и цецзюев» [Лидай 1958: 17; Бичу-рин 1950a: 49; Материалы 1968: 40].

Только Уяньцзюйди решился на столь рискованный эксперимент. После того как в 59 г. до н.э. умер левый князь юйцзянь, шаньюй решил закрепить освободившуюся должность за своим недавно родившимся сыном. Данное решение вызвало бурю негодования внутри племени юйцзянь (и надо полагать, среди множества сочувствующих других племен империи). По общему согласию старейшины возвели на должность сына умершего вождя и уже под его руководством переселились на восток подальше от метрополии. Карательный экспедиционный корпус силой в одну «тьму» во главе с правым чэнсяном был разбит [Лидай 1958: 209; Бичурин 1950а: 85; Материалы 1973: 31-32].

К следующему году терпение переполнило все границы. Оппозиционеры объявили шаныоем законного наследника престола Цзихоусяня и пошли войной на Уяньцзюйди. Последний остался практически без сторонников, все его войска разбежались. Даже родной брат, занимавший место правого сянь-вана, отказал ему в помощи:

«Ты не любил людей, убивал братьев и знатных, так умри [теперь] сам [там], где находишься, а меня не впутывай в грязное дело» [Лидай 1958: 209; Бичурин 1950a: 86; Материалы 1973: 32].

Тирану не осталось ничего иного, кроме как покончить жизнь самоубийством.

Таким образом, вышеуказанные примеры демонстрируют принципиальное ограничение власти шаньюя в хуннском обществе. Империя Хунну, казавшаяся со стороны незыблемой иерархической пирамидой, на деле являлась в известном смысле достаточно хрупким механизмом. Теоретически шаньюй мог требовать от под-Данных беспрекословного подчинения и издавать любые приказы, однако в реальности его политическое могущество было ограничено рядом объективных обстоятельств: (1) хозяйственная самостоятельность

делала племенных вождей потенциально независимыми от центра; (2) главные источники власти являлись достаточно нестабильными и находились вне степного мира; они были связаны с организацией грабительских войн, перераспределением дани и других внешних субсидий, налаживанием торговли с земледельческими странами; (3) всеобщее вооружение ограничивало возможности политического давления сверху; (4) перед недовольными политикой центра племенными группировками открывались возможности откочевки, дезертирства на юг или восстания.

Поэтому политические связи между племенами и органами управления степной империи не были чисто автократическими. Над-племенная власть сохранялась в Хуннской империи в силу того, что, с одной стороны, членство в конфедерации обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, а с другой стороны, шаньюй и его окружение гарантировали племенам определенную внутреннюю автономию в рамках империи. Попытка шаньюя Уяньцзюйди лишить племена самостоятельности и создать завершенную степную автократию была исключением из правил и привела к полной неудаче. Ни до, ни после этого шаньюй не позволяли себе вмешиваться во внутренние дела племен. Показательно, что даже накануне распада Хуннской империи на Северную и Южную конфедерации шаньюй Юй, опасаясь заговора со стороны Би (будущего Хуханье-шаныоя II), не рискнул заменить его своим наместником, а только послал для надзора над Би и его войсками двух гудухоу.

В то же время политические отношения между племенами и властью нельзя считать чисто консенсусными. Империя Хунну являлась конфедеративной по сути, но она не была простой федерацией надплеменных сегментов. Будучи военным ксенократическим государствоподобным обществом, Хуннская держава всегда нуждалась в централизованной системе управления. Иерархия и единоначалие входили в число принципиальных черт ее политического устройства. Все это в конечном счете обусловило двойственную, противоречивую политику племен в составе империи и явилось важным фактором нестабильности политической системы в целом.

Глава 6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Держава Модэ

Сыма Цянь в 110-м цзюане «Ши цзи» дал подробное описание политической системы кочевой империи Хунну в период ее создания. Он тщательно описывает административно-территориальное разделение державы и подробно перечисляет основные высшие титулы:

«Ставятся левый и правый сянь-ваны; левый и правый лули-ваны; левый и правый дацзян; левый и правый великий дувэй; левый и правый великий данху; левый и правый гудухоу. Сюнну называют мудрого «туци», поэтому старший сын [шаньюя] назначается левым туци-ваном. От левого и правого сянь-ванов до данху, сильных, имеющих десять тысяч всадников, и слабых, имеющих несколько тысяч [всадников], - всего двадцать четыре начальника, для которых установлено звание вань-ци («темник». – *H.К.*). Все сановники (да чэнь) занимают должности по наследству. Три фамилии Хуянь, Лань и позднее появившаяся Сюйбу считаются у сюнну знатными родами. Все князья и военачальники левой стороны живут на восточной стороне против [округа] Шангу и далее, гранича на востоке с Хуйхэ и Чаосянь; князья и военачальники правой стороны живут на западной стороне, против [округа] Шанцзюнь и далее на запад, гранича с юэчжи, ди и цянами; ставка шаньюя располагается против [округов] Дай и Юньчжун. Каждый имеет выделенный участок земли, по которому кочует в поисках травы и воды, причем наиболее крупными владениями располагают левый и правый сянь-ваны и левый и правый луливаны. Левый и правый гудухоу помогают в управлении. Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей (би сяо ван), главных помощников

¹ В цитируемом мной переводе [Лидай 1958: 17] написано так же, как и у В.С. Таскина *хуйхэ* [Материалы 1968: 40]. Однако в переводе Н.Я. Бичурина дан Другой этноним *сумо* [1950a: 49], Н.В. Кюнер исправил его на *вэймо* [1961: 310], а У Б. Уотсона написано *Ниі-тю* [Watson 1961:164]. На этот счет существует общирная библиография. См. прим. 8 к гл. 1.

(сян фан), дувэев, данху и цецзюев» [Лидай 1958: 17; Бичурин 1950a: 48-49; Watson 1961b: 163–164; Материалы 1968: 40; и др.].

Текстологический анализ. Для сравнения воспользуемся переводами отечественных [Бичурин 1950a: 48–49; Материалы 1968: 40; Таскин 1984: 33] и ряда зарубежных [de Groot 1921: 55; Watson 1961b: 163–164] ориенталистов. Для дополнительных комментариев я буду обращаться, в частности, к соответствующим разъяснениям Нобуо Ямады [Yamada 1982: 575-576] и Е.И. Кычанова [1997: 14-19].

Первое отличие касается перевода китайских слов *цзо* (левый) и *ю* (правый). Все, кроме Н.Я. Бичурина, переводят их как «левый» и «правый». У Н.Я. Бичурина они переведены как «восточный» и «западный», но в том смысле, что восточный и есть левый, к тому же более главный. Он делает на этот счет специальную оговорку в примечании к переводу [1950a: 48 прим. 3].

Имеются некоторые различия в переводе важнейших титулов хуннской элиты. Н.Я. Бичурин перевел термин *сянь-ван* как *чжуки-князь*. В.А. Панов высказал предположение, что *чжуки* восходит к тюркскому my2 – знамя [1918: 31–33].

Термин *пули* (другие возможные чтения: *гули*, *юйли*) упоминается в китайско-русском словаре только один раз и только в контексте описания политической системы хунну, ВА. Панов проделал большую работу по исследованию данного термина. Он обнаружил, что иероглифы а? (или *д*\$ и *ли* встречаются в имени *Тунъ-ш-гу*, т.е. Тоньюкук — знаменитого тюркского политического деятеля рубежа VII–VIII вв. Следовательно, иероглиф *пи*, скорее всего, обозначает часть тюркского титула *кук* {*тук*, *туг*). Панов предположил, что первоначальная форма транскрибированного титула могла восходить к тюркскому «кугры», «куры» — «пояс», исходя из чего приставка *пули* могла обозначать «опоясанный» [Панов 1918: 34–37].

Термин *дацзян* переведен Н.Я. Бичуриным как «великий предводитель», В.С. Таскиным как «великий военачальник», Б. Уотсо-ном как «генерал». Последней точки зрения придерживаются Ямада [Yamada 1982: 575] и Е.И. Кычанов [1997: 14]. Похоже переведен на немецкий язык термин де Гротом «Haupt-Heeifuhrer».

Термин *да дувэй* (у Н.Я. Бичурина *дуюй*), от кит. «командовать», обозначающий крупный военный чин (как правило, военачальник округа либо командир рода войск), Б. Уотсон и Ямада и Е.И. Кычанов перевели как «великий командир (начальник)» (chief commandant), а де Грот как «обергенералкоммендант (Ober-Generalkomman-danten).

Термин да данху переведен Б. Уотсоном как «великий управляющий хозяйством» (household administrator), Е.И. Кычановым как «старший начальник над семьями».

Термин *да гудухоу* интерпретирован Б. Уотсоном на английском языке как «маркиз», а Ямадой как «лорд». Не исключено, что это хуннское слово, калькированное китайцами. Есть большая вероятность того, что в оригинале «гуду» восходит к тюркскому *куш* – «поставленный» [Панов 1916: 38–39; 1918: 40].

Следующее принципиальное разночтение касается роли гудухоу. Из переводов В.С. Таскина и Б. Уотсона следует, что гудухоу помогали в управлении шаньюю: «Левый и правый гудухоу помогают [шаньюю] в управлении» [Материалы 1968: 40; Таскин 1984: 33]; «маркизы Гуду помогают шаньюю в управлении» («the Ku-tu marquises assist the *Shan-yū* in the administration of the nation») [Watson 1961b: 163–164]. Такого же понимания текста, кстати, придерживается и Нобуо Ямада [Yamada 1982: 576]. Похожим образом перевел эту фразу и де Грот, хотя он не уточняет, что речь идет о помощи шаньюю [de Groot 1921: 59].

Н.Я. Бичурин переводит этот фрагмент иначе: «Восточный и Западный Чжуки-князья, Восточный и Западный Лули-князья считались самыми сильными владетелями. Восточный и Западный Гуду-хэу были их помощниками в управлении» [1950a: 49]. Разночтения, возможно, связаны с тем, стоит ли в тексте точка. Если нет (как у Бичурина), то предложение о четырех «ванах» оказывается объединенным с текстом о функциях гудухоу в одну смысловую фразу. Если же наоборот, как, например, в использованной мной публикации источника, то переводы Б. Уотсона и В.С. Таскина являются более правильными.

Еще одно важное место касается перечня титулатуры местной племенной знати. Фраза «би сяо ван сян фэн дувэй» в переводах де Грота [de Groot 1921: 59], В.С. Таскина [Материалы 1968: 40; Таскин 1984:33] и Б. Уотсона [Watson 1961b: 4] интерпретируется так, что каждый из «темников» в подчиненных им владениях самостоятельно определяет военачальников (тысячников, сотников и десятников), а также небольших князей (кит. би сяо ван букв, «мелкие князьки»; по Б. Уотсону – subordinate kings, по де Гроту – Unter-konige), главных помощников (кит. сян фэн; по Б. Уотсону – prime ministers, по де Гроту – Reichsverweser), дувэев (по Б. Уотсону – chief commandants, по де Гроту – Generalkommandanten), данху (судя по всему, дословно означает лицо, отвечающее за «двор» (ху) – household administratois) и цецзюев (в китайско-русском словаре данного

термина нет, скорее всего это искаженная транскрипция какого-то хуннского титула).

Н.Я. Бичурин переводит это место иначе: «Каждый из 24 старейшин – для исправления дел поставляет у себя тысячников, сотников, десятников. Низшие князья поставляют у себя Дуюй, Данху и Цзюйкюев» [1950a: 49].

Комментируя эти расхождения, Е.И. Кычанов полагает, что главная проблема заключается в том, где поставить точку (в использованной мной публикации источника вместо точки стоит запятая). Он совершенно справедливо указывает на то, что если принять точку зрения Бичурина, то военно-иерархическая структура, подчиненная вань-ци («темникам»), будет противопоставляться органам управления мелких князей (би сяо ван). Е.И. Кычанов склоняется к трактовке Н.Я. Бичурина. Он также полагает, что при переводе В.С. Таскина «появляется новая должность "главного помощника" (сяньфэн)» [1997: 17–18], которая нигде не фиксируется в китайской номенклатуре.

Интерпретация. Несмотря на то, что данный фрагмент многократно интерпретировался разными исследователями [Панов 1916, 1918; Mori 1950, 1971; Бернштам 1951; Pritsak 1954; Рижский 1959; Гумилев 1960: 71-81; БНМАУ-ын туух 1966: 83-84; Таскин 1973; 1984; Сухбаатар 1973; 1975; 1980; Давыдова 1975; Хазанов 1975: 187-188; Линь Ган 1979; Barfierid 1981; 1992; Yamada 1982; Кляшторный 1986: 314-317; Худяков 1986:49-50; Воробьев 1994:1923—195; Кычанов 1997: 10—25; и др.], имеется много расхождений в его толковании. По этой причине необходимо еще раз обратиться к его анализу.

Из летописи следует, что империя была разделена Модэ на три части: «центр», «левое» и «правое» крылья. Центром управлял сам шаньюй, а руководство крыльями было вверено его наиболее близким и доверенным родственникам. Левым крылом командовал, как правило, старший сын шаньюя – наследник престола.

Шаньюй олицетворял собой единство империи и представлял наивысший уровень административно-политической иерархии. Его «ставка», возможно, располагалась в Восточном Хангае в долине Орхона [Грумм-Гржимайло 1926: 109–110].

Следующий уровень иерархии занимали четыре высших должностных лица: левый и правый сянь-ваны и лули-ваны. Из 24 *вань-ци* (т.е. темников) только они имели высшие княжеские титулы *ванов*. Им, как уже было сказано выше, вменялось управление левым и правым крыльями.

Непосредственно шаньюю подчинялись левый и правый гуду-хоу, которые помогали ему в управлении ставкой империи и племенами собственно метрополии (т.е. «центра»). Далее на иерархической лестнице располагались еще шесть сановников, отнесенных к так называемым «сильным» темникам: левый и правый дацзян (великий военачальник), левый и правый великий дувэй, левый и правый великий данху. Судя по всему, они также управляли теми или иными подразделениями левого и правого крыла. Затем следовали еще 12 так называемых «слабых» темников, титулы которых Сыма Цянь не перечисляет. Они имели в своем подчинении менее 10 тыс. всадников.

В более поздней версии у Фань Е четыре вана и шесть так называемых «сильных» темников обозначены соответственно как четыре и шесть рогов (кит. изяо)² [Лидай 1958: 680; Бичурин 1950а: 119–120; Материалы 1973: 73]. Административное деление на «рога» было характерно и для некоторых других народов Азии [Кычанов 1997: 81]. Вполне возможно, что семантика этой титула-туры (четыре рога — четыре части социума, четыре стороны света, четыре мировых дерева) является отражением хуннской картины мироздания. Рога как зооморфный символ вполне могли являться одним из элементов хуннского Космоса [Акишев А.К. 1984: 28, 35–40, 52, 108–ПО, 155]. Они широко представлены в искусстве хунну [см., например: Коновалов 1976: 136 рис. 101, прил. табл. ХХІ; Давыдова 1985: 108 рис. XV] и других тюрко-монгольских народов [Кочешков 1979: 193–194]. Впрочем, этот вопрос заслуживает отдельного анализа.

Японский исследователь Нобуо Ямада попытался восстановить их титулатуру и реконструировать хуннскую административную систему целиком [Yamada 1982: 576–578]. Он заметил в перечне титулов из «Ши цзи» некоторую закономерность, проявляющуюся в определенном статусном противопоставлении первых четырех сановников степной империи, имевших титулы «ванов» (князей; по автору «королей»), и последующих шести должностей, которых Ямада отнес к военачальникам. Основываясь на данном противопоставлении и, видимо, учитывая широкое распространение у хунну титулов военачальников, дувэев и данху различных уровней, Нобуо Ямада предположил (хотя об этом он сам прямо не пишет), что Сыма Цянь

² В.А. Панов полагает, что семантика рогов восходит к тюркскому титулу *туг* [1918: 30-33].

несколько исказил реальную титула-гуру хуннских предводителей-военачальников.

Далее логика рассуждений японского исследователя выглядит следующим образом. Четыре князя, управляющие крыльями империи на правах соправителей, плюс два гудухоу, руководящие центром, в сумме составляют шесть рангов высшего ранга. Двадцать четыре темника разделить на шесть получится четыре. Следовательно, на одного правителя приходится как раз по три помощника. А это великий военачальник (цзянь), великий дувэй, левый и правый великий данху.

Таким образом, административно-политическая система хунн-ского общества, по Нобуо Ямале, выглядит следующим образом:

левое крыло

левый сянь-ван

великий цзянь, великий дувэй, великий данху *левый лули-ван* великий цзянь, великий дувэй, великий данху

центр

левый гудухоу

великий цзянь, великий дувэй, великий данху

шаньюй

правый гудухоу

великий цзянь, великий дувэй, великий данху

правое крыло

правый сянь-ван

великий цзянь, великий дувэй, великий данху

правый лули-ван

великий цзянь, великий дувэй, великий данху

При всей внешней убедительности данной схемы она не может быть принята. Без ответа остается ряд принципиальных вопросов.

Во-первых, насколько правомерно соотносить титулы великого цзяня, великого дувэя и великого данху с «анонимными» титулами хуннской административной системы, если из *«Ши цзи»* доподлинно известно, что первые относятся к так называемым «сильным», а последние к так называемым «слабым»? Если принять точку зрения Нобуо Ямады, то получится, что в количестве всадников племена ядра метрополии (центра) уступали левому и правому крыльям, что было явно невозможно.

Во-вторых, почему в более позднем описании хуннской политической системы у Фань Е [Лидай 1958: 680; Бичурин 1950a: 119;

[206]

Материалы 1973: 73] перечисляется именно та же первая «десятка» (четыре «рога» плюс шесть «рогов»), но никак не 24 или иное число сановников.

В-третьих, принцип дуальности титулатуры предполагает, что титулов существует всего два: например, левый и правый великий данху (едва ли можно отыскать иные примеры в хуннской истории). Исходя же из Нобуо Ямады, следует, что одних только великих данху было шесть! Но в таком случае они должны были иметь совсем иные, отличные друг от друга титулы: например, *Левый Великий данху* метрополии или *Левый Великий данху* правого крыла. Однако этот вопрос выходит за рамки имеющихся в нашем распоряжении фактов.

Темники (вань-ци) управляли подразделениями центра, левого и правого крыльев. Они, как правило, являлись близкими родственниками шаныоя или членами высших аристократических родов [Pritsak 1954; Mori 1971]. Это дополнительно усиливало иерархические отношения между ними и шаньюем личностными связями. В отличие от центра, в крыльях темники действовали в подчиненных им неродственных племенных группах как имперские наместники и являлись опорой центральной власти на местах. В то же время, поскольку они были оторваны от своих собственных племенных групп, сила их влияния прямо зависела от могущества имперской власти вообще.

Данные 24 ранга не были пожизненными. Это известно хотя бы из того, что шаньюй назначал своего наследника на должность левого сянь-вана. Поэтому один и тот же сановник мог на протяжении своей жизни занимать различные ступеньки в административной иерархии [Лидай 1958: 232–233; Бичурин 1950а: 97–99; Материалы 1973: 44–46].

На низшем уровне административной иерархии находились местные племенные вожди, к числу которых Сыма Цянь отнес тысячников, небольших князей, главных помощников, дувэев, данху, цецзюев и пр. Официально они подчинялись 24 наместникам. Однако на практике их зависимость была ограничена. Ставка находилась достаточно далеко, а местные вожди располагали поддержкой родственных им племенных групп. Поэтому влияние на местную власть имперских наместников было в известной степени ограничено, и они были вынуждены считаться с интересами подчиненных им племен. Каково же было общее число данных племенных групп в пределах Хуннской имперской конфедерации, источникам не известно.

Использование для обозначения командных должностей таких титулов, как «темники», «тысячники», «сотники» и «десятники», придает военно-административной иерархии хуннского общества более жесткий характер, чем это было в действительности. Из вышеприведенной цитаты, например, следует, что из 24 «темников» только 10 самых крупных военачальников имели в своем подчинении реальные 10 тыс. всадников. Остальные 14 «темников», хотя и обладали таким же рангом, однако во время военных действий командовали меньшим числом всадников. Скорее всего, этот вывод можно распространить на военных предводителей и более низких уровней.

Таким образом, данное обстоятельство свидетельствует, что стройный на бумаге «десятичный» порядок в реальности таковым не был. Это подтверждается данными и из более поздней истории кочевников евразийских степей. Так, например, у жужаней хотя и существовало десятичное деление армии, но очень долгое время

«письмен для записей не было, поэтому начальники и вожди приблизительно подсчитывали число воинов, используя при этом овечий помет» [Материалы 1984: 269; см. также: Марков 1976: 45 прим. 45, 312; Крадин 1992: 139–143; Першиц 1994: 160].

Даже в самой централизованной из кочевых империй — Монгольской — ситуация была точно такой же. Чингисхан в период войны с Джамухой имел 13 куреней (по Рашид ад-Дину курень примерно равнялся «тысяче» [История МНР 1983: 125]), которые составляли три «тьмы» [Козин 1941: § 129]. В три «тьмы» должны входить порядка 30 «тысяч», а их имелось всего 13. Не набиралось даже на полторы «тьмы». Впрочем, численность «тысяч» едва ли соответствовала своему названию. Более поздние данные, относящиеся к периоду правления Хубилая, показывают, что количество воинов в тысячах могло быть даже вполовину меньше необходимого [Кычанов 1997: 196]. Можно только согласиться с мнением Ч. Далая, что все эти титулы означали не реальное число подчиненных воинов, а ранг военачальника, его военно-иерархический статус [1983: 57].

Не менее важным представляется и другое обстоятельство. Помимо военных командиров различных рангов в «Ши цзи» упоминаются и «гражданские» титулы вождей и старейшин различных уровней: князья, дувэи, данху и цецзюи и др. Более того, из изложения Сыма Цяня следует, что, во-первых, все «темники» обладали наряду с военными еще и гражданскими административными

титулами (сянь-ваны, лули-ваны, дувэи; великие данху и т.д.), а во-вторых, на низших уровнях система военных званий (тысячники, сотники и десятники) параллельно сосуществовала с родопле-менной системой традиционных титулов (князья, данху, цецзюи). Последняя, кстати, также включала ряд должностей, изначально связанных с военными функциями (например, дувэй). В конечном счете,

«это давало империи Хунну две системы рангов, причем каждая имела отличные функции. Система недесятичных рангов использовалась для политической администрации племен и территорий в пределах империи, которые включали группы многих размеров. Система десятичных рангов использовалась во время войны, когда большое количество воинов из разных частей степи объединялись вместе в единую командную систему» [Barfield 1992: 38].

Данная система имела своей целью создание из аморфного конгломерата племен и племенных групп мобильной, четко организованной *ксенократической* империи. Однако переход к более централизованному, надплеменному состоянию не означал разложения родовых и племенных связей. Традиционная племенная система иерархии всегда сосуществовала с системой военных рангов.

Для подобной сложной политической системы можно использовать предложенный А.В. Коротаевым термин *«мулыпиполития»*, имея в виду, что *политией* является любая (по структурной сложности) автономная политическая единица. В таком случае *мулыпи-политию* можно дефинировать как

«высокоинтегрированную систему, состоящую из разнородных политий (скажем, из государства и вождеств или государства и племен)» [1998: 32].

Ксенократическая мультиполития хунну имела одновременно признаки и государства, и предгосударственного общества. Ее государственный характер («узаконенное насилие») ярко проявляется в отношениях с внешним миром (организация для изъятия прибавочного продукта у соседей; организация для сдерживания давления извне; специфический церемониал во внешнеполитических отношениях). Однако во внутренних отношениях кочевые «государства» (за исключением некоторых вполне объяснимых случаев) основаны на ненасильственных (консенсуальных и дарообменных) связях; правитель кочевого общества не обладает монополией на применение насилия.

Косвенным показателем этого может служить отсутствие в Хуннской империи эксплуатации основного населения посредством

взимания налогов. Несомненно, в хуннском обществе существовала сложная сеть горизонтальных и вертикальных распределительных отношений. Шаньюй периодически получал от своих подданных богатые подношения. Однако было бы неправильно рассматривать их как эксплуатацию. Все подаренное, а также все военные трофеи и все богатые подарки китайских императоров снова раздаривались шаньюем для повышения собственного престижа и власти в обществе [Barfield 1981: 56].

Такая практика не могла не вызвать удивления у просвещенного китайца Чжунхана Юэ, и он искренне пытался увеличить благосостояние шаныоя путем организации в Хуннской державе делопроизводства по китайскому образцу. Он посоветовал сыну шаньюя Модэ Лаошану «вести записи для подсчета и обложения налогом населения и скота» [Лидай 1958: 30; Бичурин 1950а: 58; Материалы 1968: 45]. Однако китайская система в принципе не могла привиться в кочевом обществе с его развитой дарообменной сетью, и сами хунну подчеркивали [Лидай 1958: 218; Материалы 1973: 34] это отличие от южан (более удачливым оказался впоследствии знаменитый соратник Чингисхана и Угэдэя Елюй Чуцай, но его предложение касалось обложения налогами оседлых китайцев). Нет никаких данных, насколько глубоко китайское делопроизводство вошло в жизнь хуннской «ставки» при Лаошан-шаньюе, но твердо известно, что, например, спустя 150 лет при правлении Ван Мана ближайшее окружение шаньюя не могло прочитать китайских иероглифов [Лидай 1958: 244–245: Бичурин 1950а: 103– 104; Материалы 1973: 54–55]. В описании политической системы южных хунну определенно сказано, что в административной и юридической практике номады не вели никакой документации [Parker 1894/1895: 258; Лидай 1958: 680; Бичурин 1950a: 120; Материалы 1973: Данные обстоятельства больше свидетельствуют о негосударственной природе перераспределительных отношений у хунну, чем о бюрократическом аппарате власти, поскольку для последнего характерны точный учет и контроль государственного бюджета.

Помимо многоуровневой военно-иерархической системы, переплетавшейся со столь же сложной иерархией родов, племен и

В первой главе я уже писал, что есть соблазн видеть аналогии этому факту в легенде об Огуз-хане [Радлов 1893: 38; Рашид-ад Дин 1952а: 87]. Интересно, что преобразования эпического «двойника» Чжунхана Юэ проводились в соответствии с традицией степного общества. Игит-Иркыл-Ходжа не вводил налоги. Напротив, он упорядочил механизмы раздачи [Рашид-ад Дин 1952а: 87–89].

племенных группировок, входивших в состав империи, существовали и специальные органы управления «ставкой» шаньюя и «ставками» других носителей крупных административных рангов державы. К сожалению, летописные источники не дают практически никаких сведений о составе «аппарата» управления «ставки» и обязанностях функционеров. Можно только предполагать, что данным лицам были поручены: (1) охрана личности шаньюя и его родственников, находившихся при «ставке»; (2) помощь в организации управления державой (гонцы, послы и тд.); (3) хозяйственная жизнь «ставки» (стол правителя, его быт и развлечения, подготовка и проведение традиционных совещаний хуннской элиты, встреча иностранных делегаций, организация сезонных перекочевок «ставки»); (4) контроль над выпасом стад шаньюя и пр.

Частично обязанности данных функционеров могут быть прослежены на материалах тюркского героического эпоса, что было сделано В.В. Трепавловым [1989: 158–162]. К пониманию «эмбриональных» органов власти хуннской ставки также может приблизить аналогия со ставкой молодого Чингисхана, подробно описанная в § 124 «Тайной истории монголов*. Его «аппарат» состоял всего из 26 нукеров. Двенадцать из них выполняли военные обязанности: четыре человека были назначены «лучниками»; еще четверо были назначены «мечниками», которым параллельно вменялись полицейско-кара-тельнью функции; третья четверка получила назначения разведчиков и гонцов. Другой группе дружинников (И человек) были вверены хозяйственные обязанности. Трое были назначены заведовать ханским столом. Еще трое получили назначение следить за выпасом лошадей, а один — за овцами. Еще два человека выполняли обязанности конюших, один управлял слугами и домашними рабами и, наконец, еще один руководил организацией перекочевки ханской ставки. Во главе этих органов управления стояла тройка ближайших сподвижников Чингисхана: Боорчу, Чжельме и Субутай [Козин 1941: 108-110].

Вне всякого сомнения, аппарат «ставки» (ставка, как правило, обозначается в хрониках китайским термином *тин* — «дворцовое помещение») хуннских шаньюев был многочисленнее и, возможно, более правомерной была бы аналогия с империей Чингисхана образца 1206 г. Скорее всего, в хуннской «ставке» были люди, отвечающие за те или иные разнообразные административно-хозяйственные обязанности, существовал достаточно разработанный этикет поведения. Это подтверждается упоминанием в источниках о специальных должностных лицах, обозначенных китайскими

хронистами в привычных для них терминах, как «старший делопроизводитель ставки» (в другом переводе «правитель дел») [Лидай 1958: 191; Бичурин 1950а: 76; Материалы 1973: 21], специальном человеке, ведающем такой достаточно редкой обязанностью, как прием иностранных послов [Лидай 1958: 46–47; Бичурин 1950а: 68; Материалы 1968: 56].

После описания административной системы Хуннской империи Сыма Цянь дает интересные сведения относительно еще одного органа высшей власти – периодических съездов кочевой аристократии:

«В 1-й луне [каждого] года все начальники съезжаются на малое собрание в ставку шаньюя и приносят жертвы. В 5-й луне съезжаются на большое собрание в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество людей и домашнего скота» [Лидай 1958: 17; de Groot 1921: 59–60; Бичурин 1950а: 49–50; Материалы 1968: 40].

Из данного отрывка явствует, что система управления Хуннской империей функционировала в соответствии с годичным природным циклом. Смена времен года определяла время для проведения периодических совещаний руководителей сегментов степной империи, главных религиозно-магических празднеств державы. В основе данного явления лежали характерные для архаических и традиционных обществ циклические представления о времени, неразделимости человека и природной среды, вера в сверхъестественные силы и существование космического порядка. Считалось, что существование социума зависело от поддержания этого порядка, для чего правителю общества и его особым помощникам (шаманам, жрецам и пр.), обладавшим магическими способностями, периодически было необходимо проводить специализированные обряды и ритуалы по поддержанию равновесия и стабильности между миром людей и миром богов [Krader 1968: 91; Claessen, Skalnik 1978: 555-558; Кочакова 1986: 222; Фрезер 1986: 18-19, 85-92, 165-168, 173-174, 255-7, 556; Куббель 1988: 77-113; Скальник 1991: 145; Скрынникова 1994; 1997; Бондаренко 1995: 203-231; и др.].

Намио Эгами [Egami 1948: 225–279] проделал скрупулезный анализ вышеприведенной цитаты и предложил следующую интерпретацию. Месяцы май и сентябрь были выбраны кочевниками не случайно (здесь нужно сделать поправку на лунный календарь). Эти два времени года соответствуют наиболее важным периодам в

годовом цикле воспроизводственной деятельности номадов Евразии. Именно в мае трава начинает зеленеть после зимней стужи, и скотоводы, как правило, к этому времени уже перекочевывают на летние пастбища. Известно, что сяньбийцы также устраивали в мае массовые праздники, на которых вырабатывали и принимали важнейшие коллективные решения, устраивали обряды и брачные церемонии [Материалы 1984: 70, 329]. Невольно так и напрашивается параллель с монгольским национальным праздником *Надом* [Жуковская 1988: 59-68].

В середине сентября трава начинает вянуть, у номадов приближаются хлопоты по стрижке овец, изготовлению войлока и кож, отелу, забою скота и заготовке продуктов впрок, подготовке к суровым зимним кочевкам. У многих кочевых народов (например, у монголов) как раз с даты осеннего равноденствия начинался новый год. Не случайно именно к этому времени были приурочены массовые проверки количества кочевников и скота. Вероятно, именно на сентябрьских совещаниях хуннской элиты проверялась боеготовность племен конфедерации, вырабатывалась военная и политическая стратегия в отношении Китая и других соседей на осенне-зимнее время.

Зимнее собрание Намио Эгами [Egami 1948: 227–244] и Нобуо Ямада [Yamada 1982: 579 note 6] связывают с влиянием Китая – наступлением Нового года по китайскому календарю. Однако Сыма Цянь четко проводит разницу между весенним и осенним съездами, которые он называет «большими», и зимним совещанием, которое называет «малым». Следовательно, зимний праздник никак не мог быть новогодним. Вероятнее всего, хунну отмечали наступление Нового года в сентябре.

Поэтому в январских совещаниях хунну, скорее всего, можно увидеть определенную аналогию традиционному монгольскому празднику *Цагаан-сар* («Белый месяц»), который существовал еще в доимперские времена и только при Хубилае по китайскому образцу получил статус Нового года [Банзаров 1955; Жуковская 1988: 50-59].

Ямада полагает, что данные «съезды» являлись лишь традиционными племенными праздниками, на которые собирались только члены клана Люаньди и их соплеменники. Главная цель этих мероприятий заключалась в поддержании этнического единства племени [Yamada 1982: 579]. Это правильно, поскольку аналогичные ритуалы, известные у средневековых монголов, выполняли стабилизирующие функции по установлению и/или поддержанию традиционного

миропорядка [Скрынникова 1994: 24–26]. Но только этим функции данных мероприятий не ограничивались. Более поздняя информация из «Хоу Хань шу» сообщает, что на «съезды» собирались представители всех племен и структурных подразделений империи. Они не только приносили жертвы и веселились, но и обсуждали важные вопросы внешней и внутриполитической стратегии.

«Используя жертвоприношения, [сюнну] собирали все кочевья, обсуждали государственные дела и устраивали развлечения — скачки лошадей и бег верблюдов» [Лидай 1958: 680; Бичурин 1950a: 119; Материалы 1973: 73].

Больше всего данные мероприятия напоминают монгольские *курултаи* и аналогичные им собрания элиты у других народов Центральной Азии (см., например: [Таскин 1984: 25; Fletcher 1986: 26-27, 45-47; Franke 1987: 104-107; Barfield 1992: 208-210, 215–217; Скрынникова 1994: 13, 19-20, 24-26; 1997: 108; и др.]).

При Модэ зимний и весенний праздники отмечались в Лунчэне, а Новый год праздновался в Дайлине. С течением времени произошли определенные изменения. Спустя два с лишним века Фань Е отмечает, что южные хунну все три раза в год собирались в Лунчэне:

«Сюнну согласно обычаю три раза в год совершали жертвоприношения в Лунчэне, где всегда в первой, пятой и девятой луне в день у приносили жертвы духу неба. После того как южный шаньюй изъявил покорность [Хань], стали совершаться еще жертвоприношения ханьскому императору. Используя жертвоприношения, [сюнну] собирали все кочевья, обсуждали государственные дела и устраивали бег верблюдов» [Лидай 1958: 680; de Groot 1921: 59–60; Бичурин 1950a: 119; Материалы 1973: 73].

Относительно того, существовал ли реально *Лунчэн* («город или храм дракона») или же это было искаженное китайцами название места традиционного сбора кочевников «три драконовых жертвоприношения»), однозначного мнения нет. Лунчэн, по мнению На-мио Эгами [Egami 1848: 225–279], можно перевести как ветви деревьев, воткнутые в землю или в камни – нечто подобное современному *обо*.

Похожую точку зрения высказал и Ван Вэймао [1983]. Он полагает, что Лунчэн не был конкретным населенным пунктом, а представлял место, в которое собирались хунну для совещания, совершения религиозных церемоний и иных нужд. Эти места постоянно менялись. Первоначально Лунчэн, по мнению Ван Вэй-мао,

мог находиться во Внутренней Монголии. После вытеснения кочевников за Гоби он был перенесен в центр Монголии на западный берег Орхона. В этом месте сохранились следы древнего городища. Однако монгольские исследователи настаивают на отождествлении Лунчэна (монг.: Луут хот) с конкретным населенным пунктом и помещают его примерно в то же самое место неподалеку от Орхона между 47 и 48° с.ш. [БНМАУ-ын туух 1966: 94; ср.: История МНР 1983: 98], а китайский историк Ма Чаншоу располагает Лунчэн на противоположном берегу Орхона неподалеку от озера Хэшочойдамуху [1962: 55].

Власть шаньюя, высших военачальников и племенных вождей на местах поддерживалась строгими, но простыми законами. Относительно правовой системы хуннского общества сведения очень немногочисленны. Они сконцентрированы в одной фразе Сыма Цяня:

«По существующим среди них законам, извлекший [из ножен] меч на один фут подлежит смерти; у виновного в краже конфискуется семья; совершивший легкое преступление наказывается ударами палкой; совершивший тяжелое преступление предается смерти. Самый продолжительный срок заключения в тюрьме — не более десяти дней, и во всем государстве число заключенных не превышает несколько человек» [Лидай 1958: 17; de Groot 1921: 60; Бичурин 1950a: 50; Материалы 1968: 40; Yamada 1982: 580].

В комментариях к 110-й главе «Ши цзю В.С. Таскин провел обоснованные параллели с правом средневековых киданей и монголов [см. Материалы 1968: 134–135 прим. 101–104]. Определенные аналогии можно зафиксировать в традиционном праве ухуаней [Материалы 1984: 63–65, 328], тюрков [Бичурин 1950а: 230], кыргызов [там же: 353], отчасти монголовкочевников более позднего времени [см., например: Рязановский 1923:43–114; Насилов 1986: 172–179], хотя необходимо отметить: (1) в целом более мягкий характер карательных норм позднемонгольского права и (2) отсутствие по непонятным причинам в «Ши цзи* упоминания о самом распространенном наказании у кочевников – имущественном штрафе (главным образом скотом).

Интересно упоминание Сыма Цяня о «тюрьмах» у хунну. Такой глубокий знаток права кочевых народов, как В А. Рязановский, отмечал, что заключение под стражу у номадов обычно применяется очень редко, поскольку такой метод наказания противоречит их подвижному образу жизни [1923: 70]. В то же время, по-видимому, данный институт власти все-таки у хунну существовал (например,

при «ставке» шаньюя для содержания преступников до вынесения приговора). Есть упоминание о «тюрьме-юрте» у жужаней [Ханд-сурэн 1993: 97]. Возможно, определенное представление о том, что могло из себя представлять такое «заведение», может дать описание монгольской «тюрьмы», сделанное одним из русских путешественников начала XX в.

«Это была простая монгольская юрта, в которой содержалось несколько оборванцев, закованных в железные цепи неимоверной толщины и тяжести. Так как у монгол, ввиду особенностей их кочевого быта, мало помещений, приспособленных к запиранию, то арестованные, во избежание бегства, приковываются к юртам цепями, иногда настолько длинными, что арестант пользуется довольно большой свободой передвижения вне юрты. Мне случалось видеть даже такие случаи, когда арестанты не приковывались цепями к определенному месту, а имели эти цепи на себе, обмотанные вокруг шеи, плеч и груди; тяжесть цепей и стеснительность движений с ними является в этих случаях, по-видимому, достаточным ручательством невозможности побега» [Новицкий 1911: 114].

Подобные «тюрьмы» существовали у и у других кочевых народов, например, у арабов и туарегов [Першиц 1968: 350; 1994: 151].

Кроме того, с аналогичными целями заключенного могли посадить в яму [Материалы 1973: 103].

В целом наказания хунну были «просты и легко осуществимы»: смерть, ссылка и палка. В.С. Таскиным в вышеупомянутых комментариях к сочинению Сыма Цяня было отмечено сходство с системой наказаний, предусмотренных *Ясой* Чингисхана [Материалы 1968: 135 прим. 104]. И в первом, и во втором случаях это давало возможность быстро разрешать на разных уровнях иерархической пирамиды конфликтные ситуации и сохранять стабильность политической системы в целом. Не случайно для китайцев, с детства привыкших к громоздкой и неповоротливой бюрократической машине, система управления Хуннской конфедерации казалось предельно простой: «управление целым государством подобно управлению своим телом» [Лидай 1958:31; Бичурин 1950a: 58; Материалы 1968: 46].

От империи к конфедерации

Стройная система рангов, разработанная при Модэ, не сохранилась в дальнейшем. Впрочем, она и не могла сохраниться. Это связано с тем, что в силу традиционной для кочевой аристократии практики

полигамии воспроизводство элиты в кочевых империях осуществлялось едва ли не в геометрической прогрессии. Разумеется, право на наследование положения и основного имущества имели не все потомки, а, как правило, сыновья от главной жены. Остальные наследовали только достаточно высокий статус (скорее всего, в соответствии с принципом конического клана). Однако это не исключало всех наследников из генеалогической иерархии. К тому же всегда встречались исключения для любимчиков или детей от молодых любимых жен. Что же касается многочисленных близких и дальних родственников шаньюя, то в их жилах текла голубая «королевская» кровь и все члены рода Люаньди без исключения имели право претендовать на место под солнцем в хуннской социальной лестнице.

Иными словами, возможности обеспечить всех достаточным количеством подчиненных людей и скота были небезграничны. Количество претендентов на различные вакансии стало резко превышать число имеющихся должностей. У нас нет точных данных о том, когда диспропорция стала наиболее ощутимой. Имеющиеся в распоряжении исследователей источники не позволяют воссоздать полную картину всех изменений. Однако представляется возможным указать на масштаб, этапы и наиболее важные последствия изменений. С известной долей вероятности можно предполагать, что начало данного процесса приходится примерно на рубеж II и I вв. до н.э. Именно с этого времени в китайских летописях появляются упоминания о новых титулах кочевой аристократии хунну. Наиболее часто встречаются из них следующие.

Жичжу-ван (известен с 96 г. до н.э.) — специальный титул высшей знати, который по статусу одно время считался вторым по значимости после титула левого сянь-вана (т.е. наследника престола). Жичжу-ван управлял большим объединением кочевых племен и одновременно являлся крупным военачальником.

История появления данного титула такова. В 96 г. до н.э. умер шаньюй Цзюйди-хоу. Наследник престола левый сянь-ван по неясным причинам не явился в ставку на выборы, и на трон был возведен младший сын покойного шаньюя. Однако узнав, что его старший брат в полном здравии, он благородно отказался от трона в пользу законного наследника. Левый сяньван сначала было отказался, но братья порешили на том, что если старший из братьев вдруг умрет, то трон наследует младший.

После того как новоиспеченный шаньюй короновался под именем Хулугу-шаныой, он согласно ранее принятой договоренности

произвел младшего брата в левые сянь-ваны. Однако судьба распорядилась по-своему. Первым умер младший из сыновей шаньюя Цзюйди-хоу. Должность левого *сянь-вана* перешла к старшему сыну царствовавшего шаньюя Хулугу, а сын покойного брата шаньюя был объявлен князем жичжу [Лидай 1958: 189–190, 209; Бичурин 1950a: 74-75, 85; Материалы 1973: 19-20, 31].

Возможно, что введением данного титула шаньюй Хулугу попытался придать особый статус линиджу своего младшего брата, оказавшего ему поистине царскую услугу. Однако новый титул закрепился в иерархии. В 58 г. до н.э. князь жичжу был вынужден временно бежать в Китай и шаньюй-тиран Сюйлюйцюаньцзюй пожаловал этот титул своему брату Босюйтану. К 31 г. до н.э. уже были введены должности левого и правого жичжу-ванов. Данный титул перечисляется Фань Е в описании политической системы южных хунну. Однако в иерархии Южнохуннской конфедерации левый и правый жичжу-ваны располагались ниже уже не только обоих сянь-ванов, но и лули-ванов, занимая 5–6 ступеньки в хуннской пирамиде власти [Лидай 1958: 680; Бичурин 1950a: 120; Материалы 1973:73]. Тем не менее их статус был достаточно высок. Е.И. Кычанов приводит сведения об управлении жичжу-ванами земледельческих территорий в Западном крае [1997: 37]. В более поздние времена титул жичжу-вана вообще не упоминается среди хуннской элиты. Упоминаются только звания левого и правого жичжу, которые по традиции получали представители второго по знатности хуннского клана Хуянь. Статус жичжу был подобен положению гудухоу при Модэ [Материалы 1989: 152–153].

Левый и правый ичжицы-ван (упоминается с 100 г. до н.э. по 10 г. н.э.) — титул, дававшийся крупным сановникам, которые входили в состав «королевского» совета, руководили крупными воинскими подразделениями. Именно левый *ичжицы-ван* представил шаньюю Хуханье в 53 г. до н.э. знаменитый план принятия вассалитета от Хань, который обеспечил шаньюю победу в гражданской войне.

Левый и правый хучжи-ван (упоминается под 91 г. до н.э.) — титул, дававшийся военачальнику, имевшему в подчинении несколько тысяч воинов. Возможно, что его носитель также входил в число «темников» [Лидай 1958: 190; Материалы 1973: 20].

Левый (и правый?) старший цзюйцзюй (упоминается в летописях с 68 г. до н.э. по 88 г. н.э.) — титул крупного сановника, руководившего большим воинским подразделением численностью не менее чем в «тьму» и входившего в состав высшего совещательного органа при шаньюе. Судя по названию должности, должен был быть

еще и правый *цзюйцзюй*. Приставка «старший» позволяет предположить, что помимо старших *цецзюев* имелись еще и простые цец-зюи. Во всяком случае, так было в более позднее время (в III в. н.э.) [Материалы 1989: 153].

Известно также, что до 68 г. до н.э. дочь старшего *цецзюя* была *чжуаньцзюй яньчжи* шаньюя Хуяньти. Возможно, последнее обстоятельство указывает, что данный титул давался в том числе и крупным сановникам, не принадлежащим к роду Люаньди [Лидай 1958: 207, 691, 693; Материалы 1973: 29, 79, 82]. Под 94 г. н.э. упоминается левый великий цецзюй [Лидай 1958: 129; Материалы 1973: 86]. Скорее всего, это тот же самый титул.

Левый и правый юйцзянь-ван (упоминается под 64 и 57 гг. до н.э.) — титул военачальника, руководившего армейским подразделением уровня «тьмы». В 57 г. до н.э. носивший титул правого юйцзянь-вана объявил себя шаньюем Чэли [Лидай 1958: 208; Материалы 1973: 30].

Сюсюнь-ван (упоминается около 55 г. до н.э.). Относительно его обладателей известно только то, что один из них принадлежал к роду Люаньди и в вышеупомянутом году во время гражданской войны он объявил себя шаньюем Жунчжэном. Через год он погиб в сражении против шаньюя Хуханье [Лидай 1958: 218; Материалы 1973: 34].

Ти-ван (упоминается около 60 г. до н.э.). Его носитель был послан послом в Хань [Лидай 1958: 208; Бичурин 1950a: 84; Материалы 1973: 30].

Хэсу-ван, или князь Хэсу (упоминается в 60 г. до н.э.). Под данным годом в «Хань шу* сообщается, что этот титул носил князь Синвэйян, который после смерти шаньюя Сюйлюйцюаньцзюя взял на себя управление ставкой и разослал гонцов за членами рода Люаньди, чтобы собрать их на выборы нового правителя Хуннской державы (несколько позже в результате дворцового переворота он был убит). Таким образом, обладатели данного титула, возможно, принадлежали к роду шаньюя и занимались управлением [Лидай 1958: 208; Бичурин 1950а: 84; Материалы 1973: 30].

Иньцюжо-ван, или хулючжо-ван (упоминается около 60 г. до н.э.). Данный титул носил брат шаньюя узурпатора Уяньцзюйди по имени Шэнчжи. Он был направлен во главе посольства в Хань [Лидай 1958: 208; Материалы 1973: 31 прим. 36].

Левый (?) и правый чэнсян (титул упоминается около 59 г. до н.э.). Термин *чэнсян* в Китае обозначал название должности главного помощника императора в Китае [Лидай 1958:209; Материалы

1973: 31 прим. 37]. Скорее всего, калькирование вызвано отчасти схожим набором обязанностей. Этот термин встречается в китайских источниках применительно к хунну только один раз при упоминании того, что шаньой-узурпатор Уяньцзюйди направил против взбунтовавшегося племени юйцзянь правого чэнсяна во главе с 10 тыс. всадников. Возможно, последний факт свидетельствует о том, что носитель данного титула также относился к числу «темников».

Кроме вышеуказанных титулов в источниках встречаются еще *хэцэ-ван* (57 г. до н.э.) [Лидай 1958: 217; Материалы 1973: 33] и *оуто-ван* (80 г. до н.э.). Поскольку *оуто* – это группа кочевий, собранных в одно большое становище (так называемый «курень») [Материалы 1968: 131–132 прим. 91], то можно предположить, что последний титул давался администратору, управлявшему данным подразделением. Скорее всего, это же относится и к должности вэньоуто-вана (упоминаемой под 8 г. до н.э.) [Лидай 1958: 233; Материалы 1968: 46].

По всей видимости, данная пышная титулатура распространялась в основном на представителей высшей хуннской знати, тогда как племенные вожди не входили в нее (хотя, в отличие от первых, и имели военный ранг). Вряд ли случайно большинство данных титулов имеют приставку ван, свидетельствующую об их весьма высоком социальном и генеалогическом статусе. Бросается в глаза и то, что при упоминании в текстах летописей ряда лиц с титулом ван хронисты упоминают и их собственное имя, что скорее всего также свидетельствует об их политическом положении в обществе [Лидай 1958: 34, 204, 205, 207; Материалы 1968: 51; 1973: 23, 25, 29; и др.]. Обычно незначительные исторические персонажи редко бывают удостоены такой чести.

Нетрудно заметить, что наиболее активный период введения новых титулов приходится примерно на 100–50 гг. до н.э. Данное обстоятельство дает основание предположить, что в этот промежуток времени возник переизбыток представителей хуннской элиты. Так как все члены знатных кланов не могли быть обеспечены соответствующим их происхождению местом в общественной иерархии, то между ними неизбежно должна была возникнуть острая конкуренция за обладание тем или иным высоким статусом и соответствующими ему материальными благами.

Это легко проиллюстрировать случаем с Хутуусы, будущим шаньюем Чжичжи, который до своего внезапного возвышения в буквальном смысле «из грязей в князи» проживал среди простых

хуннских скотоводов [Лидай 1958: 217; Материалы 1973: 32]. Вот до чего дошли через полтораста лет потомки гордого Модэ!

Данная ситуация не являлась уникальной в кочевых империях. У киданей также, например, были бедные лица, относившиеся к королевскому роду, которые не имели достаточного для собственного жизнеобеспечения количества животных [Wittfogel, Feng 1949: 191–192]. Но еще более яркой выглядит параллель с монголами XVII в. К этому времени только чингизидов стало несколько сотен человек, не считая потомков братьев Темучжина и других родственников. Давать «в удел» практически было уже нечего. Дело дошло до того, что среди представителей «голубой крови» появились и такие, у которых было меньше 100 голов и вообще не было албату (т.е. подчиненных людей) [Владимирцов 1934: 175].

Можно согласиться с мнением П.А. Сорокина, выявившего на большом сравнительноисторическом материале, что перепроизводство элиты вследствие слабой селекции приводит к политической нестабильности, социальным беспорядкам и к революциям [1992: 416–419, 422– 423]. Таким образом, не исключено, что данный фактор явился одной из главных причин хуннской гражданской войны 60–36 гг. до н.э.

Следующий период массового введения новых титулов и должностей начинается с последней трети I в. до н.э., и это также вполне объяснимо. Завершилась гражданская война, жизнь постепенно приходила в привычное для номадов русло. Сложившаяся в период «смутного времени» новая комбинация политических сил постепенно «затвердевала» в прочную иерархию. Однако в обществе произошли необратимые изменения. В свете новой внешней политики требовалась корректировка административной системы управления, часть старых титулов оказалась косвенно скомпрометированной негативной связью с кем-либо из мертвых врагов или предателей. Необходимо было закрепить новый принцип наследования власти, отработать принципы принятия политических решений, ввести новые должности и адекватные им пышные титулы.

Интересно, что пять из этих титулов носили сыновья шаньюев. Это: левый и правый чжилуэр-ван (упоминается в 31 г. до н.э.), левый и правый гаолинь-ван (упоминается в 28 г. до н.э.), левый и правый чжудухань-ван (упоминается в 20 г. до н.э.), юйтучэчань-ван (упоминается в 12 г. до н.э.), левый и правый гуту-ван (упоминается в 8 г. до н.э.). Некоторым из носителей данных должностей, по всей видимости, не нашлось места во внутренней имперской иерархии, и они были направлены в качестве глав дипломатических миссий

ко двору китайского императора [Лвдай 1958: 231–234; Бичурин 1950a: 97-99; Материалы 1973: 44-47].

Помимо того, в записях китайских хронистов, относящихся к этому времени, встречаются упоминания о новых титулах хуннских предводителей крупных военно-административных подразделений, например, должности: левый и правый юцзянь жичжу-ван (упоминается со второй четв. І в. н.э. — его, в частности, носил будущий первый шаньюй южных хунну Би = Хуханье), левый и правый (?) лихань-ван (упоминается в 9 г. н.э.), северный (?) и южный лиюй-ван (упоминается в 10 г. н.э.) [Лидай 1958: 245–246; Материалы 1973: 56, 97].

Внутреннее напряжение достигло наивысшего накала спустя столетие после гражданской войны. К этому времени, вероятно, количество членов знатных семей значительно превысило число имеющихся вакансий. В это же время вновь резко обострилась политическая борьба за трон. Шаньюй Юй (Худуэрши) нарушил установившийся к тому времени порядок наследования престола по старшинству внутри представителей рода Люаньди. Он сумел обеспечить поддержку в борьбе за власть своим сыновьям: Удати-хоу, а после смерти последнего – Пуну. При этом за два года до смерти Юя по его приказу был убит законный наследник престола правый лули-ван Чжияши.

Следующим претендентом, реально посягавшим на трон, был Би – сын Учжулюшаньюя, управлявший с титулом правого юцзянь жичжу-вана приграничными племенами и ухуанями на юго-западных границах империи. Би понимал, что его ожидает участь Чжияши, и решился пойти на заключение вассальных отношений с Хань. За ним последовали вожди восьми больших хуннских кочевий (судя по всему, племенных объединений, имевших по 8–10 тыс. конников каждое). В конечном счете это привело к разделению в 48 г. н.э. империи на Северную и Южную конфедерации.

По мнению Л.Н. Гумилева, раскол Хуннской державы был вызван борьбой «военной» антикитайской и «придворной» прокитайской партий [1960: 200–203]. Мы не можем знать, как все происходило в действительности, хотя такая логичная версия имеет полное право на существование. В то же время, мне кажется, что борьба за престол была внешним проявлением более глубоких процессов, происходивших в хуннском обществе. Эти процессы были обусловлены переизбытком представителей хуннской знати.

Подтверждением этого может служить то, что после откочевки от Би пяти гудухоу с 30 тыс. человек (Л.Н. Гумилев объясняет это потерей популярности Би после его принятия указа китайского императора,

стоя на коленях [1960: 204]) они не присоединились к северным хунну, а создали свое объединение и даже выбрали собственного шаныоя.

«Прошел месяц, и они стали нападать друг на друга, все пять гудухоу пали в сражениях, после этого сянь-ван (т.е. выбранный шаньюй. —*Н.К.*) покончил жизнь самоубийством. Сыновья погибших гудухоу возглавили войска и стали каждый защищать себя» [Лидай 1958: 679; Бичурин 1950a: 118; Материалы 1973: 72].

Какие здесь еще нужны комментарии?

Наконец, последнее массовое появление новых титулов относится ко времени разделения Хуннской державы на Северную и Южную конфедерации в 48 г. н.э. С этого времени появляются следующие титулы, упоминаемые на севере: *левый и правый чжань-цзянван* (известен с 47 г. н.э.), *юцзянь цзо сянь-ван* (упоминается с 49 г. н.э.), *юцзянь гудухоу* (также упоминается с 49 г. н.э.), *великий цецзюй* (упоминается с 84 г. н.э.), *вэньюйту-ван* (упоминается с 85 г. н.э.), *вэньюйту-ван* (упоминается с 89 г. н.э.), *вэньюцзянь-ван* (упоминается с 91 г. н.э.) [Лидай 1958: 679, 681, 690-691, 694; Материалы 1973: 70-71, 74, 79-80, 84, 153].

Среди южных хунну появляются новые титулы знати: левый и правый вэньюйти-ван, левый и правый чжаньцзян-ван (эти титулы давались только ближайшим родственникам шаньюя; обе должности входили в высшую элиту Южной конфедерации, так называемые «шесть рогов»), шичжу-гудухоу (третья и четвертая должности в империи из неродственников шаньюя), левый и правый южный военачальник (известен с 50 г. н.э.), юцзянь жичжу-ван (также известен с 50 г. н.э.), хуянь жичжу-ван (известен с 88 г. н.э.), великий цецзюй (известен с 94 г. н.э.), вэньюйту-ван (упоминается в 121 г. н.э.) и др. [Лидай 1958: 680–681, 691–696, 702; Материалы 1973: 73–74, 80–84, 86–87, 90]. Однако данная тема хронологически выходит за рамки поставленных в этой работе вопросов, и я не буду развивать здесь ее дальше (отчасти см. по этому поводу: [Думай 1977; Таскин 1989: 5-28]).

Таким образом, политическая система Хуннской кочевой империи не оставалась неизменной. На протяжении истории хунну выделяются три периода активных нововведений. Данные изменения вписываются в модель, согласно которой, в силу традиционной для кочевой аристократии практики полигамии, воспроизводство элиты в степных империях осуществлялось в геометрической прогрессии.

Если допустить, что некий представитель кочевой аристократии имел как минимум пять сыновей от главных жен, то при таких же темпах воспроизводства он должен был бы иметь 25 внуков и 125 правнуков! Разумеется, это идеальная модель: кто-то умирал в детстве, кто-то погибал в военных походах. Не все потомки имели право на наследование статуса, равного положению своего родителя (как правило, преемником мог быть старший сын от главной жены или его единокровные братья). Но в случае необходимости встречались попытки сделать исключение для других сыновей, например для детей от молодых любимых жен.

Однако и это не все. Шаньюя окружали многочисленные близкие и дальние родственники, каждого из которых, в силу их происхождения, следовало наделить определенным количеством людей и скота. Но возможности обеспечить всех достаточным количеством подчиненных людей и скота были ограничены экологическими пределами. Количество претендентов на различные вакансии постепенно стало резко превышать число имеющихся должностей. У нас нет точных данных на счет того, когда диспропорция стала наиболее ощутимой. Имеющиеся в распоряжении исследователей источники не позволяют воссоздать полную картину всех изменений. Но в любом случае между представителями знатных родов возникла острая конкуренция, которая, по всей видимости, в первый раз привела к гражданской войне 58–36 гг. до н.э., а во второй – к окончательному распаду империи в 48 г. н.э. на Северную и Южную конфедерации.

Север и Юг

Китайские исторические сочинения дают уникальную возможность проследить изменения в политической организации общества на протяжении 250 лет. Сыма Цянь оставил подробное описание Хуннской империи, относящееся ко времени правления Модэ. Другой китайский хронист Фань Е дал подробную характеристику Южной хуннской конфедерации примерно сразу после распада Хуннской державы в середине І в. н.э. Это дает возможность сравнить оба описания, выявить отличия между ними и проследить, в каком направлении эволюционировала социально-политическая организация хунну.

«Среди крупных сановников наиболее знатными считались левый сянь-ван, а за ним левый лули-ван, правый сянь-ван и правый

лули-ван, которых называли четырьмя «рогами». Далее шли левый и правый жичжу-ван, левый и правый вэньюйти-ван, левый и правый чжаньцзян-ван, которых называли шестью «рогами». Как те, так и другие являлись сыновьями или младшими братьями шаньюя и ставились шаньюями по старшинству. Среди крупных сановников, не относящихся к роду шаньюя, имелись левый и правый гудухоу, за которыми следовали левый и правый шичжу гудухоу и прочие названия чиновников, называемые жичжу, цецзюй и данху, положение которых определялось степенью влияния и количеством подчиненных им людей. Шаньюй происходил из фамилии Сюйляньти (т.е. Люаньди = Луаньти. – *Н.К.*), а из других фамилий имелись Хуянь, Сюйбу, Цюлинь и Лань. Эти четыре фамилии являлись в государстве сюнну наиболее знатными родами и постоянно вступали в брачные связи с шаньюем. Фамилия Хуянь, относящаяся к левой, а Лань и Сюйбу – к правой стороне, ведали разбором судебных дел и определяли степень наказания, о чем сообщали шаньюю устно, не составляя письменных документов и книг» [Лидай 1958: 680; Материалы 1973: 73; ср. Бичурин 1950а: 119–120].

Ниже Фань Е подробно описывает территории, занимаемые различными структурными подразделениями Южной конфедерации:

«Поселившись в округе Сихэ, южный шаньюй также поставил во главе кочевий (бу. – *Н.К.*) князей и помогал в защите [границ]. Он приказал гудухоу Ханьши стоять в [округе] Бэйди, правому сянь-вану в [округе] Шофан, гудухоу Даньй – в [округе] Уюань, гудухоу Хуянь – в [округе] Юньчжун, гудухоу Лан-ши – в [округе] Динсян, левому южному военачальнику – в [округе] Яньмынь, гудухоу Лицзе–в [округе] Дайцзынь» [Лидай 1958: 681; Материалы 1973: 74; ср.: Бичурин 1950a: 120].

Данные обстоятельные сведения позволяют подробно проанализировать изменения в социально-политическом устройстве хунну. Конечно, необходимо иметь в виду, что Южнохуннская конфедерация не может считаться полным аналогом Хуннской империи накануне распада. Однако я уверен, что в главном и она, и Северная конфедерация создавались по образцу и подобию державы Хунну. Какие же отличия произошли за 250 лет?

(1) В описании политической системы хунну, сделанном Фань Е, не упоминается центр. Это дает основание предположить, что с течением времени троичное административное деление Хуннской державы (центр, левое и правое крылья) трансформировалось в дуальную структуру (левое и правое крылья). Возможно, такая трансформация является отражением ослабления личной власти правителя и усилением роли племенных связей в обществе [Крадин 1992: 139].

- (2)Сыма Цянь писал, что темников (ваньци) у хунну Модэ было ровно 24. Естественно, что такая идеализированная стройная система едва ли могла сохраниться в дальнейшем. Ни Бань Гу, ни Фань Е не упоминают о таком же гармоничном административном устройстве Хуннской империи в более поздние времена. Они также не упоминают ни о стройной «десятичной» системе, а вместо военных званий *темников* перечисляются гражданские титулы князей» (ванов). Все это также свидетельствует об ослаблении военно-иерархических порядков в империи.
- (3)По «Ши цзи* к ванам отнесены только так называемые «четырерога» (левый и правый сянъ-ваны и лули-ваны). По «Хоу Хань шу» «шесть рогов» также отнесены к ванам. Думается, это не случайно. Китайские придворные хронисты четко разграничивали состоящих на службе бюрократов и обладавших некоторой автономией в делах внутреннего управления наместников [Таскин 1973: 12].
- (4)Фань Е перечисляет совсем другие «шесть рогов». Вместо левого и правого великого военачальника, левого и правого великого дувэя, левого и правого великого данху упоминаются совсем иные титулы: левый и правый жичжу-ван, левый и правый вэньюйти-ван, левый и правый чжаньцзян-ван. Правда, не исключено, чтоэто связано с разделением кочевой империи на две части.
- (5)Сыма Цянь писал, что к «знатным» хуннским кланам относятся «фамилии» Хуянь, Лань и Сюйбу. При Фань Е ситуация несколько изменилась. Среди знатных «фамилий» дополнительно упоминается «фамилия» Цюлинь.
- (6)Фань Е дает дополнительные разъяснения относительно административных обязанностей знатных кланов. Он сообщает, что клан Хуянь выполнял судебные функции в левом крыле имперской конфедерации, а на кланы Сюйбу и Лань возлагались такие же полномочия в правом крыле державы. Интересно, что к концу III в. Состав высшей хуннской знати и распределение полномочий знатных кланов снова изменились. Представители самых именитых кланов имели право теперь на занятие определенных должностей как в левом, таки в правом крыле объединения 19 хуннских племен.

«Из существующих четырех фамилий имеется род Хуянь, род Бу, род Лань и род Цяо, из которых наиболее знатен род Хуянь; из него выходят левый жичжу и правый жичжу, поколениями являющиеся главными помощниками [шаньюя]. Из рода бу выходит левый цзюйцюй и правый цзюйцюй, из рода Лань – левый данху и правый данху, из рода Цяо – левый духоу и правый духоу. Кроме того, имеются различные наименования [должностей], образуемые путем присоединения слов чэян и цзюй-цюй,

соответствующие должностям чиновников в Срединном государстве» [Материалы 1989: 153].

В этом нет ничего удивительного, поскольку, например, у ирокезов в их конфедерации представители одних племен считались хранителями священных реликвий, других — выдвигали военачальников, третьих — отвечали за сбор дани с зависимых народов [Аверкиева 1974: 232]

- (7) Внедренные при шаньюе Лаошане некоторые основы письменного делопроизводства не получили своего дальнейшего развития в административной практике, поскольку вышеупомянутый китайский хронист специально подчеркивает, что вся юридическая практика осуществлялась устно, без составления соответствующих «письменных документов и книг». Утеря данной традиции произошла намного раньше распада Хуннской державы, поскольку еще за полвека до гибели империи (в 9 г. н.э.) китайским посланникам удалось обманом заменить царскую печать шаньюя на княжескую. Подлог обнаружился лишь на следующий день, и это явно свидетельствует о неграмотности ближайшего окружения хуннского правителя.
- (8) Постепенно в Хуннской империи изменился порядок престолонаследия. Если первоначально престол шаньюя передавался от отца к сыну (за исключением нескольких экстраординарных случаев), то постепенно стал преобладать другой порядок удельно-лествичный: от брата к брату и от дяди к племяннику. Он полностью возобладал при шаньюе Хуханье. Данный факт является ярким свидетельством ослабления личной власти шаньюя и уменьшения его влияния на родственников «люаньдевичей».
- (9) Сыма Цянь писал о существовании у хунну параллельно системы военных и гражданских рангов. Фань Е перечисляет только гражданские титулы. В принципе «десятичный» порядок практически никогда полностью не соответствовал своему содержанию. Даже в современной армии реальная численность воинских подразделений редко соответствует штатному расписанию. Что же говорить о древних кочевниках, не знавших ни письменности, ни делопроизводства? Однако важно то, что в «Хоу Хань шу» не указаны именно «десятичные» титулы. Это свидетельствует об очень важных изменениях, отражающих постепенную трансформацию политической системы Хуннской державы от «племенной империи» к «племенной конфедерации».

Когда «десятичная» система исчезла у хунну? Сведения на этот счет в источниках отсутствуют. Известно, однако, что она продолжала функционировать как минимум в течение всего первого

столетия истории Хуннской империи. Под 121 г. до н.э в 60-м цзюане «Ши цзи» сообщается о 40 тыс. хуннских перебежчиков в Хань, среди которых были 32 высших командира, носивших звания *тысячников* и *темников* [Сыма Цянь 1992: 272, 277].

(10) Изменился принцип определения более высокого статуса внутри «четырех рогов». При Модэ сначала шли *сянь-ваны* (левыйи правый), за ними *лули-ваны*. Фань Е перечисляет их совсем вином порядке. Сначала по знатности идут – левые *(сянь-ван илули-ван)*, а затем – правые. Трудно сказать, в какой степени это распространялось на всю хуннскую кочевую аристократию, но очевидно, что данный факт свидетельствует о полном переходе к двухкрыльевой дуальной системе управления.

Можно допустить, что у хунну восторжествовал принцип *соправительства*, который применительно к кочевым империям Евразии специально разбирался В.В. Трепавловым. Суть данного принципа заключается в том, что население и территория кочевого общества делятся на два крыла и их управление поручается двум *соправителям*. Один из них одновременно является верховным правителем всего общества. Подчинение младшего крыла старшему чаще всего имеет не реальный политический, но генеалогический характер. Должность младшего соправителя наследуется внутри его линиджа, но его наследники не могут претендовать на общий престол [1993: 76-102].

(11) Интересно, что управление пятью «кочевьями» (бу) из семи было вверено гудухоу. Это свидетельствует о том, что стройный порядок, нарисованный Фань Е, не совсем соответствовал реальному управлению племенами Южной конфедерации. По всей видимости, это было обусловлено тем, что держава шаньюя Би состояла из восьми «кочевий», вожди которых возвели его на престол (кстати, перечисляются только семь, надо думать, что восьмое принадлежало самому Би). Так как они были лояльными новому шаньюю, он не мог заменить их своими родственниками. Нельзя исключать, что именно племенные вожди (Фань Е называет их винами) обозначены в «Хоу Хань шу» как гудухоу. На каждое «кочевье» (бу) приходилось всего примерно по 5 тыс. воинов [Лидай 1958: 678, 694; Бичурин1950а: 117, 128; Материалы 1973: 71, 84]. На более высоком уровне иерархии данные «кочевья» были сгруппированы в крылья, руководство которыми было возложено на представителей рода Люаньди. Для остальных родственников шаньюя в данной системе места уже не остается. Очевидно, что власть большинства из люаньдевичей была более чем номинальной и князья «правили» главным образом при

ставке. Все это говорит, что Южная конфедерация не была «племенной империей». Она представляла собой вождество.

(12) Изменилось количество собраний хуннской элиты. К трем традиционным (зимой, весной и осенью) добавилось еще одно.

«После того как южный шаньюй изъявил покорность [Хань], стали совершаться еще жертвоприношения ханьскому императору. Используя жертвоприношения, [сюнну] собирали все кочевья, обсуждали государственные дела и устраивали развлечения — скачки лошадей и бег верблюдов» [.Лидай 1958: 680; Материалы 1973: 73; ср.: Бичурин 1950a: 119–120].

К сожалению, не имеется таких же подробных сведений о Северной конфедерации хунну. Вероятно, это связано с тем, что китайским разведчикам по каким-либо причинам не удалось получить столь же исчерпывающую информацию о северном противнике, что и о ближайшем соседе – южных хунну. Однако, если судить по косвенным данным, политическое устройство северных хунну было аналогичным. У них также существовало дуальное деление (об этом, в частности, свидетельствует титулатура), система высших рангов в четыре и шесть «рогов», аналогичная южнохуннской система наследования, перечисляются известные в имперский период титулы и производные от них: лули-ван, жичжу-ван, юцзянь цзо сянь-ван, вэньюйту-ван, вэньду-ван, удуцзюй-ван, вэньюйцзянь-ван, гудухоу, цец-зюй и др. [Лидай 1958: 679–668, 682, 690–691, 692–694; Бичурин 1950a: 118-119, 123; Материалы 1973: 71-72, 76, 79-80, 82, 84, 153].

Таким образом, имеются все основания допустить, что социально-политическая организация Северной и Южной конфедераций если и не совпадала в деталях, то в главном была очень похожей. Правда, Северная хуннская конфедерация изначально была раза в два-три крупнее Южнохуннской. Шаньюй Би, расколовший империю на Север и Юг, имел 40–50 тыс. воинов и, следовательно, 200–250 тыс. человек [Лидай 1958: 678; Бичурин 1950а: 117; Материалы 1973: 70]. Примерно столько же было у южных хунну спустя полвека [Лидай 1958: 694; Материалы 1973: 84]. Однако северные хунну дважды (в 87 и 89 гг.) теряли по 200 тыс. человек, а в 91 г. около 100 тыс. юрт (т.е. не менее 400–500 тыс. человек) перешли к сяньбийцам [Лидай 1958: 692–693, Материалы 1973: 81, 83, 153; Материалы 1984: 71, 309–311]. Следовательно, при всей условности китайских подсчетов численности кочевников северных хунну должно было быть в несколько раз больше, чем южных (более близким к истине мне представляется число в 500–700 тыс. человек [МНР 1986: 25, ср.: Гумилев 1960: 79].

Северный шаньюй пытался следовать традиционной дистанционной политике кочевников в отношении Китая. В 51, 52 и 55 гг. он тщетно пытался заключить «Договор о мире, основанном на родстве*. Императорский двор упорно не шел на заключение договора, а ханьские «подарки» были ничтожно малы в сравнении с демонстративно щедрыми дарами южному шаньюю [Лидай 1958: 682–683; Материалы 1973: 76–77]. Это существенно снижало престиж северного шаньюя в глазах подданных; алчные до шелка, изысканных продуктов и иных диковинок кочевники понемногу стали откочевывать в пределы Южной конфедерации.

Шаньюй был вынужден сменить тактику. Примерно на рубеже 50–60-х гг. I в. н.э. северные хунну возобновляют набеги на Китай. Набеги оказались результативными. Трудно сказать почему, но в данной ситуации южные хунну не смогли выполнить функции буферной политии между Монгольской степью и Китаем. В результате в 63 г. н.э. ханьская администрация пошла на заключение официального договора с шаньюем Северной конфедерации, а также на открытие приграничных рынков. Данное решение оказалось политической ошибкой китайских дипломатов. Официальное признание со стороны Китая существенно подняло престиж северного шаньюя. С юга потянулись недовольные китаизацией номады. Набеги и грабежи продолжались. Кочевники до того затерроризировали приграничное население, что, по словам Фань Е, в Хэси ворота городов держались закрытыми даже в дневное время [Лидай 1958: 690; Материалы 1973: 78].

Положение изменилось только в конце 70-х гг. I в. н.э. В этот период, как сообщает «ХоуХань шу», «северные варвары ослабли, их сообщники отложились» [Лидай 1958: 691; Материалы 1973: 80]. Возможно, это было обусловлено следующими причинами. Во-первых, косвенные данные указывают на ослабление власти и престижа северного шаньюя. С 83 г. н.э. упоминаются случаи откочевок на юг. С каждым годом их становилось все больше и больше. Можно предполагать, что ухудшение положения шаньюя было связано с тем, что: (1) прекращение набегов прекратило приток в Халху земледельческо-ремесленной продукции; (2) южные хунну перекрыли и другой канал поступления нескотоводческой продукции в степь; они активно мешали приграничной торговле между ханьцами и северными хунну [Лидай 1958: 690–691; Бичурин 1950а: 125–126; Материалы 1973: 79–80]; 3) не исключено, что откочевки являются также и следствием начавшихся усобиц (последние, правда, могли быть обусловлены первыми двумя причинами: вожди перестали получать

подарки из рук шаньюя, а простые номады потеряли возможность торговать или участвовать в набегах). Во-вторых, как часто бывает, вмешалась природа. В 88 г. Халха-Монголию постигло нашествие саранчи. В-третьих, южные хунну стали для китайцев не столько надежным буфером от набегов кочевников из-за Гоби, сколько опытным союзником в организации карательных рейдов на свою историческую родину. В-четвертых, внешнеполитическая обстановка сложилась исключительно против Северного хуннского союза. В этот период территории Монголии подвергались постоянным нашествиям со всех сторон:

«южные кочевья (хунну. – H.K.) нападали на них спереди, дин-лины совершали набеги сзади, сяньбийцы нападали с левой, а владения западного края – с правой стороны» [Лидай 1958: 691; Бичурин 1950а: 126; Материалы 1973: 80].

В такой ситуации уцелеть было практически невозможно.

Первый удар нанесли сяньбийцы. В 87 г. они разгромили войска северных хунну, захватили в плен шаньюя, отрубили ему голову и с уже мертвого тела содрали кожу. По данным китайских хронистов около 200 тыс. номадов капитулировало ханьцам поблизости от границы Китая. Через два года совместная ханьско-южнохуннская армия пересекла Гоби и разбила войска северного шаньюя на его < собственной территории. Пленено было свыше 200 тыс. человек. Такого успеха на протяжении всей истории хунно-ханьских отношений китайцы самостоятельно не добивались никогда. В том же году юж-нохуннский левый лули-ван разгромил ставку северного шаньюя, захватил его яньчжи, несколько ближайших родственников и предмет особой гордости – государственную печать из яшмы. Еще через два года китайцы нанесли последнее поражение северным хунну, после которого шаньюй бежал в неизвестном направлении⁴.

Еще Л.Н. Гумилев [1960:240–248; 1989аб] писал о четырех ветвях хуннского этноса, первая, возможно, самая многочисленная (около 100 тью. юрт [Бичурин 1950а: 150–151; Материалы 1984:71]), которая подчинилась сяньби, другая южная — китайцам, третьи «неукротимые» отступили в Европу, четвертые «слабосильные» укрепились в Тарбагатае, а потом в Семиречье и Джунгарии. Однако данная проблема выходит за рамки настоящего исследования.

⁴ Младший брат исчезнувшего шаньюя, правый лули-ван Юйчуцзянь объявил себя шаньюем и даже установил дипломатические отношения с Хань. Правда, никакой особенной силы за ним не стояло, и стоило ему только попытаться проявить свою независимость, как в 93 год бли обордовления.

Выводы

Политическая организация хуннского общества претерпела со временем значительную трансформацию. Первоначально империя представляла собой мощную державу, основанную на военной иерархии, в известной степени автократической власти шаньюя, личных связях шаньюя с региональными наместниками из близких родственников и соратников. Постепенно автократические связи в хуннском обществе ослабевали и заменялись федеративными, о чем, в частности, свидетельствует переход от троичного административно-территориального деления к дуальному. Оттеснялись на задний план военно-иерархические отношения, вперед выдвигалась генеалогическая иерархия между «старшими» и «младшими» по рангу племенами.

Если вспомнить весьма продуктивную мысль Т. Барфилда, что государственность кочевников Евразии существовала в форме «имперских конфедераций» [Barfield 1992: 8], то история Хуннской державы предстает как постоянное противоборство между «имперской» и «конфедеративной» тенденциями, в котором «имперскость» изначально доминировала, но постепенно оказалась вытесненной «конфедеративными» устремлениями отдельных племен и племенных объединений. Это, в конечном итоге, и привело к гибели первую кочевую империю Центральной Азии.

Правда, если быть точным, на этом изменения в социально-политической организации хунну не закончились. После распада империи хунну еще продолжали существовать как самостоятельный этнос. Представляют некоторый интерес данные о социальном устройстве южных хунну в конце III в., которые содержатся в 97-й главе «Цзинь шу». Как сильно изменилась иерархия титулов в хуннском обществе за 500 лет?

«Среди титулов, существующих в государстве, имеется шестнадцать ступеней, а именно: левый сянь-ван, правый сянь-ван, левый илу-ван, правый илу-ван, левый юйлу-ван, правый юйлу-ван, левый цзяньшан-ван, правый цзяньшан-ван, левый шофан-ван, правый шофан-ван, правый дулу-ван, левый сяньлу-ван, правый сяньлу-ван, правый аньлэ-ван. Все эти титулы носят родные сыновья и младшие братья шаньюя. Наиболее знатным считается титул левый сянь-ван, и его может носить только наследный сын [шаньюя]» [Материалы 1989: 152–153].

Налицо практически полное изменение системы высших рангов. Теперь высших «князей» не 24 (10 + 14), не 10, а 16. Последнее показывает,

что никаких следов «архаической» троичной административно-управленческой структуры даже не осталось. Господствует двухкрыльевой дуальный принцип разделения кочевого общества. Из известных ранее высших титулов в иерархии остались только самые знатные — должности левого и правого сянь-ванов, причем, как и ранее, по традиции левый сянь-ван считается официальным наследником шаньюя. Не изменился и удельно-лествичный принцип: все 16 должностей могли наследовать только «родные сыновья и младшие братья» правителя хуннского союза. Однако этот вопрос уже выходит за хронологические рамки данной книги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хуннская держава была первой кочевой империей в Центральной Азии. Она возникла на рубеже III и II вв. до н.э. Главными предпосылками образования Хуннской державы являлись следующие причины: необходимость объединения скотоводов в мощную «племенную империю» для получения сельскохозяйственной и ремесленной продукции из Китая, стремление кочевников контролировать трансконтинентальные торговые маршруты, а также желание противостоять политическому и культурному давлению с юга. В немалой степени ход исторического процесса был обусловлен военным и политическим талантом основателя Хуннской державы шаньюя Модэ.

Хунну смогли выработать удачную «пограничную» стратегию в отношении южного соседа – Ханьского Китая. Можно выделить четыре этапа хунно-ханьских отношений, которые в целом соответствуют основным периодам истории Хуннской державы. На первом этапе (200–133 гг. до н.э.) хунну практиковали дистанционные методы эксплуатации (попеременно набеги на Китай, а затем вымогание «подарков» и мирную торговлю). Второй этап (129–58 гг. до н.э.) – период активной экспансии Хань. Длительная хунно-ханьская война обескровила обе стороны, однако в ней не было победителей. Третий этап (56 г. до н.э. – 9 г. н.э.) – период гражданской войны в степи, в ходе которой часть хунну приняла официальный вассалитет от Китая. Это дало кочевникам мир с Ханьской империей; в то же время они продолжали вымогать еще более богатые «подарки». Четвертый этап (9–48 гг. н.э.) – возобновление активной дистанционной пограничной политики по отношению к Китаю. В целом за 250 лет хунно-ханьских отношений Китай так и не смог решить «северную проблему».

Социальная структура хунну имела сложный, многоярусный характер. Высший уровень общественной пирамиды занимал ша-ньюй и его родственники (клан Люаньди). Следующую ступень занимали представители других знатных кланов, племенные вожди,

служилая знать. Далее располагалась самая массовая социальная группа общества – простые экономически независимые кочевники-скотоводы. Внизу социальной лестницы находились различные неполноправные категории: обедневшие номады, полувассальное оседлое население, военнопленные данники, занимавшиеся земледелием и ремеслом, а также, возможно, рабы.

Баланс власти шаньюя держался на его умении организовывать военные походы и перераспределять «подарки», доходы от торговли и набегов на соседние страны. Давая подданным возможность обогатиться за счет военной добычи и распределяя между ними дары китайского двора, шаньюй получал от них право на монопольное осуществление внешнеполитической деятельности и международных контактов. Важное место в структуре власти играла индивидуальная харизма правителя, которая во многом зависела от его удачи как военного предводителя, от его щедрости, умения наладить контакт с силами природы и, наконец, от его внешнеполитического статуса.

Кочевая империя Хунну была *имперской конфедерацией племен*. Она была основана на консенсуальных связях во внутренней политике, но выступала как специфическая завоевательная *ксенократи-ческая* государственноподобная *мулыпиполития* по отношению к соседним народам. Данную двойственность отражает «статусный дуализм» любого свободного хунна. Каждый номад (вождь, дружинник, простой скотовод) одновременно входил в две иерархии: в генеалогическую иерархию родов, племен и племенных объединений. Одновременно он являлся воином и занимал свое место в «десятичной» классификации (рядовой, десятник, сотник и т.д.)-

Политическая организация хуннского общества претерпела в течение времени значительную трансформацию. Первоначально империя представляла собой мощную державу, основанную на военной иерархии, в известной степени автократической власти шаньюя, личных связях шаньюя с региональными наместниками из близких родственников и соратников («имперская конфедерация»). Постепенно автократические связи в хуннском обществе ослабевали и заменялись федеративными, на задний план оттеснялись военно-иерархические отношения, вперед выдвигалась генеалогическая иерархия между «старшими» и «младшими» по рангу племенами. Хуннская империя превратилась в «племенную конфедерацию».

Распад Хуннской державы был обусловлен: а) внешними источниками поступления прибавочного продукта, которые объединяли экономически независимые племена в единую имперскую конфедерацию;

б) мобильностью и вооруженностью кочевников, что вынуждало верховную власть империй балансировать в поисках консенсуса между различными политическими группами; в) специфической «удельно-лествичной» системой наследования власти и полигамией. Последнее обстоятельство привело к переизбытку представителей хуннской элиты, усилению внутренней конкуренции между ними за наследство и ресурсы, к двум гражданским войнам, вторая из которых в совокупности с климатическими стрессами 44—46 гг. привела империю Хунну к гибели.

Было ли данное общество государством или же Хуннская имперская конфедерация представляла собой догосударственное потестарно-политическое объединение?

Ответ на этот вопрос в известной степени зависит от избранной методологии исследования. В современной политической антропологии существуют две наиболее популярные группы теорий политогенеза. *Конфликтные*, или *контрольные* теории обосновывают происхождение государственности и ее внутреннюю природу с позиции отношений эксплуатации, классовой борьбы, ограничения доступа к ресурсам, войны и межэтнического доминирования. *Интегративные*, или *управленческие* теории главным образом ориентированы на то, чтобы объяснить феномен государства как более высокую стадию экономической и общественной интеграции [подробнее см.: Fried 1967; Service 1975; Claessen, Skalnik 1978; 1981; Cohen, Service 1978; Haas 1982; Gailey, Patterson 1988; Павленко 1989; Годинер 1991; Якобсон 1997; и др.].

Однако ни с точки зрения конфликтного, ни с точки зрения интегративного подходов Хуннская держава (как и многие другие кочевые империи) не может быть однозначно интерпретирована ни как вождество, ни как государство. Ее государственноподобный характер («узаконенное насилие») ярко проявляется только в отношениях с внешним миром (военно-иерархическая организация для изъятия прибавочного продукта у соседей и для сдерживания давления извне; признание со стороны Китая в качестве самостоятельного «владения» и специфический церемониал во внешнеполитических отношениях). С этой точки зрения создание «кочевых империй» – частный случай популярной в свое время «завоевательной» теории политогенеза Л. Гумпловича, согласно которой война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации.

В то же самое время во внутренних отношениях «государствен-ноподобные» империи номадов (за исключением некоторых вполне

объяснимых случаев) основаны на ненасильственных (консенсуальных и дарообменных) связях, они существовали за счет внешних источников, без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Наконец, в хуннском обществе отсутствовал главный признак государственности. Согласно многим современным теориям политогенеза главным отличием государственных форм от догосударственных является то, что правитель вождества обладает лишь консенсуальной властью, т.е., по сути, авторитетом, тогда как в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия [Service 1975: 16, 296–307; Claessen, Skalnik 1978: 21-22, 630, 639-640; 1981: 490-492; Carneiro 1981: 69– 71; и др.]. Характер власти хуннского шаньюя в принципе позволяет интерпретировать объем его могущества как более консенсу-альный, лишенный монополии на законную силу. Шаньюй выступает главным образом в качестве редистрибутора, вся сила которого держится на личных способностях и умении получать извне общества престижные товары и перераспределять их между подданными. Хуннская держава была основана на недостаточно стабильных дарообменных связях между шаньюем и вождями племен, в их обществе неизвестны массовый аппарат принуждения и писаное право. К тому же вооруженный номад не очень удачный объект для принуждения. Сами хуннские вожди подчеркивали отличие своих соплеменников от китайцев: «По своим обычаям сюнну выше всего ставят гордость и силу, а ниже всего исполнение повинностей» [Лидай 1958: 218; Материалы 1973: 34].

Ситуация, сложившаяся в хуннском обществе, не являлась исключительной для империй кочевников. Внутреннее налогообложение отсутствовало и в державе гуннов в Европе. Все награбленное богатство раздавалось номадам [Гмыря 1995:129]. Секретарь римского посольства Приск встречался по дороге в ставку Атгилы со многими греками, захваченными ранее номадами в плен.

«Они сообщили Приску, что жизнь в царстве Аттилы легче, чем в Римской империи. Им особенно нравилось отсутствие налогов. В то время как население империи страдало от вымогательств и злоупотреблений сборщиков налогов, Аттила вовсе не собирал налогов со своих подданных. У него не было нужды заботиться о налогах, – делает вывод Г. В. Вернадский, – поскольку казна была всегда полна трофеями войны и византийской данью» [1996: 159].

С этой точки зрения представляется очевидным, что Хуннскую державу (как ханство гуннов, так и большинство других кочевых империй) нельзя рассматривать как государство.

В силу того, что многим ранним государствам как раз не хватало монополии на использование силы [Сагпеіго 1981: 68], персона сакрализованного правителя являлась фигурой, консолидирующей и объединяющей общество. Многие антропологи полагают, что священный царь являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал благодаря своим сакральным способностям стабильность и процветание обществу, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть [Claessen 1986]. По этой причине интересно сопоставить хуннское общество с промежуточной между вождеством и сложившимся государством политической структурой – так называемым ранним государством, которое отличается от уже сложившихся форм государственности клановым характером органов управления, неразвитостью системы налогообложения, административного и судебного аппарата, правовой системы [Claessen, Skalnik 1978; 1981; Claessen, van de Velde 1987; 1991; Васильев 1983: 40–49; Кочакова 1995: 153–164; и др.].

X. Классен систематизировал и опубликовал в 25-м разделе « *The Early State*» сводку данных о 21 раннегосударственном обществе по 51-му признаку [Claessen, Skalnik 1978: 533–596]. Попытаемся рассмотреть, насколько хуннское общество вписывается в характеристики раннего государства. Ряд критериев (социальная стратификация, общинная собственность на землю, сакральная власть правителя, кланово-генеалогическая иерархия статусов, наличие жречества, органов управления и коллективных совещательных структур при правителе) достаточно широко распространены как в вождестве, так и в раннем государстве [ibid.: 533–596 table III, VI-VIII, X, XII, XIII, XV, XVIII]. По остальным признакам вырисовывается следующая ситуация.

(1) Общие социально-экономические показатели [table II]: достаточно низкий в сравнении с раннегосударственными обществами уровень экономического развития (кроме торговли, что легко объяснимо), низкая плотность населения, существование вместо столичного города лишь «правительственного центра» — ставки, отсутствие сведений об урбанизации (едва ли хуннские городища можно считать городами в полном смысле этого слова). В то же время необходимо отметить, что низкая плотность населения в кочевых обществах могла быть компенсирована более благоприятными условиями для развития внутренней инфраструктуры (равнинный рельеф, массовое использование верховых животных, эстафетная система связи (ямская служба)) и, следовательно, возможностью объединения в один социальный организм населения,

кочующего на гораздо большей территории, чем обычные раннегосударственные образования. Не случайно численность населения Хуннской державы, как бы ни был велик разброс точек зрения на этот счет (от 600 тыс. до 1500 тыс. человек), больше типична для государственного общества, поскольку численность вождеств в целом составляла десятки тысяч человек, в редких случаях доходя до ста тысяч, тогда как население государств составляет многие сотни тысяч и миллионы человек [Johnson, Earie 1987:314 table 10]. В целом данные показатели могут свидетельствовать как о предгосударственном, так и о раннегосударственном характере хуннского общества.

- (2) Налогообложение, права и обязанности граждан [table IV, V,XI, XIV]: по словам X. Классена, в раннем государстве «членынизшего слоя имели, вообще говоря, мало прав и много обязанностей» [Claessen, Skalnik 1978: 573]. В хуннском случае отсутствует система налогообложения, расходы правителя невелики в сравнении с типичными для ранних государств, согласно источникам главные обязанности простых скотоводов участие в военных действиях, но не выплата повинностей [Лидай 1958: 218; Материалы 1973: 34]. По этим показателям хунну определенно ближе к вождеству, чем к государству.
- (3) Специализированный административный annapam [table XVI,XVII, XIX]: большинство хуннских управителей разных рангов теоретически могут быть отнесены к так называемым «общим функционерам». Однако в летописях нет сведений о таких важных обязанностях для региональных наместников раннего государства, как сбор налогов с простого населения в пользу центрального правительства, что предполагает необходимость весьма осторожной интерпретации их как «чиновников». В то же время другие характеристики еще более определенно свидетельствуют против определения державы Хунну как государства. Вопервых, нет сведений о существовании в хуннском обществе «специализированных функционеров» (т.е.профессиональных бюрократов), которые имелись почти во всех ранних государствах [об этом см.: Claessen, Skalnik 1978: 580] – самикитайцы противопоставляли себя как народ, «носящий пояса и шапки чиновников», воинственным («натягивающим луки») номадам, не имеющим церемониала, и подчеркивали, что у кочевников управление страной легко осуществимо [Лидай 1958: 31-32; Бичурин 1950а:58-60; Материалы 1968:46-48]; вовторых, неизвестна такая, в 99% случаев характерная для ранних государств [Claessen, Skalnik 1978:585], форма контроля над региональными наместниками, как

объезд владений. Единственная категория лиц, которая может быть отчасти отнесена к «специализированным функционерам», это *гу-духоу*.

(4) Право и законы [table IX]: большинство показателей (правитель – главный судья и формальный законотворец, влияние на него родственников и советников, принятие судебных решений на основе традиционного права (торе!) и случайного выбора) не дает четкой грани между тождеством и ранним государством. Однако отсутствие сведений о судах, апелляциях, праве, о существовании кодекса наказаний за различные преступления, специализированных функционерах, контролирующих соблюдение законов, свидетельствуют о хуннского предгосударственной природе общества. В TO же время раннегосударственного характера Хуннской державы может свидетельствовать существование специальных лиц из кланов Хуянь, Лань и Сюйбу, которые «ведали разбором судебных дел и определяли степень наказания» [Лидай 1958: 680-681; Материалы 1973: 73].

Таким образом, если использовать разработанные X. Классеном и его соавторами критерии ранней государственное ги, следует сделать вывод, что Хуннская держава представляла собой переходное **общество**, в котором имеются признаки как сложного вождества, так и зачаточного раннего государства. В то же время нельзя не заметить, что по большинству наиболее важных показателей (отсутствие специализированного управленческого аппарата и налогообложения) хуннское общество более тяготеет к предгосударственному, чем к государственному уровню политической интеграции.

Все вышеизложенное в полной мере применимо к большинству других кочевых империй. Как и Хуннская держава, снаружи они выглядели как деспотические завоевательные государственноподобные общества, так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне степи. Но изнутри «кочевые империи» оставались основанными на племенных связях без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Сила власти правителя степного общества, как правило, основывалась не на возможности применять легитимное насилие, а на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны.

Вне всякого сомнения, такую политическую систему нельзя считать государством. Однако это не свидетельство того, что подобная структура управления была примитивной. Как показывают

глубокие исследования специалистов в области истории античности, греческий и римский полисы также не могут считаться государством. Государственность с присущей ей бюрократией появляется здесь достаточно поздно — в эпоху эллинистических государств и в императорской период истории Рима [Штаерман 1989; Berent 2000; и др.]. Однако как быть с кочевниками, каким термином описать существо их политической системы? Учитывая ее негосударственный характер, мной было предложено характеризовать «кочевые империи», в том числе и Хуннскую, как суперсложные вождества [Крадин 1992:152; 1999; 2000а; Трепавлов 1995:150; Скрынникова 1997: 49; и др.].

Поскольку в отечественной литературе вплоть до настоящего времени теория вождества имеет хождение в основном среди специалистов по политогенезу (главным образом востоковедов и этнологов-антропологов), на данном вопросе необходимо остановиться несколько более подробно.

Теория вождества (англ. chiefdom) принадлежит к числу наиболее фундаментальных достижений западной политантропологии. В рамках неоэволюционистской схемы уровней социальной интеграции (локальная группа — община — вождество — раннее государство — национальное государство) вождество занимает среднюю ступень. В этой схеме вождество понимается как промежуточная стадия интеграции между акефальными обществами и бюрократическими государственными структурами [Sahlins 1968; Service 1971; 1975; Adams 1975; Carneiro 1981; Claessen, Skalnik 1978; 1981; Johnson, Earle 1987; Earie 1991; 1997; и др.].

Увеличение размеров горизонтально организованной неиерархической надлокальной социальной системы возможно до определенного порога. При чрезмерном увеличении нагрузки уменьшается эффективность существующей организации принятия решений. Чтобы справиться с возникшими перегрузками, необходимо ввести организационную иерархию, т.е. сформировать такую надобщин-ную структуру управления, как вождество. В этом смысле появление вождеств может быть сопоставимо с такими важными скачками в человеческой истории, как «неолитическая», «городская» и «индустриальная» революции, и данный процесс можно обозначить как управленческую революцию. Р. Карнейро не без оснований заметил, что появление вождеств стало первым в истории человечества опытом введения политической иерархии и преодоления локальной автономии общин. Это был принципиальный шаг в эволюции социальной организации, и последующее возникновение

государства и империи стало лишь ее количественными изменениями [Carneiro 1981: 38].

Наиболее фундаментальные стороны теории вождеств были сформулированы в трудах Э. Сервиса [Service 1971: 103, 132–169; 1975: 15–16, 151–152, 331–332]. Сервис дефинировал чифдом как промежуточную форму социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей теократического характера и знати, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата [1975: 15].

Тимоти Ёрл, один из авторитетнейших специалистов современности в области теории вождества, выделяет следующие, на его взгляд, наиболее существенные признаки данной формы социально-политической организации: (1) политая с населением в несколько тысяч («простое» вождество) или в несколько десятков тысяч («сложное» вождество) человек; (2) наличие региональной иерархии поселений; (3) политическая централизация и стратификация; (4) зарождение политической экономии для институализа-ции финансовой системы [Earle 1997: 121].

Если суммировать различные точки зрения, выдвигавшиеся в разные годы различными авторами, на сущность вождества, то можно выделить следующие основные признаки этой формы социополитической организации [подробнее см.: Крадин 1995]:

- (1) вождество это один из уровней социокультурной интеграции, который характеризуется наличием надлокальной централизации;
- (2)в вождестве существует иерархическая система принятия решений и институты контроля, но отсутствует узаконенная власть, имеющая монополию на применение силы;
- (3)в вождестве существует четкая социальная стратификация, ограниченный доступ к ключевым ресурсам, имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие;
- (4) важную роль в экономике играет редистрибуция перераспределение прибавочного продукта по вертикали;
- (5) чифдом как этнокультурная целостность характеризуется общей идеологической системой и/или общими культами и ритуалами;
- (6) правитель вождества имеет ограниченные полномочия, а общество в целом не способно противостоять распаду;

(7) верховная власть в вождестве имеет сакрализованный, теократический характер (мнение, разделяемое не всеми).

В целом можно дефилировать вождество как форму социополитической организации позднепервобыгного общества, которая, с одной стороны, характеризуется как система, имеющая тенденции к интеграции посредством политической централизации, наличием единой редистрибутивной экономики, идеологического единства и т.д., а с другой стороны, как система, имеющая тенденции к внутренней дифференциации посредством специализации труда (в том числе и управленческого), неравного доступа к ресурсам, отстранению непосредственных производителей от управления обществом, статусной дифференциации культуры.

В настоящее время зарубежные исследования существенно обогатили фактологическую базу новыми археологическими и этнологическими материалами из Северной и Южной Америки, Африки, Европы, Океании, значительно расширили теоретические представления об экономическом базисе тождеств, их социальной иерархии, структуре управления, идеологии, типологических вариациях и этапах развития вождеств и пр. [историографию см.: Earie 1987; Крадин 1995]. На рубеже 1970–1980-х гг. термин получил «прописку» в советской науке. В 1979 г. А.М. Хазанов предложил использовать для характеристики данного типа обществ термин вождество, производный от английского оригинала chief-dom [1979: 161]. Он же позднее первым применил данную концепцию к истории кочевников-скотоводов [Кhazanov 1984/1994: 164–169]. Годом позже А.М. Хазанова Л.С. Васильев подробно ознакомил отечественных специалистов с сутью концепции [1980; 1981], применив ее впоследствии в своих работах по теории возникновения дальневосточной государственности и к истории Востока в целом [1983; 1993]. К середине 1990-х гг. многие отечественные ученые уже использовали в своих исследованиях термины вождество, или чифдом, данное понятие нашло отражение в справочной и в учебной литературе.

По степени сложности иерархии принято различать простые и составные вождества. Для **простых** вождеств характерен один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя — как правило, более крупному поселению. Их население обычно было невелико, примерно до нескольких тысяч человек [Johnson, Earie 1987: 207–224].

Сложные (или составные) вождества — это уже следующий этап сложности социальнополитической организации. Они состояли из нескольких простых вождеств, которые для удобства редистрибуции были включены в общую структуру в качестве полувассальных сегментов. Их численность измерялась уже десятками тысяч человек. К числу характерных черт составных вождеств можно также отнести весьма вероятную этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности [Johnson, Earie 1987: 225-245].

Принципиальное структурное отличие между сложным и суперсложным вождествами было зафиксировано Р. Карнейро (он, правда, предпочитает называть их соответственно «компаундным» и «консолидированным» вождествами). По его мнению, отличие простых вождеств от компаундных чисто количественного характера. Компаундные вождества состоят из нескольких простых, над субвождями дистриктов (т.е. простыми вождествами) находится верховный вождь, правитель всей политии. Однако Р. Карнейро заметил, что компаундные вождества при объединении в более крупные политии редко оказываются способными преодолеть сепаратизм субвождей и такие структуры быстро распадаются. Механизм борьбы со структурным расколом был прослежен им на примере одного из крупных индейских вождеств, обитавших в XVII в. на территории нынешнего американского штата Вирджиния. Верховный вождь этой политии по имени Паухэтан, чтобы справиться с центробежными устремлениям вождей сегментов, стал замещать их своими сторонниками, обычно его близкими родственниками. Это придало важный структурный импульс последующей политической интеграции [Сагпеіго 1992; 2000].

Схожие структурные принципы были выявлены в истории хун-ну. Хуннская держава состояла из полиэтничного конгломерата вождеств и племен, включенных в состав «имперской конфедерации». Племенные вожди и старейшины были инкорпорированы в общеимперскую десятичную иерархию. Но их власть в известной степени была автономной от политики центра, основывалась на поддержке со стороны соплеменников. В отношениях с племенами, входившими в имперскую конфедерацию, хуннский шаньюй опирался на поддержку своих ближайших родственников и соратников, носивших титулы «темников» (имеются в виду те из 24 военачальников «темников», которые не являлись вождями племен «ядра» хуннского этноса). Они были поставлены во главе особых надплеменных подразделений, объединявших подчиненные или союзнические племена в «тьмы» численностью примерно по 5–10 тыс.

воинов. Эти лица должны были служить опорой политике метрополии на местах.

Аналогичные структурные принципы были характерны для большинства кочевых империй Евразии. Так называемая «улусно-лествичная система» существовала во многих политиях и мультипо-литиях кочевников евразийских степей: у усуней [Бичурин 19506: 191; Кюнер 1961: 76], у европейских гуннов [Хазанов 1975: 190, 197], в Тюркском [Бичурин 1950а: 270; Гумилев 1967: 56–60] и Уйгурском [Barfield 1992: 155] каганатах, в Монгольской империи [Владимирцов 1934: 98–110].

Кроме этого, во многих ксенократических политиях номадов и в кочевых империях была распространена практика посылки наместников для управления зависимыми народами (как *гудухоу* у хунну). У жужаней еще до создания ханства [Материалы 1984: 268] и в Тюркском каганате существовали лица, предназначенные для контроля над племенными вождями [Бичурин 1950a: 283]. Тюрки также посылали своих наместников *(тутуков)* для контроля над зависимыми народами [Бичурин 19506: 77; Е Лунли 1979: 364; Материалы 1984: 136, 156]. После реформ 1206 г. Чингисхан приставил к своим родственникам для контроля специальных нойонов [Козин 1941: § 243].

Суперсложное вождество — это уже реальная модель, прообраз раннегосударственного общества. Численность полиэтничного населения суперсложного вождества составляет многие сотни тысяч и даже больше, их территория (особенно учитывая намного меньшую плотность населения кочевников!) в несколько порядков раз больше площади, обычной для простых и сложных вождеств.

С точки зрения соседних земледельческих цивилизаций (развитых доиндустриальных государств) такие кочевые общества воспринимались как самостоятельные субъекты международных политических отношений, нередко воспринимаемые как равные по статусу страны (в китайских летописях го). Данные вождества имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, вели дипломатическую переписку с соседними странами, заключали династические браки с земледельческими государствами, соседними кочевыми империями и «квазиимперскими» политиями номадов.

Для них характерны зачатки урбанистического строительства (уже хунну стали воздвигать укрепленные городища, а «ставки» империй жужаней, тюрков и уйгуров представляли собой настоящие города), возведение пышных усыпальниц и заупокойных храмов представителям степной элиты (Пазырыкские курганы на Алтае,

скифские курганы в Причерноморье, хуннские захоронения в Но-ин-Уле, Бесшатырские, Салбыкские, Иссыкские и Чиликтыйские курганы сакского времени в Казахстане, изваяния тюркским и уйгурским каганам в Халха-Монголии и пр.). В некоторых суперсложных вождествах кочевников элита пыталась вводить зачатки делопроизводства (хунну), в некоторых существовала записанная в рунах эпическая история собственного народа (тюрки), а некоторые из *типичных* кочевых империй (в первую очередь, Монгольская держава первых десятилетий XIII в.) есть прямой соблазн назвать государством. В то же время нельзя забывать, что все данные общества отличает отсутствие специализированного бюрократического аппарата и монополии элиты на узаконенное применение силы, что дает основание интерпретировать большинство *типичных* кочевых империй (при всей их внешней государственноподобности) как суперсложные вождества.

Однако взгляд на кочевые империи только как на суперсложные вождества был бы недостаточно полным. В современных социальных науках и истории существуют четыре наиболее влиятельные группы теорий, которые по-разному объясняют основные законы возникновения, дальнейшего изменения, а иногда гибели сложных человеческих систем. ЭТО разные однолинейные теории развития или эволюции неоэволюционизм, теории модернизации и др.). Они показывают, как человечество прошло длинный путь маленьких групп примитивных охотников современному постиндустриальному мировому обществу. Вторые – это теории иивилизаций. Сторонники этих теорий считают, что единой мировой истории нет. Есть сгустки активности культуры – цивилизации. Цивилизации подобно живым организмам рождаются, живут и умирают (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, Л.Н. Гумилев и др.).

Промежуточное место между этими двумя полюсами занимают *мир-системный* подход и *многолинейные* теории эволюции. Мир-системный подход (Э. Валлерстайн и др.) подобно однолинейным теориям развития выделяет три модели общества: минисистемы, мир-империи и мир-экономики. Но они рассматриваются не во времени, а в пространстве. Это делает представления об истории более полными. Современные многолинейные теории (А.В. Коротаев и др.; я предлагаю называть эту школу *мультиэволюционизм*) предполагают, что существует несколько возможных вариантов трансформации политических формаций. Одни из них могут вести к сложности, например от вождества к нации – государству, другие

предполагают существование суперсложной общины без бюрократии (греческие полисы), третьи предполагают сохранение в определенных экологических условиях племенной системы.

По сути дела, здесь идет речь идет о различных измерениях мировой истории, которая разворачивается сразу в нескольких плоскостях. Каждое измерение отражает на своей координатной сетке соответствующие параметры жизнедеятельности социальных систем. Однако каждая из перечисленных парадигм отражает особенности изучаемого явления не полностью. Принцип дополнительности, который в свое время сформулировал Нильс Бор, предполагает, что только в совокупности эти теории могут объяснить нам то или иное явление природы. Применительно к всемирно-историческому процессу данный принцип наиболее последовательно был реализован в работах Ю.В. Павленко [1989; 1996; 1996a; 1997; и др.]. При этом очень важно отметить, что даже противоположные теории могут не исключать друг друга, а отражать существенные структурные параметры изучаемого объекта.

Какое место занимает кочевой мир в рамках каждого из перечисленных подходов? Как было показано выше, с точки зрения стадиальных теорий номады способны достичь лишь барьера государственности, при этом было предложено характеризовать предел их самостоятельной эволюции в рамках концепции суперсложного вождества.

Рассматривая модный ныне в нашей стране цивилизационный подход, необходимо заметить, что данная методология не получила в постсоветской науке значительного распространения. Для большинства работ, в которых пропагандируется данный подход, просто смещен центр тяжести с «базиса» (т.е. изучения социально-экономических отношений, классовой структуры и пр.) на «надстройку» (идеологию, религию и т.д.), либо использована старая эволюционная схема «дикость» – «варварство» – «цивилизация» (А. Ферпоссон, Л. Морган, Г. Чайлд и др.).

Последний вариант решения проблемы представляет собой лишь одну из модификаций стадиалистских интерпретаций всемирной истории. Понятие «цивилизация» здесь, по сути дела, тождественно термину «стадия послепервобытного общества» (что соответствует в марксистской терминологии формации). Применительно к кочевникам, главная проблема здесь, как правило, сосредоточивается вокруг традиционного вопроса: способны ли кочевники самостоятельно миновать барьер «варварства» и шагнуть в «цивилизацию»? Особенно активно данную идею отстаивает

А.И. Мартынов [1989, 1989а; 1996а; 2000]. В целом данная интерпретация исторического процесса предполагает необходимости разработки специальной методологии цивилизационных исследований. Интерпретация производится в терминологии существующих теоретических (различные версии марксизма, теории парадигм модернизации, неоэволюционизм и пр.).

Что касается немногочисленных попыток рассматривать мир степных кочевников как отдельную цивилизацию [Буровский 1995; Урбанаева 1994; Масанов 1995а; 2000; Кульпин 1998; и др.], то необходимо заметить, что здесь есть несколько методологических проблем. Вопервых, если выделять цивилизацию кочевников, то не менее резонно поставить вопрос о цивилизациях охотников-собирателей Австралии, арктических охотников и рыболовов Полярного круга и т.д. Иными словами, все типы человеческих культур (как и хозяйственнокультурные типы) могут быть охарактеризованы как цивилизации. Чем тогда понятие «хозяйственно-культурный тип» отличается от понятия «цивилизация» и насколько оправданно вводить подменяющую друг друга терминологию?

Во-вторых, можно ли в принципе выделить признаки, специфичные только для «номадной цивилизации»? Большинство подобных черт (специфическое отношение к времени и пространству, обычай гостеприимства, развитая система родства, скромные потребности, неприхотливость, выносливость, эпос, милитаризированность общества и т.д.) нередко имеют стадиальный характер и характерны для тех или иных этапов развития культуры или общества. Пожалуй, только особенное культовое отношение к скоту, главному источнику существования номадов, отличает их от всех других обществ.

Ранее я писал, что номадизм в противопоставлении другим цивилизациям может рассматриваться только как окружающая их «квазицивилизация» [Крадин 1995а]. Однако, по всей видимости, более правильно было бы не распространять цивилизационный подход на всех кочевников сразу. Целесообразнее рассматривать как цивилизации отдельные крупные надэтнические суперсистемы кочевников-скотоводов, занимавших в течение достаточно продолжительного исторического периода большие экологические зоны (по Л.Н. Гумилеву – «вмещающий ландшафт»). С этой точки зрения подобным вмещающим пространством был Аравийский полуостров, где в VII в. возникла арабская цивилизация, или Внутренняя Азия, в которой, по мнению ряда авторов, существовала, начиная с хуннского времени (или даже более раннего), единая степная

цивилизация [Сухбаатар 1973; Пэрлээ 1978; Урбанаева 1994; Коновалов 2000; и др.]. Характерные признаки данной цивилизации исследователи видели в крыльевой и десятичной системах, особых представлениях о власти, обрядах интронизации, любви к скачкам и верблюжьим бегам, особом мировоззрении и пр. Нетрудно заметить, что многие из этих признаков входят в число выделенных выше признаков «кочевых империй». Так или иначе разработка данного подхода требует более углубленного внимания.

Какое место занимает номадизм в рамках многолинейных (нелинейных) теорий Всемирной истории? Сложные, послепервобытные общества номадов — степные империи и «квазиимперские» завоевательные политии номадов — принципиально отличаются от всех типов доиндустриальных обществ: восточных деспотий, античных городов-государств и империй, феодальных королевств и абсолютистских государств. Это дало основание предположить, что для эпохи расцвета номадизма (с середины І тыс. н.э. до середины ІІ тыс. н.э.) был характерен самостоятельный вариант социальной эволюции. Основой данной модели являлся экзополи-тарный, или ксенократический, способ производства [Крадин 1990-2000ж; Kradin 1993-2000].

Государственные функции в данной ситуации (точнее, их карательно-репрессивную часть) выполняло само кочевое общество, завоевавшее или эксплуатировавшее на расстоянии оседло-городской социум. Номады выступали в данной ситуации как класс-этнос и специфическая, направленная вовне собственного общества ксенократическая (экзополитарная) политая, образно говоря, возвышающаяся в качестве паразитической «надстройки» над оседло-земледельческим «базисом». При этом кочевая элита выполняла функции высших звеньев военной и гражданской администрации, а простые скотоводы составляли костяк аппарата насилия (армии).

Социально-политическая организация ксенократических кочевых обществ приобрела ярко выраженный милитаристический характер (военно-демократические, военно-иерархические, военно-олигархические структуры, кочевые империи). В определенном направлении трансформировались социокультурные ценности общества. Среди номадов сложилось представление о большей престижности военных походов и грабительских набегов в сравнении с мирным трудом. Все это накладывало отпечаток на жизнь кочевников, послужило основой для формирования культов войны, воина-всадника, героизированных предков, нашедших, в свою очередь,

отражение как в устном творчестве (героический эпос), так и в изобразительном искусстве (звериный стиль).

В последние десятилетия в отечественной науке много пишут о необходимости «синтеза» между стадиальными и цивилизационными подходами. В той форме, как это нередко предлагается, это принципиально невозможно. В то же время уже несколько десятилетий существует мощное теоретическое направление — мир-системный подход, в рамках которого был осуществлен методологический синтез между стадиалистским видением истории (от линиждных реципроктных минисистем к капиталистической «мир-системе», основанной на товарно-денежных отношениях) и видением истории как совокупности различных крупных локальных систем (в терминологии мир-системщиков «мир-империй», «мир-экономик»).

Согласно мир-системной теории главной единицей развития является не отдельная страна, а более крупная система, которая объединяла группы государств. В этой группе выделяются «центр» (ядро) и «периферия». Центры организовывают экономическое пространство системы, стягивают к себе финансовые и торговые потоки, выкачивают из периферии ресурсы. Э. Валлерстайн выделяет три «способа производства»: (1) реципроктнолиниджные мини-системы, основанные на реципрокации, (2) редистрибутивные мир-империи (в сущности, это и есть «цивилизации» по А. Тойнби), (3) капиталистическая мир-система (мирэкономика), основанная на товарно-денежных отношениях [WaUerstein 1984: 160ff].

С точки зрения логики теории Валлерстайна подавляющее большинство кочевых обществ должны быть отнесены к уровню минисистем, но не мир-империй, и это так. Действительно, большая часть кочевников-скотоводов не достигала уровня редистрибутивных обществ — вождеств разной степени сложности и среди них ксенократических квазимперских политий и кочевых империй. Другое дело, когда мы говорим о месте кочевничества в рамках периодизаций всемирной истории, нельзя закрывать глаза на то, какую роль кочевые империи сыграли в истории всех земледельческих цивилизаций и тем более в истории первой мирсистемы.

Однако кочевые империи – это далеко не даннические «мир-империи» (исключая, может быть, Монгольский улус XIII– XIV вв.). Мир-империи, по Валлерстайну, существуют за счет дани и налогов с провинций и захваченных колоний, которые перераспределяются бюрократическим правительством. Отличительным их признаком является административная централизация,

доминирование политики над экономикой [Wallerstein 1984: 160ff]. В кочевых империях не существовало столь жесткой административной централизации, редистрибуция затрагивала только внешние источники доходов империи: военную добычу, дань, торговые пошлины и подарки. Наконец, кочевники никогда не являлись «центрами» международных экономических процессов. В то же самое время древние и средневековые кочевники не вписываются в модель «периферии». Скорее, это своеобразные «спутники» земледельческих цивилизаций (мир-империй), нечто отчасти подобное тому, что Э. Валлерстайн называет «полупериферией».

Понятие полупериферии в мир-системной теории было разработано главным образом для описания процессов в современной капиталистической мир-системе. Полупериферия эксплуатируется ядром, но и сама эксплуатирует периферию, а также является важным стабилизирующим элементом в мировом разделении труда. Однако Валлерстайн утверждает, что трехзвенная структура свойственна любой организации, между полярными элементами всегда существует промежуточное звено, которое обеспечивает гибкость и эластичность всей системе (центристские партии, «средний класс» и т.д.). В доиндустриальный период некоторые функции полупериферии могли выполнять торговые города-государства древности и средних веков (Финикия, Карфаген, Венеция и др.), милитаристические государства-«спутники», возникавшие рядом с высокоразвитым центром региона (Аккад и Шумер в Месопотамии, Спарта, Македония и Афины, Австразия и Нейстрия у франков) [Chaze-Dunn 1988], а также кочевые империи и квазиимперские политии номадов евразийских степей.

Империи номадов также являлись милитаристическими «двойниками» аграрных цивилизаций, так как зависели от поступаемой оттуда продукции. Однако номады выполняли важные посреднические функции между региональными «мир-империями». Подобно мореплавателям, они обеспечивали связь потоков товаров, финансов, технологической и культурной информации между островами оседлой экономики и урбанистической цивилизации.

Но было бы ошибкой считать кочевые империи классической полупериферией. Полупериферия эксплуатируется ядром, тогда как кочевые империи никогда не эксплуатировались аграрными цивилизациями. Всякое общество полупериферии стремится к технологическому и производственному росту. Подвижный образ жизни кочевниковскотоводов не давал возможности осуществлять значительные накопления (количество скота было ограничено

продуктивностью пастбищ и сильно зависело от природных напастей), а степное общество было основано на «престижной» экономике. Вся добыча, как это было показано в пятой главе, раздавалась правителями степных империй племенным вождям и скотоводам, а также потреблялась на массовых праздниках. Номады были обречены оставаться вечным хинтерландом мировой истории. Только завоевание ядра давало возможность стать «центром». Но для этого нужно было перестать быть номадами. Великий советник Чингисхана и его сына Угэдэй-хана образованный киданин Елюй Чуцай понял это, сказав впоследствии последнему: «Хотя [вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне» [Мункуев 1965: 19].

В первой главе уже было сказано, что прослеживается устойчивая корреляция между расцветом аграрной мир-империи (а также мир-экономики) и силой кочевых империй, которые существовали за счет выкачивания части ресурсов из оседлых городских государств. В истории Внутренней Азии подобная синхронность особенно очевидна. Не повторяя уже отмеченные совпадения, необходимо зафиксировать еще ряд важных соответствий. В период III-V вв. первый глобальный демографический кризис, почти наблюдавшийся в различных частях Старого Света [Biraben 1979]. Думается, он совсем не случайно совпал с эпохой Великого переселения народов. Вопреки обыденному мнению, номады вовсе не стремились к непосредственному завоеванию земледельческих территорий. Для этого им бы пришлось «слезть с коней» – поменять привычный вольный степной образ жизни. Номады обычно довольствовались доходами от внешнеэкс-плуататорской деятельности. Только в периоды кризисов и распада оседлых обществ (а демографический кризис как раз об этом свидетельствует) номады были вынуждены вступать в более тесные связи с земледельцами и горожанами. Образовавшийся экономический и демографический вакуум затягивал их внутрь земледельческого общества [Grousset 1939].

Образование империи Чингисхана и монгольские завоевания совпали с периодом максимального увлажнения в Монголии и степях Восточной Европы [Иванов, Васильев 1995 табл. 24, 25; Дем-кин, Сергацков, Демкина 2000; и др.], а также с демографическим и экономическим подъемом во всех частях Старого Света. Монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные экономические «ядра» (Европа, Ислам, Индия, Китай, Золотая

Орда) оказались объединенными в первую по-настоящему мир-систему [Abu-Lughod 1989]. В степи подобно фантастическим миражам возникли гигантские города — центры политической власти, транзитной торговли, многонациональной культуры и идеологии (Каракорум, Сарай-Бату, Сарай-Берке). С этого времени политические и экономические изменения в одних частях мира стали играть гораздо большую роль в истории других частей света.

Первая мир-система оказалась недолговечной. На рубеже XIV- XV вв. она распалась. Но из ее обломков выросла капиталистическая мир-система. Однако в этой новой системе кочевникам уже не нашлось места. В период первоначального накопления натуральная система производительных сил кочевников оказалась неспособной составить конкуренцию новым формам интеграции труда в рамках мануфактуры и фабрики. Появление многозарядного огнестрельного оружия и артиллерии постепенно положило конец военному преобладанию кочевников над земледельцами. Изменился политический статус степных обществ. В качестве «периферии» номады стали активно вовлекаться в орбиту интересов различных «субцентров» также сферу капиталистической мир-системы, a В влияния наиболее крупных модернизирующихся «мир-империй». В результате изменилась хозяйственная система скотоводства, приспосабливаясь к новым экономическим реалиям и частично ориентируясь на деформировалась общественная организация, начались внешний рынок, значительно болезненные аккультурационные процессы, сопровождающиеся ростом внутриэт-нического самосознания номадов и активизацией антигосударственных и антиколониальных движений. С этого времени номады – некогда «бикфордов шнур» истории цивилизаций (по образному замечанию Ф. Броделя) – оказались вытесненными с авансцены мировой истории.

Таковы некоторые общие соображения о роли номадов и месте кочевничества в рамках всемирно-исторического процесса (в том числе и хунну). Определенно, кое-кому такой подход покажется эклектичным. Однако на этот счет хотелось бы заметить, что любой «идеальный тип» отображает лишь какие-то стороны изучаемой реальности. Последняя всегда богаче, многообразнее созданной языком ученых логической структуры. Различные (и даже противоположные) парадигмы, как и разные логические модели, могут дополнять друг друга и одновременно являться истинными. Поэтому для меня нет противоречия, когда я говорю, что Хуннская империя являлась суперсложным вождеством с точки зрения неоэволюционистской

парадигмы и в то же время она может рассматриваться как типичный вариант ксенократического общества номадов или как фаза роста цивилизации кочевников Внутренней Азии. Возможно, какой-либо иной подход позволит увидеть совершенно иные особенности хуннского общества, которые остались за пределами моего внимания. Я буду этому только рад. Для меня навсегда останутся откровением последние строки из «Нуэров» Э. Эванса-Причарда, где он сравнивает ученого с путешественником в пустыне, у которого истощились все запасы. Он видит перед собой бесконечные дали, но вынужден повернуть назад. Утешением ему может быть только надежда, что те крохи новых знаний, которые он добыл, возможно, помогут комунибудь другому совершить новое, более продолжительное путешествие. И если читатели сочтут, что мне хотя бы отчасти удалось расширить наши представления о самой первой из кочевых империй Великой азиатской степи, я буду считать цель данной книги достигнутой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон СМ. 1971. *Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи*. Л.: Наука.

Абылхожин Ж.Б. 1991. Традиционная структура Казахстана. Социальноэкономические аспекты функционирования и трансформации: 1920— 1930-е гг. Алма-Ата: Наука.

Аверкиева Ю.П. 1970. *Индейское кочевое общество XVIII–XШвв*. М.. Наука.

Аверкиева Ю.П. 1974. *Индейцы Северной Америки (от родового общества к классовому)*. М.: Наука.

Агаджанов С.Г. 1991. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI– XИвв. М.: Наука.

Акбулатов И.М. 1998. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. – We. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.

Акишев А. К. 1984. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука.

Акишев К.А. 1977. Раннеклассовые общества на территории Южного Казахстана и Семиречья // *История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней* / Отв. ред. А.Н. Нусупбеков. Т. І. Алма-Ата: 284—320.

Акишев К.А. 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство.

Акишев К. А. 1986. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э. – V в. н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Алаев Л. Б. 1982. Опыт типологии средневековых обществ Азии // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М.: 6-59.

Алексеев В.М. 1958. Китайская классическая проза. М.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Ту мэн Д. 1987. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии: каменный век — эпоха раннего железа // *Археология*, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: 208–241.

Алекшин В.А. 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.: Наука.

Аммиан Марцеллин. 1994. Римская история/Пер. Ю.Кулаковского. СПб., Алетейя.

Амоголонов А. А. 1996. Курганы хуннской знати в Ильмовой пади // *Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока:* Тез. докл. XXXVI РАСК. Иркутск. Ч. 2: 92-93.

[255]

Амоголонов А.А. 2000. Некоторые проблемы изучения керамики хунну // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й РАЭСК. Т. 1. Новосибирск: 167–168.

Амоголонов А.А., Филиппова И. В. 1997. Лаковые и лакированные изделия в памятниках хунну // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАСК. Красноярск: 89-90.

Амоголонов А.А., Филиппова И.В., Коновалов П.Б., Данилов СВ. 1998. К вопросу о происхождении памятников хуннской знати / *Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока*: Тез. докл. XXXVIII PACK. Улан-Удэ: 39-42.

Аполлова Н.Г. 1948. *Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века*. Алма-Ата: Типография ЦК КП(б)К.

Артемова О.Ю. 1993. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации I Отв. ред. В. А Попов. М.: 40-71.

Архив ИИМК: Архив Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

Асалханов И. А. 1963. *Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в.* Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во.

Афанасьев Г.Е. 1993. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассобуртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука.

Афанасьев Г.Е. 1993a (отв. ред.). *Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев)*. М.: Наука.

Балков М.Н. 1962. *Бурятский крупный рогатый скот, его происхождение и пути улучшения*. Улан-Удэ.

Банзаров Д. 1955. Белый месяц. Празднование нового года у монголов // Собрание сочинений. М.

Баранкова Н.В. 2000. *Культурно-историческая интерпретация хуннской торевтики* (на материалах музеев Бурятии): Автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ.

Батнасан Г. 1978. Некоторые особенности современных кочевок и оседлости в МНР // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Бот І. Улаанбаатар: 68-71.

Батуев Б.Б. 1996. Буряты в ХШ-ХИП вв. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь».

Батуева И.Б. 1986. *Традиционные формы скотоводства у бурят во второй половине XIX – начале XX веков (Опыт историко-этнографического исследования):* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Батуева И.Б. 1992. *Буряты на рубеже XIX–XXвеков (Хозяйство бурят. Скотоводство в дореволюционный период): Историко-этнографический очерк.* Улан-Удэ.

Батуева И.Б. 1999. *История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке*. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ.

Беляев Е.А. 1965. *Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневе-ковье.* М.: Наука.

Бернабей М., Бондиоли Л., Гуиди А. 1994. Социальная структура кочевников савроматского времени // Статистическая обработка

[256]

погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха /Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: 159–184.

Бернштам А.Н. 1935. Историческая правда в легенде об Огуз-кагане // *Советская* э*тнография*. № 6: 33–43.

Бернштам А.Н. 1935а. К вопросу о социальном строе восточных гуннов // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. № 9-10: 226-234.

Бернштам А.Н. 1940. Из истории гуннов I в. до н.э. Ху-хань-е и Чжи-чжи шаньюи // Советское востоковедение. Вып. 1: 51–77.

Бернштам А.Н. 1951. Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ.

Бибиков С.Н. 1965. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (Опыт изучения первобытной экономики) // Советская археология. № 1: 48–62.

Бичурин Н.Я. 1834. *Историческое обозрение ойратов или калмыков с XVстолетия до настоящего времени*. СПб.: Типография Мед. деп-та Мин-ва внутр. дел.

Бичурин Н.Я. 1844. Земледелие в Китае с семьюдесятью двумя чертежами ранних земледельческих орудий. СПб.: Типография Праца.

Бичурин Н.Я. (перев.) 1950аб [1851]. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. І–П.

Бишони Р. 1994. Погребальный обряд как источник для исторической реконструкции // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1: Савроматская эпоха / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: 153-157.

БНМАУ-ын туух 1966 [История МНР]: *Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын Туух*. Бот 1. *Нэн эртнээс XVIIзуун* / Тэргуун редактор Ш. Нацагдорж. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Хэрэг Эрхлэх Хорос.

Бобровиков В.П., Бобровиков И.П. 1997. *STATISTICA*— Статистический анализ и обработка данных в среде WINDOWS. М.: Филинъ.

Бойко Ю. Н. 1986. *Социальный состав населения бассейна р. Ворсклы в скифское время (VII–III вв. до н.э.):* Автореф. дис.... канд. ист. наук. М.

Боковенко Н.А. 1986. *Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конек, снаряжения):* Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.

Боковенко Н.А., Засецкая И.П. 1993. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. Вып. 3. СПб.: 73–88.

Бондаренко Д.М. 1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек.* Общество. Власть. М.

Бонитировка 1995: *Бонитировка бурятских овец номадного содержания* / По-мишин СБ., Стариков Н.В., Тайшин ВА., Лхасаранов Б.Б. Улан-Удэ.

Боровкова Л.А. 1989. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – Vile. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.: Наука.

Боровкова Л .А. 1990. Где и когда еюнну вышли на историческую арену // XXI научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. /Отв. ред. А.Н. Хохлов. Ч. 2: 3–12.

[257]

Боталов С.Г. 1996. Зауральская Гунния II–IV вв. н.э. // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен*: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 9–12.

Боталов С.Г. 1996а. Этнокультурная ситуация в Урало-Ишимском междуречье в гунно-сарматское время // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара: 235—244.

Боталов С.Г., Полушкин Н.А. 19966. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: 178-193.

Бунятян Е.П. 1981. *Рядовое население степной Скифии IV–IIIвв. до н.э.:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Бунятян Е.П. 1982. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // *Теория и методы археологических исследований* / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: 136—184.

Бунятян Е.П. 1984. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ // Φ ридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: 109—124.

Бунятян Е.П. 1985. *Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–Шве. до н.э.)*. Киев: Наукова думка.

Бунятян Е.П. 1985а. О формах собственности у кочевников // *Археология и методы исторических реконструкций* / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: 21-43.

Бураев А. И. 1993. *Антропология средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Бураев А.И. 1996. Хунну, население культуры плиточных могил и их средневековые наследники (краниологический очерк) // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен*: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 12–13.

Буровский А.М. 1995. Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // *Цивилизации*. Вып. 3. М.: 151-164.

Вайнштейн СИ. 1972. *Историческая этнография тувинцев*. *Проблемы кочевого хозяйства*. М.: Наука.

Вайнштейн СИ. 1991. Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука.

Вайнштейн СИ., Волков В.В. 1962. Рец. на: Доржсурэн Ц. «Умард хунну». Улан-Батор, 1961 // Советская этнография. № 6:179—182.

Вайнштейн СИ., Крюков М.В. 1976. «Дворец Ли Лина» или конец одной легенды // Советская этнография. № 3: 137–149.

Ван Вэймао. 1983. Сюнну Лунчэн каобянь [Исследование сюннуских (собраний) в Лунчэне] // Лиши яньцзю. № 2: 142—144 (на кит. яз.).

Варенов А. В. 1995. Древнее население Алтая и происхождение сюнну// *Аборигены Сибири: проблемы исчезающих языков и культур:* Тез. докл. Новосибирск: 12–15.

Варенов А.В. 1996. Датировка оружия, изображенного на оленных камнях монголозабайкальского типа и проблема археологических

[258]

памятников ранних Сюнну // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ, 1996: 3-6.

Варенов А. В. 2000. Городище Цзяохэ в Турфанской впадине и проблема хуннского присутствия в Восточном Туркестане // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*. Мат-лы межд. конф. / Отв. ред. Б.В. Базаров. Т. І. Улан-Удэ: 129–132.

Варенов А.В., Полосьмак Н.В. 1989. Новые образцы поясных пластин гуннского времени из могильника Даодуньцзы в Северном Китае // Проблемы археологии скифосибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. П. Кемерово: ПО—114.

Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. 1993. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками // Из истории Золотой Орды. Казань: 33—44.

Васильев Л.С. 1980. Становление политической администрации (от локальной группы охотников собирателей к протогосударству-чиф-дом) // Народы Азии и Африки. № 1: 172—186.

Васильев Л.С. 1981. Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. № 6: 157–175.

Васильев Л.С. 1983. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука.

Васильев Л.С. 1993. История Востока. М.: Высш. школа. Т. 1-2.

Васильев Л.С. 1995. *Древний Китай*. Т 1: *Предыстория*, *Шан-Инь*, *Зап. Чжоу (до VIII в. до н.э.)*. М.: Восточная литература РАН.

Васютин С.А. 1998. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Васютин С.А., Юматов К.В. 1996. Генезис кочевой государственности сюнну в контексте исторических аналогий // Современные проблемы гуманитарных наук: Сб. статей молодых ученых Кузбасса. Вып. 1. Кемерово: 18–24.

Васютин С.А., Юматов К.В. 1996а. К вопросу о генезисе государства сюнну // Международная конференция «100лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 51–53.

Вернадский Г. В. 1996. История России. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ.

Вернадский Г. В. 1997. История России. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ.

Викторова Л.Л. 1980. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука.

Виноградов В.С. 1986. Питательная ценность зимних пастбищных кормов // Сборник трудов ЗабНИИТИОМС. Чита.

Владимирцов Б.Я. 1934. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР.

Волков В.В., Гришин Ю.С. 1970. Раскопки и разведки в Монголии // *Археологические открытия 1969 г.* М.

[259]

Воробьев М.В. 1994. *Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно)*. Владивосток: Дальнаука.

Вострецов Ю.Е. 1986. Метод лавдшафтного анализа (на примере поселений кроуновской культуры железного века в Приморье) // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: 135–147.

Вострецов Ю.Е. 1987. Жилища и поселения железного века юга Дальнего Востока СССР (по материалам кроуновской культуры): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.

Вострецов Ю.Е. 1987а. Некоторые демографические аспекты развития кроуновской культуры // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР / Отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: 34–42.

Гаврилюк Н.А. 1989. *Домашнее производство и быт степных скифов*. Киев: Наукова думка.

Гаврилюк Н.А. 1998. Скотоводство Степной Скифии. Киев.

Гаврилюк Н.А. 1999. *История экономики Степной Скифии. VI–IIIвв. до н.*э. Киев: Изд-во ИА НАНУ.

Гаврилюк Н.А. 2000. *Степная Скифия VI–IVвв. до н.э.* (эколого-эко-номический аспект): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.

Галибин В. А. 1985. Особенности состава стеклянных бус Иволгинского могильника хунну // Древнее Забайкалье и его культурные связи / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: 37–46.

Гарутт В.Е., Юрьев К.Б. 1959. Палеофауна Иволгинского городища по данным археологических раскопок 1949–1959 гг. // *Археологический сборник*. Вып.1. Улан-Удэ: 80–82.

Генинг В.Ф. 1984. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV— Ш вв. до н.э. по археологическим данным // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ /Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: 124–152.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. 1990. *Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников)*. Киев: Наукова думка.

Геродот 1972. История. Л.: Наука.

Гмыря Л.Б. 1980. «*Царство гуннов*» (савир) в Дагестане (IV-VII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Гмыря Л.Б. 1988. Об общественных отношениях у гуннов северо-восточного Кавказа VI–VII вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: 111-116.

Гмыря Л. Б. 1993. *Прикаспийский Дагестан в эпоху великого переселения народов. Могильники*. Махачкала: Изд-во Дагест. НЦ РАН.

Гмыря Л. Б. 1995. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала: Дагест. кн. изд-во.

Годинер Э.С. 1991. Политическая антропология о происхождении государства // Этинологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения I Отв. ред. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М.: 51–78.

Голден П.Б. 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Φ еномен восточного деспотизма: структура управления и власти / Отв. ред. НА. Иванов. М.: 211–233.

[260]

Гончаров С.Н. 1986. *Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127–1142)*. М.: Наука.

Горский А. А. 1989. Древнерусская дружина. М.: Прометей.

Го Сусинь, Тянь Гуанцзинь 1980. Сигоупань сюнну му [Хуннский могильник Сигоупань] // Вэньу. N» 7: 1–10 (на кит. яз.).

Гохман И.И. 1960. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // *Труды Бур. КНИИ СО АН СССР*. Вып. 3: 166-173.

Грайворонский В.В. 1979. *От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР)*. М.: Наука.

Грайворонский В.В. 1992. Традиции кочевой цивилизации и современный прогресс Монголии // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992): Доклады российской делегации. Ч. І. М.: 46-53.

Грайворонский В.В. 1997. *Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода (1980–1995)*. М.: Вост. лит-ра.

Грач А.Д. 1975. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии / Отв. ред. А.М. Решетов и Ч.М. Таксами. М.: 158-182.

Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука.

Гришин Ю.С. 1978. Раскопки гуннских погребений у горы Дархан // *Археология и этнография Монголии*. Новосибирск: 95–100.

Греков Б.А., Якубовский А.Ю. 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Грумм-Гржимайло Г.Е. 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.

Грязнов М.П. 1980. Аржан. Царский курганраннескифского времени. Л.: Наука.

Гумилев Л.Н. 1960. *Хунну. Срединная Азия в древние времена*. М.: Изд-во вост. литры.

Гумилев Л.Н. 1967'. Древние тюрки. М.: Наука.

Гумилев Л.Н. 1974. Хунну в Китае. М.: Наука.

Гумилев Л.Н. 1989аб. Хунны в Азии и Европе // *Вопросы истории*. № 6: 64-78; № 7: 21-38.

Гумилев Л.Н. 1993. Хунну. 2-е изд. СПб.: Тайм-Аут – Компасе.

Гумилев Л.Н. 1998. Сочинения. Т. 9: История народа хунну. Ч. 1–2. М.: ДИ-ДИК.

Давыдова А.В. 1956. Иволгинское городище // Советская археология. № 1: 261-300.

Давыдова А.В. 1960. Новые данные об Иволгинском городище //Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 3. Улан-Удэ: 143-165.

Давыдова А. В. 1965. *Иволгинское городище – памятник хунну в Забайкалье*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Давыдова А. В. 1971. К вопросу о хуннских художественных бронзах// Советская археология. N 1: 93–104.

[261]

Давыдова А.В. 1971а. Раскопки Иволгинского могильника // *Археологические открытия 1970 г.* М.: 208–210.

Давыдова А. В. 1974. Раскопки поселения хунну у с. Дурены // *Археологические открытия 1973 г.* М.: 195–196.

Давыдова А.В. 1975. Об общественном строе хунну // *Первобытная археология Сибири* / Отв. ред. А.Н. Мандельштам. Л.: 141–145.

Давыдова А.В. 1975а. О классификации памятников сюнну // *Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана* / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: 34-35.

Давыдова А.В. 19756. Раскопки поселения хунну у с. Дурены // *Археологические открытия 1973 г.* М.: 195–196.

Давыдова А.В. 1977. Основные вопросы изучения культуры хунну // *Проблемы археологии и этнографии*. Вып. 1. Л.: 82–90.

Давыдова А.В. 1978. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // Краткие сообщения института археологии. № 154. М.: 55-59.

Давыдова А.В. 1978а. О классификации и хронологии археологических памятников сюнну // *Проблемы археологии*. Вып. 2. Л.: 109–113.

Давыдова А. В. 19786. Раскопки поселения хунну у с. Дурены // *Археологические открытия 1977 г.* М.: 221.

Давыдова А. В. 1980. Новые данные о поселении хунну у с. Дурены// *Археологические открытия 1979 г.* М.: 200.

Давыдова А. В. 1982. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // Советская археология. № 1: 132-142.

Давыдова А.В. 1985. *Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье*. Л.: Изд-во ЛГУ.

Давыдова А. В. 1992. Бронзовая печать сюнну// Советская археология. № 1: 231-234.

Давыдова А. В. 1995. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. І: *Ивол-гинское городище*. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение» (Археологические памятники сюнну. Вып. 1).

Давыдова А.В. 1996. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. II: *Иволгинский могильник*. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение» (Археологические памятники сюнну. Вып. 2).

Давыдова А.В., Миняев С.С. 1973. Поселение хунну у с. Дурены// *Археологические открытия 1972 г.* М.: 209.

Давыдова А.В., Миняев С.С. 1974. Раскопки поселения хунну у с. Дурены // *Археологические открытия 1973 г.* М.: 198–199.

Давыдова А.В., Миняев С.С. 1975. Раскопки хуннских поселений в Забайкалье // *Археологические открытия 1974 г.* М.: 198–199.

Давыдова А.В., Миняев С.С. 1976. Раскопки поселения хунну у с. Дурены // *Археологические открытия 1975 г.* М.: 232.

Давыдова А.В., Миняев С.С. 1988. Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // Советская археология. № 4: 230–233.

Давыдова А.В., Миняев С. С. 1993. Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике // *Археологические вести*. № 2: 55–65.

[262]

Давыдова А.В., Шилов В.П. 1953. К вопросу о земледелии у гуннов // *Вестник* древней истории. № 2: 193–201.

Да Ла, Лян Цзинмин 1980. Хулусытай сюнну му [Хуннский могильник Хулустай] // Вэньу. № 7: 11–12 (на кит. яз.).

Дал ан Ч. 1983. *Монголия в XIII–XIV веках*. М.: Наука.

Данилов СВ. 1990. Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как источник по истории религиозных верований скотоводческих народов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.

Данилов СВ. 1996. К проблеме городов Хунну // Международная конференция «100лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 20-22.

Данилов СВ. 1998. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: 111–114.

Данилов СВ. 1999. Ильмовая падь — некрополь хунну // *Палеоэкология человека Байкальской Азии* / Отв. ред. Л.В. Лбова. Улан-Удэ: 81–86.

Данилов СВ., Жаворонкова Т.Д. 1995. Городище Баян Ундэр – новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: 26–36.

Данилов СВ., Филиппова И.В., Амоголонов А.А. 1998. Китайские зеркала из памятников хунну // *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*/Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: 115-121.

Дашибалов Б.Б. 1995. *Археологические памятники курыкан и хори*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.

Дашибалов Б.Б. 1996. Хунны и Курыканы // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 22–25.

Демкин В.А., Сергацков И.В., Демкина Т.С. 2000. Евразийская степь и кочевники: проблемы палеоэкологии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Мат-лы межд. конф. Т. І. Улан-Удэ: 84-88.

Дёрфер Г. 1986.0 языке гуннов $\ \ \, \mathcal U$ Зарубежная тюркология. Вып. 1: Древние тюркские языки и литературы. М.: 71–134.

Джафаров Ю.Р. 1981. Гунны и Азербайджан: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Баку.

Джафаров Ю.Р. 1986. Становление и распад в Восточном Предкавказье первого объединения гунно-булгарских племен // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: 137–140.

Дженито Б. 1994. Археология и современные концепции социальной организации кочевников // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып.1: Савроматская эпоха / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: 11–17.

[263]

Дигар Ж. - П. 1989. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций* / Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: 33–54.

Динесман Л.Г., Болд Г. 1992. История выпаса скота и развития пастбищной дигрессии в степях Монголии // Историческая экология диких и домашних копытных: История пастбищных экосистем / Отв. ред. Л.Г. Динесман. М.: 172–216.

Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В. 1989. *История степных экосистем Монгольской Народной Республики*. М.: Наука.

Дмитриев СВ. 2000. *Историко-этнографические аспекты политической культуры тюрко-монгольских кочевников*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Добролюбский А.О. 1978. О реконструкции социальной структуры общества кочевников средневековья по данным погребального обряда // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: 107-119.

Добролюбский А.0.1982.0 принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // *Теория и методы археологических исследований*. Киев: 54–68.

Долуханов П.М. 1972. География каменного века. М.: Наука.

Доржсурэн Ц. 1961. Умард хунну [Северные хунну]. Улаанбаатар (на монг. яз.).

Доржсурэн Ц. 1962. Раскопки могил хунну в горах Ноин-ула на реке Хуин-гол (1954—1957) // Монгольский археологический сборник / Отв. ред. СВ. Киселев. Новосибирск: 36—44.

Дулов В.И. 1956. Социально-экономическая история Тувы (XIX-начало XXв.). М.: Изд-во АН СССР.

Думан Л.И. 1970. Внешнеполитические связи Китая с сюнну в I– III вв. // Китай и соседи в древности и средневековье / Отв. ред. С.Л. Тихвинский и Л.С. Переломов. М.: 37–50

Думан Л.И. 1977. Расселение некитайских племен во внутренних районах Китая и их социальное устройство в III—IV вв. н.э. // Китай: история, культура и историография / Отв. ред. Н.Ц. Мункуев. М. Наука. 40-61.

Дьякова О. В. 1993. *Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства).* Ч. І–ІІ. Владивосток: Дальнаука.

Дьякова О.В., Коновалов П.Б. 1988. Хуннские традиции в средневековом гончарстве Дальнего Востока СССР // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века / Отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: 16–32.

Дюмезиль Ж. 1990. Скифы и нарты. М.: Наука.

Евтюхова Л .А. 1947. Развалины дворца в земле Хагяс // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. Вып. XXI: 79–85.

Е Лунли. 1979. *История государства киданей (Цидань го чжи) //* Пер., введ. и ком. В.С. Таскина. М.: Наука.

Ельницкий Л.А. 1977. *Скифия евразийских степей*. Новосибирск: Наука. [264]

Ермолаенко Л.Н. 1995. О духе кровожадных древних // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Челябинск. Ч. 5. Кн. 2: 22–29.

Жданко Т. А. 1968. Номадизм в средней Азии и Казахстане: некоторые историографические и этнографические проблемы // История, археология и этнография Средней Азии. М.: 274—281.

Железчиков Б.Ф. 1980. *Ранние кочевники Южного Приуралья:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Железчиков Б.Ф. 1984. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сар-матское время / Отв. ред. АИ. Мелюкова и др. М.: 65–68.

Жуковская Н.Л. 1988. *Категории и символика традиционной культуры монголов*. М.: Наука.

Журавлева А.Д. 1994. Соотношение керамических комплексов сюнну и культур юга Дальнего Востока (I тыс. до н.э.) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово: 10–27.

Засецкая И.П. 1971. *Гунны в южнорусских степях:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Засецкая И.П. 1994. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху* (конец IV–Vee.). СПб.: АО «Эллипс-Лтд».

Засецкая И.П. 1998. Культура кочевников южнорусских степей в гунн-скую эпоху (конец IV–Ува)/Гумилев Л.Н. Сочинения. Т. 9: История народа хунну. Ч. 1. М.: 350–387.

Зелинский А.Н. 1962. Рец. на: Гумилев Л.Н. «Хунну»// Материалы по этнографии (Доклады Γ O). Вып. 2. Л.: 54–63.

Зиманов С.З. 1958. *Общественный строй казахов первой половиныXIXв*. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР.

Златкин И.Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока: проблемы социально-экономического развития. М.: 131-193.

Зотов О. В. 1986. Хунну // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М.: 81–85.

Зотов О.В. 1990. Великая стена и восточный Туркестан в стратегии империй Хань и Мин // *XXI научная конференция «Общество и государство в Китае»* / Отв. ред. А.Н. Хохлов: Тез. докл. Ч. 2: 37–48.

Зотов О. В. 1994. Китай как «универсальная» монархия и псевдоданни-чество «варваров» // Восток. № 2: 16–25.

Зуев Ю.А. 1960. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: 93-140 {Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 8).

Зуев Ю.А. 1967. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Автореф. дис... канд. ист. наук. Алма-Ата.

Иванов М.С. 1961. Племена Фарса. Кашкайские, хасе, кухгилуйе, мама-сани. М.: Издво АН СССР (Труды Института этнографии. Нов. сер. Т. LXIII).

[265]

Иванов И.В., Васильев И.Б. 1995. *Человек, природа и почвы Рын-песков Волго- Уральского междуречья в голоцене*. М.: Интеллект.

Ивлиев А.Л. 1988. *Хозяйство и материальная культура киданей времени империи Ляо (по материалам археологических исследований):* Автореф. лис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Иностранцев К.А. 1926. Хунну и гунны. Л.

История МНР 1983: История Монгольской Народной Республики. 3-е изд. М.: Наука.

Ишжамц Н. 1972. Образование единого монгольского государства и установление феодализма. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Калиновская К.П., Марков Г.Е. 1987. Общественное разделение труда у скотоводческих народов Азии и Африки // Вестник МГУ, сер. ист. № 6: 56–69.

Кардини Ф. 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс.

Киселев СВ. 1949. Древняя история Сибири. М.: Изд-во АН СССР.

Киселев СВ. 1951. Древняя история Сибири. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР.

Киселев СВ. 1957. Древние города Монголии// Советская археология. № 2: 91-101.

Киселев СВ. 1958. Древние города Забайкалья //Советская археология. №4.

Кирюшин Ю.Ф., Мамадаков Ю.Т. 1996. Хуннское влияние на этногенез населения горного Алтая в конце І тыс. до н.э. // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен*: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 43–44.

Кичиков А.Ш. 1992. *Героический эпос «Джангар»*. Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука.

Кляшторный С.Г. 1964. *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*. М.: Наука.

Кляшторный С.Г. 1983. Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // История древнего мира. Т. III: Упадок древних обществ / Отв. ред. И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая. М.: 166–177.

Кляшторный С.Г. 1985. Рабы и рабыни в древнетюркс кой общине (по материалам рунической письменности Монголии) //Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: 159–168.

Кляшторный С.Г. 1986. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века / Отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов, М.: 312–339.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 1994. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 1998. Пазырыкская узда. К предыстории хунноюечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 70-летию со дня рождения АД. Грача. СПб.: 169—177.

[266]

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992. *Казахстан. Летопись трех тысячелетий*. Алма-Ата: Рауан.

Книга Марко Поло. 1956 / Пер. И.П. Минаева. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры.

Ковалев А.А. 1992. Варварские племена скифской эпохи на границах китайских государств (к проблеме локализации) // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. СПб.: 97–100.

Ковалев А.А. 1999. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю.В. Кирюшин и АЛ. Тишкин. Барнаул: 75-82.

Ковычев Е.В. 1984. *История Забайкалья (I – сер. II тыс. н.э.):* Учеб. пособие. Иркутск.

Ковычев Е.В., Ковычев Е.Е. 1996. Могильник хуннского времени Кия-13 // *Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока:* Тез. докл. XXXVI РАСК. Ч. 2. Иркутск: 100–103.

Коган Л.С. 1981. *Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана):* Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.

Кожанов СТ. 1987. Ханьские арбалеты // *Изв. СО АН СССР, сер. ист., фил., филос.* Вып. 2. № 10: 42–46.

Козин С. А. 1941. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240г. Т. І. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Козлов П. К. 1925. Северная Монголия. – Ноинулинские памятники // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монгольско-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: 1–12.

Козьмин Н.Н. 1934. K вопросу о турецко-монгольском феодализме. М.; Иркутск: ОГИЗ.

Колесников М.А. 1989. *Методы реконструкции хозяйственной деятельности в английской и американской «новой археологии»:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Комиссаров С.А. 1983. Новые находки гуннских памятников в Китае // XIV научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. Ч. 2. М.: 25-28.

Комиссаров С.А. 1989. Новые материалы по культуре Сюнну в Китае // *Цыбиковские чтения*: Тез. докл. Улан-Удэ: 67–70.

Комиссаров С.А., Алехин К.А. 1996. Юйвэнь и юйвэни // *Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография.* № 3: 112–115.

Кондратенко А.П. 1994. Западные хунны (Опыт этноисторической идентификации) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в III тысячелетии н.э. Кемерово: 27–45.

Коновалов П.Б. 1973. Новые данные по культуре хунну // *Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока*: Тез. докл. Новосибирск: 71-73.

Коновалов П.Б. 1973а. Раскопки в Ильмовой пади //Археологические открытия 1972 г. М.: 218-220.

[267]

Коновалов П.Б. 1974. Раскопки курганов хуннской знати в Ильмовой пади // Этнографический сборник БФ СО АН СССР. Вып. 6: 220–223.

Коновалов П. Б. 1975. *Погребальные памятники хунну:* Автореф. дис.... канд. ист. наук. Новосибирск.

Коновалов П.Б. 1975а. Погребальные сооружения хунну (по материалам раскопок «рядовых» могил) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: 17–46 (История и культура Востока Азии. Т. III).

Коновалов П.Б. 1976. *Хунну в Забайкалье (погребальные памятники)*. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во.

Коновалов П.Б. 1980. К коллекции хуннских бронз // Советская археология. № 4: 263-268.

Коновалов П. Б. 1984. Об этническом аспекте истории хунну // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: 70–74.

Коновалов П.Б. 1985. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // *Древние культуры Монголии* / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: 41–50.

Коновалов П.Б. 1993. К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии I Отв. ред. Б.Р.З ориктуев. Новосибирск: 5–29.

Коновалов П.Б. 1996. О происхождении и ранней истории Хунну // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 58—63.

Коновалов П. Б. 2000. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ.

Коновалов П.Б., Цыбиктаров А. Д. 1988. Некоторые материалы из новых хуннских памятников Забайкалья и Монголии // *Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье*. Улан-Удэ: 95–107.

Константин Багрянородный 1991. Об управлении империей. 2-е изд. / Отв. ред. Γ . Γ . Литаврин. М.: Наука.

Коротаев А.В. 1991. Некоторые экономические предпосылки классообразования и политогенеза //*Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А.В. Коротаев и В.В. Чубаров. Ч. І. М.: 136-191.

Коротаев А.В. 1997. *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы* эволюции сабейской цивилизации. М.: Вост. лит-ра РАН.

Коротаев А. В. 1997а. Факторы социальной эволюции. М.

Коротаев А.В. 1998. Общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н.э. – XX в. н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Коротаев А.В. 2000. От государства к вождеству? От тождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет) // Ранние формы социальной организации / Отв. ред. ВА Попов. СПб.: 224—302.

Косарев М.Ф. 1984. *Западная Сибирь в древности*. М.: Наука. [268]

Косарев М.Ф. 1989. К социально-экономической оценке кочевничества: (По западносибирским арх.-этн. материалам) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: 42–62.

Косарев М.Ф. 1991. *Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда.* М.: Наука.

Кочакова Н.Б. *Рождение африканской цивилизации: (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея)*. М.: Наука.

Кочакова Н.Б. 1995. Размышления по поводу раннего государства // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности I Отв. ред. В.А. Попов. М.: 153–164.

Кочешков Н.В. 1979. Декоративное искусство монголоязычных народов Ш-середины XXв. М.: Наука.

Кочешков Н.В. 1997. *Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: проблемы историко-культурных связей*. СПб.: Наука.

Крадин Н.Н. 1987. *Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе*. Владивосток (Деп. ИНИОН АН СССР № 29892).

Крадин Н.Н. 1989. Характерные черты кочевых империй Евразии // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*: Тез. докл. межд. конф. Ч. 3. М.: 75–76.

Крадин Н.Н. 1990. *Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока):* Автореф. лис. ... канд. ист. наук. Владивосток.

Крадин Н.Н. 1991. Особенности классообразования и политогенеза у кочевников // *Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития I* Отв. ред. А.В. Коротаев и В.В. Чубаров. Ч. II. М.: 301–324.

Крадин Н.Н. 1991а. Политогенез // *Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А.В. Коротаев и В.В. Чубаров. Ч. П. М.: 261-300.

Крадин Н.Н. 1992. *Кочевые общества (проблемы формационнойхарактеристики)*. Владивосток: Дальнаука.

Крадин Н.Н. 1993. Некоторые проблемы этносоциальной истории древних ухуаней // *Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий* / Отв. ред. Б.С. Сапунов. Благовещенск: 33–41.

Крадин Н.Н. 1993а. Структура власти в государственных образованиях кочевников // *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти* / Отв. ред. Н.А. Иванов. М.: 192–210.

Крадин Н.Н. 1994. Кочевые общества в контексте стадиальной эволюции // Этиографическое обозрение. № 1: 62–72.

Крадин Н.Н. 1994а. *Кочевые общества (проблемы формационной характеристики):* Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Крадин Н.Н. 19946. Социальный строй сяньбийской державы // *Ме-диевистские исследования на Дальнем Востоке России* / Отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: 22–36.

Крадин Н.Н. 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. ВА Попов. М.: 11–61.

[269]

Крадин Н.Н. 1995а. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // *Цивилизации*. Вып. 3. М.: 164–179.

Крадин Н.Н. 19956. Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII – начале XIII века // «Тайная история монголов»: источниковедение, филология, история / Отв. ред. Б.З. Базарова, П.Б. Коновалов. Новосибирск: 48–66.

Крадин Н.Н. 1996. Легенда о Модэ и образование Хуннской империи // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 44—46.

Крадин Н.Н. 1996а. Причины упадка и гибели Хуннской державы // Вестник ДВО PAH. № 2: 33-38.

Крадин Н.Н. 1997. Предмет и задачи политической антропологии // Политические исследования. № 5: 146-157.

Крадин Н.Н. 1997а. Проблемы социоестественной истории Хуннской державы // Человек и природа: Материалы VI научной конференции «Человек и природа – проблемы социоественной истории» / Отв. ред. Э.С. Кульпин. М.: 35-39.

Крадин Н.Н. 19976. Этапы отношений между Хуннской державой и династией Хань // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века: Тез. докл. Ч. 2. М.: 195-199.

Крадин Н.Н. 1998. Современные проблемы хуннологии // Гумилев Л.Н. *Сочинения*. *Т.* 9: История народа хунну. Ч. 1. М.: 416–444.

Крадин Н.Н. 1999. *Империя Хунну (структура общества и власти):* Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.

Крадин Н.Н. 1999а. Экономика кочевой империи: механизм власти хуннских шаньюев // *Традиционная культура Востока Азии*. Вып. 2 / Отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забияко. Благовещенск: 225–232.

Крадин Н.Н. 2000. Вероятная численность кочевого населения Бурятии в хуннскую эпоху // Вперед... в прошлое: К 70-летиюЖ.В. Андреевой/ Отв. ред. Ю.Е. Вострецов, НА Клюев. Владивосток: Дальнаука: 161–173.

Крадин Н.Н. 2000а. Имперская конфедерация Хунну: социальная организация суперсложного вождества // Ранние формы социальной организации I Отв. ред. В.А. Попов. СПб.: 195–223.

Крадин Н.Н. 20006. Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // *Восток*. Ме 3: 5–16.

Крадин Н.Н. 2000в. Кочевое хозяйство агинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // Studia etnologica Instituti Historiae Academiae Scientarum Mongoli. T. XII, Fasc. 11: 213–244.

Крадин Н.Н. 2000г. Некоторые аспекты экологии древних кочевников Забайкалья // *Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке* / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: 143–152 (*Труды ТИМ*120).

Крадин Н.Н. 2000д. Общественный строй жужаньского каганата // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова/ Отв. ред. Н.Н. Крадин и др. Владивосток: 80–94.

[270]

Крадин Н.Н. 2000е. О хозяйственной деятельности населения Ивол-гинского городища // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. МЛ. Бережнова, С.С. Тихонов, НА. Томилов. Владивосток-Омск: 142–144.

Крадин Н.Н. 2000ж. Стадиальные и цивилизационные особенности кочевых обществ // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии:* Мат-лы межд. конф. / Отв. ред. Б. В. Базаров. Т. І. Улан-Удэ: 74-79.

Крадин Н.Н. 2001. Кочевники в мировом историческом процессе // *Философия и общество*. № 2: 108–138.

Крадин Н.Н. 2001а. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // *Время мира:* Альманах. Вып. 2: *Структуры истории* / Отв. ред. Н.С. Розов. Новосибирск: 369–396.

Крадин Н.Н. 20016. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. N° 4: 21–32.

Крадин Н.Н. 2001в. Степная Бурятия в составе Хуннской империи // *Традиционная культура востока Азии*. Вып. 2. Благовещенск: 188–196.

Крадин Н.Н., Коротаев А.В., Бондаренко Д.М., Лынша В.А. 2000 (отв. ред.). *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.

Краснов Ю.А. 1986. Пахотные орудия хунну // Краткие сообщения института археологии. Вып. 186: 41–50.

Краснов Ю.А. 1987. Хозяйство и общественный строй степных племен Казахстана и Южной Сибири в раннем железном веке // История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. І: Предпосылки становления. Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI–V тыс. до н.э – Ітыс. н.э.) І Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: 314—327.

Кроль Ю.Л. 1970. Сыма Цянь – историк. М.: Наука.

Кроль Ю.Л. 1973. О концепции «Китай – варвары» // Китай: общество и государство / Отв. ред. Г Д. Сухарчук. М.: 13–29.

Кроль Ю.Л. 1984. О традиционной китайской концепции «равных государств» // XV научная конференция * Общество и государства в Китае». Ч. 1. М.

Крупник И.И. 1989. Арктическая этножология. М.: Наука.

Крюков М.В. 1972. Сыма Цянь и его «Исторические записки»//Сыма Цянь *Исторические записки*. Т. І. М.: 12–65.

Крюков М.В. 1981. Новые данные о системе налогов и повинностей в империи Хань // Вопросы истории Китая / Отв. ред. М.Ф. Юрьев и З.Г. Лапина. М.: 162–181.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. 1984. *Китайский этнос в средние века (VII–XIIIвв.)*. М.: Наука.

Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. 1983. *Древние китайцы в эпоху централизованных империй*. М.: Наука.

Крюков Н.А. 1895. *Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении*. СПб. [271]

Крюков Н.А. 1896. Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб. 233 с.

Крюков Н.А. 1896а. *Приамурский край на всероссийской выставке в Нижнем Новгороде*. Нижний Новгород: Типография Т-ва А. Ржонсницкаго.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. 1986. Керамическое производство хуннов Алтая // *Палеоэкономика Сибири*. Новосибирск: 111–118.

Куббель Л.Е. 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука.

Кудрявцев О. В. 1956. [Гл. 13, §6] Племена и народы Центральной Азии// Всемирная история. Том Π / Отв. ред. СЛ. Утченко. М.: 439–447.

Кудрявцев Ф.А. 1954. [Гл. 7] Экономическое развитие Бурят-Монголии в период разложения феодального строя и роста капиталистических отношений // История Бурят-Монгольской ACCP / Отв. ред. П.Г. Хаптаев. Т. І. Улан-Удэ: 173-205.

Кульпин Э.С. 1990. Человек и природа в Китае. М.: Наука.

Кульпин Э.С. 1998. Золотая Орда (проблемы генезиса Российского государства). М.

Кызласов Л.Р. 1969. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. М.: 115-124 (MUA № 119).

Кызласов Л.Р. 1979. Древняя Тува: (От палеолита до ІХв.). М.: Наука.

Кызласов Л. Р . 1984. *История Южной Сибири в средние века:* Учеб. пособие. М.: Высш. школа.

Кызласов Л. Р. 1992. *Очерки истории по истории Сибири и Центральной Азии*. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та.

Кызласов Л.Р. 1993. (отв. ред.). *История Хакасии с древнейших времен до 1917 года*. М.: Наука.

Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я. 1952. Рец. на: Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951 // Вестник древней истории. N° 1.

Кычанов Е.И. 1968. О ранней государственности у чжурчжэней //Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР / Отв. ред. Ю.А. Сем. Владивосток: 179–185.

Кычанов Е.И. 1973/1995. *Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир.* М.: Наука; 3-е изд. М.: Вост. лит-ра.

Кычанов Е.И. 1986. О татаро-монгольском улусе // *Восточная Азия и соседние территории в средние века* / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: 94-98.

Кычанов Е.И. 1990. О ранней государственности у киданей // *Центральная Азия и соседние территории в средние века* / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: 10–24.

Кычанов Е.И. 1992. Формы ранней государственности у народов Центральной Азии // Северная Азия и соседние территории в средние века I Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: 44–67.

Кычанов Е.И. 1997. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит-ра.

Кюнер Н.В. (пер.) 1961. *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*. М.: Изд-во вост. лит-ры.

[272]

Ларичев В. Е. 1973. *Путешествие в страну восточных иноземцев*. Новосибирск: Наука.

Лашук Л.П. 1967. О характере классообразования в обществе ранних кочевников // Вопросы истории. № 7: 105—121.

Лбова Л.В., Хамзина Е. А. 1999. *Древности Бурятии. Карта археологических памятников*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

Лидай 1958: *Лидай гэцзу чжуаньизи хуйбянь* [Собрание сведений о народах различных исторических эпох] / Сост. Цзянь Боцзань и др. Т. 1. Пекин (на кит. яз.).

Линховоин Л. 1972. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ.

Линь Ган 1979. Сюнну ши [История хунну]. Хух-Хото (на кит. яз.)

Лотт А. 1989. Туареги Ахаггара. М.: Наука.

Лубо-Лесниченко Е.И. 1994. *Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая)*. М.: Наука.

Лубсан Данзан 1973. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. Н.П. Шастиной. М.: Наука.

Любавский М. К. 1996. *Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века*. М.: Изд-во МГУ.

Ма Жэньнань 1983. Гуаньюй сюнну нули чжиды жогань вэньти [Некоторые вопросы о рабовладельческом строе у сюнну] // Чжунго ши яньцзю. № 3 (на кит. яз.).

Майдар Д. 1970. Монгапынхот тосгоны гурван зураг: Эрт, дундудуе, XX зууны эх I Три карты городов и поселений Монголии: Древние, средневековые и начала XXвека]. Улан-Батор (на монг. яз.).

Майский И.М. 1921. Современная Монголия. Иркутск.

Малинова Р., Малина Я. 1988. *Прыжок в прошлое: Эксперимент раскрывает тайны древних эпох.* М.: Мысль.

Мамонова Н.Н. 1974. К антропологии гуннов Забайкалья: (По материалам могильника Черемуховая падь) // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: 201–228.

Мамонова Н.Н., Тугутов Р.Ф. 1969. Раскопки гуннского могильника в Черемуховой пади //Археологический сборник. Вып. І. Улан-Удэ: 74-79.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. 1992. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: 196-205.

Маннай-Оол М.Х. 1986. *Тува в эпоху феодализма: (К вопросу о генезисе и развитии феодальных отношений)*. Кызыл: Тувинское кн. изд-во.

Марков Г.Е. 1976. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М.: Изд-во МГУ.

Марков Г.Е. 1989. Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран / Отв. ред. Г.Е. Марков. М.: 54–75.

[273]

Марков Г.Е. 1998. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории // *Восток*. № 6: 110–123.

Марковска Д. 1972. Процесс урбанизации в современной Монголии // Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. Бот І. Улаанбаатар: 285–290.

Мартынов А.В. 1970. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // *Китай и соседи в древности и средневековье* / Отв. ред. С.Л. Тихвинский и Л.С. Переломов. М.: 234–250.

Мартынов А. И. 1986. О древней государственности у народов Южной Сибири (к постановке проблемы) // *Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири*. Кемерово: 28–33.

Мартынов А.И. 1988. О развитии государственности у древних народов Сибири // Изв. СО АН СССР, сер. ист., фил., филос. № 3. Вып. 1: 23–28.

Мартынов А.И. 1989. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массой. Алма-Ата: 284–292.

Мартынов А. И. 1989а. Скифо-сибирский мир – степная скотоводческая цивилизация V–II вв. до н.э. // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. докл. Ч. 1. Кемерово: 5–12.

Мартынов А.И. 1996. О начале гуннской эпохи в степной Евразии (к проблеме номадизма) // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен*: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 33-36.

Мартынов А.И. 1996а. Археология. М.: Высш. школа.

Мартынов А. И. 2000. Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*: Мат-лы межд. конф. / Отв. ред. Б.В. Базаров. Т. І. Улан-Удэ: 80-84.

Мартынов А. И., Алексеев В.П. 1986. *История и палеоантропология скифосибирского мира*. Кемерово: Изд-во Кемеровск. ун-та.

Масанов Н.Э. 1984. *Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков*. Алма-Ата: Наука.

Масанов Н.Э. 1989. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массой. Алма-Ата: 55–81.

Масанов Н.Э. 1991. Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-жологические аспекты номадизма: Автореф. дис. ... дра ист. наук. М.

Масанов Н.Э. 1995. Историческая типология государственных структур и проблема их преемственности (на примере государственно-потестарных структур казахского общества) // Этнические аспекты власти I Отв. ред. В.В. Бочаров. СПб.: 36–50.

Масанов Н.Э. 1995а. *Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества)* // Алматы: Социнвест; М.: Горизонт.

Масанов Н.Э. 2000. Особенности функционирования традиционного общества казахов // Сезонный экономический цикл населения Северо-западного

[274]

Прикаспия в бронзовом веке / Отв. ред. Н.И. Шишкина. М.: 116-130 (Труды ТИМ 120).

Массой В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука.

Матвеев В.В. 1993. *Средневековая Северная Африка (Развитие феодальных отношений в VII–ЕС вв.)*. М.: Наука.

Материалы 1968: *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 1 / Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука.

Материалы 1973: *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 2 / Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука.

Материалы 1984: *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху I* Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука.

Материалы 1989: *Материалы по истории кочевых народов в Китае III– Vee.* Вып. 1: *Сюнну I* Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука.

Материалы 1990: *Материалы по истории кочевых народов в Китае III– Vee.* Вып. 2: *Цзе /* Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука.

Материалы 1992: *Материалы по истории кочевых народов в Китае III– Vee.* Вып. 3: *Мужуны /* Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука.

Ма Чаншоу 1954. Лунь сюнну булу гоцзяди нуличжи [Относительно рабовладельческой системы хуннского племенного государства] // Лиши Яньцзю. № 5: 99—119 (на кит. яз.).

Ма Чаншоу 1962. Бэй ди юй сюнну [Северные ди и хунну]. Пекин (на кит. яз.).

Ма Чаншоу 1962а. Ухуань юй сяньби [Ухуани и сяньби]. Шанхай (на кит. яз.).

Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов*. М. Наука (Свод археологических источников Д 1–4).

Меховский М. 1936. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Изд-воАН СССР.

Милов Л.В. 1998. *Русский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: РОССПЭН.

Миняев С.С. 1975. К хронологии сюннуских памятников Забайкалья// *Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана*. Л.: 47–48.

Миняев С.С. 1977. Результаты спектрального анализа бронзовых изделий из Дырестуйского могильника // *Археология Южной Сибири*. Вып. 9. Кемерово: 43–52.

Миняев С.С. 1979. Культура скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза хунну // *Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства*: Тез. докл. всесоюзн. археолог, конф. Кемерово: 74–76.

Миняев С.С. 1982. *Бронзовые изделия хунну. Типология, производство, распространение.* Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.

Миняев С.С. 1983. Производство бронзовых изделий у сюнну //Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: 47–63.

Миняев С. С. 1985. Исследования в Западном Забайкалье // *Археологические открытия 1983 г.* М.: 228-229.

Миняев С.С. 1985а. К проблеме происхождения сюнну // *Бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии*. Вып. 9. Москва: 70–78.

[275]

- Минясв С.С. 19856. К топографии курганных памятников скиту // *Краткие сообщения института археологии*. № 184: 21–27.
  - Миняев С.С. 1986. Исчезнувшие народы. Сюнну //Природа. № 4:42–53.
- Миняев С.С.1987. Дырестуйский могильник и проблема периодизации сюннуских памятников // Ист. чтения памяти М.П. Грязнова. Скифо-сибирская культурно-исторческая общность. Раннее и позднее средневековье: Тез. докл. Омск: 117–119.
- Миняев С.С. 1988. Комплекс погребений 44 в Дырестуйскомкомплексе // *Краткие сообщения института археологии*. Nb 194: 99–103.
- Миняев С.С. 1989. Рец. на: Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985 // Изв. СО АН СССР, сер. история, филология и философия. Вып. 1: 77–78.
- Миняев С.С. 1989а. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. докл. Ч. 1. Кемерово: 114-117.
- Миняев С.С. 1990. Азиатские аспекты «гуннской проблемы» //Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: 47–63.
- Миняев С.С. 1990а. «Сюнну-лечжуань» и проблема ранней истории сюнну // XXI научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. / Отв. ред. АН. Хохлов. Ч. 2: 149–153.
- Миняев С.С. 1991. О дате появления сюнну в *Ораосе // Проблемы хронологии в археологии и истории*. Барнаул: 108–120.
- Миняев С. С. 1992. Изучение погребений сюнну в Забайкалье // *Археологические вести*. № 1: 107—115.
- Миняев С.С. 1995. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования геометрического стиля в искусстве сюнну // Археологические вести. № 4: 123-136.
- Миняев С.С. 1998. Бронзовая пластина-пряжка из Дырестуйского могильника // *Археологические вести*. Ме 5: 156–158.
- Миняев С.С. 1998а. Дырестуйский могильник. СПб.: Азиатика (Археологические памятники сюнну. Вып. 3.).
  - Миронов К.Д. 1962. Забайкальская тонкорунная порода овец. Чита.
- Михеев В.К. 1986. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья Приазовья (середина VIII середина Хвв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев.
- МКК 10, 13: Материалы высочайше утвержденной под председательством статссекретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. СПб: Канцелярия комитета министров, 1898. Вып. 10. Вып. 13.
  - МНР 1986: Монгольская Народная Республика: Справочник. М.: Наука.
- Могильников В.В. 1992. Хунну Забайкалья //Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: 254–273.
- Молодин В.И., Че ре мис и н Д. В. 1996. Культуры гуннского времени на плоскогорье Укок (Южный Алтай) // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном

[276]

контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 47–49.

Мосс М. 1996. *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*. М.: Восточная литература.

Мункуев Н.Ц. 1965. *Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Еяюй Чу-цая.* М. Наука.

Мурзаев Э.М. 1952. *Монгольская Народная Республика*. *Физико-географическое описание*. 2-е изд. М.: Гос. изд-во географич. лит-ры.

Мэнэс Г. 1993. О соотношении одного погребального обряда хунну и дунху в свете археологических и этнографических данных // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Б.Р. Зориктуев. Новосибирск: 29–46.

НАРБ: Национальный архив Республики Бурятия, Улан-Удэ.

Насилов А.Д. 1986. Новые сведения о монгольском феодальном праве (по материалам «Восемнадцати степных законов») // *Mongolka: Памяти академика Б.Я. Владимирцова 1884—1931.* М.: 169–182.

Нестеров СП. 1990. *Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья*. Новосибирск: Наука.

Нибур Г. 1907. Рабство как система хозяйства. Этнологическое исследование. М.

Николаев Р.В. 1984. Хуннская экспансия и связанные с ней этнокультурные процессы в Сибири: (к постановке проблемы) // *Проблемы археологии степей Евразии*. Кемерово: 29—34.

Новгородова Э.А. 1989. Древняя Монголия. М.: Наука.

Новицкий В.Ф. 1911. Путешествие по Монголии, в пределах Тушету-хановского и Цецгн-хановского аймаков Халхи, Шилин-гольского чигулана и земель Чихаров Внутренней Монголии, совершенное в 1906 г. В.Ф. Новицким и М. О. Крачковским. СПб.

Новосельцев А. П. 1990. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.: Наука.

Обсуждение 1953: Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А.Н. Берн-штама «Очерки по истории гуннов» // Советская археология. XVII: 320-326.

Окладников А.П. 1951. Археологические исследования в Бурят-Монголии // Изв. АН *СССР*, сер. ист. и филос. Т. 8: 440–450.

Окладников А.П. 1952. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947–1950 годах // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 45: 40–47.

Осокин Т.М. 1906. *На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго- Западного Забайкалья.* СПб.

Павленко Ю.В. 1987. Пути становления раннеклассовых социальных организмов // Исследование социально-исторических проблем в археологии I Отв. ред. СВ. Смирнов. Киев: 72–85.

Павленко Ю.В. 1989. *Раннеклассовые общества (генезис и пути развития)*. Киев: Наукова думка.

Павленко Ю.В. 1991. Классообразование: становление и модели развития раннеклассовых обществ // Архаическое общество: Узловые проблемы

[277]

социологии развития / Отв. ред. А.В. Коротаев и В.В. Чубаров. Ч. ІІ. М.: 217-260.

Павленко Ю.В. 1996. *Іторш сеітоеоі цивилизаци. Соцюкультурнийроз-вшпок людства*. Кюв: Либщь.

Павленко Ю.В. 1996а. *Методологітш засади теоріц цивілізациного процесу*. Автореф лис. ... Д-ра фшос. наук. Киев.

Павленко Ю.В. 1997. Альтернативные подходы к осмыслению истории и проблема их синтеза // *Философия и общество*. JNfe 3: 93–133.

Павленко Ю.В., Смагулов Е.А. 1993. Гунни напередодт іх вторжения в Европу // *Археология*. № 1: 34–45.

Панов В.А. 1916. *К истории народов Средней Азии*. Вып. 1. *Сюнну (Хунну)*. *Турецкое происхождение народа Сюнну (Хунну) китайских летописей*. Владивосток: Изд-во А.В. Даттона.

Панов В. А. 1918. *К истории народов Средней Азии*. Вып. 2. Владивосток: Изд-во А.В. Даттона.

Певцов М.В. 1951. Путешествия по Китаю и Монголии. М.: Географиздат.

Першиц А. И. 1961. *Хозяйство и общественный строй Северной Аравии в XIX-* первой трети XX в. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во АН СССР.

Першиц А. И. 1968. Общественный строй туарегов в XIX в. // *Разложение родового строя и формирование классового общества* / Отв. ред. А.И. Першиц. М.: 320-355.

Першиц А. И. 1971. *Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время:* Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.

Першиц А.И. 1973. К вопросу о саунных отношениях // Основные проблемы африканистики. М.: 104–110.

Першиц А. И. 1976. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // *Становление классов и государства* / Отв. ред. А.И. Першиц. М.: 280–313.

Першиц А.И. 1994. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // *Война* и мир в ранней истории человечества. М., 1994: 129–244.

Першиц А.И. 1998. Кочевники в мировой истории// Восток. № 2:120–132.

Петров А.М. 1995. Великий шелковый путь. М.: Изд. фирма «Вост. литра» РАН.

Пиков Г.Г. 1989. Западные кидани. Новосибирск: Изд-во НГУ.

Пирожков СИ. 1976. *Демографические процессы и возрастная структура населения*. М.: Статистика.

Писаревский Н.П. 1989. *Изучение истории ранних скотоводческих обществ степи и лесостепи Евразии в советской археологии середины 20-х – первой половины 30-х* гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Кемерово.

Плано Кар пи ни 1957. История Монталов // *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* / Отв. ред. Н.П. Шастина М.: 23–83.

Плетнева С. А. 1981. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // *Вопросы истории*. № 6: 50–63.

Плетнева С.А. 1982. *Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей.* М.: Наука.

[278]

Покотилов Д. 1893. История Восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам). СПб.

Полосьмак Н.В. 1990. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск: 101–107.

Полосьмак Н.В. 1994. *«Стерегущиезолото грифы» (акалахинские курганы)*. Новосибирск: Наука.

Полосьмак Н.В. 1997. Пазырыкская культура: реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дне. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.

Попов А.В. 1986. Теория «кочевого феодализма» академика Б.Я. Вла-димирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников // *Mongolica: Памяти академика Б.Я. Владимирцова 1884—1931*. М.: 183-193.

Попов В.А. 1990. Этносоциальная история акановвXVI–XIX веках. М.: Наука,

Постнова Т. А. 1996. К проблеме хронологии культуры Хунну // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен*: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 55—58.

Потапов Л.П. 1975. О феодальной собственности на пастбища и кочевья у тувинцев (XVIII – начало XX вв.) // Социальная история народов Азии / Отв. ред. А.М. Решетов и Ч.М. Таксами. М.: 115–125.

Предбайкалье и Забайкалье 1965: *Предбайкалье и Забайкалье /* Отв. ред. В.С. Преображенский и др. М.: Наука. 492 с. (Природные условия и естественные ресурсы СССР. Т. 11).

Преображенский В.С., Фадеева Н.В., Мухина Л.И., Томилов Г.М. 1959. *Типы местности и природное районирование Бурятской АССР*. М.: Изд-во АН СССР.

Пржевальский Н.М. 1875. Монголия и страна тангутов. Т. І. СПб.

Прокопий Кесарийский 1993. *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история.* М.: Наука.

Пропп В.Я. 1976. Фольклор и действительность. М.: Наука.

Пуллиблэнк Э.Дж. 1986. Языкеюнну// *Зарубежная тюркология*. Вып. 1: *Древние тюркские языки и литературы*. М.: 29–70.

Пуляркин В.А. 1976. Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран. М.: Наука.

Пустовалов С.Ж. 1987. Этнотипология катакомбной культуры Северного Причерноморья: (По материалам погребального обряда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Пшеницына М.Н. 1992. Тесинский этап. Археология СССР// Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: 224-235.

Пыхтеев И.Ю. 1996. Забайкальские хунну в отечественной историографии // *Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока:* Тез. докл. XXXVI РАСК. Ч. 2. Иркутск: 98–100.

Пэрлээ X. 1957. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. № 3: 43–53.

[279]

Пэрлээ Х. 1974. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Древняя Сибирь. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири I Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: 271-274.

Пэрлээ Х. 1978. *Некоторые вопросы истории кочевой цивилизации древних монголов: JifxKiL* ... дис. д-ра ист. наук. Улан-Батор.

Радлов В.В. 1893. *К вопросу об уйгурах*. СПб. (Приложение к LXXII тому Записок Имп. Акад. наук. № 2.)

Радлов В.В. 1989. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука.

Радченко Г.Ф. 1983. *Страны Сахеля: состояние природной среды и проблемы развития сельского хозяйства*. М.: Мысль.

Рассадин В. И. 1992. Термины охоты и рыболовства в языке средневековых монголов // *Средневековая культура монгольских народов* / Отв. ред. Ш.Б. Чимитдоржиев и Ш. Нацагдорж. Новосибирск: 102–107.

Рафиков А.Х. 1952. Рец. на: Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951 // Вопросы истории. № 5.

Рашид ад-Дин 1946. Сборник летописей: Т. Ш. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Рашид ад-Дин 1952аб. Сборник летописей. Т. І, кн. 1–2. М.-Л.: Изд-во АН СССР.

Рашид ад-Дин 1960. Сборник летописей. Т. И. М.-Л.: Изд-во АН СССР.

РГИА: Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург.

РГИА ДВ: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, Владивосток.

Рейснер И.М. 1954. *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*. М.: Изд-во АН СССР.

Рец К. И. 2000. «Хуннский меч» из Черемуховой пади: к вопросу о датировке и типологии // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*: Матлы межд. конф. / Отв. ред. Б. В. Базаров. Т. І. Улан-Удэ: 122-125.

Рижский М.И. 1959. Гунны в Забайкалье // 3an. 4:117-142.

Рижский М.И. 1964. Гунны в Монголии и Забайкалье // Древняя Сибирь (макет 1 тома «Истории Сибири») / Отв. ред. А.П. Окладников. Улан-Удэ: 361-373.

Рижский М.И. 1968. Гунны в Забайкалье //*История Сибири*. Т. I / Отв. ред. А.П. Окладников. Л.: 342-353.

Ростопчин Ф.Б. 1933. Заметки о шахсевенах // Советская этнография. № 3-4: 88-118.

Рубрук Г. 1957. Путешествие в восточные страны // Путушествия в востояные страны Плано Карпини и Рубрука / Отв. ред. Н.П. Шастина. М.: 85–194.

Руденко СИ. 1961. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии (Доклады ΓO). Вып. 1: 2–15.

Руденко СИ. 1962. *Культура хуннов и ноинулинские курганы*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Румянцев Г.Н. 1954. [Гл. 2] Разложение первобытнообщинного строя и формирование патриархально-феодальных отношений на территории Бурят-Монголии (III в. до н.э. – XIV в. н.э.) // История Бурят-Монгольской ACCP / Отв. ред. П.Г. Хаптаев. Т. І. Улан-Удэ: 29–48.

[280]

Рязановский В. А. 1923. Обычное право монгольских племен. Ч. І. Обычное право монгольских народов // *Вестник Азии*. № 51. Харбин: 1–114.

Савинов Д.Г. 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ.

Савинов Д.Г. 1988. Система социально-этнического подчинения как фактор развития раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири // Историография и источники истории изучения опыта освоения Сибири: Тез. докл. Вып.1. Новосибирск: 83—84.

Савинов Д.Г. 1989. Соотношение социального уровня южносибирских археологических культур во второй половине I тыс. до н.э. // Проблемы археологии скифосибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. докл. Ч. 1. Кемерово: 12–16.

Салинз М. 2000. Экономика каменного века. М.: ОГИ.

Свинин В.В., Коновалов П.Б., Ганбаатар Д. 1986. Археологические исследования в МНР летом 1983 года // Археологические и этнографические исследования в бостонной Сибири (итоги и перспективы). Иркутск: 116–119.

Свинин В.В., Сэр-Оджав Н. 1975. Новый памятник хуннского искусства в Монголии // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 3. Иркутск: 184–192.

Семенюк Г.И. 1958. К проблеме рабства у кочевых народов // Изв. АН КазССР, сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 1. Алма-Ата: 55-82.

Семенюк Г.И. 1959. Рабство в Казахстане в XV–XIX веках // *ТИИАЭ АН КазССР*. Т. 6: 164-214.

Ситнянский Г.Ю. 1998. Сельское хозяйство киргизов: традиции и современность. М.

Скальник П. 1991. Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии // Советская этнография. N° 3: 144–146.

Скрынникова Т.Д. 1989. К вопросу о формировании монгольской государственности в XI–XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск: 29–45.

Скрынникова Т.Д. 1992. Потестарно-политическая культура монголов XI–XIII вв. // *Средневековая культура монгольских народов* / Отв. ред. Ш.Б. Чимитдоржиев и Ш. Нацагдорж. Новосибирск: 55–67.

Скрынникова Т.Д. 1994. *Харизма и власть в представлении средневековых монголов:* Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.

Скрынникова Т.Д. 1995. Представления монголов XIII века о власти и культ Чингисхана // «Тайная история монголов»: источниковедение, филология, история. Новосибирск: 66–88.

Скрынникова Т.Д. 19%. Социально-политическая организация и правовые нормы монголов XII–XIV вв. // Монголоведные исследования. Вып. 1. Улан-Удэ: 32-48.

Скрынникова Т.Д. 1997. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Вост. лит-ра.

Скрынникова Т.Д. 2000. Монголы: модель социополитической организации кочевников // $Ethnologica\ Instituti\ fflstoriae\ Academiae\ Scien-tiarum\ Mongoli\ XII:\ 346-364.$

[281]

Слудский А. А. 1953. Джугы в пустынях Казахстана и их влияние на численность животных // *Труды института зоологии АН КазССР*. Т. 2: 3–30.

Смагулов Е.А., Павленко Ю.В. 1992. К вопросу о гуннах Южного Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. СПб.: 198–201.

Смирнов К.Ф. 1964. Савроматы. М: Наука.

Смотрова В.И. 1991. Погребение с ажурными пластинами на острове Осиновом (Братское водохранилище) // *Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири* / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: 136–143.

Сорокин П.А. 1992. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат.

Сосновский Г.П. 1934. Нижне-Иволгинское городище // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. № 7-8: 150–156.

Сосновский Г. П. 1935. Дырестуйский могильник// *Проблемы истории* докапиталистических обществ. № 1-2: 168–176.

Сосновский Г.П. 1940. Ранние кочевники Забайкалья // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. VIII.

Сосновский Г.П. 1946. Раскопки Ильмовой пади// Советская археология. VIII: 51–58.

Сосновский Г.П. 1947. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикой // *Краткие* сообщения института истории материальной культуры. Вып. XIV: 35-39.

Сосновский Г.П., Шилов В.П. 1956. Гуннское объединение в Забайкалье // Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР / Отв. ред. П.Н. Третьяков и АЛ. Монгайт. М.: 412–419.

Степугина Т.В. 1983. Расцвет рабовладельческого общества в Китае// *История древнего мира*. Кн. 2: *Расцвет древних обществ* / Отв. ред. И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая. М.: 490–516.

Степугина Т.В. 1987. Древний Китай // *Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке* / Отв. ред. ИЛ. Стучевский. М.: 214-273.

Страбон 1993. География. М.: Ладомир.

Сухбаатар Г. 1973. К вопросу об исторической преемственности в истории древних государств на территории Монголии // *Туухийн суд-лал*. Т. IX. Улаанбаатар: 111–117.

Сухбаатар Г. 1975. К вопросу об этнической связи между хунну и сянь-би // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: 12–16 (История и культура Востока Азии. Т. III).

Сухбаатар Г. 1975а. Хунну нарын нийгмийн байгууллын тухай асуудлаас [К вопросу об общественном строе хуннов] // Туухийн судлал. Т. Х. Улаанбаатар: 145-175 (на монг. яз.).

Сухбаатар Г. 1976. К вопросу об этнической принадлежности хуннов (еюнну) // *Проблемы Дальнего Востока*. № 1: 123–133.

Сухбаатар Г. 1978. Некоторые вопросы истории хуннов (сюнну) // /// International Congress of Mongolists. Vol. 1. Ulan-Bator: 262-265.

Сухбаатар Г. 1980. $\it Хунну$ нарын аж ахуй, ниийгмийн байгуулал, соёл, угсаа гарал (м. э. $\it E. IV-m.$ э. $\it \Pi\it Syyh$) [Хозяйство, общественный строй, культура,

[282]

этническое происхождение гуннов (IV а до н.э. – П в. н.э.)]. Улан-Батор (на монг. яз.).

Сыма Цянь 1972. *Истерические записки*. Т. І/Пер., предисл. икоммент. Р.В. Вяткина. М.: Наука.

Сыма Цянь 1975. *Исторические записки*. Т. II / Пер., предисл. и ком-мент. Р.В. Вяткина. М.: Наука.

Сыма Цянь 1984. *Исторические записки*. Т. III / Пер., предисл. и ком-мент. Р.В. Вяткина. М.: Наука.

Сыма Цянь 1986. *Исторические записки*. Т. IV / Пер., предисл. и ком-мент. Р.В. Вяткина. М.: Наука.

Сыма Цянь 1987. *Исторические записки*. Т. V / Пер., предисл. и ком-мент. Р.В. Вяткина. М.: Наука.

Сыма Цянь 1992. *Исторические записки*. Т. VI / Пер., предисл. и ком-мент. Р.В. Вяткина. М.: Наука.

Сыма Цянь 1996. *Исторические записки*. Т. VII / Пер., предисл. и ком-мент. Р.В. Вяткина. М.: Наука.

Сэр-Оджав Н. 1971. *Древняя история Монголии (XIVв. до н.э. – XIIв. н.э.):* Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.

Сюй Тао 1996. «Китай» и северные «варвары» (IIIв. до н.э. – Vie. н.э.): взаимодействие народов и культур: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.

Сюнну 1961: *Сюнну шиляо хуэйбянь* [Сборник материалов по истории хунну]. Пекин (на кит. яз.).

Сюн Цуньжуй 1983. Сянцинь сюнну цзи ци югуаньди цзигэ вэньти [Доциньские сюнну, а также связанные с ними некоторые вопросы] // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. № 1: ПО—112 (на кит. яз.).

Таиров А.Д. 1993. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники уралоказахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: 3–23.

Тайшин В.А., Лхасаранов Б.Б. 1997. *Аборигенная бурятская овца.* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ.

Талько-Грынцевич Ю.Д. 1899. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела PIO. 1898 г. Т. 1. Вып. 2. М.

Талько-Грынцевич Ю.Д. 1902. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // *Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РТО. 1900 г.* Иркутск. Т. Ш. Вып. 2-3: 9-32; Т. IV. Вып. 2: 32-59.

Талько-Грынцевич Ю.Д. 1928. *Население древних могил и кладбищ забайкальских*. Верхнеудинск.

Талько-Грынцевич Ю.Д. 1999. *Материалы к палеоэтнологии Забайкалья I* Под ред. С.С. Миняева. СПб.: Фонд Азиатика (Археологические памятники сюнну. Вып. 4.).

Таскин В.С. 1968. Скотоводство у сюнну по китайским источникам // *Вопросы истории и историографии Китая* / Отв. ред. Л.И. Думай. М.: 21–44.

Таскин В.С. 1973. Предисловие // *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)* / Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. Вып. 2. М.: 3-17.

[283]

Таскин В.С. 1975. Отношения Китая с северными соседями в древности / *Проблемы Дальнего Востока*. N° 3.

Таскин В.С. 1984. Введение. Значение китайских источников в изучении древней истории монголов // *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху* / Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: 3–62.

Таскин В.С. 1986. О титулах шаньюй и каган // Mongolica: Памяти академика Б.Я. Владимириова 1884—1931. М.: 213—218.

Таскин В.С. 1989. Введение // *Материалы по истории кочевых народов в Китае* / Введ., пер. и каммент. В.С. Таскина. Вып. 1: Сюнну. М.: 5–28.

Теплоухов С. А. 1925. Раскопки кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монгольско-Тибетской экспедицией ПК. Козлова. Л.: 13–22.

Тизенгаузен В.1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. I. СПб.

Тизенгаузен В. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.* Т. II. М.-Л.

Тихвинский С.Л., Переломов Л.С. 1970(отв.ред.). Китайисоседи в древности и средневековье. М.: Наука.

Тойнби А.Дж. 1991. Постижение истории. М.: Прогресс.

Толстое СП. 1934. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах// *Изв. ГАИМК*. Вып. 103: 165-199.

Толстов СП. 1935. Военная демократия и проблема «генетической революции» // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 7-8: 175-216.

Толстов СП. 1935а. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. № 9: 3–41.

Толстов СП. 1948. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ.

Толыбеков СЕ. 1959. *Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв.* Алма-Ата: Казгосиздат.

Толыбеков СЕ. 1971. *Кочевое общество казахов в XVII* – начале *XX века. Политико-экономический анализ.* Алма-Ата: Наука.

Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И. 1994. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. № 1: 49–62.

Трепавлов В.В. 1989. Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск: 125–171.

Трепавлов В. В. 1993. Государственный строй Монгольской империиXIIIв.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука.

Трепавлов В.В. 1993а. Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. М.: 169–189.

Трепавлов В.В. 1995. Ногайская альтернатива: от государства к вож-деству и обратно // Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н.Н. Крадин и В.А. Лынша. Владивосток: 199–208.

Тумунов Ж.Ж. 1988. Очерки из истории агинских бурят. Улан-Удэ. Бурятское кн. изд-во.

[284]

Тур С.С. 1996. Гунны в средней Азии // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ, 1996: 6-9.

Тянь Гуанцзинь 1983. Цзиньняньлай нэй мэнгу дицюй сюнну каогу [Археология сюнну в районе Внутренняя Монголия за последние годы] // Каогу сюебао. JSfe 1: 27–35 (на кит. яз.).

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь 1980. Нэй Мэнгу Алучжайдэн фасянь-ды сюнну му [Хуннские вещи, найденные в Алучжайдэн, Внутренняя Монголия] // *Каогу*. № 4: 333–338 (на кит. яз.).

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь 1980а. Сигоупань сюнну му фаньиньды чжу вэньти [Проблемы, связанные с хуннским могильником Сигоупань] // Вэньу. N° 7: 13–17 (на кит. яз.).

Удальцова З.И. 1952. Рец. на: Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951 // *Большевик*. № 11.

Урбанаева И.С. 1994. *Человек у Байкала и мир Центральной Азии: философия истории*. Улан-Удэ.

Усуки Исао 1995. Монтору-но кёну хана [Сюннуские могилы в Японии] // Нора кокурицубункадзай кункюсё сорицу ёндзюсюнэнкинэн ром-бонсю (бункодзайронсо). Ч. 2. Нара: 773–793 (на яп. яз.).

У Чэнло 1984. *Чэкунго дулян хэн ши* [История мер и весов в Китае]. Шанхай: Шанхай шудянь (на кит. яз.).

У Энь 1981. Во го бэйфан гудай дуньу вэньти [Древние украшения с изображениями животных на севере нашей страны] // *Каогу сюебао*. N° 1: 45–62 (на кит. яз.).

У Энь 1983. Чжунго бэйфан цинтун тоудяо дайши [Бронзовые поясные украшения на севере Китая] // *Каогу сюебао*. N° 1: 25–37 (на кит. яз.).

У Э нь 1990. Лунь сюнну каогу яньцзю чжунди цзигэ вэньди [О некоторых проблемах археологического изучения сюнну] // *Каогу сюебао*. № 4 (на кит. яз.).

Федоров-Давыдов Г. А. 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ.

Филиппова И.В. 2000. Взаимоотношения между кочевниками и земледельцами на примере Хунну и Китая по археологическим материалам (к постановке проблемы) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й РАЭСК. Т. 1. Новосибирск: 212–214.

Филиппова И.В., Амоголонов А.А. 1997. Китайское зеркало изхунн-ского городища Баян-Ундэр // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII PACK. Красноярск: 90–91.

Филиппова И.В., Амоголонов А.А. 1998. Деревянные палочки для еды как элемент хунно-китайских отношений // *Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока:Тсз.* докл. XXXVIII РАЭСК. Улан-Удэ: 73–76.

Филиппова И.В., Амоголонов А.А. 2000. К вопросу о пришлых традициях в керамике хунну // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии:* Мат-лы межд. конф. / Отв. ред. Б.В. Базаров. Т. І. Улан-Удэ: 117-122.

[285]

Фрезер Дж. 1986. Золотая ветвь. М.: Политиздат.

Фурсов А. И. 1976. Некоторые общеэкономические проблемы развития Монголии в новое время. М. Деп. ИНИОН АН СССР № 968.

Фурсов А.И. 1988. Нашествия кочевников и проблема отставания Востока // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций на Востоке. Т. 1.: 182-185.

Фурсов А.И. 1995. [Глава 1]. Восток, Запад, капитализм // Капитализм на Востоке во второй половине XX века / Отв. ред. В.Г. Растянников. М.: 16-133.

Хазанов А.М. 1968. «Военная демократия» и эпоха классообразования // *Вопросы истории*. № 12: 87–97.

Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука.

Хазанов А.М. 1972. Сармато-калмыцкие параллели (к вопросу об однотипности кочевого хозяйства в одинаковом экологическом окружении // Проблемы алтаистики и монголоведения: Тез. докл. и сообщ. Элиста: 213–219.

Хазанов А.М. 1975. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука.

Хазанов А.М. 1975а. Некоторые аспекты экологии номадизма // *Карта, схема и число* в этнической географии. М.: 43–50.

Хазанов А.М. 1976. Роль рабства в процессах классообразования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства / Отв. ред. А.И. Першиц. М.: 249—279.

Хазанов А.М. 1979. Классообразование: факторы и механизмы // *Исследования по общей этнографии* / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: 125–177.

Халдеев В.В. 1987. Сколько было сарматов? // Советская археология. № 3: 230-231.

Халиль Исмаил 1983. *Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50–80 гг.:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Хамзина Е.А. 1982. Археологические памятники Бурятии. Новосибирск: Наука.

Хандсурэн Ц. 1993. Жужаньское ханство // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Б.Р. Зориктуев. Новосибирск:: 66–106.

Хафизова К.Ш. 1995. *Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV- XIX вв.)*. Алматы: Гылым.

Хёфлинг Г. 1986. Жарче ада. М.: Мысль.

Худяков Ю.С. 1986. *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука.

Худяков Ю.С. 1989. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // *Керамика как исторический источник* / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: 134—152.

Худяков Ю.С.1989а. Структура военной организации у хуннов, сложение десятичной системы деления войска и народа у азиатских кочевников // Проблемы археологии скифосибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. докл. Ч. 1. Кемерово: 117–119.

[286]

Худяков Ю.С. 1990. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в хуннскую эпоху // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. 2. М: 103-116.

Худяков Ю.С. 1992. Новые материалы хуннского времени в Горном Алтае // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. СПб.: 192–195.

Худяков Ю.С. 1996. Хунны в Саяно-Алтае // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»; Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 40–42.

Худяков Ю.С, Цэвэндорж Д. 1990. Новые находки хуннских луков в гобийском Алтае // *Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии* / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацаг-дорж. Новосибирск: 126–132.

Цай Дунфань 1983. *Цинь Хань яньци* [История Китая династий Цинь и Хань]. 4.1. Тайбэй: Дицю чубаньшэ (на кит. яз.).

Цалкин В.И. 1966. *Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии*. М.: Наука (*МИА* 135).

Цалкин В.И. 1968. Фауна из раскопок Кара-Карума // *Краткие сообщения института археологии*. Вып. 114. М.

Цзи Юн 1955. *Хань тай дуй сюннуди фанюй чжаньчэн* [Оборонительные войны Хань с сюнну]. Шанхай (на кит.яз.).

Цыбиктаров А.Д. 1986. Новые материалы по хунну южного Забайкалья // *Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы):* Тез. докл. / Отв. ред. Г.И. Медведев, В.В. Свинин. Иркутск: 133–135.

Цыбиктаров А. Д. 1989. *Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Цыбиктаров А.Д. 1996. К вопросу об участи населения культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья в формировании культуры Хунну // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ, 1996: 16–20.

Цыбиктаров А.Д. 1997. *История исследования культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья*. Улан-Удэ.

Цыбиктаров А.Д. 1998. *Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ.

Цыбиктаров А.Д. 1999. *Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века).* Улан-Удэ: Изд-во БГУ.

Цэвэндорж Д. 1985. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972—1977 гг.) // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: 51–87.

Цэвэндорж Д. 1996. Новые памятникихуннской знати // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 13–16.

[287]

Цэрэндулам Р. 1975. *Кормовыересурсы МНР. Авгореф.дяс* –Д-рас.-х. наук. Дубровице.

Черненко Е.В. 1981. Скифские лучники. Киев: Наукова Думка.

Черненко Е.В. 1984. Скифо-персидская война. Киев: Наукова Думка.

Чернышев А.И. 1990. *Общественное и государственное развитие ойра-товвХУШв*. М.: Наука.

Чистяков В.Ф 1996. Глобальные вариации светимости Солнца и колебания климата Земли // Вестник ДВО РАН. № 2: 75–85.

Чогдон Ж. 1980. Обводнение пастбищ: на примере МНР. М.: Колос.

Шавкунов Э. В. 1973. Обследование гуннских городищ в Монголии // Археологические открытия 1972 г. М.: 506-507.

Шавкунов Э.В. 1978. Об археологической разведке отряда по изучению средневековых памятников // *Археология и этнография Монголии*. Новосибирск: 16–22.

Шахматов В.Ф. 1955. О происхождении двенадцатилетнего животного цикла летоисчисления кочевников // Вестник АН КазССР. № 1.

Шахматов В.Ф. 1962. *Патриархально-феодальные отношения в Казахстане: вопросы зарождения, специфики и эволюции:* Доклад ... д-ра ист. наук. Алма-Ата.

Шахматов В.Ф. 1964. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата: Наука.

Шефер Э. 1981. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. М.: Наука.

Шилов В.П. 1975. Модели скотоводческих хозяйственных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // Советская археология. Ne 1: 5–16.

Ши цзин: 1987. Шицзин. Книга песен и гимнов / Пер. А Штукина. М.: Худож. лит-ра.

Шишлина Н.И. 1997. Заметки о характере скотоводческого хозяйства в современной республике Калмыкия // Степь и Кавказ. М.: 106–109 (Труды ТИМ 97).

Шишлина Н.И. 2000 (отв. ред.). Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. М. (Труды ТИМ 120).

Штаерман Е.М. 1989. К проблеме возникновения государства в Риме // *Вестник древней истории*. № 2: 76–94.

Эггенберг А.Я. 1927. Забайкальская овца и овцеводство в степном районе Читинской области. Хабаровск: Типография акционерного общества «Книжное дело».

Эйгенсон М.С. 1957. *Очерки физико-географических проявлений солнечной активности*. Львов: Изд-во Львовского ун-та.

Юнатов А. А. 1946. Изучение растительности Монголии за 25 лет// *Труды Комитета наук МНР*. Т. 2. Улан-Батор.

Якобсон В. А. 1997. Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. № 1: 5–15.

Ямсков А.Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа // *Советская этнография*. № 5: 22-34.

[288]

Яценко С.А. 1992. Элементы культуры хунну на территории Сарматии // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.). Доклады российской делегации. Ч. І. М. 247–252.

Яценко С.А. 1996. Письменные и археологические источники о государственности и общественном строе кочевых Сарматоаланов I–IV вв. н.э. // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен*: Тез. докл. Ч. І. Улан-Удэ: 152–156.

Яшнов Е.Е. 1926. *Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии*. Экономический очерк. Харбин: Типография КВЖД.

Abu-Lughod J. 1989. *Bφze European hegemony: The World-System AD. 1250–1350.* New York: Oxford University Press.

Adams R. 1975. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin: University of Texas Press.

Altheim F. 1957. Attila mddie Hunnen. Baden-Baden.

Altheim F. 1959. Geschichte der Hunnen. Bd. L Berlin: de Gruyter. VIII. 463 S.

Altheim F. 1962. Geschichte der Hunnen. Bd. IV. Berlin: de Gruyter. VII. 388 S.

Bacon E. 1954. Types of Pastoral Nomadism in Central and Southwestern Asia // Southwestern Journal of Anthropology. 10, No. 1: 44–68.

Bacon E. 1958. *Obok. A Study of Social Structure of Eurasia*. New York: Wenner-Gren foundation for anthropological research.

Barfield T. 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // *Journal of Asian Studies*. Vol. XLI, No. 1: 45–61.

Barfield T. 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell (First published in 1989).

Barfield T. 1995. Explaining Crisis and Collapse: Comparative Succession Systems in Nomadic Empires // Ethnologische Wege und Lehrjahre ernes Philosophen. Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburstag / Hrsg. D. Schorkowitz. Frankfurt am Main etc.: 187–208.

Barth H. 1973. A general perspective on nomad-sedentary relations in the Middle East // *The desert and the sown: nomads in the wider society* / Ed. by C Nelson. Berkeley: 11-21.

Berent M. 2000. The Stateless Polis: the Early State in the Ancient Greek Community // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev et al. Vladivostok: 225–241.

Bielenstein H. 1967. The Restoration of the Han Dynasty. Vol.111. People // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. No. 39. Stockholm 1–198.

Binford L. 1971. Mortuary Practice: Their Study and Their Potential // Memories of the Society for American Archaeology. 25: 6–28.

Binford L. 1980. Willow smoke and dog's tails: hunter-gatherer settlement system and archaeological site formation // *American Antiquity*. 45(1): 4–20.

Biraben J.-N. 1979. Essai sur 1'evolution du nombre des homines // *Population* 34 (1): 13-24.

Buruham Ph. 1979. Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Society // Pastoral Production and Society. Cambridge: Cambridge Univ. Press: 349-360.

[289]

Carneiro R. 1970. A theory of the origin of the state // Science. No. 169 (3947): 733-738.

Carneiro R. 1981. The chiefdom as a precursor to the state // *The transition to statehood in Ok New World* / Ed by G.J. Jones, R Kautz. Cambridge: 37–79.

Carneiro R. 1992. The Calusa and the Powhatan, Native Chiefdoms of North America // Reviews in Anthropology. 21 (1): 27–38.

Carneiro R. 2000. Process vs. Stages: a false dichotomy in tracing the rise of the state // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev et al. Vladivostok: 52–58.

Chaze-Dunn Chr. 1988. Comparing world-systems: toward a theory of semiperipherial development // *Comparative civilizations review*. 19: 29–66.

Claessen 1986. Kingship in the early state // Bijdragen tot de Taal-Land-en Volkenkunde. 142 (1): 113-129.

Claessen 2000. *Structural Change. Evolution and evolutionism in cultural anthropology.* Leiden: Research School CNWS, Leiden University.

Claessen H.J.M., Skalnik P. 1978 (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton.

Claessen H.J.M., Skalnik P. 1981 (eds.). The Study of the State. The Hague: Mouton.

Claessen H.J.M., van de Velde P. 1987 (eds.). Early State Dynamics. Leiden: Brill.

Claessen H.J.M., van de Velde P. 1991 (eds.). *Early State Economics*. New Brunswick, London: Transaction Publishers.

Cohen R., Service E. 1978 (eds.). *The Origin of the State*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.

Cook S., Heizer R. 1968. Relationship among houses, settlement areas, and population in aboriginal California // Settlement Archaeology / Ed. by K. Chang. Palo alto: 79-116.

de Crespigny R. 1984. *Northern Frontier: the Policies and Strategy of the Later Han Empire*. Canberra: Australian National University Press.

Creel H.G. 1965. The Role of Horse in the Chinese History // *American Historical Review*. Vol. 70, No. 3.

Dalton G. 1971. Economic anthropology and development, essays of tribal and peasant economies. New York: Academic Press.

Davydova A.V. 1968. The Ivolga Gorodiscche – a monument of the Hiung-nu culture in the Trans-Baikal Region // *Acta Arcaeologica Hungariacae*. Vol. 20: 209-245.

Deguignes J. 1756–1758. Histoiregenerate desHuns, des Turcs, desMongols et des autres Tatares occidentaux, ouvrage tire des livres chinois. Paris.

Derevencki J.C. 1997. Linking age and gender as social variables // Ethnographische-archeologische Zeitschrift. 38 (3-4): 485–493.

Doerfer G. 1973. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. Vol. XVII, No. 1: 1-50.

Dugarjav Ch., Galbaatar T. 2000. Ashort history of the study of grassland and ecosystems on Mongolia // *International symposium on «Nomads and use of Pastures today»*. Ulanbaatar 238–241.

[290]

Earle T. 1987. Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective // *Annual Review of Anthropology*. 16: 279–308.

Earle T. 1991 (ed.). *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Earle T. 1997. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press.

Eberhard W. 1940. Chronologische Ubersicht uber die Geschichte der Hunnen in der spateren Han-Zeit (25n Chr. – 220n Chr.) // *Turk Tarin Kurumu Belleten*. 4 (16). Ankara: 387–441.

Eberhard W. 1969. A History of China. Berkeley etc. Egami Namio 1948.

Yurashiya Kodai Hoppo Bunka (kodo bunka ronko) [The Northern Culture in Ancient Eurasia (The Essay in the Hsiung-nu culture)]. Kyoto (in Japanese).

Egami Namio 1956. Kedo no keidzai kapudo [The economic activities of the Hsiung-nu] // *Toye bunka kenkudze kie.* № 9: 54–57 (in Japanese).

Egami Namio 1963. The economic activities of the Hsiung-nu // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 5. М.: 353–354.

Eisenstadt S. 1963. The Political Systems of Empires. London: Coller-Macmillan.

Fletcher J. 1986. The Mongols: ecological and social perspectives // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 46. No. 1: 11–50.

Franke H. 1987. The role of the state as a structural element in polyethnic societies // Foundation and Limits of State Power in China / Ed. by S.R. Schram. London: 87–112.

Fried M. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.

Gailey C, Patterson Th. 1988 (eds.). Power Relations and State Formation. Washington.

Geliner E. 1988. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Basil Blacwell. Great Wall 1986. Beijing: Cultural Relics Publishing House.

Gribb R. 1991. Nomads in archaeology. Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press.

de Groot J.M. (ubrsz.) 1921. Chinesische Uhrkunden zur Geschichte Asiens.

Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Bd. I. Berlin-Leipzig: de Gruyter.

Grousset R. 1939 [1969]. L'empire dessteppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. Paris: Payot.

Haas J. 1982. The Evolution of the Prehistoric State. N.Y.: Columbia Univ. Press.

Harmatta J. 1952. The Dissolution of the Hun Empire / Acta Archaeologica. T. 2. F. 4: 277-304.

Harmatta J. 1958. La societe de Huns a L'epoque d'Attila // Recherches Internationales a la Lumiere du Marxisme. 2: 179–238.

Hassan F.A. 1978. Demographic Archaeology // Advances in archaeological Method and Theory. Vol.1 / Ed. by M. Shiffer. New York: 49–103.

Hayashi T. 1984. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. VI. Tokyo: 51–92.

Hayashi T. 1985. Ryakudatsu, noko, koeki kara mita yuboku kokka no hatten: Tokketsu no baai [The Development of a Nomadic Kingdom seen from the

[291]

Perspectives of Pillage, Agriculture and Trade: In the Case of Tuque] // Toyoshi kenkyu. Vol. XLIV, No. 1: 110-136.

Hirth F. 1900. Sinologische Beitrage zur Geschichte der Turk-volker. 1. Die Ahnentafel Attila's nach Johannes von Thurocz // Изв. Имп. Акад. наук. Т. XIII, # 2.

Hulsewe A.F.P. 1979. China in Central Asia, The Early Stage: 125 B.C. -A.D. 23. Leiden: Bril.

Irons W. 1979. Political Stratification Among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. Cambridge: 361–374.

Jagchid S. 1977. Patterns of Trade and Conflict Between China and the Nomads of Mongolia // Zentralasiatische Studien. Bd. 11: 177–204.

Jagchid S., Symons V.J. 1989. Peace, War and Trade along the Great Wall:Nomadic-Chinese Interaction through two Millennia. Bloomington.

Jarman M, Vita-Fini C, E.Higgs F. 1972. Site catchment analysis in archaeology // Man, Settlement, and Urbanism / Ed. by P. Ucko, R. Tringham, and G.Dimbleby. London etc: 61–66.

Jettmar K. 1951/1952. Hunnen und Hiung-nu – ein archaologisches Problem // *Archivfur Volkerkunde*. 6/7: 166–180.

Jettmar K. 1966. Die Entstehung der Reiternomaden // Saeculum. Bd. 17 (1-2).

Jettmar K. 1995. Arbeitsteilung in Stameskonfederationen // Ethnologische Wege und Lehrjahre eines Philosophen. Festschrift für Lawrence Krader turn 75. Geburstag/ Hrsg. D. Schorkowitz. Frankfurt am Main etc.: 178–186.

Johnson A., Earle T. 1987. *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State.* Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press.

Khazanov A.M. 1981. The Early State among the Eurasian Nomads // *The Study of the State* / Ed. by H.J.M. Claessen and P. Skalnik. The Hague: 155-175.

Khazanov A.M. 1984/1994. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2 nd ed. Madison, WI: University of Wisconsin Press.

Khazanov A.M. 1990. Ecological limitations of nomadism in the Eurasian steppes and their social and cultural implications //Asian and African Studies. Vol. 24, No. 1: 1-15.

Khazanov A.M. 1992. Nomads and oases in Central Asia // *Transition to modernity* / Ed. by J.A. Hall and I.C. Jarvie. Cambridge etc.: 69–89.

Koymen M. 1944. Der Hsiung-nu Stamm der Tu-ku (Tu-ko) // Ankara Universitesi Dil ve Tarin-Cografya Fakultesi Dergisi. 3/1. Ankara: 60–68.

Krader L. 1959. Ecology of Nomadic Pastoralism // *International Social Science Journal*. Vol. XI, No. 4: 499-510.

Krader L. 1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton.

Krader L. 1968. Formation of the State. Englewood Cliffs, New York: Prentice-Hall.

Krader L. 1978. The Origins of the Nomads of Asia// *The Study of the State* / Ed. by H.J.M. Claessen and P. Skalnik. The Hague: 93–107.

Kradin N.N. 1993. Specific Features of Evolution in the Nomadic Societies // *Prehistory and Ancient History*. 4 (5). Seoul: 165–183.

[292]

Kradin N.N. 1995. The Origins of the State Among the Pastoral Nomads // Ethnologische Wege und Lehrjahre eines Philosophen. Festschrift fur Lawrence Kraderzum 75. Geburstag / Hrsg. D. Schorkowitz. Frankfurt am Main etc.: 163-177.

Kradin N.N. 1995a. The Transformation of Political Systems from Chiefdom to State: Mongolian Example, 1180(?)–1206 // *Alternative Pathways to Early State I* Ed. by N.N.Kradin and VA. Lynsha. Vladivostok: Dalnauka: 136–143.

Kradin N.N. 1996. Social Evolution among the Pastoral Nomads //XIII-temational Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences (Forli – Italia - 8/14 September 1996). Section 16. The Prehistory of Asia and Oceania. Colloquium XXXI. The Evolution of Nomadic Herding Civilizations in the Northern European Steppes: the Tools of Archaeology and History Compared. Forli: 11-15.

Kradin N.N. 2000. Hsiung-nu (200 BC – 48 AD) // Civilizational models of politogenesis / Ed. by D.M. Bondarenko and A.V. Korotayev. Moscow: 278- 304.

Kradin N.N. 2000a. Nomadic Empires in Evolutionary Perspective // Alternatives of Social Evolution / Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev et al. Vladivostok: 274–288.

Kradin N.N., Danilov S.V., Konovalov P.B. 2000. Social Structure of the Transbaikal Hsiungnu // *International Conference «Hierarchy and Power in the History of Civilizations»:* Abstracts. Moscow: 72–73.

Kradin N.N., Korotayev A.V., Bondarenko D.M., de Munck V., Wason P.K. 2000 (eds.). *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

Kradin N.N., Lynsha V.A. 1995 (eds.). *Alternative Pathways to Early State*. Vladivostok: Dalnauka.

Kroll J.L. 1996. The Jimi Foreign Policy under the Han // The Stokholm Journal of East Asian Studies. Vol. 7: 72–88.

Kwanten L. 1979. *Imperial nomads: A history of Central Asia, 500–1500*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.

Lattimore O. 1940. Inner Asian Frontiers of China. New York, London: Oxford Univ. Press.

Loewe M.A. 1967ab. *Recordsofthe Han Administration*. Vol. 1-2. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Loewe M.A. 1974. The Campaigns of Han Wu-ti // Chinese Ways in Warfare I Ed. by F. Kierman, J. Fairbank. Cambridge.

Maenchen-Helfen O. 1973. *The World of the Hunns*. Los Angeles, London: Univ. of California Press. Matsuda Hisao 1934.

Kyodo no doboku toi to Saiiki sanjuroku koku [On the of T'ung-p'u tu-wei of the Hsiung-nu and on the Thirty-six States of the Western Region] // Rekishi kyoiku. Vol. 9, No. 5: 653-664.

Matsuda Hisao 1959. Kodai Bakuhoku ni okeru noko no mondai [On the Problem of Agriculture in the North of the Gobi Desert during the Ancient Times] // Yuboku shakaishi tankyu. No. 1: 15–17.

Matsuda Hisao 1967. Yuboku seikatsu to oashisu noko [Nomadic Life and Oasis Agriculture] // Rekishi kyoiku. Vol. 15, No. 9/10: 1-14.

[293]

McGovern W. 1939. The Early Empires of Central Asia: A Study of the Scythians and file Huns and file Part they Played in World History. Chapel Hill: University of North California Press.

Miniaev S.S. 1989. Neuers zur Archaologie der Xiongnu // Das Altertum / Bd. 35. No. 2: 118-125.

Miniaev S.S. 1996. Archeeologie des Xiongnu en *Basse*: Nouvelles decouvertes problemes // *Arts Asiatica*. 51: 5–12.

Mori Masao 1950. A Preliminary Study of the State of 'Hsiungnu' // Shigaku Zasshi. LIX-5: 1-21 (in Japanese).

Mori Masao 1950a. Chugoku kodai ni okeru yuboku kokka to noko kokka [Nomadic States and Agricultural States in Ancient China] // *Rekishigaku kenkyu*. 147: 1–13 (in Japanese).

Mori Masao 1971. On «Die 24 Ta-ch'en» of Prof. O. Pritsak // Shigaku-Zasshi. LXXX-1: 43-60 (in Japanese).

Mori Masao 1973. Reconsideration of the Hsiung-nu state – a response to

Professor O. Pritsak's criticism // Acta Asiatica. 24: 20–34.

Onuki Shizuo 1996. The Development of the heating system and above ground dwelling in the North east Asia // *The First International Symposium of Bohai Culture*. Vladivostok: 55–59.

Parker E. H. 1892/1893. The Turko-Scythian Tribes// *China Review*. Vol. 20, No. 1: 1-24; No. 2: 109-125.

Parker E.H. 1894/1895. The Turko-Scythian Tribes // China Review. Vol. 21, No. 3: 100- 19; No. 5: 129-137; No. 7: 253-267.

Parker E.H. 1895. A Thousand Years of the Tartars // Shanghai and Honkong.

Plattner S. 1989 (ed). Economic Anthropology. Stanford: Stanford Univ. Press. 489 p.

Polanyi K. 1968. *Primitive, archaic and modern Economics* /Ed. by G. Dalton. New York: Anchor.

Poper D.C. 1979. The Method and Theory of Site Catchment Analysis: a review // Advances in archaeological method and theory /Ed. by M. Sniffer. N.Y.: 120-140.

Pritsak O. 1954. Die 24 Ta-ch'en: Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiungnu Reiche // Oriens Extremus. 1: 178–202.

Pulleyblank E.G. 1962. The Hsiung-nu Language //Asia Maior. New Series. Vol. IX. Pt. 2: 239-265.

Renfrew C. 1972. The Emergence of Civilization: ffie Cyclades and Aegean in the third millennium B. C London.

Rowlands M. 1987. Centre and periphery: a review of a concept // Centre and periphery in the ancient world / Ed. by M. Rowlands, M. Larsen, K Kristiansen. Cambridge: 1–11.

Rudenko S.I. 1969. Die Kultur der Hsiung-nu und die Hugelgraber von Noin Via. Bonn: Rudolf Habelt Ferlag.

Saint-Martin V. 1849. Les Huns blancsou Ephtalites des historiens busantins. Paris.

Sahlins M. 1968. *Tribesmen*. Englewood Cliffs.

Samolin W. 1957. Hsiung-nu, Hun, Turk// Central Asiatic Journal. III. No. 2: 143-150.

Service E. 1971. *Primitive Social Organization*. 2nd ed. New York: Radmon House.

Service E. 1975. Origins of the State and Civilization. N.Y.: Norton.

[294]

Shiratori К. 1902. Ubcr die Sprache der Hiungnu und der Tunghu – Stam-me // Изв. Имп. Акад. наук. Т. XVII, № 2.

Smith J. 1967. Mongol and Nomadic Taxation // Harvard Journal of Asiatic Studies. 30: 46-85.

Southal A. 1991. The Segmentaiy State: From the Imaginary to the Matherial Means of Production // *Early State Economics* / Ed. by H.J.M. Claessen, P. van de Velde. New Brunswick, London: 75–96.

Suzuki Chusei 1968. China's relations with Inner Asia: the Hsiungnu, Tibet // *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations* / Ed. by 1C Fairbank. Cambridge (Mass.): 178–196.

Szynkiewicz S. 1989. Interactions between the nomadic cultures of central Asia and China in the Middle Ages // Centre and Periphery: Comparative studies in archaeology / Ed. By T. Champion. London etc.: 151–158.

Tezuka Takayoshi 1955. Kyodo no yokaku ni tsuide [The Fortresses of the Hsiung-nu] // Shien. Vol. 16. No. 1: 25-43.

Thapar R. 1981. The state as Empire //The Study of the State/ Ed. by H.J.M. Claessen and P. Skalnik. The Hague: 409–426.

Thompson E.A. 1948. A history of Attila and the Huns. Oxford: Oxford University Press.

Tserendash S. 2000. Pasture resource – utilization and management in Mongolia // International symposium on «Nomads and use of Pastures today». Ulanbaatar 141-143.

Uchida Ginupu 1953. *Kyodo-shi kenkyu* [A Study of the history of the Hsiung-nu]. Osaka: Sogen-sha.

Uchida Ginupu 1955/1975. Kodai yuboku minzoku no noko kokka shinnyu no shin'in Kiga to shinnyu to no kankei ni tsuite no sai-kento [The Real Reason why Ancient Nomads Invaded Agricultural States: A Reexamination of the Relationship between Starvation and Invasion] // Kita-Ajiashi kenkyu: Kyodo-hen [Studies on the History of Northern Asia: Hsiung-nu Volume]. Kyoto: 1-27.

Umehara Sueji 1960. Moko Noin-ura hakken no ibutsu [Studies ofNoin-UIa finds in Northern Mongolia]. Tokyo.

Wallerstein I. 1984. *The politic of the world-economy*. Paris: Maisonde Science de I' Homme.

Watson B. (trans.) 1961ab. *Records of the Grand Historian of China from the Shih Chi of Ssu-ma Ch'en.* Vols. 1–2. New York: Columbia Univ. Press.

Watson B. (trans.) 1969. Records of the Historian. Chapters from the Shih Chi of Ssu-ma Ch'ien. New York etc.: Columbia Univ. Press.

Watson B. (trans.) 1974. Courtierand Commander in Ancient China. Selections from the History of the Former Han by Ban Ku. New York etc.: Columbia Univ. Press.

Watson W. 1971. Cultural frontiers in ancient East Asia. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press.

Watson W. 1972. The Chinese contributions to eastern nomad culture in the pre-Han and early Han periods // *World Archaeology*. 4: 139–149.

Wen-Yen Tsao n. d. The Hsiung-nu Menace and the Han Expansionism // Chinese History. Vol. II: Middle Ages / Ed. by C Kung and others: 41–92.

[295]

Wittfogel K. A., Feng Chia-Sheng 1949. *History of Chinese Society. Liao* (907–1125). Philadelphia (Transactions of the American Philosophical Society, new series, 36).

Wyile A. (trans.) 1874. History of the Heung-noo in their relations with China // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 3 (3): 396–451.

Wyile A. (trans.) 1875. History of the Heung-noo in their relations with China // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 5 (1): 41–80.

Yamada Nobuo 1982. Formation of the Hsiung-nu nomadic state // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXXVI, F. 1–3: 575–582.

Yang Lien-sheng 1968. The Chinese World Order: Variations on a Theme // The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Cambridge (Mass.).

Yu Ying-shih 1967. *Trade and Expansion in Han China*. Berkeley: Univ. of California Press. Yu Ying-shih 1986. Han foreign relations// *The Cambridge History of China*. Vol I. *The Ch In and Han Empires*, 221 BC –AD 200 / Ed. by D. Twitchett and M. Loewe. Cambridge etc.: 377–462.

Yu Ying-shih 1990. The Hsiung-nu // *The Cambridge History of Early Inner Asia I* Ed. by D. Sinor. Cambridge: 118–149.

von Zach E. 1924. Einige Ferbesserungen zu De Groot, Die Hunnen der vorchristlishen Zeit // *Asia Maior*. I (1): 125–133.

[296]

SUMMARY

Kradin, Nikolay N. *Imperiia Hunnu* [The Hsiung-nu Empire]. Moscow, 2001

This study was supported by Giants of Soros Foundation # Z16000/542 and # H2B741, RGNF # 93-06-10313, RFFI # 97-06-96759 and # 99-06-99512, and the Russian Federal Program «Integration»* M422-06.

Introduction

The Hsiung-nu history is one of the most interesting pages of the history of the Eurasia steppe's people in the ancient epoch. On the boundary between III and II centuries BC. the Hsiung-nu have established the first steppe empire which has consolidated many ethnoses of the Inner Asia. Over a period of 250 years, a dramatic confrontation between Hsiung-nu and southern neighbour – Chinese dynasty Han. At the end of the first century AD, the Hsiung-nu era in the Inner Asia was over but from this point a new stage of their history – the Hun invasion to the West and their devastating conquests in the Old World begins.

Basic sources on the Hsiung-nu history [Лидай 1958] are data of the which was made into basic languages [Бичурин 1950/1851; Groot 1921; Watsin 1961; Mатериалы 1968, 1973], as well as materials of archaeological excavations on the territories of Mongolia, Russia and China [Доржсурэн 1961; Unehara 1960; Rudenko 1969; Коновалов 1976; Давыдова 1995; 1996; Миняев 1998 etc.]. At present, there are several great papers [Egami 1948; Бернштам 1951; Гумилев 1960; Ма Чаншоу 1962; Давыдова 1985; Сухбаатар 1980 etc.], in which different aspects of the history and culture of the Hsiung-nu society are elucidated. However, many questions remain as before unsolved and debatable. This book will consider some of these problems.

1. Formation of the Hsiung-nu empire

To a problem of origin of the nomadic empires, a great number of different special and popular studies has been devoted. Joseph Fletcher, referring to the works of the Chinese historian Ch'i-ch'ing Hsiao, believes that all theories

[297]

explaining the reason of formation of the nomadic empires and their invasions to China and other agricultural countries can be reduced to the following seven ones: (1) greedy and predatory nature of inhabitants of steppe region; (2) climatic changes; (3) overpopulation of steppe; (4) unwillingness of farmers to trade with nomads; (5) necessity of additional livelihood sources; (6) need in a creation of supertribal unification of nomads; (7) psychology of nomads; aspiration of nomads to feel themselves to be equal to farmers, on the one hand, and a faith of nomads in divine predestination given Heaven *Tenggeri*, to them by to subjugate the whole World [Fletcher 1986: 32–33].

In the majority of the factors listed there are their own rational aspects. However, an importance of some of them has been overestimated. So, the present paleogeographical data don't conform a strict correlation of global periods of the steppe drying (hunidification with periods of decline) prosperity of nomadic empires [Иванов, Васильев 1995 table 24, 25]. A thesis of 'class struggle' of nomads proved to be erroneous [Марков 1976; Khazanov 1984/1994; Крадин 1992]. A role of demography is not entirely known because an increase of the livestock went on move fast than that of population. An increase of livestock has led to destruction of grasses and crisis of the ecosystem. The nomadic life can, naturally, contribute to development of some military characteristics. But the number of farmers was many times over and they had ecologically complex economy, reliable fortresses and more powerful handicraft-metallurgical base.

As a whole, from the ecological point of view, the nomads have not needed in a state. A specific character of pastoralism assumes a dissipated (disperse) existence mode. A concentration of large herds at the same place has led to overgrazing, excessive trampling down of grass, growth of a danger of a spreading of infections diseases of animals. The cattle can tot be accumulated to infinity, its maximum quantity was determined by the productivity of the steppe landscape. In addition, regardless of a gentlehood of the cattle owner, all his herds could be destroyed by murrian (*dzuf*), drought or epizootic. Therefore, it was more profitable to give a cattle for pasture to the kinsmen not sufficiently provided for or to distribute as the 'gifts' thereby raising his social status. Thus, all the production activities of the nomads have been carried out within the amily – related and lineage groups using only episodically the labour cooperation of the segments of undertribal and tribal levels [Lattimore 1940; Bacon 1958; Krader 1963; Mapkob 1976; Khazanov 1984/1994; Macahob 1995a etc.].

This circumstance has led to that the intervention of leaders of the nomadic life has been very insignificant and could not be compared with numerous administrative obligations of the rulers of the settled agricultural societies. By virtue of this fact, the power of the leaders of the steppe societies could not develop to the formalized level on the basis of regular taxation of cattle-breeders

and the elite was forced to be satisfied with the gifts and irregular presents. Besides, a considerable oppression of mobile nomads on the side of the tribal chief or other person pretending to a personal power could led to mass decampment away him [Lattimore 1940; Марков 1976; Irons 1979; Khazanov 1984/1994; Fletcher 1986; Barfield 1992; Крадин 1992; Kradin 1995; 2000a; Масанов 1995a etc.].

What has, in such a situation, incited the nomads to raids and been a reason to create the 'nomadic empires? The eminent American anthropologist Owen Lattimore, living over prolonged period among the cattle-breeders of Mongolia, has written that a nomad can easily manage with only products received from his herd of animals, but a pure nomad will always remain to be poor [1940: 522]. The nomads are in need of foodstuffs of farmers, products of craftsmen, silk, arms and refined adornments for their chiefs, and chiefs' wife's and concubines. All of this could be get by two ways: war and peaceful trade. The nomads have used both ways. When they have felt their superiority or invulnerability, they have mounted their horses and left in a raid. However, a neighbour was the powerful state. The pastoral nomads preferred to carry on with it a peaceful trade. But quite offer the governments of the settled states prevented from such the trade as it got out of hand. And at that time, the nomads had to assert their right to trade using arms.

The complicated hierarchical organization of the power in the form of the 'nomadic empires' and similar political formations has been developed by nomads only in those regions where they have been forced to have the long and active contacts with more highly organized agricultural-urban societies (Scythians and ancient oriental and western states; nomads of Inner Asia and China, Hunns and Roman Empire, Arabs, Khazars, Turks and Byzantia etc.) ILattimore 1940; Xазанов 1975; Khazanov 1984/1994; Barfield 1981; 1992; Fletcher 1986; Крадин 1992; Kradin 1995; 2000a]. In the Khalkha-Mongolia, the first steppe empire – Hsiung-nu – has emerged just as in the Middle China plain after the long period of the internal wars the Chinese national centralized state – the Ch'in empire and afterwards the Han empire [Kradin 2000].

As a whole, a history of the Hsiung-nu power's formation fits in the general picture of origin of the nomadic empires of the Eurasia. Of four possible identified variants of origin of steppe polities: (1) *Mongolian* way through usurpation of the power; (2) *Turkic* one – in the process of struggle for independence; (3) *Hunnish* one – by migration to the territory of the agricultural state; (4) *Khazar* one – in the course of sedenterization of the great 'world' steppe empire). The Hsiung-nu fit classically into the first and most widespread model of which an appearance among the nomads of a talented or successful leader was characteristic who has been able to consolidate all tribes and khanates 'living behing the felt walls' into the united steppe power. Such a talented political and military leader of the Hsiung-nu was Mao-tun,

Ssu-ma Ch'ien depicts how was a ruler (Shan-yii) of the Hsiung-nu and captured a throne [Лидай 1958: 15–16], however, in this story, the echos of real historical events and elements of the fancifully mixed up. This story more resembles a fiction than a truth as it contains much incredible: (1) Political revolutions are prepared in secret. In this case, all the preparatory measures have been carried out at great concourse and it is not likely that Shan-yii Touman had no knowledge of them; (2) Why a murder by Mao-tun of the 'loved'(!) wife went unpunished? How did he explained a such cruel action to his father and relatives of wife? Why a custom of blood feud' did not infringe on him? (3) The number of the 'loved' wife's was very great. There are three ones in a story;

- (4) Why did not *Shan-yii* and his retainers not only stop a terror that wasunleashed by Mao-tun in his district but had no knowledge of repression's?
- (5)how did Mao-tun make bold to kill before the father's eyes his 'loved' horse? All know what value has the horse for a nomad and striking a blow to another's runner implies a striking a blow to its owner; (6) the fact of the fathers murderitself is a very doubletful. In the history of the nomadic world, the events of murders in the struggle for the throne were often noted. But I don't know therulers of the nomadic empires of the fathers' killers.

However, the existence of *Shan-yii* Touman as a real historical person can be called in question. F. Hirth [1910] and K. Shiratori [1902] have noted a consonance of this name with a world 'tuman' meaning 'ten thousand warriors'. Thus, it is possible that Touman is a some collective image but not real father of Mao-tun.

On the whole, a story of advent of Mao-tun to power closely resembles a tale or epic work. A subject has a clear composition structure and is divided into two parts. In the first one, a sequence of events of Mao-tun advent to power is depicted while, in the second, an account of his diplomatic relations with the Tung-hu ruler and war against him gives that comes to a happy end as often happens in the literature works. All of events in both parts run on the principle of chain, and the tension grows gradually until, finally, ends with any action. Such a way of the subject construction called an effect of cumulativity by V.Ya. Propp was widely used in different forms of the folklore works [Пропп 1976].

The second fundamental likeness of a story of Mao-tun rise with the folklore works consists in a principle of triplicity. All events of the chain are repeated three times (as in a tale) but every time with cumulative increase in tension. Initially, Mao-tun shoots at his horse (I omit here a first event of using by Mao-tun the singing arrows), then at the wife and the horse of his father. Only for the third time, he has won the unanimous support on the part of his fighting men. In the second part, he gives up horse, wife and only for the third time mounts a horse and takes the field against Tung-hu.

The third likeness with the folklore works is present in the composition structure. In the folklore, the horse and wife are traditional elements and the

enemies threaten to capture them from the main hero (see, for example, *«Jangar»*, *«Geser»* or tales). Twice, Mao-tun was forced to leave the 'loved' wife's and 'loved' runners.

The fourth likeness of a story of Mao-tun rise with the folklore works was in a description of main personages. In the epos and tales, all of main characters are positive, they express, as a rale, the ideas of the ethnic or mass consciousness. Even if a main hero (character) is forced in the course of events to accomplish the actions which are condemned in real situations, it is in no way reflected on his folklore image. In case of Mao-tun, we see an absolute analogy with aforesaid. By logic of the legend, everybody must ferociously hate him. He is an usurper, patricial and tyrant. However, in the legend and reality, Mao-tun don't look as a dictator (here, a certain parallel comes to mind with the literature image of Chinggis Khan and his real role in the history of the Mongol empire).

Thus, a story of Mao-tun advent to power total by Ssu-ma Ch'ien can not consider as a reliable account of events occurring in Mongolia at the border of 3–2 centuries BC. One can only say conclusively that Mao-tun come to power by a way of usurpation and, thereafter, he defeated Tung-hu and forced them to pay tribute.

Here, new question arise before us and two of them appear to be most important. The first question is related to dating of all events mentioned in the legend. Alas! The time in the folklore works is not consistent with the real time. It obeys the subject and changes in accordance with the events (characters). But the second question is even more complicated: who was a founder of the 'black' legend of *Shan-yū* Mao-tun? In the main, this question is a key one an and a clue of the problem as a whole depends on the answer to it.

2. Economic organization

In accordance with the written and archaeological sources, the pastoral nomadism was a basic business of Hsiung-nu. As for the nomads of Mongolia and Transbaikalia in the later times, the Hsiung-nu bred a typical for Eurasia set of animals: sheep, cattle, horses and, more rarely, goats and camels. In addition, they had also in small proportion other species of domestic animals. The economic system of the Hsiung-nu empire was based not only on the pastoral nomadism. The Hsiung-nu developed the internal sedentarization and promoted the agrarian policy, and handicraft. They created the special settlements at the places fafourable for agriculture where they settled the immigrants from China and personers of war from the settled states. The best known settled sites of Hsiung-nu times are Ivolginsky fort and Dureny settlement in Buryatia.

A different nationality of the settled residents in the west Transbaikalia is confirmed by many arguments of the archaeological studies: (1) predominance in the materials of the Ivolginsky fort excavations of the bones of such

('non-nomadic") animals as dog and pig; (2) fishing business; (3) construction of warmed stovebenches in the houses – kangs; (4) typical Chinese agricultural tools; (5) Chinese shapes of vessels; (6) Chinese hieroglyphes on a pottery; (7) anthropologic determinations of skills from the Ivolginsky cemetery [Γοχμα+ 1960].

3. Hsiung-nu and Great Wall

A problem of contacts between the nomads and farmers is among the permanently discussed problems. Almost the fundamental question is in an estimation of a role of nomads in these processes. Some believed that the nomads were first of all robbers since earliest times and conquerors who brought death and destruction to people. While other considered that nomads were creators of the original mobile culture. The supporters of the latter standpoint see, as a rule, the relations between nomads and settled people within the framework of different conceptions of 'symbiosis'. It would be improper to regard the relation between nomadic and settled people unilaterally, only as enmity since earliest times or, on the country, symbiosis. In a reality, a situation was more complicated. Over the course of the Hsiung-nu empire existence, the relations between nomads and Han have not remained unchanged but have subjected to a particular evolution. One can identify four stages of the Hsiung-nu – Han relations.

At the **first** stage (200–133 BC) for extortion of more higher profits, the Hsiung-nu have attempted to alternate the war and raids with the periods of a peaceful co-habitation with China [see Barfield 1981; 1992]. The first raids have been carried out to obtain a booty for all member of the imperial confederation of nomads regardless of their status. The *Shan-yū* should enlist the support of a majority of tribes being members of the confederation. After the devastating raid, the *Shan-yū* has, as rule, send the ambassadors to China with an offer to conclude a new agreement of 'A peace and relationship' pr, alternatively, the nomads have continued their raids until the Chinese have applied with an offer to conclude a new agreement. After concluding the agreement and obtaining gifts, the raids have ceased for any time. However, after a time when a booty plundered by simple nomads has finished or become worthless, the cattle-breeders have against begun to demand from chiefs and *Shan-yii* a satisfaction if their interests. By virtue of the fact the border, the *Shan-yu* has been forced to 'release a steam' and to issue an order to renew to raids.

The **second** stage (129-58 BC) of the Hsiung-nu –Han relations is a period of governing of the Han emperor Wu-di who decided to abolish the strategy of farming from active expansion to the North. The war has been waged with a variable success and rendered lifeless both parties. None of the parties has neached the final victory. As a whole, an experience of a campaign showed that nomads in the steppe war, in spite of munerical superiority of the Chinese, have

the unquestionable advantages as before. As a sole important achievement of the aggressive antiHsiung-nu policy of Wi-di, a strengthening of the Han positions in the East Turkestan should be considered. However a 'cold war' between the Steppe and China continued as far as a commencement of civil war within the Hsiung-nu tribes.

The **third** stage (56 BC - 9 AD) of the Hsiung-nu - Chinese relations can be marked off since the time of assumption by the *Shan-yii* Hu-han-yeh of vassalage from the Han emperor. A policy of farming from the nomads by 'gifts' was formally replaced by the system of 'tributal' relations. The Hsiung-nu have undertaken to recognize a suzerainty of Han and to pay a nominal 'tribute'. For this, the emperor has provided the *Shan-yi* his protection and has given to him as a vassal the reply gifts. In fact, the vassalage of nomads camouflaged in terms reflecting the Chinese ideological superiority has been an old policy of extortion on the side of nomads with the only difference that the reply gifts of the Chinese emperor were vastly larger than before. In addition, as may be necessary, the *Shan-yii* has obtained from China the agricultural products to support his citizens.

The **fourth**, last stage (9–48 AD) of relations between the Han empire and Hsiung-nu imperial confederation was similar, by its content, to the first stage. As a pretext for a rupture of peaceful relations, the territorial claims of the Chinese emperor-pretender Wang Mang, his intervention in internal affairs of nomads and, finally, substitution of the *Shan-yū* seal by the Chinese ambassadors have served. Judging from all this, as opposed to the first stage of relations between the Hsiung-nu and China, the nomads have somewhat changed an emphasis of their foreign-polity strategy towards the stimulation of raids to the Han territory. It is possible this was related to the weakening of the frontier might of China and instable political situation within the country. If earlier the northern frontiers of China were protected using a powerful network of the signaling-guard duties and the towns and most crucial sections of the Great Wall were protected by armed to the teeth garrisons then, at the beginning of the Late dynasty of Han (since 23 AD), a maintenance of such army was beyond the Chinese government's means. The raids were found to be more safe and unpunished for inhabitants of steppe regions, that earlier.

4. Social pyramid

Shan-yū had numerous relatives who belonged to his 'king's' clan of Luan-ti: brothers and nephews, wife's, sons and daughters etc. Besides the relatives of Shan-yii other noble 'families' (clans): Hu-yan, Lan Hsti-pu and Quilin have been among the highest Hsiung-nu aristocracy. The next level in the Hsiung-nu hierarchy has been occupied by the tribal chiefs and elders. In the annals, they are mentioned, as a rule, as 'subordinate kings', 'chief commandants', 'house-

hold administrators', *chii-ch'U* officials [Лидай 1958: 17; see also Groot 1921: 55; Watson 1961a: 163-164; Материалы 1968: 40]. Probably, a part of chiefs of a thousand' were tribal chiefs. The 'chiefs of a hundred' and 'chiefs of ten' were, most likely, clan leaders of different ranks. The economic judicial, cult, fiscal and military functions were considered as the responsibilities of chiefs and elders. Slightly lower at the hierarchical ladder, the chiefs of non-Hsiung-nu tribes being members of the imperial confederation have been. The Hsiung-nu had a particular strata of service nobility – advisers – immigrants from China and bodyguards.

Basic population of the Hsiung-nu empire has consisted of ordinary nomads – cattle-breeders. Based on some indirect data, one can assume that many most important features of economy, social organization, way of life were essentially little different from the features of the nomads of the Mongolian steppes of more recent times [Egami 1956; 1963; Крадин 1999].

In the written sources, there is no information concerning the different categories of poor persons and persons not processing full right who have been engaged in cattle-breeding in the Hsiung-nu society. It is alto, unknown how were spread the slave-owning relations among the Hsiung-nu although the sources are gay with the data of a stealing by nomads of farmers. A lack of development of a slavery in the Hsiung-nu society can be explained by the cross-cultural anthropological studies which clearly demonstrate than in none of the pastoral societies, a slavery has not be widely spread [for details see Нибур 1907: 237-265; Хазанов 1975: 133-148; Khazanov 1984/1994: 160-161; Крадин 1992: 100–111 etc.]. Those researchers are most likely right [Гумилев 1960:147; Давыдова 1975: 145; Rudenko 1969; Хазанов 1975: 143-144], who believe that the overwhelming majority of prisoners of war in the Hsiung-nu societies has been engaged in agricultural and handicraft in the specially established settlements. However, as to social-economic and legal position, the majority of these persons (many of these people were free deserters) have been no slavers. Their social status has been most likely unequal: from the conditional 'vassalage' to some similarity of serfdom. The Ivolginskoye fortes settlement near the city Ulan-Ude in Buryaita was a classical settlement of such type [Davydova 1968; Давыдова 1985; 1995; 1996; Hayashi 1984 etc.].

The archaeological data supplement to a great extent an information of writes annals. Even before a formation of the nomadic empire the social stratification traced on the archaeological data, has existed in the Hsiung-nu society. At the foot of the society, the ordinary burial places of ordinary nomads are. Above, there are graves of the representatives of the tribal ruling clique in which a great quantity of adornments for chariots, rare arms, jewelry and plates with highly artistic images of animals of gold, rods, pommes of banners etc. (burial ground of Aluchzaiden and Hsugoupan in the Inner Mongolia in China [Тянь Гуацзинь, Го Сусинь 1980; 1980a]).

During a period of the Hsiung-nu prosperity, a social stratification has further increased. The higher a status of individual the greater are expenses for erection of the funeral structure and the more splendid are things lowered in a grave. In the picturesque taiga Hentay, Mongolia, the world-famous Noin-Ula burial places were discovered and in the Ilmovaya pad in the Southern Buryatia, the monumental 'royal' and 'princely* mound graves of the Hsiung-nu elite are located for building of which considerable efforts were required [Unehara 1960; Rudenko 1969; Коновалов 1976]. The burials of ordinary nomads were much simpler and more poor in this. These are generally rounded or quadrangular stone burial mounds of 5–10 m in diameter. A depth of the grave hole was generally 2–3 m. At the bottom of a hole, a wooden coffin (more rarely a coffin within a framework) has stood. The burial place has been accompanied by individual goods of households, arms, harness, implements, adornments and funeral food [Доржсурэн 1961; Коновалов 1976; Цэвендорж 1985 etc.]. The graves of settled people living on the territory of Ivolginsky fort were even simpler and more poor [Davydova 1968; Давыдова 1995; 1996]. It demonstrates the complicated multilayer social structure of the Hsiung-nu society [in details see Крадин 1999: 405-67, 471, 476-94].

5. Structure of power

The *Shan-yũ* has been at the head of the Hsiung-nu society. In the official documents of the prosperity period of the Hsiung-nu empire, the *Shan-yii* has been named as "born by the heaven and earth, raised by the sun and moon, great *Shan-yii* of Hsiung-nu [Лидай 1958: 30]. His power of the rulers of other steppe empires of Eurasia has been based on external rather than internal sources. *Shan-yii* has used the raids to obtain political support on the side of tribes – members on the 'imperial confederation'. Furthermore, using the threats of raids, he has extorted from the Han empire the 'gifts' (for distribution among relatives, chiefs of tribes, and armed force) and the right for trade with the Chinese in the legions adjacent to a border (for all citizens). As to internal affairs *Shan-yii* had much lesser authorities. The majority of political decisions at a local level have been made by the tribal chiefs.

The American anthropologist Thomas Barfield assumes that it is possibly the Han politicians have relied on a simple human avidity and hoped that *Shan-yii* will make dizzy from the quantity and diversity of rare wonders and will store Up them in his depository for envy of subjects or squander them for extravagant behavior. However, the Chinese intellectuals – scribes did not understand the principles of the power of the steppe ruler. A psychology of a nomad is distinguished from that of a farmer and town-dwellers. The status of the ruler Of nomadic empire depended on the one hand, on the opportunity to provide his subjects with gifts and material wealth and on military might of the power,

on the other hand, to make raids and extort 'gifts'. Therefore, a necessity to support a stability of the military-political structure rather than a personal avidity (as the Chinese believed erroneously) was a reason of permanent demands of the *Shan-yū* to increase presents. The largest insult which could be deserved by the steppe ruler was accusation of stinginess. Thus, spoils of war, gifts of the Han emperors and international trade were main sources of the political power in the steppe. Consequently, the 'gifts' flowing through their hands not only did not weaken and, on the contrary, strengthened the power and influence of the ruler in the 'imperial confederation' [Barfield 1992: 36–60].

In the eyes of Chinese historians, the Hsiung-nu empire has presented the expansionistic state with the autocratic power. However, in fact, the Hsiung-nu society has been a quite fragile mechanism. Even during periods of the highest prosperity of the Hsiung-nu polity (under Mao-tun and his nearest successor), the military-hierarchical system has only co-existed and supplement the complicated genealogical hierarchy of tribes but never changed it finally. In theory, *Shan-yū* could demand from subjects implicit obedience and issue any orders but, in fact, his political might was limited. First, the supertribal power has remained in the Hsiung-nu empire because of that (a) membership in the confederation provided for tribes political independence from neighbours and a number of other significant advantages, (b) *Shan-yū* and his encirclement guaranteed for tribes a particular inner autonomy within the empire. Secondly, an actual power of the tribal chiefs and elders was autonomous from the policy of the centre. Before the tribes dissatisfied by the policy of the 'metropolis' of empire, the undesirable for the centre alternative of the decampment to the west or flight to the south under the patronage of Chine has always occurred.

6. Political system

The eminent Chinese historian Ssu-ma Ch'en has given a detailed description of the administrative system of the Hsiung-nu empire [Лидай 1958: 17; see also de Groot 1921: 55; Watson 1961a: 163-164; Материалы 1968:40]. The empire under Mao-tun was divided into three parts: centre, left and right wings. The wings, in turn, were divided into underwings. The whole supreme power was concentrated in hands of *Shan-yii*. Concurrently, he was in charge of the centre – tribes of the 'metropolis' of the steppe empire. 24 highest officials who were in charge of large tribal associations and had at the same time military ranks of 'chief of a ten thousand' were subordinate to *Shan-yu*. In charge of the left wing, the elder brother – successor of the throne – was. There nearest relatives of the ruler of steppe empire were his cornier, leader and cornier of the right wing. Only they had the highest titles of 'kings' (wang in Chinese). 'Kings' and some more six most moble 'chiefs of a ten thousand' have been considered to be 'strong' and were in command of not less than ten thousand riders. The rest

of 'chiefs of a ten thousand' were infact command of less than ten thousand cavalrymen [Лвдай 1958: 17; Watson 1961a: 163–164 etc.].

At the lowest level of the administrative hierarchy, local tribal chiefs and elders have been. Officially, they have submitted to 24 deputies from centre. However, intact, a dependence of tribal leaders was limited. The headquarters was far apart and local chiefs have enjoyed support of related tribal groups. Thus, an influence of the imperial deputies on local authorities was, to a certain extent, limited and they were forced to take into account the interests of subordinate to them tribes. Total quantity of these tribal groups within the Hsiung-nu imperial confederation is unknown.

The use by the Chinese historian of military ('chiefs of a ten thousand', 'chiefs of a thousand', 'chiefs of a ten hundred') as well as traditional ('kings'= wang, 'princes' of different rank, 'chief commandants', 'household administrators', *chii-ch 'u* officials etc.) terms gives grounds to propose that the systems of military and civil hierarchy have in Parallel existed. Each of them had different functions. The system of non-decimal ranks has been used during wars when a great quantity of warriors from different parts of steppe have joined into one or several armies [Barfield 1992: 381.

The power of *Shan-yii*, highest commanders and tribal chiefs at local places has been supported by strict but simple traditional ways. At a whole, as the Hsiung-nu laws were estimated by the Chinese chronicles, the Hsiung-nu's punishment were 'simple and easily realizable' and were mainly reduced to strokes of the can, exile and death penalty. It provided an opportunity to quickly resolve the conflict situations at different levels of the hierarchical pyramid and to maintain a stability of the political system as a whole. It is no mere chance that for the Chinese accustomed from childhood to unwieldy and clumsy bureaucratic machine, the management system of the Hsiung-nu confederation seemed to be extremely simple: "management of the whole state is similar to that of one's body' [Лвдай 1958: 17].

A well-balanced system of ranks developed under Mao-tun has not remained later on. The Chinese historian Fan Yeh has given the same detailed description of the Hsiung-nu's political system in I AD as his eminent predecessor Ssu-ma Ch'ien [Лвдай 1958: 680; Материалы 1973: 73]. It provides an unique opportunity to observe a dynamics of the political institutions of the Hsiung-nu throughout 250 years. The most considerable differences between the power of Mao-tun epoch and Hsiung-nu society before collapses are as follows: (1) There has been a transition, from the tribe, military-administrative division to dual tribal division into wings; (2) Ssu-ma Ch'ien wrote about clearly development military-administrative structure with 'chiefs of a ten thousand'. Fan Yeh does not mention a 'decimal; system and instead of military rank of 'chiefs of a ten thousand', the civil titles of 'kings' (wang) are enumerated; (3) According to Fan Yeh, the whole first ten of so called 'strong' 'chiefs of a ten thousand' that shows,

from the viewpoint of the Chinese chronicles. Their more independent position on the side of the *Shan-yū* headquarters; (4) In the Hsiung-nu empire, an order of succession to the throne has changed. If ordinally the throne of *Shan-yū* has been passed from the father to the son (except several extraordinary cases), them other order has become to predominate: from uncle to nephew; (5) In the Hsiung-nu society, a principle of join government has prevailed according to which the ruler of the nomadic empire has a cornier controlling a junior by rank 'wing'. A capacity of junior co-ruler is in herited within his lineage but his successors can not pretend on this *Shan-yū* 's throne.

Therefore, these changes demonstrate a gradual weakening of the autocratic relations in the empire and their substitution for federative relations as demonstrated partially by a transition from triple administrative-territorial division to dual one. The military-hierarchical relations have been pressed back and the genealogical hierarchy between 'seniors' and 'junior' by rank tribes have been pushed into the foreground.

Conclusion

Could the Hsiung-nu create their own statehood? How should the Hsiung-nu society be classified in the anthropological theories of political evolution? Can they be considered as states or pre-state formations? These question are up to present discussed by the researchers of different countries and, especially, by Marxist anthropologists [in details review see in Крадин 1992]. At present there are two most popular groups of the theories explaining a process of origin and essence of early state. The *conflict ox control* theories show the origin of statehood and its internal nature in the context of the relations between exploitation, class struggle, war and interethnic predominance. The *integrative* theories were largely oriented to explain a phenomenon of the state as a higher stage of economic and public integration [Fried 1967; Service 1975; Claessen and Skalnik 1978; 1981; Cohen and Service 1978; Haas 1982; 1995; Gailey and Patterson 1988; Павленко 1989; Kradin and Lynsha 1995 etc.].

However, from the viewpoint of neither conflict nor integrating approaches, the Hsiung-nu nomadic empires can not be unambiguously interpreted as a chiefdom or state. A similarity of the Hsiung-nu empire to the state clearly manifests itself the relations with the outer world only (military-hierarchical structure of the nomadic society to confiscate prestigious product from neighbours as well as to surpress the external pressure; international sovereignty, specific ceremonial in the foreign-policy relations).

At the same time, as to internal relations, the 'state-like' empires of nomads (except some quite explainable cases) were based on non-forcible (consensual and gift-exchange) relations and they existed at the expense of the external sources without establishment of the cattle-breeders taxation. Finally, in the

Hsiung-nu empire the main sign of statehood was absent. According to many present theories of the state, the main dissimilarity of the statehood from pre-state forms lies in the fact that the chiefdom's ruler has only consensual power i.e., in essence authority whereas, in the state, the government can apply sanctions with the use of legitimated force [Service 1975: 16, 296–307; Claessen and Skalnik 1978: 21–22, 630, 639–640 etc.]. The power character of the rulers of the steppe empires is more consensual and prevented from monopoly of legal organs. *Shan-yii*, is primarily redistributor and its power is provided by personal abilities and know-how to get from the outside of he society prestigious goods and to redistribute them between subjects.

For such societies which are more numerous and structurally developed that complex chiefdoms and which are at the same time no states (even 'inchoate' *early state*), a term *supercomplex chiefdom* has been proposed [Крадин 1992: 152; Kradin 2000a]. This term has been accepted by the colleagues-nomadologists [Трепавлов 1995: 202; Скрынникова 1997: 49] although, at that time, clear logical criteria allowing to distinguish between supercomplex and complex chiefdoms have not be defined.

The critical structural difference between complex and supercomplex chiefdoms was stated by professor Robert Carneiro in the special paper [1992; 2000]. True Carneiro prefers to call they 'compound' and 'consolidated' chiefdoms respectively. In his opinion, a difference of simple chiefdoms from compound ones is a pure quantitative by a nature. The compound chiefdoms consist of several simple ones and over the subchiefs of districts (i.e. simple chiefdoms), the supreme chief, ruler of the whole polity, is. However, Robert Carneiro pointed out that the compound chiefdoms when they unite in the greater polities prove rarely to be capable to overcome a separatism of subchiefs and such structures disintegrate quickly. A mechanism of the struggle against the structural division was traced by him by the example of one of the great Indian chiefdoms inhabited in XVII century on the territory of present-day American state of Virginia. The supreme chief of this polity by Powhatan name, in order to cope with centrifugal aspirations of the segments chiefs, began to replace them with his supporters who were usually his near relations. This imparted the important structural impulse to the following political integration.

The similar structural principles have been by Thomas Barfield in the Hsiung-nu history [1981:49; 1992: 38–39]. The Hsiung-nu power has consisted of multi-ethnic conglomeration of chiefdoms and tribes including in the 'imperial confederation'. The tribal chiefs and elders have been incorporated in the all-imperial decimal hierarchy. However, their power was to certain degree independent from the centre policy and based on the support on the side of fellow-tribesmen. In the relations with the tribes being members of the imperial confederation. The Hsiung-nu *Shan-yii* has relied up on support of his nearest relations and companions-in-arms bearing titles of 'ten thousand commander'.

They were put at the head of the special supertribal subdivisions integrating the subordinate or allied tribes into 'rumens' numbering approximately 5–10 thousand of warriors. These persons should be a support for the metropolis' policy in the provinces.

Other nomadic empires in Eurasia were similarly organized. The system of uluses which are often named by Celtic term of *tanistty* [Fletcher 1986], has existed in all the multi-polities of nomads of the Eurasian steppes: Wu-sun [Бичурин 1950b: 191], European Huns [Хазанов 1975: 190, 197], Turkish [Бичурин 1950a: 270] and Uighur [Bariield 1992: 155] Khaganates, Mongolian Empire [Владимирцов 1934: 98–110].

Further more, in many nomadic empires, there were special functioners of lower rank engaging in the support of the central power in the tribes. In the Hsiung-nu empire, such persons were named 'marquises' *Ku-tu* [Pritsak 1954: 196–199]. In the Turkish Khaganate, there were functioners designed to control the tribal chiefs [Бичурин 1950a: 283]. The Turk have also sent their governor-general (*tutuks*) to control the dependent people [Бичурин 1950b: 77; Материалы 1984: 136, 156]. Chinggis Khan, after reform of 1206, has appointed special *noyons* to control his relations [Козин 1941: § 243].

The nomadic empires as supercomplex chiefdoms are already real model prototype of an early state. If population of complex chiefdoms are as a rule estimated in tens of thousand people [see, for example: Johnson and Earle 1987: 314] and they, as a rule, are homogenous in the ethnic respect then population of multi-national supercomplex chiefdom make up many hundreds of thousand and even more people (nomadic empires of the Inner Asia have amounted to 1–1,5 million pastoral nomads) their territory (nomads, needed for a great are as of land for pastures!) was several orders greater than areas needed for simple and complex chiefdoms.

From the viewpoint of neighbouring agricultural civilizations (developed pre-industrial states), such nomadic societies have been perceived as the independent subjects of international political relations and, quite often, as equal in status polities (Chinese called them *go*). These chiefdoms had a complex system of titles of chiefs and functioners, held diplomatic correspondence with neighbouring countries, contracted dynastic marriages with agricultural states, neighbouring nomadic empires and 'quasi-imperial' polities of nomads.

The sources of the urbanistic construction (already the Hsiung-nu began to erect the fortes settlement whereas the 'headquarters' of the empires of Uighur and Mongols were true towns), construction of splendid burial-vaults and funeral temples for the representatives of the steppe elite (Pazyryksky burial mounds al Altai, Scythian burial mounds in Northern Black Sea Area, burial placed in Mongolian Noin-Ula, burial mounds of Saks time in Kazakhstan, statues of Turkish and Uighur Khagans in Mongolia etc.) are characteristic if them. In several supercomplex chiefdoms, the elite attempted to introduce the sources if

clerical work (Hsiung-nu), in other ones, there was the epic history of people written down in runes (Turks), while there is a temptation to call some of the *typical* nomadic empires (first of all, Mongolian Ulus of the first decades of XIII century) the states. This is, in particular, supported by mentioning in *Secret History of Mongols* of the laws system (*Yasa*), legal organs of power, written clerical work and creation of laws (so called *Blue book – Koko Defter Bichik*) and by attempts to introduce a taxation under Ogbdei [Kradin 1995a]. However, one cannot forget that in the Hsiung-nu empire a specialized bureaucratic machinery and of elite's monopoly of legitimate application offeree. Just this circumstance provided a reason to interpret this society as supercomplex.

Научное издание

Крадин Николай Николаевич ИМПЕРИЯ ХУННУ

Редактор Л.Б. Казьмина Переплет Е. Молчанова, С. Носова Компьютерная верстка М.М. Егоровой Корректор М.Д. Шунина

Изд. лиц. ИД N° 01670 от 24.04.2000 Налоговая льгота - общероссийский классификатор продукции OK-005-93, том 2: 953000

Подписано в печать 26.11.2001. Формат 60х90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 19,5. Заказ № 2499.

Издательско-книготорговый дом «Логос» 105318, Москва, Измайловское ш., 4

Отпечатано в РГУП «Чебоксарская типография № 1». 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.